

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Archeology
and Ethnography
of the Caucasus*

Т. 19
№ 1. 2023

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

T. 19

№ 1. 2023

Махачкала, 2023

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КAVKAZA

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камилевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия	Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия	Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия	Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия	Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды	Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия	Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Абдулвахובה Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия	Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США	Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия	Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия	Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абоева
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения	Владикавказского научного центра РАН, Россия
Бабаджанов Бахтияр Мирасимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан	Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия	Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия	Obusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Бустанов Альфред Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды	Осмаев Аббас Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия	Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Гарунова Нина Нурмагомедовна, Дагестанский государственный университет, Россия	Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия	Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили	Табатабаи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан	Таймазов Артур Исраилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия	Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция	Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия	Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия	Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
	Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и
имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023
© Все авторы, Т. 19. №1. 2023

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Cheif

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Cheif

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation	Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation	Nadzha A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation	Shain M. Mustafayev, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS	Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands	Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation	Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States	Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation	Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia	Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan	Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia	Abbaz D. Osmayev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Petersburg, Russian Federation	Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherlands	Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Nina N. Garunova, Daghestan State University, Russian Federation	Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia	Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia	Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan	Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France	Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation	Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia	
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation	

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian
Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests
with the authors

The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion
of the editorial staff

If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023
© All authors, V. 19. № 1, 2023

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Тимохин Д.М.	КАВКАЗ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ В КОСМОГРАФИИ ФАХР-И МОДАББЕРА	6
Алиев Б.Г., Айтберов Т.М	ГЕНЕАЛОГИЯ АКУШИНСКИХ КАДИЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ	18
Победоносцева-Кая А.О.	«ОТКАЗЫВАТЬ ИМ ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРОПУСКЕ К НАМ...»: НАКШБАНДИЙА-ХАЛИДИЙА В КУРДИСТАНЕ И ДАГЕСТАНЕ	39
Чочиев Г.В.	ИММИГРАЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1820-е – 1850-е гг.)	55
Наврузов А.Р.	ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА, ТИПОГРАФИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА И МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.	67
Аяган Б.Г.	К ВОПРОСУ О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КАЗАХСКУЮ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1944 г. (ПО ДАННЫМ КАЗАХСТАНСКИХ АРХИВОВ)	84

АРХЕОЛОГИЯ

Мусеibli Н.А., Агаларзаде А.М., Ахундова Г.К.	ГАБАЛИНСКИЕ КУРГАНЫ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ НА КАВКАЗЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ	98
Корневский С.Н.	ОСОБЕННОСТИ КОНСЕРВАЦИИ ОСТАВЛЯЕМЫХ ПОСТРОЕК У ПЛЕМЕН МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ (ПО ДАННЫМ ПОСЕЛЕНИЙ НОВОТИТАРОВСКОЕ-14 И ТУЗЛА-15)	123
Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Малашев В.Ю.	КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ ЖИРНОЙ ПИЩИ В СОСУДАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	150
Гаджиев М.С., Дунцов А.Н.	НОВООТКРЫТЫЕ СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ АМАРГАРА ДАРИУША В ДЕРБЕНТЕ	173
Фризен С.Ю.	НУЗАЛЬСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК (АЛАГИРСКОЕ УЩЕЛЬЕ, СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ): ИТОГИ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	188
Требелева Г.В., Сакания С.М., Кизилов А.С., Глазов К.А.	О ЛОКАЛИЗАЦИИ КРЕПОСТИ ТЦАХАР В ПСКАЛЬСКОМ УКРЕПЛЕНИИ И ДАТИРОВКЕ ПСКАЛЬСКОГО ХРАМА	207

ЭТНОГРАФИЯ

Самтиев И.М.	К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ БОЕВЫХ БАШЕН ИНГУШЕТИИ	221
--------------	---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гезалова Н.Р.	РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖАНЕТ АФАРИ И КАМРАНА АФАРИ “МОЛЛА НАСРЕДДИН СОЗДАНИЕ ТРИКСТЕРА НОВОГО ВРЕМЕНИ (1906–1911)”. EDINBURGH: EDINBURGH UNIVERSITY PRESS, 2022	241
---------------	---	-----

ЭКСПЕДИЦИИ

Бакушев М.А.	РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ РЕКИ ПСЕНАФА БЛИЗ МАЙКОПА	246
--------------	---	-----

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS
Vol. 19. № 1. 2023

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>D.M. Timokhin</i>	THE CAUCASUS AND ADJACENT REGIONS IN THE COSMOGRAPHY OF FAKHR-I MODABBER	6
<i>B.G. Aliev, T.M. Aytberov</i>	GENEALOGY OF THE AKUSHIN QADISIN THE LIGHT OF NEWLY SOURCES	18
<i>A.O. Pobedonostseva-Kaya</i>	“TO PROHIBIT THEM ALL WITHOUT EXCEPTION ENTERING OUR REALM...”: NAQSHBANDIYA-KHALIDIYA IN KURDISTAN AND DAGESTAN	39
<i>G.V. Chochiev</i>	IMMIGRATION OF DAGESTANIS TO THE OTTOMAN EMPIRE DURING THE CAUCASIAN WAR (1820S–1850S)	55
<i>A.R. Navruzov</i>	ISLAMIC CULTURAL AND EDUCATIONAL SOCIETIES, PRINTING HOUSES, NATIONAL PRESS AND MUSLIM ENLIGHTENMENT IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY	67
<i>B.G. Ayagan</i>	ON THE ISSUE OF DEPORTATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS TO KAZAKH SSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ACCORDING TO KAZAKH ARCHIVES)	84

ARCHEOLOGY

<i>N.A. Museyibli, A.M. Agalarzade, G.K. Akhundova</i>	GABALA KURGANS IN THE CONTEXT OF CONTACTS IN THE CAUCASUS IN THE EARLY BRONZE AGE	98
<i>S.N. Korenevsky</i>	FEATURES OF CONSERVATION OF ABANDONED BUILDINGS AMONG THE TRIBES OF THE MAYKOP-NOVOSVOBODNENSKAYA COMMUNITY (ON THE MATERIALS OF NOVOTITAROVSKOYE-14 AND TUZLA-15 SETTLEMENTS)	123
<i>N.Kashirskaya, E.Chernysheva, V.Malashev</i>	A COMPREHENSIVE APPROACH TO IDENTIFICATION OF FATTY FOODS IN VESSELS FROM THE BURIALS OF THE EARLY STAGE OF ALANIAN CULTURE IN THE NORTH CAUCASUS	150
<i>M.S. Gadjeiev, A.N. Duntsov</i>	NEWLY FOUND MIDDLE PERSIAN INSCRIPTIONS OF ĀMĀRGAR DARIUŠ IN DERBENT	173
<i>S.Yu. Frizen</i>	NUZAL MEDIEVAL BURIAL GROUND (ALAGIR GORGE, NORTH OSSETIA): RESULTS OF CRANIOLOGICAL RESEARCH	188
<i>G.Trebeleva, S.Sakania, A.Kizilov, K.Glazov</i>	ON LOCALIZATION OF TSAKHAR FORTRESS IN THE PSKAL FORTIFICATION AND DATING OF PSKAL CHURCH	207

ETHNOGRAPHY

<i>I.M. Sampiev</i>	ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF MILITARY TOWERS OF INGUSHETIA	221
---------------------	---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>N.R. Gozalova</i>	REVIEW OF THE BOOK BY JANET AFARY AND KAMRAN AFARY MOLLĀ NASREDDIN THE MAKING OF A MODERN TRICKSTER (1906–1911). EDINBURGH: EDINBURGH UNIVERSITY PRESS, 2022	241
----------------------	--	-----

EXPEDITIONS

<i>M.A. Bakushev</i>	EXCAVATIONS OF KURGANS ON THE LEFT BANK OF THE PSENAFA RIVER NEAR MAYKOP	246
----------------------	--	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1916-17>

Исследовательская статья

Тимохин Дмитрий Михайлович,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
horezm83@mail.ru

КАВКАЗ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ В КОСМОГРАФИИ ФАХР-И МОДАББЕРА

Аннотация. Среди мусульманских текстов первой половины XIII в. следует особо выделить сочинение, известное исследователям под названием «Шаджара-йе ансаб-е Мобаракшахи» («Древо родословий Мобарак-шаха») или «Бахр ал-ансаб» («Море родословий»). Данное сочинение принадлежит перу персидского историка конца XII – первой половины XIII в. Мухаммада б. Мансура б. Са'ида или Фахр-и Модаббера (Мобарак-шах). Публикация персидского текста этого источника в первой половине XX в. Эдвардом Денисоном Россом привлекла внимание ученых как на само сочинение, так и на биографию его автора. Однако наиболее значительный интерес был прикован к тем разделам «Бахр ал-ансаб», где автор описывал кочевые тюркские племена Дешт-и Кыпчака, а также к тем, где Фахр-и Модаббер изложил историю правивших в Северной Индии мусульманских династий. Гораздо меньшим вниманием специалистов был удостоен начальный раздел введения к «Бахр ал-ансаб», в котором автор предложил космографию или описание известного на тот момент окружающего мира. С нашей стороны, хотелось бы разобраться в первую очередь с тем, как, по мнению автора, этот мир был устроен, на какие регионы разделен, и какое место в нем занимал Кавказ и сопредельные с ним земли. Здесь хотелось бы обратить внимание и на то, какие топонимы, связанные с Кавказом, упоминает Фахр-и Модаббер и что о них сообщает. Не менее важной задачей исследования станет выявление связей «Бахр ал-ансаб» с более ранними памятниками мусульманской географической и исторической литературы, что позволит выделить заимствования, но также и самостоятельные сообщения Фахр-и Модаббера относительно устройства известного на тот момент человечеству мира. К основным результатам исследования следует отнести прямое указание автора «Бахр ал-ансаб» на включение Кавказа в состав пятого климата, что лишь отчасти соотносится с устоявшейся мусульманской традицией «климатического разделения» окружающего мира. Анализ этой части труда Фахр-и Модаббера позволяет сделать вывод о том, что в целом его рассказ о климатах лежит в области традиции, заложенной Абу Райханом Мухаммадом б. Ахмадом ал-Бируни, однако отдельные детали повествования заставляют задуматься о том, на какие еще источники мог опираться автор «Бахр ал-ансаб».

Ключевые слова: мусульманские источники; Фахр-и Модаббер; Кавказ; Бахр ал-ансаб; ал-Бируни; ал-Мукаддаси; климаты.

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1916-17>

Research paper

Dmitry M. Timokhin,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
horezm83@mail.ru

THE CAUCASUS AND ADJACENT REGIONS IN THE COSMOGRAPHY OF FAKHR-I MODABBER

Abstract: Among the Muslim texts of the first half of the XIII century, one should highlight the narrative known to researchers as «Shajarai-e ansab-e Mobarakshah-i» («The Tree of the genealogies of Mubarak Shah») or «Bahr al-ansab» («The Sea of genealogies»). This work belongs to the pen of a Persian historian of the late XII – first half of the XIII century. Muhammad ibn Mansur ibn Sa'id or Fakhr-i Moddabir (Mubarak Shah). After the publication of the Persian text of this source, carried out in the first half of the XX century. By Edward Denison Ross, scientists have paid close attention to this work itself, as well as to the biography of its author. However, the most significant attention was focused on those sections of «Bahr al-ansab», where the author described the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchak, as well as those where Fakhr-i Moddabir outlined the history of the Muslim dynasties that ruled in northern India. Much less attention was paid by specialists to the initial section of the introduction to «Bahr al-Ansab», in which the author proposed cosmography or a description of the world known to people at that time around them. For our part, I would like to understand first of all how, in the author's opinion, this world was arranged, into which regions it was divided, and what place the Caucasus and adjacent lands occupied in it. Here I would like to draw attention to what toponyms associated with the Caucasus Fakhr-i Moddabir mentions and what he reports about them. An equally important task of this study will be to identify the connections of this part of the text «Bahr al-Ansab» with earlier monuments of Muslim geographical and historical literature, which will make it possible to identify borrowings, but also independent reports of Fakhr-i Moddabir regarding the structure of the world known to mankind at that time. The main results of the study should include a direct indication by the author of «Bahr al-Ansab» to include the Caucasus in the fifth climate, which only partially correlates with the established Muslim tradition of «climatic division» of the surrounding world. An analysis of this part of the work of Fakhr-i Modabber allows us to conclude that, in general, his story about climates lies in the field of tradition laid down by Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad al-Biruni, however, some details of the narrative make us think about what other sources the author of «Bahr al-Ansab» could rely on.

Keywords: Muslim sources; Fakhr-i Modabber; Caucasus; Bahr al-ansab; al-Biruni; al-Muqaddasi; climates.

Особенности космографии в мусульманских географических и исторических сочинениях, равно как и принятое разделение мира на климаты, вряд ли следует считать слабо изученной проблематикой [См. например: 1, с. 73–84]. В то же время стоит отметить, что отдельные тексты, содержащие такого рода нарратив, до сих пор могут представлять интерес для исследователей. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на памятник *«Шаджарай-е ансаб-е Мобаракшахи»* («Древо родословий Мобарак-шаха») или *«Бахр ал-ансаб»* («Море родословий») персидского историка конца XII – первой половины XIII в. Мухаммада б. Мансура б. Са'ида или Фахр-и Модаббера (Мобарак-шах). Нами уже отмечалась в специальной статье как значимость самого этого сочинения, как впрочем и других текстов, принадлежащих перу этого автора, так и тот факт, что исследователи преимущественно анализировали лишь часть *«Бахр ал-ансаб»* о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака, которым данный автор уделил действительно много внимания [см.: 2, с. 90–91; 3, с. 108–115; 4; 5, р. 847–858]. В то же время данный памятник несет в себе ценные сведения о политической истории Северной Индии в домонгольский период, которые зачастую никак не отражены в синхронных и более поздних исторических текстах. Однако в этой работе нам хотелось бы обратить внимание на ту часть обозначенного сочинения Фахр-и Модаббера, где им предлагается описание мира, его разделения на климаты и приводятся данные о Кавказе и сопредельных с ним регионах. Отметим, что именно эта часть *«Бахр ал-ансаб»* до сих пор не была предметом специального изучения, в связи с чем автор данной статьи хотел бы не только проанализировать содержание космографии, которую приводит Фахр-и Модаббер, но и постарается указать на связи этой части текста с более ранними памятниками мусульманской исторической и географической литературы.

Вокруг сочинения Фахр-и Модаббера, *«Бахр ал-ансаб»*, сложилась относительно богатая историография, на что мы уже обращали внимания в упомянутой выше специальной статье [6, с. 200–212]. В ней мы достаточно много внимания уделили проблемам реконструкции биографии Фахр-и Модаббера, равно как и анализу жанровой принадлежности *«Бахр ал-ансаб»*, особенностям структуры этого сочинения и источникам, на которые опирался автор [6, с. 200–212]. В связи с этим здесь мы не будем специально останавливаться на всех этих вопросах, отметим лишь, что сам текст сочинения персидского историка был взят нами из классического издания 1927 г. *«Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marvarrudi Completed in A.D. 1206»*, увидевшего свет благодаря труду известного востоковеда – Эдварда Денисона Росса [7]. Здесь стоит обратить внимание на два важных момента: первый из них касается того факта, который отмечен уже в названии указанной публикации источника – перед нами сочинение, написанное в жанре «генеалогической истории» [3, с. 108]. Второй сюжет был обозначен в классической статье И.И. Умнякова, где было сказано, что сами генеалогические таблицы из *«Бахр ал-ансаб»* не вошли в состав публикации Эдварда Денисона Росса, поскольку последний счел их малоинтересными исследователям в виду компилятивности представленного в них материала. *«Автор статьи обещал опубликовать полный перевод этого труда с примечаниями, но затем отказался от своего намерения и вместо полного перевода издал в 1927 г. из 125 листов рукописи только первые 55 листов (в издании выпущены л. 48б - 50а), содержащие историческое введение к генеалогическим таблицам»* [3, с. 108]. По сути, исследователям доступно лишь введение к тексту (*«мукаддама»*), а также самое начало генеалогических таблиц, занимающее листы с 50а по 55б. *«Начало генеалогических таблиц.*

Приводятся легендарные сведения об Адаме и Еве и их непосредственных потомках до Сифа. Рассказ внезапно обрывается на л. 55б в середине истории Удж б. Анака и его убийства Мусой и израильянами. D. Ross высказал предположение, что, вероятно, в лондонской рукописи не достаёт нескольких листов, которые имелись в оригинале» [3, с. 109]. Таким образом, публикация «Бахр ал-ансаб», сделанная Эдвардом Денисоном Россом, неполная, однако интересующие нас сведения содержатся именно во введении к генеалогическим таблицам, о чем и будет подробно сказано ниже.

Относительно включения в состав введения к «Бахр ал-ансаб» краткой космографии писал уже И.И. Умняков: «В книге Фахрэддина исключительный интерес представляет введение автора; на нем мы более подробно остановимся. После обычного в мусульманских сочинениях славословия и описания свойств Аллаха автор кратко говорит о мусульманской космогонии. Подобно мусульманским географическим трудам, в книге говорится о делении земли на семь климатов, после чего следует перечисление важнейших стран и городов, входящих в состав каждого климата. В этом случае наш автор следовал по стопам мусульманских географов IX–X вв., из сочинений которых он заимствует географические сведения» [3, с. 109]. В качестве примера мусульманского сочинения IX–X вв., за текстом которого мог следовать Фахр-и Модаббер, упоминается лишь известный труд «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» («Наилучшее распределение для познания стран») Шамс ад-Дина Мухаммада б. Ахмада ал-Мукаддаси (ал-Макдиси) [3, с. 109; 8, s. 59–61], что, впрочем, не означает что именно этот текст лег в основу «Бахр ал-ансаб» – по крайней мере в этой его части. Впрочем, с учетом того, насколько часто описание разделения мирового пространства на климаты и рассказ о каждом из них встречается в мусульманской географической литературе [1, с. 73–84; 9; 8, с. 54; 10, p. 59–61], связать эту часть «Бахр ал-ансаб» с более ранними памятниками возможно лишь при детальном его анализе. В тексте рукописи Фахр-и Модаббера, опубликованной Эдвардом Денисоном Россом, рассказ об устройстве земли и о семи климатах начинается на листе за [7, s. 3–4, f. 3a] и предваряется следующими словами автора. «И священный Коран, и святое Писание об этом [нам] сообщают, и Всевышний и Славный Господь дал клятву и сказал – Но нет! Клянусь телами небесными – отступающими, передвигающимися и исчезающими!¹ И твердь земная с широтою на воды будет расстелена. Также как и небесам приписывается наличие семи планет, земля также состоит из семи частей, и каждая из таких частей называется климатом, и каждый из них имеет множество дополнений. Таких климатов, [называемых] кишварами всего в мире семь!» [7, s. 4, f. 3a].

Последнее предложение из текста Фахр-и Модаббера написано на арабском, а не на фарси, однако, что гораздо важнее, содержит термин «кишвар»: данное понятие известно исследователям и является синонимом понятия «климат» в отдельных мусульманских географических сочинениях. «При этом термином иклим мусульманские географы называли не только греческие «климаты», но и персидские «кишвары» — географические области, которых насчитывалось также семь» [11, с. 136]. Также не менее важно отметить, что подобная цитата характеризует источники, к которым обращался при написании «Бахр ал-ансаб» Фахр-и Модаббер. Можно предположить, что при составлении конкретно этой части сочинения он обращался к трудам Абу Райхана Мухаммада б. Ахмада ал-Бируни [12, с. 171–179], который также активно

1. Коран 81:15–16. Здесь и далее перевод Корана приводится по: Коран / пер. смыслов: Э. Р. Кулиева. Изд. 6-е, испр. М.: Умма, 2007.

использовал понятие «кишвар» в отличие от многих других ранних мусульманских авторов, или же к более поздним его компиляторам. В частности, Бируни в составе XXI главы своего трактата, посвященного Индии, пишет, помимо всего прочего, следующее: *«Люди, о которых нам случалось упоминать в предшествующей главе, придерживаются того представления о Земле, что она состоит из семи земель в виде пластов, лежащих одна на другой. Верхнюю землю они делят на семь частей в отличие от наших астрономов, которые делят ее на климаты, и от персов, которые делят ее на кишвары»* [13, с. 219]. В другом сочинении этого выдающегося мусульманского ученого, которое было посвящено геодезии, мы вновь наблюдаем все тот же термин «кишвар», но с существенными пояснениями. *«Эти части названы [словом] «кишвар», производным от персидского «черта», [символизирующим] как бы знак, стоящий в этих [областях и указывающий] на то, что они обособлены друг от друга так, как обособлено то, что очерчено чертой. Первый из [климатов] – средний, а это – Иранишахр, но они сделали его четвертым по счету, чтобы и в счете он был средним. Вот изображение [этих климатов] с ограничением одних от других. Нет никаких связей между этим делением [климатов] и какими-нибудь режимами естественных условий или законами астрономии. Оно [произошло] либо в соответствии с различиями между государствами, заключающимися в несхожести облика людей в них, или их характеров и деяний, или их языков и религий, либо в силу насильственного покорения [народов]»* [14, с. 154]. Таким образом, само по себе использование в персидском тексте арабской фразы с употреблением термина «кишвар» говорит, как минимум, о знакомстве Фахр-и Модаббера с научным наследием Бируни, однако это далеко не все, что может сказать нам вводная часть к описанию климатов земли из *«Бахр ал-ансаб»*.

Следует отметить, что в приведенной выше цитате из труда Фахр-и Модаббера очевидно сравнение семи климатов с семью планетами: *«Также как и небесам приписывается наличие семи планет, земля также состоит из семи частей, и каждая из таких частей называется климатом, и каждый из них имеет множество дополнений»* [7, s. 4, f. 3a]. Само по себе подобное сравнение в данном случае не является уникальным примером в средневековой мусульманской географической литературе [15, с. 129–130]. Достаточно вспомнить известную специалистам цитату из *«Китаб ал-Булдан»* («Книга стран») Абу Бакра Ахмада б. Мухаммада б. Исхака ал-Хамадани, известного как Ибн ал-Факих, где сказано, в частности: *«[Ибн ал-Факих] сказал: «Спросили у пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, относительно земли, в семи ли числах она. Он ответил: «Да, и небес [также] семь», и прочел стих: «Аллах, который сотворил семь небес и столько же земель»². И спросил один человек: «А мы на поверхности первой земли?». Пророк сказал: «Да. На второй земле – творения, которые подчиняются и не бунтуют. И на третьей – творения. На четвертой – гладкая скала. Пятая [земля] – неглубокая вода. Шестая – камни из необожженной глины и на них престол Иблиса. А седьмая – это бык. Земли покоятся на роге быка. Бык стоит на рыбе, рыба – на воде, вода – на воздухе, воздух – на влажности. И на влажности пресекается знание ученых»»* [16, с. 68–69]. И далее – *«Утверждает Дуриутуйус, что семь климатов соответствуют большим, крупным звездам неба. Два города находятся в климате Сатурна, два города – в климате Юпитера, два города – в климате Марса, город – в климате Солнца, два города – в климате Венеры, два города – в климате Меркурия и один город – в климате Луны»* [16, с. 70].

2. Коран 65:12.

В связи с тем, что вводная часть к описанию климатов в «Бахр ал-ансаб» выглядит достаточно краткой, ее вряд ли можно соотнести с конкретным более ранним мусульманским географическим сочинением, однако определенные параллели с нарративом Ибн ал-Факиха здесь все же прослеживаются. С другой стороны, указание И.И. Умнякова [3, с. 109; 10, s. 59–61], которое мы привели выше, на то, что нарратив «Бахр ал-ансаб» связан с более ранним сочинением ал-Мукаддаси, по всей видимости, касается непосредственно описания климатов, а не вводной части к этому. По крайней мере, при сравнении вводной части в соответствующем разделе «Ахсан ат-такасим» с сочинением Фахр-и Моддабира прямых параллелей мы не находим [10, s. 58]. В то же время сравнение семи климатов с семью планетами Солнечной системы очевидно связывает «Бахр ал-ансаб» с упомянутым сочинением Ибн ал-Факиха: здесь, вероятно, текст последнего был сокращен Фахр-и Модаббером, и в него были внесены некоторые авторские замечания. Впрочем, по мнению исследователей, выделение семи климатов в соответствии с семью планетами, как и использование понятие «кишвар» сигнализирует читателю о том, что при составлении своего труда указанный историк ориентировался на иранскую традицию космографии. Это доказывает, в частности М.А. Салахетдинова на материале несколько более позднего, однако, так же как и «Бахр ал-ансаб», составленного в первой половине XIII в. сочинения «Джавами‘ ал-хикайат ва лавами‘ ар-ривайат» («Собрание рассказов и блестящие истории») Нур ад-Дина Мухаммада ал-‘Ауфи. «Указанная система соответствия климатов планетам, по данным Хонигмана, считается с иранской (несколько отличной от греческой) и приведена в одном из астрологических трактатов Абу-Машара Балхи (ум. в 272/886 г.), а также в сочинении по астрономии, написанном в 357/968 г. Абу Наср ал-Хасаном ибн Али ал-Кумми» [17, с. 183–184].

Что же касается описания самих климатов, то здесь сразу стоит обратить внимание на то, что информация о них в «Бахр ал-ансаб» распределена крайне неравномерно: об одних Фахр-и Модаббер пишет относительно много, а в отношении других довольствуется лишь скупым указанием того, какие регионы, страны и города к этому климату относятся. В качестве примера разберем описание первого климата: «Климат первый – это климат Сатурна и [простирается] от городов Магриба и Эфиопии (حبشه) и Занзибара (زنگبار) и Нубии (نوبه) и Забида (زبيد) и Сан’а (صنعاء) и Наджрана (نجران)³ и Саба (سبأ) и Хорса⁴ (حرس) на западе и до пределов Чина на востоке и до Сарандиба⁵ Хинда и [все это] является этим [первым] климатом» [7, s. 4, f. 3a]. Если обратиться в данном случае к сообщениям ал-Бируни, то у него первый климат описан таким образом: «Первый климат. Ал-Хинд. Ал-Хинд, ас-Синд и острова, относящиеся к ним: аз-Забадж, аз-Зиндж и другие» [14, с. 155]. Данный климат у этого

3. И.И. Умняков, с отсылкой к более ранним географическим сочинениям [См.: 3, с. 109, комм. 5], предложил чтение как «Наджаран».

4. Возможно, здесь неправильное написание и следует читать как «Джураш» (جرش) – по крайней мере, такое название есть списке топонимов первого климата у ал-Мукаддаси [10, s. 59]. На таком же чтении останавливается и И.И. Умняков [3, с. 109].

5. Название острова Цейлон (Шри-Ланка). О нем пишет Ибн Хордадбех: «Тот, кто направляется из Буллина в Сарандиб, в пути находится один день. [Площадь] Сарандиба 80 ф на 80 ф. Там есть гора, на которую был низведен Адам, да благословит его Аллах. Эта гора, уходящая [высоко] в небо. Ее видит тот, кто находится на [расстоянии] нескольких дней пути на морских судах. Брахманы, а это индийские священнослужители, рассказывают, что на этой горе есть след ступни Адама – да благословит его Аллах, – вдавленный в камень. [Размер] одной ступни примерно 70 локтей. На этой горе всегда [видно нечто] подобное молнии. Адам – да благословит его Аллах – сделал следующий шаг в море, это [место] в двух или трех днях пути [от горы]. На этой горе и вокруг нее яхонт всех цветов и всех видов. В долинах ее есть алмазы, в горах – алоэ, перец, ароматические растения и благовония, животные, [выделяющие] мускус, животные, [выделяющие] цибет. В Сарандибе [много] кокосовых пальм, почва его состоит из каменистого наждака, которым обрабатывают драгоценные камни. В реках [Сарандиба] есть хрусталь, а вокруг в море вылавливают жемчуг» [8, с. 78–79].

ученого связан со вторым климатом через залив Бахрейна и с седьмым – через Кашмир [14, с. 155]. В «Ахсан ат-такасим» ал-Мукаддаси мы находим гораздо более подробное описание первого климата, нежели предлагает Фахр-и Модаббер: здесь автор отмечает топонимы, среди которых есть тот же Сан‘а (صنعا), Оман (عمان), Бахрейн (البحرين), Судан (السودان) и Магриб (المغرب), однако список этих названий очевидно больше, а некоторые из тех, что есть в «Бахр ал-ансаб», отсутствуют в более раннем тексте, например, Занзибар (10) (زنگبار, s. 59]. Впрочем, на фоне краткого описания первого климата, Фахр-и Модаббер предлагает существенно больше сведений, например, о четвертом климате, который занимает весь лист 4а, и немного сведений о нем на листе 4б [7, s. 5–6, f. 4а–4б]. Прежде всего, здесь стоит отметить тот факт, что большой объем описания четвертого климата связан не с конкретными сведениями о его особенностях, а с простым перечислением топонимов, которые в него включены. При этом автор отмечает, что «четвертый климат – это климат Солнца» [7, s. 5, f. 4а], что опять же отсылает нас все к тому же тексту Ибн ал-Факиха [16, с. 70]. Другой момент касается самих топонимов четвертого климата в составе «Бахр ал-ансаб»: этот список во многом отличается от приводимого перечисления в более раннем сочинении ал-Мукаддаси. В частности, Фахр-и Модаббир не включает в состав этого климата Багдад, но зато приводит гораздо больше иранских топонимов, нежели ал-Мукаддаси, а также включает в этот климат города Мавераннахр и Афганистана [7, s. 5–6, f. 4а–4б; 10, s. 60–61]. Если здесь мы не видим большого количества параллелей, то сравнение «Бахр ал-ансаб» и упомянутого нами выше чуть более позднего «Джавами‘ ал-хикайат» Нур ад-Дина Мухаммада ал-‘Ауфи демонстрирует гораздо больше общих черт. Ал-‘Ауфи также признает четвертый климат «солнечным» и включает в него «страны (билад) Андалусии, часть Магриба, Рума и Сирии, большинство областей (билад) Азербайджана и области Джазира, Ирак персидский, Кумис, Дейлем, Табаристан, Джурджан, Хорасан, Нилан (?), Тибет, край областей (канара-и билад) Туркестана» [17, с. 184], а также дополнительно – «Франкское море (?), остров Сицилия (Сисилия), Персия (Фурс), часть Армении, Султания, Бадахшан, Кашигар, Китай (Хата ва Чин)» [17, с. 185]. Если исходить из указанных ал-‘Ауфи крупных регионов, то они в целом совпадают с текстом «Бахр ал-ансаб», однако в составе последнего приводятся и названия городов, чего мы, практически, не видим уже в «Джавами‘ ал-хикайат».

В рамках данного исследования нас в большей степени интересует описание Кавказа в космографии Фахр-и Модаббира, в связи с этим обратимся к его описанию пятого климата. «Климат пятый – это [климат] Венеры, и [он включает в себя] города Рума (رومية) и Калурийе (قلوريه) и Малатью (ماليته) и Барда (برده) и Баб ал-Абваб (باب الابواب) и Ширван (شروان) и Фаравах (فراوه)⁶ и Гургандж (گرگانج) и Хорезм (خوارزم) и Дарган (درغان) и Амуийе (اموي) и Бейканд (بيکند)⁷ и Бухару (بخارا) и Аштахан

6. «Фарāва (Парау) небольшой средневековый город в восточной Персии, расположенный к востоку от Каспийского моря и сразу за северным краем хребта Копет-Даг, обращенный к пустыне Кара-Кум. В ранний исламский период это была одна из ряда хорошо защищенных крепостей (рибатов), наряду с Абивардом, Насой и Дехестаном, расположенных вдоль северных границ Хорасана, предназначенных для сдерживания огузов и других тюркских народов азиатских степей. В административном отношении он, по-видимому, находился на границе между Хорасаном и Горганом, будучи включен географами в состав обеих провинций» [18; См. также: 10, s. 333].

7. Древний город, располагавшийся недалеко от Бухары. Известен также как Пайканд/Пейкенд [19, с. 191–192].

(اشتخن)⁸, и Нахшаб (نخشاب)⁹, и Самарканд (سمرقند), и Ходжендэ (خجندہ), и Усрушанэ (اسروشنه)¹⁰, Джадж (جاج)¹¹, и небольшой город Айлак (ایلاق)¹², и Асбаджаб (اسبجآب)¹³, и Табат (تآبت), и Куба (قبا), и Согд (سغد)» [7, s.6, f. 4b]. Данный список топонимов, включенных автором «Бахр ал-ансаб» в состав пятого климата, слабо коррелируется с описанием ал-Мукаддаси в «Ахсан ат-такасим»: в его рассказе нет ни Ширвана, ни Дербента (Баб ал-Абваба) [10, s. 61]. Несколько лучше данные Фахр-и Моддабира соотносятся с указанием Бируни на то, что включает в себя пятый климат, а именно – «Пятый. ар-Рум. ар-Рум, ал-Андалус, Фаранджа, бурджаны и Азербайджан до Баб ал-Абваба» [14, с. 155]. Любопытно, что ал-‘Ауфи, в составе собственного нарратива указывает, что «V климат: часть Рума, Армении, Грузии (Джурэ), Хорезм, Мавераннахр, Фергана, часть Туркестана» [17, с. 184], а затем добавляет к нему – «некоторые области (билад) Андалусии, Каспийское море (бахр-и Хазар), Бухара, Самарканд, Тараз» [17, с. 185]. Собственно, интересующие нас топонимы Кавказа в описании пятого климата у ал-‘Ауфи присутствуют лишь отчасти: так, Дербент (Баб ал-Абваб) у него включен не в состав пятого климата, как у Фахр-и Модаббера, а в шестой. «VI климат: большая часть страны Рума, Грузии, русы, Туркестан» [17, с. 184] и далее – «VI климат: Константинополь, Дербент (Баб ал-Абваб), Каспийское море» [17, с. 185]. Впрочем, здесь параллелей с данными Фахр-и Модаббера еще меньше: «Климат шестой и это климат Меркурия. И он простирается от городов: Константинополя (قسطنطنيه), Хираклэ (هرقله) и [областей] Хазар (خزر), Сейрана (صيران), и Тараза (طراز), и Оша (اوش), и Узкенда (اوزکند), и Баласагуна (بالساغون), и Йаркенда (يارگند), Кашгара (کاشغر), и Барсхана (برسخان)» [7, s. 6, f. 4b].

Как видно из приведенного выше сравнения двух сочинений первой половины XIII в., Фахр-и Модаббер и ал-‘Ауфи, относят Дербент (Баб ал-Абваб) к двум разным климатам, а также стоит отметить, что первый использует топоним «Ширван», в то время как второй упоминает вместо этого «Армению» и «Грузию», которых нет ни в пятом, ни в шестом климате в тексте «Бахр ал-ансаб». Обращение к более ранним текстам не добавляет ясности в вопрос о том, как формировался нарратив интересующего нас текста: в частности, Ибн ал-Факих описывает пятый климат таким образом: «пятый – это климат Константинополя, ар-Рума и Хазар. Ширина и длина его как у первого климата» [16, с. 70]. А о шестом говорит, что «климат шестой – это климат франков и других народов. В нем живут женщины, у которых есть обычай отрезать себе грудь и прижигать, когда она еще маленькая для того, чтобы она не стала большой. Ширина и длина его, как у первого климата» [16, с. 70–71].

8. Речь идет вероятнее всего об Иштихане, городе, который упоминает Ибн Хаукаль. «Иштихан – отдельно стоящий город, очень здоровый и изобилующий окрестными селениями, садами, лугами, местами для прогулок и болотами, поросшими тростником, хотя впрочем весь Согд довольно однообразен в смысле здоровья, плодородия, растительности, плодов и посевов. Исключение составляет Кий. Последний поистине сердце Согда и является самой культурной его частью. В Иштихане имеется цитадель в шахристане и рабад, а также протоки и плантации. Из одного его селения происходил Оджейф б. Анбаса. Там же селения, которые конфисковал Му’тасим. Впоследствии Му’таид Алахлахи предоставил их в ленное владение Мухаммеду б. Тахиру б. Абдаллаху б. Тахиру» [20, с. 19].

9. Древний согдийский город.

10. Усрушана/Уструшана – древнее название региона, а также и государственного образования, расположенного от верхнего течения Сыр-Дарьи до Гиссарского хребта [21].

11. Несмотря на такое написание топонима в издании текста «Бахр ал-ансаб», более правильное чтение – Чаг (جاج).

12. Об этом топониме сообщает анонимный автор «Худуд ал-‘Алам». «ИЛАК, большой регион, простирающийся между (andar miyān) горами и степью. Он имеет многочисленное население, и является культурным и процветающим, (но) у людей здесь мало имущества (kwāsta). Его города и области (rustā) многочисленны. Люди исповедуют в основном вероучение тех, кто «в белых одеждах» (sapid jātagān). Народ воинственный и надменный своим видом (shūkh-rū). В его горах находятся золотые и серебряные рудники. Он граничит с Ферганой, Джадгале [sic], Чачем и рекой Хашарт» [22, р. 117].

13. Данный топоним встречается у ал-Мукаддаси в составе шестого климата, как, впрочем, и Самарканд [10, s. 61].

В свою очередь, ал-Мукадасси включает в состав того же шестого климата Константинополь и это соотносится с обоими поздними текстами, однако из топонимов, имеющих отношение к Кавказу, у него отмечены лишь Барда (Бардэ) и Кабала [10, s. 61]. Впрочем, уже само отнесение этих топонимов к шестому, а не пятому климату вновь говорит в пользу того, что Фахр-и Модаббер при составлении своего нарратива в данном случае обращался к какому-то иному тексту. Здесь стоит отметить последний рассказ этого автора о климатах земли, а точнее – о седьмом климате. Это описание, в отличие от приведенных выше цитат из «Бахр ал-ансаб», наилучшим образом позволяет понять историографическую связь между этим текстом и более ранними нарративами. *«Климат седьмой – это климат Луны и [он] простирается от городов Булгар (بلغار) и Сувар (سوار) и моря Русов (دریای روس) и лесов Лура (леса Йура – بیشه لوره)¹⁴, которые населены дикими племенами и земли Сакалиба (سقلابيان) и города Айсун (Ису/Йасу – ايسون)¹⁵, в котором Болгары ведут свою торговлю, и оттуда некоторые изящные вещи привозят, [поскольку] там, в горах, находятся много копей, и [в них] – драгоценные камни, и каждый ювелир обладает там большим количеством родственников и домочадцев, и каждый из них пользу и выгоду из этого извлекает, так что более подробный рассказ об этом существует в обстоятельной книге, чьи достоинства и доказательная база не вызывают никаких сомнений»* [7, s. 6–7, f. 4b–5a]. Этот отрывок также имеет мало схожего с сообщениями ал-Мукадасси и в описательной части, и в отношении приводимых топонимов: в частности, Фахр-и Модаббер не упоминает, в отличие от более раннего автора, хазар при описании седьмого климата [10, s. 61].

Гораздо больше общих черт можно найти между этой частью «Бахр ал-ансаб» и текстом «Таба'и' ал-хайаван» («О природе животных») автора XII в. Шараф ал-Зама-на Тахира ал-Марвази. У этого автора нет описания климатов земли, однако в его сочинении при описании булгар, у которых *«есть два города, один из них называется Сувар и другой называется Булгар»* [23, р. 34], упоминаются *«земля, называемая Йасу, и за нею народ, называемый Йура; они – дикари, живут в лесах и не смешиваются с другими людьми»* [23, р. 34]. Данное описание, как было отмечено уже В.Ф. Минорским, восходит, в свою очередь, к более ранним мусульманским сочинениям. В комментариях к изданию «Таба'и' ал-хайаван» этот выдающийся востоковед, в частности, отмечает, что упоминание названий «Йасу» и «Йура» восходят к сообщениям Ибн Фадлана, однако гораздо важнее их связь с нарративом Бируни: последний связывает между собой топонимы «Сувар», «Булгар», «Рус» и «Сакалиба», а также сообщает о *«земле Йасу, с которой торгуют Булгары»* [23, р. 112]. Наконец, именно у Бируни мы видим сообщение о том, что *«леса Йара, чьи обитатели – дикари и торгуют, используя бессловесный обмен»* [23, р. 112], что очевидно напоминает сведения, которые включил в состав своего сочинения Фахр-и Модаббер. На данный факт обратил внимание уже Б.Н. Заходер опять же применительно к описанию седьмого климата в «Бахр ал-ансаб» [24, с. 61–63; См. также: 19, с. 835–836, прим. 45; 25, р. 26–234; 26, р. 38–51]. Однако при рассмотрении дальнейшего повествования им был отмечен более подробный рассказ о местности Йара и населявших его людях в составе данного источника [24, с. 61–63; 7, s. 39–40, f. 25b–26a]. Именно этот выдающийся исследователь подчеркнул связь между рассказами Фахр-и Модаббера и ал-Марвази, а также их преемственность по отношению к более ранним мусульманским текстам. Таким образом, именно описание седьмого климата наилучшим

14. Правильное написание «леса Йура», а не «леса Лура» [22, р. 112].

15. Здесь также следует читать не «Исун», а «Ису», что лучше соотносится с более ранними текстами [22, р. 112].

образом иллюстрирует связь между «*Бахр ал-ансаб*» и историографической традицией, заложенной в трудах Бируни.

Возвращаясь к описанию Кавказа в составе космографии Фахр-и Модаббера, хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что в описании пятого климата присутствует упоминание лишь нескольких топонимов, преимущественно связанных с Южным Кавказом. Что касается Северного Кавказа, то текст «*Бахр ал-ансаб*» в этом случае вряд ли может оказаться полезным исследователям: подобный факт сам по себе вызывает удивление, поскольку многие авторы первой половины XIII в. уделяют этому региону существенное внимание, пусть и транслируя, зачастую, сведения, взятые из еще более ранних мусульманских географических и исторических сочинений [27, с. 778–795]. Достаточно вспомнить обширный рассказ о Сарире в составе географического сочинения «Джахан-наме» Мухаммада ибн Наджиба Бакрана [28, л. 266], который является сокращенной версией подобного сообщения из гораздо более раннего памятника – «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Абу Исхака Ибрахима б. Мухаммада ал-Истахри [29, с. 49]. Впрочем, и среди мусульманских сочинений XII в. можно найти такие, где сведений о Кавказе приводится существенно больше, нежели позволил себе Фахр-и Модаббер. Достаточно вспомнить анонимное персидское сочинение 1126 г. с названием «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас», в которое включен, например, с небольшими дополнениями известный рассказ Ибн Хордадбега о путешествии Саллама ат-Тарджумана, где упомянуты различные топонимы и политонимы, связанные с Северным Кавказом [30, s. 490; 8, с. 130]. Что же касается текста Фахр-и Модаббера, то отсутствие в нем подробных сведений или хотя бы небольшого рассказа относительно Кавказа, следует объяснять жанровыми особенностями его сочинения, равно как и авторским замыслом. По всей видимости, для него было вполне достаточно очертить границы известного человечеству мира, разделив его согласно устоявшейся традиции на семь климатов. Описание содержания каждого из них приводится им весьма кратко затем в «*Бахр ал-ансаб*». Как отмечает И.И. Умняков, столь же кратко описывается «падение Иблиса, господство человека над животным миром; говорится о значении ученых и правителей; приводятся цитаты из Корана о повиновении властям и хадисы, характеризующие ислам» [3, с. 110]. Большая же часть введения к *Бахр ал-ансаб*», которое вошло в состав издания Эдварда Денисона Росса, представляет собой рассказ о династии Гуридов и последующих правителях северной Индии, а также хорошо известный исследователям рассказ о кочевых тюркских племенах восточного Дешт-и Кыпчака. По-видимому, именно эти сюжеты интересовали автора наибольшим образом, что привело к тому, что самое начало его сочинения, в состав которого включена упомянутая нами космография, получилось существенно более кратким, однако весьма интересным.

Подводя итоги, хотелось бы обратить внимание на несколько важных моментов: прежде всего, космография Фахр-и Модаббера, которую он включил в начальную часть введения к своему труду «*Бахр ал-ансаб*», безусловно, была заимствована им из целого ряда более ранних мусульманских текстов. Однако указание И.И. Умнякова на то, что основой при построении картины мира данным автором стал текст более раннего мусульманского географа Шамс ад-Дина Мухаммада б. Ахмада ал-Мукаддаси при анализе упомянутой нами части введения к «*Бахр ал-ансаб*», не нашло однозначного подтверждения. Гораздо больше общих черт этот нарратив Фахр-и Модаббера имеет с сочинениями XII в., в частности с «Таба'и' ал-хайаван» Шараф ал-Замана Тахира ал-Марвази, и, что гораздо важнее, с историографической традицией, заложенной Абу Райханом Мухаммадом б. Ахмадом ал-Бируни. Что касается описания Кавказа

в составе космографии Фахр-и Модаббера, то он упоминает о нем в составе пятого климата, где им указаны такие топонимы, как Ширван, Барда и Дербент (Баб ал-Аб-ваб). В отличие от своего современника, Нур ад-Дина Мухаммада ал-‘Ауфи, наш автор не включает Кавказ и связанные с ним топонимы в состав шестого и пятого климата одновременно, а пишет о них лишь в пятом климате. Здесь стоит отметить, что именно описание пятого климата в «Бахр ал-ансаб» несколько выделяется из общей космографии Фахр-и Модаббера: как показал экскурс в его описание седьмого климата, оно гораздо лучшее соотносится с подобными описаниями в целом ряде более ранних мусульманских памятников. Впрочем, следует сказать, что сама по себе логика выстраивания космографии в составе текста «Бахр ал-ансаб» требует, с нашей точки зрения, дополнительного внимания исследователей, как, впрочем, и все сочинение Фахр-и Модаббера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Коновалова И.Г. Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии // Международный журнал исследований культуры. 4(21) 2015. С. 73–84.
2. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / Отв. ред. Б. А. Ахмедов. Ташкент: Фан, 1988.
3. Умняков И.И. История Фахреддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 108–115.
4. Bosworth C.E. Fakr-e Modabber // Encyclopaedia Iranica. Online Edition, 1982. available at <https://iranicaonline.org/articles/fakr-e-modabber>
5. Ahmet-zeki Validi. On Mubarakshah Ghuri // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1932. Vol. 6. No. 4. P. 847–858.
6. Тимохин Д.М. Сочинение Фахр-и Модаббера как источник по истории Афганистана и Северной Индии // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4. С. 200–212.
7. Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marvar-rudi completed in A.D. 1206 / Ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic Society, 1927.
8. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986.
9. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. Арабская географическая литература. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957.
10. Descriptio imperii Moslemici auctore Al-Mokaddasi // Bibliotheca geographorum Arabicorum. Vol. III / Ed. by M.J. de Goeje. Leiden: Brill, 1877.
11. Коновалова И.Г. Образ Ойкумены в средневековой мусульманской географии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / Отв. ред. Г. В. Глазырина. М.: Индрик, 2010. С. 135–141.
12. Шахзад Т.В. О взглядах аль-Бируни на мироустройство и внешнюю политику // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 10. Минск: БДУ, 2015. С. 171–179.
13. Бируни Абу Рейхан. Индия / Пер. с араб. А. Халидова, Ю. Завадовского. М.: Ладомир, 1995.
14. Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. III. Геодезия (Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами) / Исследования, перевод и примечания П.Г. Булгакова. Ташкент: ФАН, 1966.
1. Konovalova IG. Differentiation as a means of description in medieval Islamic geography. *International Journal of Cultural Studies*. 4(21); 2015:73–84. (in Russ.).
2. *Materials on the history of Central and Central Asia of the X-XIX centuries* / Ed. by B. A. Akhmedov. Tashkent: Fan, 1988. (in Russ.).
3. Umnyakov II. The story of Fakhreddin Mubarakshakh. *Bulletin of Ancient History*. 1938; 1: 108–115. (in Russ.).
4. Bosworth CE. Fakr-e Modabber. *Encyclopaedia Iranica*. Online Edition, 1982, available at <https://iranicaonline.org/articles/fakr-e-modabber>
5. Ahmet-zeki Validi. On Mubarakshah Ghuri. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London. 1932; 6(4): 847–858.
6. Timokhin DM. The essay of Fakr-e Modabber as a source on the history of Afghanistan and Northern India. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2021; 4: 200–212. (in Russ.).
7. Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marvar-rudi completed in A.D. 1206 / Ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic Society, 1927. (in Persian)
8. Ibn Khordadbeh. *The Book of Paths and countries* / Per. N. Velikhanova. Baku: Elm, 1986. (in Russ.).
9. Krachkovsky IY. *Selected works*. Vol. IV. *Arabic geographical literature*. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. (in Russ.).
10. Descriptio imperii Moslemici auctore Al-Mokaddasi. *Bibliotheca geographorum Arabicorum*. Vol. III / Ed. by M.J. de Goeje. Leiden: Brill, 1877. (in Arabic).
11. Konovalova IG. The image of the Ecumene in medieval Muslim geography. *The oldest states of Eastern Europe: 2006: Space and Time in medieval texts* / Ed. by G. V. Glazyrin. M.: Indrik, 2010: 135–141. (in Russ.).
12. Shakhzod TV. On al-Biruni's views on the world order and foreign policy. *Pratsy gistorychnaga faculty of BDU*. Minsk: BDU, 2015; 10: 171–179. (in Russ.).
13. Biruni Abu Reyhan. *India* / Translated from Arabic by A. Khalidov, Y. Zavadovsky, M.: Ladomir, 1995. (in Russ.).
14. Biruni Abu Reyhan. *Selected works*. Vol. III. *Geodesy (Determining the boundaries of places to clarify the distances between settlements)* / Research, translation and notes by P.G. Bulgakov. Tashkent: FAN, 1966. (in Russ.).

15. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары, Том 1. Арабские источники VII-X вв. Подгот. текстов и пер. В.В. Матвеева, Л.Е. Кубеля. М.-Л.: АН СССР, 1960.
16. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Арабские источники XIII-XIV вв. / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 2002.
17. Салахетдинова М.А. Сведения по математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в. // Страны и народы Востока. Выпуск III. География, этнография, история. М.: Наука, 1964. С. 182–188.
18. Bosworth C.E. Farāva // *Encyclopaedia Iranica*. Online Edition, 1982, available at <https://iranicaonline.org/articles/farava>
19. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1.: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
20. Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Путей и стран» Абу-л-Касима Ибн-Хаукаля // Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. IV. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 13–27.
21. Негматов Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад: Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1957.
22. Hudud al-'Alam, *The Regions of the World. A Persian Geography*, 372 A.H. – 982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. London: E.J.W. Gibb Memorial, 1970.
23. Marvazi Sharaf al-Zaman Tahir. On China, the Turcs and India / Arabic text with an English translation commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.
24. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2 т. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967.
25. Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10 Jahrhundert // *Ungarische Jahrbücher*. B. IV, Heft 3/4. 1924. Dezember. SS. 261–334
26. Ahmet-zeki Validi. Die Nordvölker bei Biruni // *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*. 1936. Band 90. P. 38–51
27. Тимохин Д.М. Дагестан в арабо-персидских географических сочинениях первой половины XIII в. // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2021. Т. 17. № 4. С. 778–795
28. Мухаммад ибн Наджиб Бакрāн. Джахāн-нāме (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: Наука, ГРВЛ, 1960.
29. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. X. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис: Упр. Кавказского учебного окр., 1901. С. 1–73.
30. Mujmal at-tawarih wa-l-kisas. Tehran: Chapahaney-e Havar Tehran, 1318.
15. *Ancient and medieval sources on ethnography and history of sub-Saharan Africa*. Vol. 4. Arabic sources of the XIII-XIV centuries. / Ed. V.A. Popov. M.: Oriental Literature, 2002. (in Russ.).
16. *Ancient and medieval sources on ethnography and history of Sub-Saharan Africa*, Volume 1. Arabic sources of the VII-X centuries. Preparation texts and trans. VV. Matveev, LE. Kubbel. M.-L.: USSR Academy of Sciences. 1960. (in Russ.).
17. Salakhethdinova MA. Information on mathematical geography in the Persian composition of the late XIII or early XIV century. *Countries and peoples of the East. Issue III. Geography, ethnography, history*. M.: Nauka, 1964; 3: 182–188. (in Russ.).
18. Bosworth CE. Farāva. *Encyclopaedia Iranica*. Online Edition, 1982, available at <https://iranicaonline.org/articles/farava>
19. Bartold VV. *Essays. Vol. II. Part 1.: General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. (in Russ.).
20. Betger EK. Extract from the book “Ways and Countries” by Abu'l-Qasim Ibn-Haukal. *Proceedings of the Central Asian State University named after V. I. Lenin. Archeology of Central Asia*. IV. Tashkent: SAGU Publishing House, 1957; 4: 13–27. (in Russ.).
21. Negmatov N. *Osrušana in antiquity and the early Middle Ages*. Stalinabad: Publishing House of the Academy of Sciences Tajik. USSR, 1957. (in Russ.).
22. Hudud al-'Alam, *The Regions of the World. A Persian Geography*, 372 A.H. – 982 A.D. / Translated and explained by V. Minorsky. London: E.J.W. Gibb Memorial, 1970.
23. Marvazi Sharaf al-Zaman Tahir. *On China, the Turcs and India / Arabic text with an English translation commentary by V. Minorsky*. London: The Royal Asiatic Society, 1942.
24. Zahoder BN. *The Caspian summary of information about Eastern Europe. In 2 vols. Vol. II. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs*. Moscow: Nauka, The Main Editorial Office of Oriental Literature, 1967. (in Russ.).
25. Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10 Jahrhundert. *Ungarische Jahrbücher*. B. IV, Heft 3/4. 1924. Dezember. SS. 261–334
26. Ahmet-zeki Validi. Die Nordvölker bei Biruni. *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*. 1936; 90: 38–51
27. Timokhin DM. Dagestan in Arab-Persian geographical works of the first half of the XIII century. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(4): 778–795. (in Russ.).
28. Muhammad ibn Najib Bakryan. *Jahān-nāme (The Book about the World)* / Text publication, introduction and pointers by Yu. E. Borshchevsky. M.: Nauka, GRVL, 1960. (in Pers.).
29. Karaulov NA. Information of Arab geographers of the IX and X centuries by R. X. about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. Issue XXIX*. Tiflis: Department of the Caucasian Educational District, 1901; 29: 1–73. (in Russ.).
30. *Mujmal at-tawarih wa-l-kisas*. Tehran: Chapahaney-e Havar Tehran, 1318. (in Persian).

Поступила в редакцию 24.07.2022 г.

Принята в печать 03.10.2022 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 24.07.2022

Accepted 03.10.2022

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19118-38>

Исследовательская статья

Айтберов Тимирлан Магомедович,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
timirlan222@mail.ru

Багомед Гадаевич Алиев,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Aliev.bagomed@list.ru

ГЕНЕАЛОГИЯ АКУШИНСКИХ КАДИЕВ В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот новых эпиграфических арабоязычных источников о прошлом Акуша, выявленных в родословных памятных записях и колофонах рукописных книг. Новые источники существенно дополняют информацию о кадиях Акуша, а в отдельных случаях позволяют кардинально пересмотреть сложившиеся научные представления о генеалогических связях кадиев Акуша-Дарго. Во второй половине XIX в. офицер царской армии А.В. Комаров впервые высказал мнение о существовании на отдельных территориях Дагестана института наследственных кадиев, которые либо уже трансформировались в кадиев-эмиров, «духовных князей», либо имели тенденцию к превращению в таковых. Он локализовал наличие этого института в северной части Табасарана, которая примыкала к Дербенту с запада, и в обществе Акуша. В 1986 г. одним из авторов настоящей статьи, Б.Г. Алиевым, был составлен список акушинских кадиев на основе русских источников, разысканий А.Р. Шихсаидова и полевого материала. Несколько десятилетий этот список был опорой в изучении политической истории региона. В свете новых данных авторами ставятся вопросы касательно хронологии нахождения акушинских кадиев у власти и подвергаются сомнению сведения А.В. Комарова. Вносятся новые данные об очередности кадиев Акуша, времени их нахождения у власти, о существовании института наследственных кадиев Акуша в XVII – начале XIX в., в наследовании указанного титула внутри одного акушинского рода, а тем более одной семьи. Авторы допускают, что к середине XVIII в. возникла тенденция к превращению кадиев Акуша в подобие кадиев-князей Северного Табасарана, но элита «даргинцев» конца XVIII в. этого не допустила. В статье приводятся общие сведения об Акуша, подробная историография вопроса о кадиях Акуша, обзор новых источников и выводы авторов. При написании данной статьи был применен сравнительно-сопоставительный метод.

Ключевые слова: Акуша; Комаров; Дарго; Баганд-кади; Иса-мухаджир; даргинцы; институт наследственности; Табасаран; Абдулхалим-кади; Аюб-кади; дагестанцы; Чарак; Абакар-хаджи-кади; Дагестан.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19118-38>

Research paper

Timirlan M. Aytberov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
timirlan222@mail.ru

Bagomed G. Aliev,
Dr. Sci. (History), Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Aliev.bagomed@list.ru

GENEALOGY OF THE AKUSHIN QADIS IN THE LIGHT OF NEWLY SOURCES

Abstract. The article introduces new epigraphic Arabic-language sources on the history of Akusha, revealed among the genealogical records and colophons of manuscripts. The new sources substantially supplement the information about the qadis of Akusha, and in some cases make it possible to radically revise the existing scientific ideas about the genealogical ties of the qadis of Akusha-Dargo. In the second half of the 19th century, an officer of the tsarist army A.V. Komarov was the first to suggest the existence in certain territories of Dagestan of the institution of hereditary qadis, who either had already become qadi-emirs, “spiritual princes”, or had a tendency to turn into such. He localized the presence of such an institution in the northern part of Tabasaran, which adjoined Derbent from the west, and in the Akusha union of communities. In 1986, one of the authors of this article, B.G. Aliev, compiled a list of Akushin qadis on the basis of Russian sources, A.R. Shikhsaidov’s works and field material. For several decades, this list has been of great help in the study of the political history of the region. In the light of new data, the authors raise questions regarding the chronology of the Akushin qadis in power and question the information of A.V. Komarov. The authors introduce new data on the chronology of Akushin qadis’ stay in power, on the existence of the institution of hereditary of Akushin qadis in the 17th – early 19th centuries, in the inheritance of the mentioned title within one Akushin clan, and even more so, within one family. The authors admit that by the middle of the 18th century there was a tendency among the qadis of Akusha to turn into the likeness of the qadis-princes of Northern Tabasaran, but the “Dargin” elite of the late 18th century did not approve it. The article provides general information about Akusha, a detailed historiography of the issue of Akushin qadis, a review of new sources and the conclusions of the authors. When writing this article, a comparative method was applied.

Keywords: Akusha; Komarov; Dargo; Bagand-Qadi; Isa-Mujahir; Dargins; institution of hereditary; Tabasaran; Abdulhalim-Qadi; Ayub-Qadi; Charak; Abakar-Haji-Qadi; Dagestan.

Введение

Кавказоведы, опирающиеся в своих разысканиях на самые разнообразные источники, знают Акуша (ныне крупный населенный пункт в центральной части Дагестана) как значительный политический и религиозный центр. Обращало на себя внимание то обстоятельство, что в делах военного и политического характера, проходивших на территории восточнокавказского региона в XVIII–XIX вв., а может быть и раньше, акушинцев возглавляли «кадии». Т.е. их лидерами были не феодалы, не князья-эмиры, происходившие из определенных династий Дагестана, а люди совсем другого порядка. Это те, в ком привычнее, в контексте термина, было бы видеть регуляторов вопросов, связанных с мусульманскими религиозными ритуалами, проблемами семейного и уголовного права.

В арабоязычных документах, официальных посланиях, ходивших по мусульманскому миру, в течение нескольких столетий можно встретить популярный синоним для топонима «Акуша» – «Дарго». Он употреблялся в значении не отдельный влиятельный город даргиноязычных горцев, с его угодьями, а как более или менее обширная территория в горах Дагестана – многолюдная «Акушинская община», включающая в себя множество населенных пунктов округа. В русскоязычной среде XIX в. он привел к появлению таких терминов, как «Акуша-Дарго» и «даргинцы».

«Акуша», точнее, Акушинская община, то есть «Дарго» (варианты написания и произношения: *Даркка* // *Дарга* // *Даркэ*) [1, с. 66–67; 2, с. 159], являлась военно-политической единицей, которая сыграла значительную роль в истории Восточного Кавказа. Термин «Дарго» можно встретить в одном из дагестанских нарративов XVIII в., повествующих о событиях рубежа XIII–XIV вв. [1, с. 150–161]. Далее он встречается в памятной записи, выполненной неким Кади-Джабраилом при описании важного исторического события конца XIV в. Упомянутая запись доступна сегодня только лишь в копии конца XX в., а, следовательно, этот источник является дискуссионным [2, с. 110]. Недавно акушинские краеведы – братья Магомедовы – передали нам вариант обозначенной выше памятной записи, сделанный по-арабски на рубеже XVII–XVIII в. (?) рукой влиятельного усишинца по имени «Чахмах», который сообщает, что в 797 г.х. (1394–95 г.) во время нашествия чагатаев было сожжено селение Мемухи, чье население постепенно перебежало в горную местность, лежащую между Казикумухом (*Гъазигъумукъ*) и Аваром (*Авар*). Немаловажно для разрабатываемой здесь темы то, что термин «Дарго» Чахмахом Усишинским в памятной записи не упоминается. Отметим также, что в Европе сохранился латинский текст начала XV в., где издатель предложил читать один из дагестанских топонимов как «Дарго» [3, с. 24].

Важно отметить, что самая ранняя и полностью достоверная фиксация термина «Дарго», как общины с центром в «Акуша», наблюдается в арабоязычной памятной записи от 1612 г. Фиксация же его в арабоязычном источнике документального характера относится ко времени не позднее 1622/29 г. [4, с. 51–52; 5, с. 320–321].

Самые ранние и достоверные упоминания топонима «Акуша» присутствуют в колофонах арабских рукописей, написанных «Идрисом, сыном Ахмада», например, в упоминании, что в 912 г.х. (1507 г.), «в селении Акуша (*Ахъушагъ*)» он переписал рукопись «*ал-Ихйа*» [6, №3].

В историографии советских лет, где часто встречается термин «Акуша-Дарго», указывается, что подавляющая масса жителей «Дарго» говорила на даргинском языке.

Согласно наблюдениям кавказоведов XIX в., в нескольких селениях «Дарго» родными языками местных жителей были аварский и лакский.

Все вопросы акушинской и – шире – «общедаргинской» истории присутствуют в трудах Р.М. Магомедова, а также у Х.-М.О. Хашаева, Б.Г. Алиева и М.-З.О. Османова [7, с. 115–142; 8, с. 167–172; 9, с. 129–209; 10, с. 144–203; 11, с. 38–69]. Труды перечисленных авторов написаны на базе весьма внушительного блока материалов русского происхождения, но с широким привлечением «полевого материала», который имел значительную научную ценность, как исторический источник, ибо не являлся пересказом чьих-либо книг и статей, напечатанных в XX в., как это имеет место зачастую ныне. В этих работах справедливо отмечалось особое значение «общества» во главе с «Акуша», состоявшего к началу XIX в. из почти четырех десятков поселений [7, с. 118], для которых Акуша играло роль политического центра.

Подтверждением этому можно считать и текст тюркского списка «Дербент-наме», где сказано, что «главным городом» горной части Дагестана, которая расположена к северо-западу от Дербента, «является Акуша». Последняя при этом сравнивается автором «Дербент-наме», созданного в конце XVII в., по общественно-политическому статусу с Хунзахом [12, с. 34].

Теперь несколько слов об арабском по происхождению термине «кадий», ибо тема кадиев, их реального статуса в старом Акуша обсуждается в кавказоведении с XIX в. Делалось это, правда, на основании круга источников значительно более узкого, чем представленный в данной статье. Согласно шариату, группа мусульман, особенно объединенная в рамках отдельного района, городка или квартала большого города, должна иметь мусульманского судью. В аваро-даргино-лакских регионах Дагестана выделяли таковых словом *къади*, а в Южном Дагестана – *къази* (от арабского – *кади* «судья»).

Историография вопроса

В XIX в. А.В. Комаров отмечал, что в отдельных регионах Дагестана – в Северном Табасаране и Акуша – имелись наследственные кадии. Их отождествляли с владельческими князьями-эмирами, в пользу которых местное население отбывало разнообразные повинности. Кадии относились к общественной категории, составлявшей на территории своего проживания особый «род», из которого «выбирались» ее феодальные правители, наделяемые титулом «кадий» [13, с. 83].

В Северном Табасаране проживало население, говорившее на табасаранском (*къапъган*), а также азербайджанском языках. Некоторая часть использовала татский язык. Кадии Северного Табасарана были наследственными получателями повинностей с зависимого сословия (*раятов*), – как натуральных, так и отработочных, – и были носителями власти на названной территории. А.В. Комаров указывал, что среди северо-табасаранских кадиев было немало лиц «вовсе неграмотных», то есть не владеющих арабским языком, а также не знающих мусульманские догмы и, тем более, шариат [3, с. 83]. Вряд ли будет сегодня оправданным ставить в один типологический ряд табасаранских кадиев [14, с. 158–160] с кадиями Акуша, которые являлись признанными знатоками мусульманского права и шариата, не имели в руках своих ни одного раятского селения и не получали подати.

В пользу необоснованности существующей сегодня научной линии на практическое уравнение кадиев Северного Табасарана и кадиев Акуша говорит и новый ценный для

кавказоведения материал. Это арабский текст, предоставленный акушинцем Калимуллой Магомедовым, имеющим родство с Мухаммадом-кади «Баганд-кадиевым» (первая половина XIX в.).

На полях некоторых арабских рукописей, хранящихся в Среднем Дагестане, можно увидеть запись от 1197 г. х. (1782–83 г.). Она восходит к арабскому тексту, сохранившемуся, судя по всему, плохо и, соответственно, разобранному первым, кто ее увидел, в виде не совсем удовлетворительном. Ясно из нее одно – кадий (*къади*) Акуша не назначался из одного только акушинского рода (*насл*). Напротив, собрание акушинцев (сделано по-арабски пояснение: «акушинская община», то есть *джамаат*) выбирало кадием самого умного из числа собравшихся, самого справедливого из них, и самого большего знатока мусульманских наук. Кадии Акуша должны были обладать «дагестанской яростью» в боях и соответствующими «умственными способностями, а также состоятельностью», достаточными для решения проблем, когда они возникают, и т.д. (рис. 1).

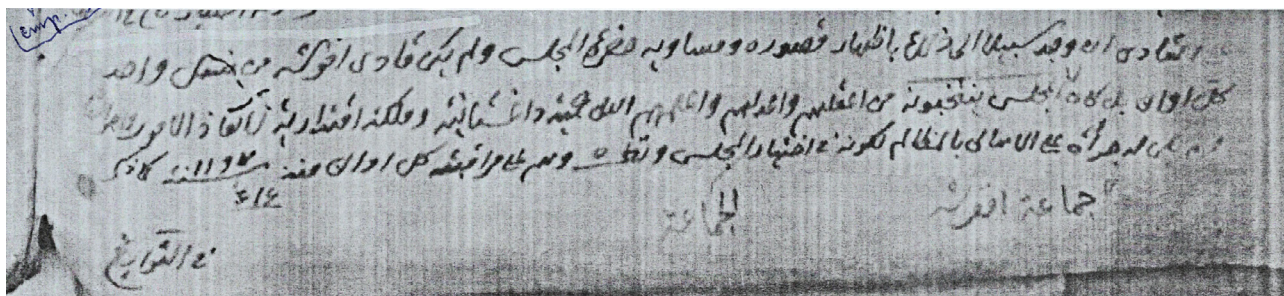

Рис. 1. Памятная запись о кадиях Акуша // Личный архив К. Магомедова

В середине XX в. о кадиях Акуша писал Р.М. Магомедов [7, с. 119, 139]. Выразив свое согласие с позицией предшественников о том, что кадий Акушинский был «главным духовником народа», исследователь акцентировал внимание на ином. Речь идет о превращении кадия, то есть шариатского судьи одного лишь «вольного общества» горцев Среднего Дагестана, в фигуру более значимую – в главу многочисленного союза и федерации союзов, который объединял в своем составе ряд вольных обществ (на дарг. яз. – *xIyureba*), где впоследствии образовалось «кадиево владение» с центром в Акуша, подобное тому, которое было в Табасаране. Р.М. Магомедов указывает, что в XVIII в. это произошло при главенстве Акуша и акушинцев [7, с. 68, 119]. Кадии Акуша выступали лидерами не только в военных делах, но и в иных, далеких от духовных проблем, мероприятиях. Находясь в статусе кадия всего союза Акуша-Дарго в XVIII – начале XIX в., он пользовался правом короновать князей, сидевших в Тарки, то есть шамхалов [7, с. 119]. В работе Р.М. Магомедова упоминаются поименно лишь три акушинских кадия: Мухаммад-кади (по его датировке конец XVIII в.), Зухум-кади, как лицо, сменившее упомянутого, и Нурбаганд – последний из якобы наследственных кадиев Акушинского союза [7, с. 139]. Данная фраза свидетельствует, что Р.М. Магомедов принял позицию А.В. Комарова касательно института наследственных кадиев в Акуша.

В монографии Х.-М.О. Хашаева, посвященной истории Дагестана XIX в., проанализировано значительно большее количество российских архивных материалов, чем у его предшественников. В ней присутствует первое в кавказоведении четко документированное указание на существование у русских термина «Акуша-Дарго»

(*акуш-дарго*), которым обозначалась в 30-е годы XIX в. обширная территория горной зоны Восточного Кавказа. Он указывает, что Акуша-Дарго обращала на себя внимание тем, что имела первенствующее лицо – кадия, обладавшего не только духовной властью, но и решавшего важнейшие общественные дела [8, с. 167]. В этой работе в 1961 г. Х.-М.О. Хашаев счел необходимым пойти вопреки общепринятому мнению, впервые высказанному авторитетным А.В. Комаровым, о том, что кадии, которые стояли во главе Акуша, являвшиеся носителями якобы наследственной власти, принадлежали к категории «полных невежд» в вопросах арабского языка, да и ислама вообще. Наоборот, по мнению Х.-М.О. Хашаева, кадии Акуша, хотя и принадлежали только лишь к одной местной фамилии, с чем мы не согласны, но обязаны были знать богословские догматы в сфере ислама и шариат [8, с. 167].

В конце 80-х годов XX в. одним из авторов данной статьи, Б.Г. Алиевым, были опубликованы многочисленные материалы о кадиях Акуша, собранные им в ходе полевых работ. В статье об акушинских кадиях были выдвинуты научные положения, которые являлись на тот момент новаторскими для кавказоведения. В частности, о том, что Акушинский союз верхнедаргинских обществ образовался примерно в XIII–XIV вв., а не в XVIII в., как полагал в 1975 г. Р.М. Магомедов. Отличала этот союз горцев большая территория, он объединял пять верхнедаргинских союзов сельских общин: Акушинский, Усишинский, Мугинский, Мекегинский и Цудахарский [15, с. 166–169]. Во главе данного объединения с конца XIV в. стояли кадии Акуша, которые происходили из акушинского квартала «Харша» (*Хъарша*).

Выявленные в последние годы арабские тексты, которым будет посвящена отдельная работа, допускают и другую точку зрения по вопросам датировки и генезиса института кадиев Акуша, их статуса, который известен современным кавказоведам.

В работе 1986 г. было высказано мнение, основанное на архивных источниках, о том, что «не было в истории союза ни единого случая, когда бы при выборе главного кадия Акуша-Дарго... обошли бы кадиевский род». [15, с. 166]. Новые арабоязычные источники, выявленные к настоящему времени, позволяют пересмотреть и это мнение.

Список кадиев Акуша, составленный в 1986 г., заметно шире списка Р.М. Магомедова 1957 г., приведённого в монографии Х.-М.О. Хашаева 1961 г. [8, с. 168]. Например, в списке от 1986 г. первым известным кадием Акуша назван некий Хаджимахмуд (упоминается в 1612 г.), являвшийся сыном Мухаммада. При этом упоминаемый здесь Мухаммад был также признан кадием Акуша, но более раннего времени, а именно конца XVI в. [15, с. 166], в то время как список кадиев Акуша, который выставлен Р.М. Магомедовым, начинается с личности конца XVIII в.

Следующим кадием Акуша, зафиксированным в списке 1986 г., является Абдулхалим (упоминается под 1685 г.), сын Динмухаммада. Тогда же было высказано предположение, что Динмухаммад также был кадием Акуша, но где-то ранее второй половины XVII в. [15, с. 167]. Здесь важно отметить, что в генеалогическом по содержанию тексте Исы Акушинского, признанного в XIX в. мусульманского ученого, упоминается Динмухаммад, который был, как написано, сыном Абдулхалима, сына того Усмана, который жил на рубеже XVI–XVII вв. (подробнее об этом источнике ниже)

Следующим в списке от 1986 г. указывается Аюб, бывший кадием в XVIII в. [15, с. 167], что не вызывает возражений. Новыми источниками не подтверждается, однако, высказанная тогда дата кончины Аюба в 1709 г.

Датой смерти акушинского кадия Абдулхалима в списке 1986 г. указан 1711/12 г. [15, с. 167]. Эта информация, подтвержденная и другими историческими источниками, является ценным вкладом в кавказоведение.

Следующим кадием после Абдулхалима (1730 г.) назван некий «Аслубекер (Аслубакар)». Он умер предположительно в начале 30-х годов XVIII в. [15, с. 167]. На наш взгляд, в свете обнаруженных в последнее время исторических источников доказательство как самого существования указанного здесь кадия в первые десятилетия XVIII в., так и дата его кончины, все еще не найдены.

С начала 30-х годов XVIII в. кадием акушинских народов, то есть союза Акуша-Дарго, состоявшего тогда из нескольких десятков горских деревень, был, согласно русским документам XVIII в., уже Аджи-Айгун (Хаджи-Аюб). В дагестанских языках арабское имя «Аййуб» произносят часто как «Айгун», что обосновал кавказовед-языковед И.Х. Абдуллаев. В сел. Мекеги, то есть на исторической территории федерации союзов Акуша-Дарго, в XX в. существовала арабская памятная запись, согласно которой кадий Аюб Акушинский умер в 1766/67 г. [15, с. 167]. В настоящее время, однако, и эта дата может быть пересмотрена в свете новых источников, приводимых в работе Ш.М. Хапизова, М.Г. Шехмагомедова [16, с. 321], а также наших последних разысканий, что отражено в данной статье.

Присутствует в списке акушинских кадиев 1986 г. еще одна известная кавказоведам личность, проявившая себя в начале XIX в. Это воитель Абакар-хаджи-кади, упоминаемый в записке Исы Акушинского. Абакар-хаджи-кади был известен не только в Дагестане, но и на Южном Кавказе [17, с. 159–160].

После 1811 г. акушинским кадием был некий Зухум (*Зугьум*), упоминаемый и в монографии Р.М. Магомедова 1957 г. Согласно списку 1986 г., Зухум добровольно уступил свой титул авторитетному человеку по имени Мухаммад. Также было высказано предположение, что Мухаммад был сыном Абакар-хаджи-кадия [15, с. 167, 168]. Однако арабский эпиграфический материал из сел. Акуша, недавно обнаруженный местными кавказоведами, как и прилагаемая здесь записка Исы Акушинского, позволяют пересмотреть это предположение.

У Мухаммада-кади Акушинского был сын Иса, известный в Дагестане ученый, который погиб в местности «Меседил хор» (ныне на территории Азербайджанской Республики) и был похоронен мюридами имама Шамиля в аварском сел. Гоцатль. Другой сын Мухаммада-кади Акушинского – шамилевский наиб Абакар-хаджи. Через акушинцев Магомедовых к нам попала ксерокопия неизвестного ранее письма от даргинского мухаджира¹ Алибека, адресованного наибу имама Шамиля Абакар-мухаджиру. В нем, в частности, упоминаются проблемы, связанные с сел. Урахи. Этот акушинец Абакар служил долгие годы комендантом непреступной горской крепости Улиб (в русских документах XIX в. «Уллу-кала»), стоявшей на скале, напротив аварского сел. Гергебиль. С течением времени, этот Абакар, сын Мухаммад-кадия, был повышен до звания мудира, имевшего в подчинении своем нескольких наибов Имамата [18, с. 46, 496–499; 19, с. 15, 144; 20, с. 354–359].

В 1819 г. кадием союза Акуша-Дарго был назначен русскими Зухум, бывший в указанном статусе до Мухаммада-кади. Новые источники наводят на мысль, что данный Зухум-кади был дедом Чарака (уб. в 1877 г.). За храбрость и верность имамату Чарак считался в горах легендарной личностью послешамилевской эпохи.

1. Переселенец на территорию, где действуют законы шариата – т.е. в Имамат.

В 1827 г. акушинец Зухум-кади обратился к русским властям с просьбой освободить его от обязанностей кадия Акуша «из-за» его «старости» [15, с. 168]. Возможно, что уход Зухума был продиктован и совсем другими причинами – политическими.

В 1847 г. кадием Акуша был назначен Шахбан Зухум (то ли Зухум сын Шахбана, то ли Зухум Шахбанов). Это был человек, происходивший не из города (Акуша), а из даргинского селения Уллу-ая, являвшегося отселком Акуша.

В качестве последнего из якобы наследственных кадиев всего союза Акуша-Дарго в списке 1986 г. упоминается Нурбаганд-кади, сын Зухум-кадия [15, с. 168]. Приводимый в настоящей статье новый арабоязычный материал из собрания памятных записей (см. ниже, рис. 15), подтверждает, эту связь между указанными здесь влиятельными личностями XIX в.

Генеалогия акушинских кадиев, составленная в 1986 г., получила большое признание в среде как ученых-профессионалов, так и дагестанской общественности. Она же изложена в монографии, посвященной социально-экономической и политической истории Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в., изданной в 2008 г. [21, с. 196–199]. Этот же список акушинских кадиев, без заметных изменений, приводится и в статье, которая увидела свет во Владикавказе в 2013 г. [21, с. 20–28].

Высоко оценивая кавказоведческие изыскания, проведенные представителями советской историографии во второй половине XX в. на основе научных работ XIX – начала XX в., необходимо высказать ряд критических замечаний. Дело в том, что опора только лишь на те тексты, которые исходят от военнотружущих императорской армии, а также на русскоязычные документы, как и записки рубежа XIX–XX вв., хранящиеся в отечественных архивах, при взгляде на проблему кадиев Акуша создает картину, которая не вызывает сегодня полного удовлетворения. Приводимые ниже тексты арабоязычных документов позволяют – следуя сравнительно-сопоставительному методу в историографии – дополнить и пересмотреть достижения упомянутой выше советско-российской историографии вопроса генеалогии акушинских кадиев.

Цель написания данной статьи, во-первых, показать ученым, что касательно истории кадиев Акуша, которые играли заметную роль в жизни народов Восточного Кавказа XVIII–XIX вв., имеется немалое количество неизвестных ранее источников; во-вторых, свести воедино собранные источники, ставшие доступными авторам этих строк, далее, проанализировать их и ввести в научный оборот; в-третьих, высказать свои соображения о кадиях Акуша указанного времени, обладающие при этом несомненной новизной и обоснованностью.

Источники

а) Родословная Исы Акушинского – ученого, воина шариатской армии, шахиды, брата коменданта шамилевской крепости Уллу-кала.

Арабский текст данного исторического источника получен авторами статьи от акушинца Абумуслима Магомедова – арабиста, потомка Исы-мухаджира. Написан текст каламом, черными чернилами местного изготовления (на даргинском языке – *шинкъа*), почерком *насх*, рукой ученого Исы Кадиева. Текст снабжен вспомогательными значками, которые помогают правильному пониманию его содержания (рис. 2).

Первый предок Исы-мухаджира – Давуд – жил в начале XVII в., то есть был он современником Михаила Романова и шахиншаха Аббаса I.

Перевод текста

«Написано рукой Исы – сына кадия Мухаммада, являющегося сыном кадия Баганда (БахIанд), сына Мусы, сына Юсуфа (Йусуф), сына Ибрахима, сына Мухаммада, сына Юсуфа, сына Давуда, который обладал – как рассказывают, – способностями к проявлению чудес.

Далее. Ису родила кадию Мухаммаду Патимат (Фатима) – дочь Абакара-хаджи (Абу Бакр), отцом которого был Муса, являвшийся* одним (?) [из] их [предков(?)]², а также, входивший в число наших дедов.

Далее. Кадия Мухаммада – сына кадия Баганда – родила Хамис, являвшаяся дочерью Аюба-кади, который был сыном Мирзы, являвшегося сыном Ярахмада (ЯрахIмад), сына Мухаммада, сына Ярахмада.

Родила того Аюба-кади женщина, которую называли Масрах (М.с.р.х), являвшаяся дочерью Бахтум и Динмухаммада, того, который был сыном Абдулхалима, сына Усмана.

Далее. Патимат, мать Баганда-кади, была дочерью Абакара-хаджи-кади и женщины по имени Вашан (В ш н.). Что же касается этого Абакара-хаджи-кади, то он был сыном Али, который был сыном Каймирзы, сына Сулаймана.

Далее. Юсуфа, который был сыном Ибрахима, родила Зайнаб, являвшаяся дочерью Мирзы – сына Ярахмада».

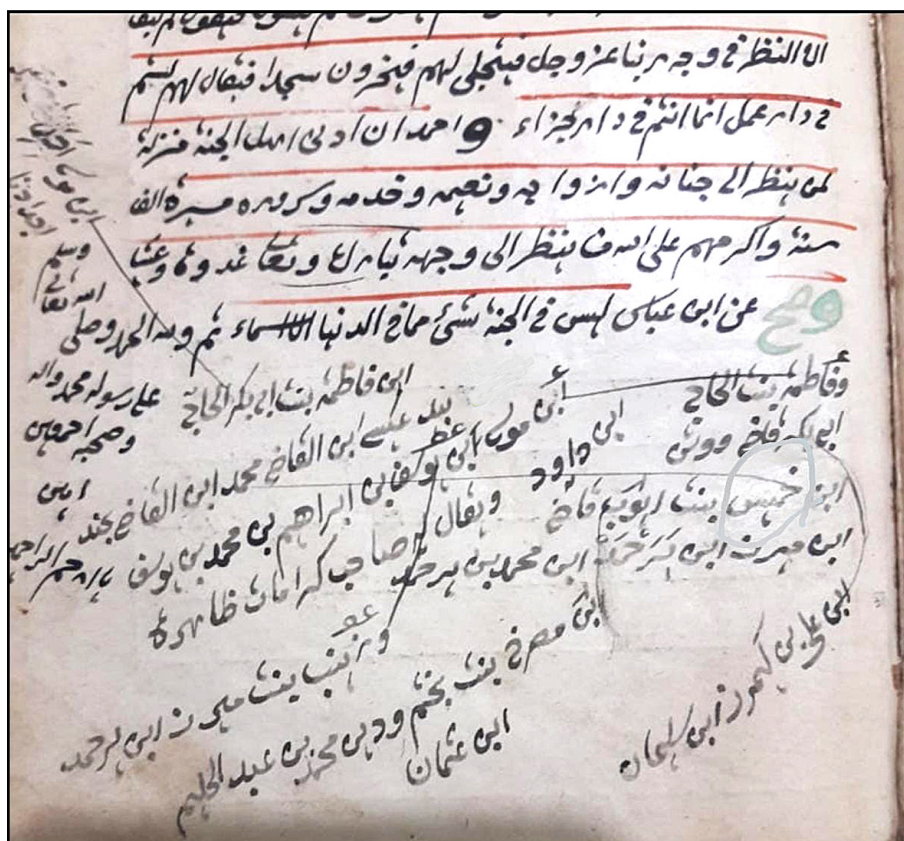

Рис. 2. Родословная Исы Акушинского // Личный архив А. Магомедова

б) Надпись на плите XIX в. с упоминанием о кончине акушинца Мухаммада, являвшегося сыном брата Баганда-кади Акушинского.

2. Лакуна в арабском тексте. Может быть, что по-арабски написано здесь: «... одним [из потомков –?] женщины по имени Масрах».

На кладбище сел. Акуша стоит хорошо обработанная каменная плита, считающаяся памятником шахиду эпохи Кавказской войны. С данной стелой познакомил нас акушинец Калимулла Гамзатгаджиев – один из потомков Исы-шахида, известного как мухаджир.

На каменной плите вырезаны две рамки. Они содержат в себе арабские надписи, нижняя из которых сегодня практически не читаема. В верхней же рамке вырезана по-арабски родословная, текст которой частично совпадает с родословной Исы-шахида, являвшегося сыном Мухаммада-кади Акушинского, сына Баганда-кади Акушинского (рис. 3). Из эпитафии Баганда-кади известно, что он скончался в 1203/1788–89 г. Таким образом, Давуд – родоначальник известных на сегодня акушинских кадиев жил в первые десятилетия XVII в.

Перевод текста

«Скончался Мухаммад – сын Мухаммада, являвшегося сыном Абакара, сына Мусы³, сына Юсупа, сына Ибрахима, сына Махмуда, сына Давуда

Да простит их Аллах!

В году: два, пятьдесят, от ста, то есть в [тысяча двести пятидесятом,] тринадцатое [число –?]

Надпись в первой рамке, то есть родословная Мухаммада, дает там странную дату. Здесь имеет место либо слабое знание арабского языка составителем эпитафии, человеком, писавшим ее на бумаге чернилами, что маловероятно; либо присутствует ошибка, допущенная резчиком по камню, который вырезал, вместо «двести» слово «сто». Опираясь в данном случае на перечень предков Мухаммада Акушинского (XIX в.), который дает кавказоведам эпитафия, мы полагаем, что он был ранен в бою, участвуя в газавате, но умер дома, что случилось после весьма продолжительной болезни, то есть формально этот Мухаммад не является шахидом. Видимо по этой причине на могиле данного акушинца в эпитафии нет эпитета «мученик за ислам», хотя могила этого Мухаммада пользуется почитанием.

Рис. 3. Плита XIX в. на могиле в сел. Акуша с надписью о кончине акушинца Мухаммада, являвшегося сыном брата Баганда-кади Акушинского

в) Колофон рукописной книги конца XVII в., содержащий упоминание Абдулхалима-кади Акушинского. (1685 г.).

3. Сын отмеченного здесь лица, носивший имя Мухаммад («Баганд»), умер в 1788/89 г. (см. ниже **И**).

В Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДФИЦ РАН хранится рукописный сборник (№2123), содержащий два труда ал-Газали, а именно: «Зикр ал-мавт» и «Айа ал-валад». Этот сборник переписал в 1096 г. (1685 г.) некий Яси, сын Мухаммада, житель лакского сел. Уллучара (Улучара; в современном лакском языке – Уручул) (рис. 4).

Перевод текста

«Переписан сборник работ ал-Газали в медресе ... справедливого и совершенного человека, кадия Акушинского по имени Абдулхалим, сына Динмухаммада. Завершилась переписка этого сборника в среду месяца раджаб тысяча девяносто шестого года по хиджре», то есть в 1685 г.

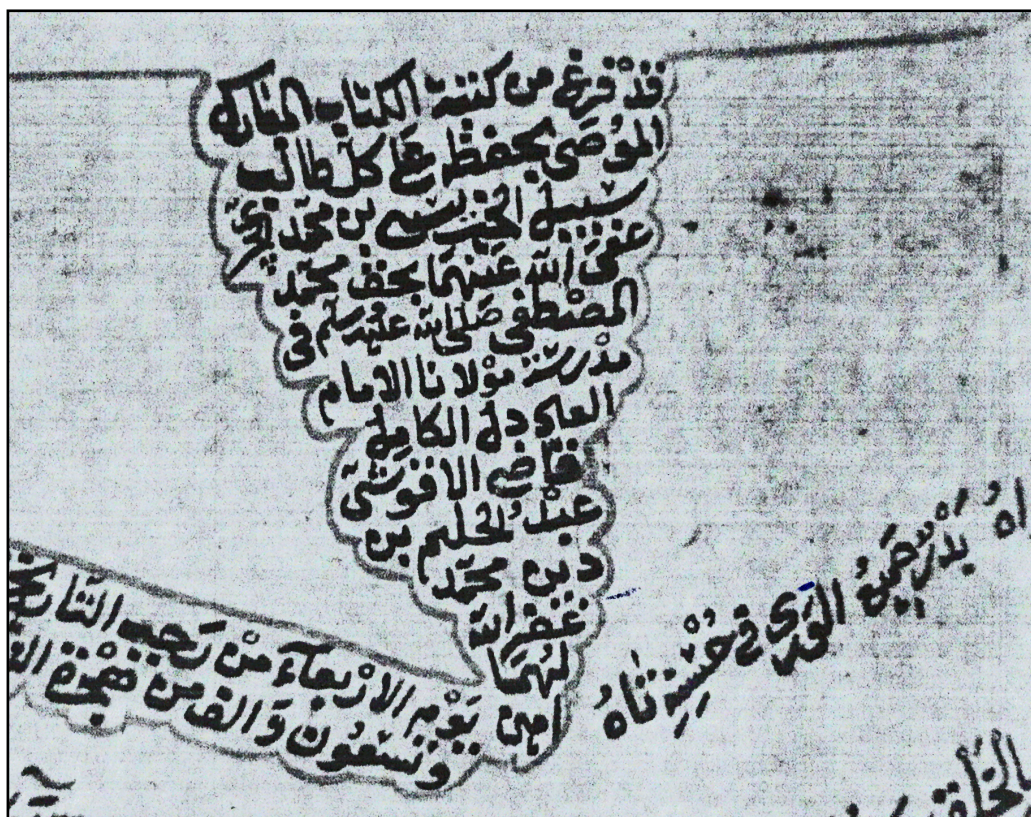

Рис. 4. Колофон сочинения ал-Газали // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Оп. 14. №2123

г) Эпитафия кадия Абдулхалима Акушинского (1123/1711–12 г.).

Эпитафия вырезана по-арабски на массивной плите, стоящей на кладбище акушинского квартала Хъарша, около мечети. В стене этой мечети имеется каменная плита, находившаяся ранее, по рассказам старожилов, в стене знаменитой в Дагестане Акушинской соборной мечети, где вырезано, что «Мечеть эту построил Зайфудин, а сделал он это в тысяча сто шестьдесят первом году (1748 г.). Там же стоят надмогильные плиты шахидов XIX в.: Мирзы, – сына Муртазали, сына Давуда, сына Мухаммада, – который стал «шахидом» в 1226/1811 г., что произошло «в сражении с неверными»; а также, надгробие некоего Мухаммада, – сына Шамхала, – который пал в 1260/1844 г., «в сражении с неверными».

Интересующая нас плита, которую обнаружил один из авторов данной статьи еще в конце XX в., повреждена. Соответственно, арабская эпитафия, вырезанная на ней, читается не полностью.

Перевод текста

«Скончался кадий Абдулхалим... в году...».

В даргинских селениях довольно часто встречаются списки памятной записи на арабском языке, сообщающей о смерти Абдулхалима-кади⁴, участника вытеснения Калмыцкого ханства за Терек, в 1123 г.х. (1711/12 г.). Недавно от Калимуллы Магомедова нами был получен еще один список названной здесь памятной записи, также на арабском языке, который удалось ему обнаружить в Акушинском районе.

Приводим его перевод:

«Кадий Абдулхалим Акушинский умер в 1123 году (1711–12 г.)⁵.

Дату кончины Абдулхалима-кади Акушинского, присутствующую в приведенной здесь памятной записи, нужно принимать как достоверную. Известна принадлежность Абдулхалима-кади Акушинского к числу современников знаменитого Мусалава, то есть Мухаммада Кудутлинского (ум. в 1717 г.)».

д) Памятные записи о кончине Аюба-кади Акушинского (1171 г.х. (1757–58 г.).

Данный источник дошел до наших дней в нескольких арабских списках. Ниже мы публикуем список памятной записи (XX в.), который выявлен упомянутым выше акушинцем К. Магомедовым на территории Акушинского района. Фото источника приводится в описании памятных записей (Рис. 14).

Перевод текста

«На рассвете, в пятницу... месяца *раджаб*» 1171 года (1758 г.) «умер Аюб – кадий Акуша»⁶.

Научный интерес представляет следующий арабский список памятной записи о кончине Аюба-кади Акушинского, который был переписан в 1895/96 г. ученым по имени Муслим, происходившим из аварского сел. Урада [22, с. 136].

Перевод текста:

«Наиб Акуша-у-Дарго» ... Хаджи-Аюб ... «умер в 1171 году (1757–58 г.).

е) Разрешение на ведение преподавательской деятельности, данное в Иерусалиме, шафизмом Мухаммадом, сыном Мухаммада ал-Халили, который придерживается кадирийского тариката, четырем дагестанцам, в числе их тогда был шейх акушинский по имени Аюб. (1720 г.)

Документ написан по-арабски на листе бумаги черными чернилами, каламом, по черком насх, получен авторами данной статьи от акушинца Калимуллы Магомедова. Отметим также, что *разрешение*, используемое в нашей статье, представляет собой копию, которая датируется, судя по внешним признакам, приблизительно началом XIX в.

Разрешение содержит ценную для кавказоведения информацию. Во-первых, указав, что шейх Аюб Акушинский был сыном Мирзы, оно повторяет информацию, которая содержится в *родословной Исы Акушинского* (а), а во-вторых, она не подтверждает популярную идею о существовании в старом Акуша института наследственной передачи власти кадия Акушинского (рис. 5).

Перевод текста

«Предоставлено данное разрешение Мухаммадом б. Мухаммадом ал-Халили, проживавшим ранее в Египте (*Миср*), а ныне живущем в Иерусалиме (*Кудс*), следующим дагестанцам:

4. См.: Алиев Б.Г. Кадии... С. 167–169.

5. Об этом см. ниже: Р.

6. Об этом см. ниже: Р.

Давуду-хаджи, сыну Мухаммада;
 шейху Аюбу, сыну Мирзы;
 Умару, сыну Мухаммада;
 Мустафе, сыну Касима...

Выписано *Разрешение*, во время нахождения Мухаммада ал-Халили по соседству с мечетью, именуемой *ал-Акса*, в городском медресе.

«Мы – перечисленные дагестанцы, – находились тогда рядом с ал-Акса.
 Записал это Аюб Акушинский».

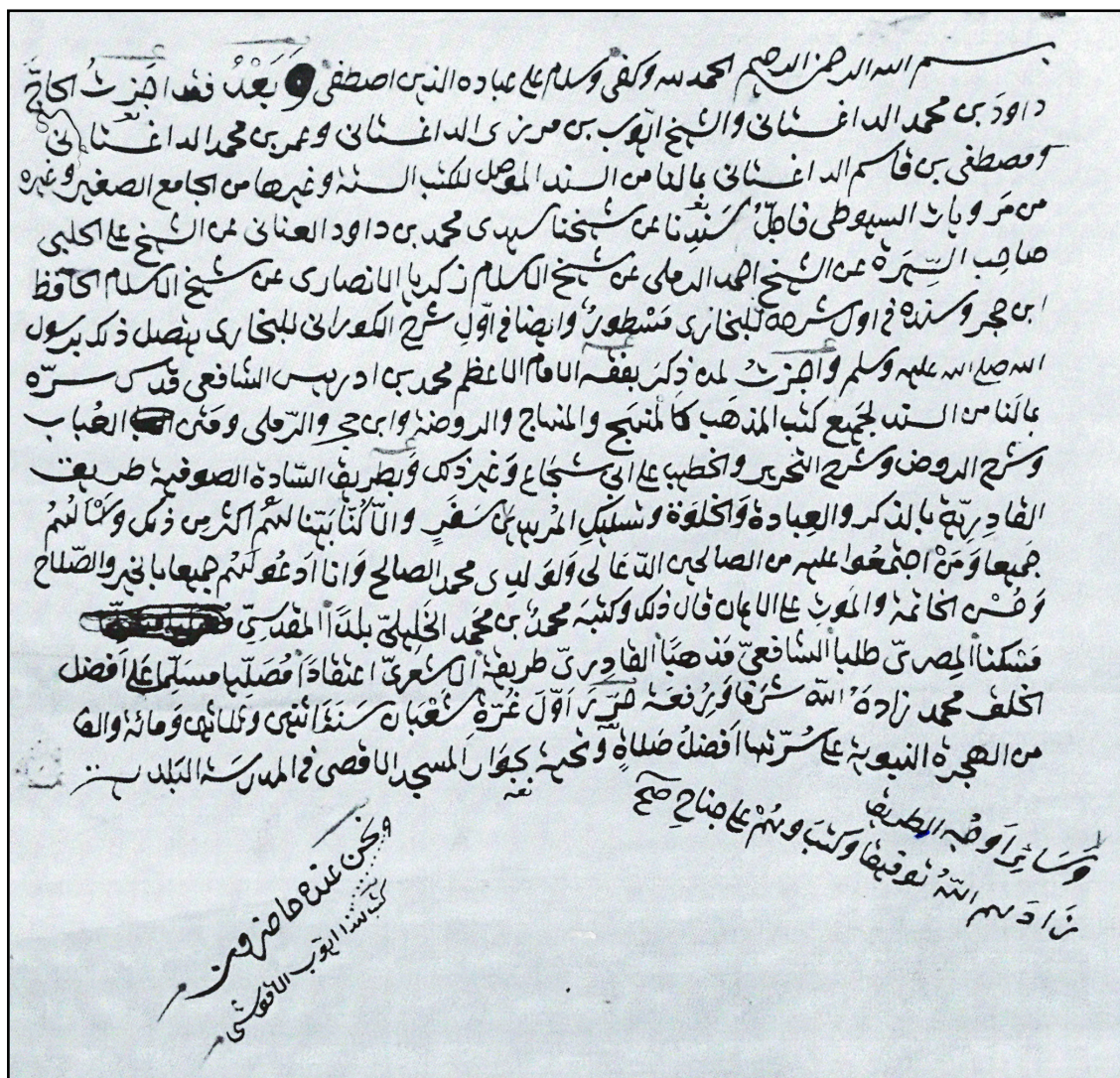

Рис.5. Разрешение Мухаммада, сына Мухаммада ал-Халили, четырем дагестанцам, в числе акушинскому шейху Аюбу // Личный архив К. Магомедова

ж) Запись с упоминанием хаджи Аюба-кади Акушинского и его медресе (1146/1733–34 г.).

На территории Акушинского района краеведом Абумуслимом Магомедовым выявлена старинная рукопись. В ее колофоне содержатся следующие сведения: «сочинение (букв. «список») это создано рукой главного шейха ислам, а именно хаджия, который совершил паломничество к двум святыням, Давуда Усишинского, являющегося печатью в дагестанском списке обладателей права на вынесение самостоятельных решений в области шариата (*муджтахид*), и представляет собой предмет устремлений

для ищущих знания». Далее говорится, что «Давуд Усишинский происходит из края (нахийа) под названием Дарго (Дарки), входящего в состав страны (вилайа) под названием Дагестан».

Сбоку по-арабски написано, но, судя по почерку, кем-то уже другим, следующее: «сочинение данной книги завершил ученый Хаджи-Давуд Усишинский в 1143 году» (1730-31 г.).

Ниже черными чернилами, каламом, причем той же рукой, которая создала колофон рукописи, написано следующее:

Перевод текста

«Написана эта рукопись рукой бедняги ... Якуба, который погружен в целое море забот, сыном Хаджи Усишинского. Это сделано им во время учебы (?) в медресе энергичного предстоятеля (имам), появляющегося во время молитв Аюба-кади Акушинского, который посетил обе мусульманские святыни.

Книга переписана Якубом Усишинским в тысяча сто сорок шестом году (1733/34 г.) от хиджры Пророка» (рис. 6).

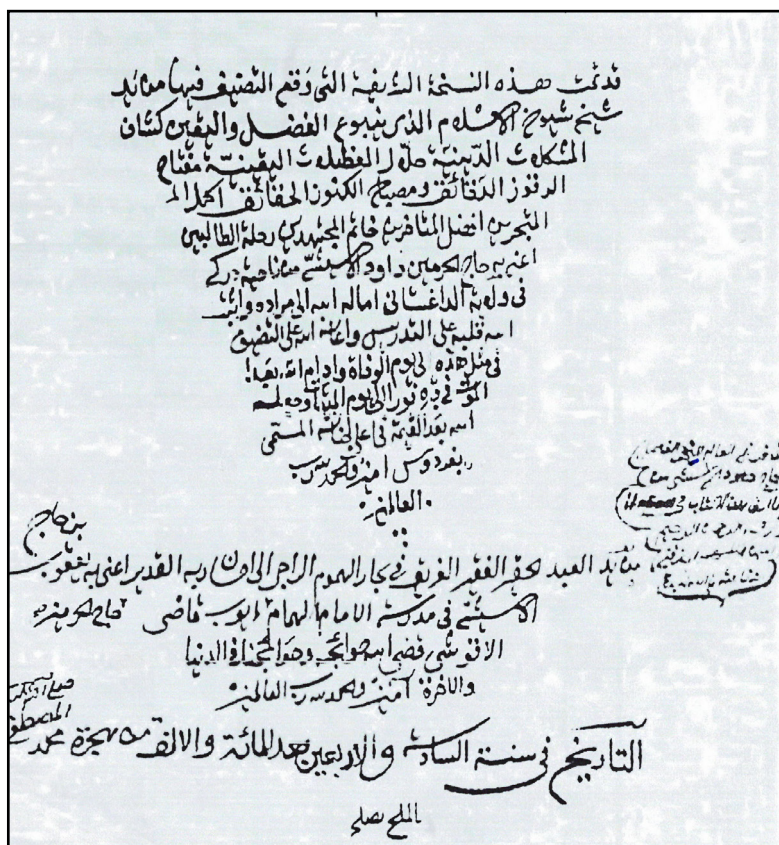

Рис. 6. Колофон рукописи упоминанием хаджи Аюба-кади Акушинского и его медресе
// Личный архив А. Магомедова

3) Приписка к старинной арабской рукописи, именуемой дагестанцами «Ибн Хаджар», где упоминается Аюб-кади Акушинский.

В мечетской библиотеке сел. Акуша один из авторов данной статьи в конце XX в. видел старинную (по внешним признакам XVIII в.) рукописную книгу, известную кавказоведам как «Ибн Хаджар. Рукопись эта имеет приписку, сделанную по-арабски, тростниковым каламом, черными чернилами, почерком насх.

Этот источник, учитывая его содержание (приобретатель книги Мухаммад Акушинский, позднее ставший известным как Баганд-кади, сын Мусы – потомка «чудотворца» Давуда Акушинского, жившего в XVII в.), датируется временем более ранним, чем эпитафия от 1788/89 г., которая приводится авторами ниже.

Перевод текста

«Эта книга, именуемая *Ибн Хаджар*, перешла в собственность (*мулк*) Мухаммада, сына Мусы, что произошло в результате правильно осуществленной продажи, которую провел Абдулла, сын Аюба-кади».

и) Эпитафия Мухаммада-кади Акушинского (1203/1788–89 г.)

По сообщению К. Гамзатгаджиева, на акушинском кладбище сохраняется великолепно орнаментированная надмогильная плита со следующей ниже арабской надписью.

Перевод текста

«В году третьем, который пошел после тысячи [двухсотого, по хиджре Пророка] (то есть в 1203 г.х. (1788–89 г.), скончался Мухаммад-кади, сын Мусы, сына Юсуфа. Да простит их Аллах!».

к) Эпитафия воина Мухаммада Акушинского, внука Баганда-кади (1259/1842/43 г.)

По сообщению К. Гамзатгаджиева, на акушинском кладбище стоит надмогильная плита с каллиграфически выполненной арабской эпитафией. Мухаммад-шахид, которому посвящена приводимая ниже эпитафия, был двоюродным братом Исы-мухаджира и коменданта крепости Уллу-кала (авар. *Улиб*), знаменитого Абакара-хаджи, мудира Шариатской армии. Отец покойного Мухаммада-шахида был братом Мухаммада-кади Акушинского.

Перевод текста

«Пал мучеником за веру Мухаммад, которого Аллах помиловал, сын Сулаймана, сына Баганда-кади.

Произошло это в 1259 г. (1842–43г.), в сражении с неверными, имевшем место в [местности] Ор-тав (оър-тау – кумык. яз. – «Верхняя гора», или Ор-тав – «Гора, имеющая крепостной ров»))» (рис. 8).

Рис. 7. Стела на могиле Мухаммада-кади Акушинского (1203/1788–89 г.)

Рис. 8. Эпитафия на надмогильном камне Мухаммада Акушинского

л) Памятная запись о гибели Чарака «Кадиева» (1877 г.)

Запись из Акушинского района, получена нами благодаря краеведу Абумуслиму Магомедову. Она выполнена черными чернилами, металлическим пером, почерком насх, является частью рукописного сборника (рис. 9).

Перевод текста

«Между русскими (руси) и даргинцами (дарга)

возникла вражда, что произошло первого шаввала 1294 года (9-го октября 1877 г.). В тот же день был убит Чарак, сын Нурбаганда (в араб. списке: Нурмухаммад) Акушинского, который был главой даргинцев. Что же касается неверных, то они, убежав с Харбукской (Къарбук) площадки, остановились в селении Леваши, после чего вернулись в свои дома, имевшиеся там».

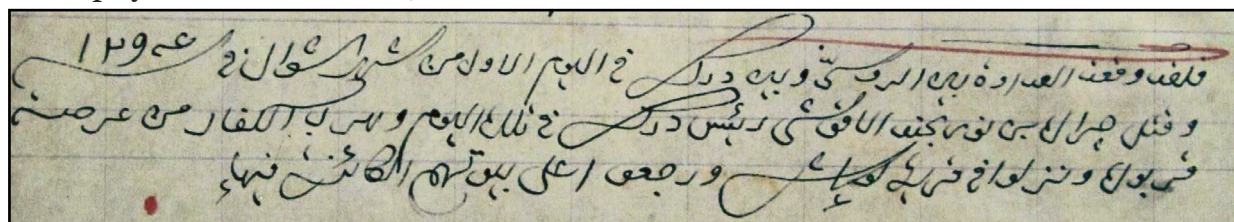

Рис. 9. Памятная запись о гибели Чарака // Личный архив А. Магомедова

м) Эпиграфический памятник, стоящий на месте смерти Чарака (после 1877 г.)

Стоит на древнем (XVI–XVII вв.) кладбище вблизи сел. Акуша, где лежит обломок стелы на могиле шахида по имени «К.р.х.м» (КъурахІма?). Каменная плита внушительного вида, снабженная каллиграфической надписью, сообщающей важнейшие сведения (Рис. 10).

Перевод текста

«Он переселился из этого мира в мир вечности.

Это – место мученической смерти Чарака, сына Нурмухаммада-кади.

Да простит Аллах их обоих! Аминь!»

Рис. 10. Обломок с эпиграфической надписью, лежащий плашмя на могиле Чарака

Чарак Акушинский – один из дагестанских героев второй половины XIX в. О нем и сейчас поют песни и рассказывают молодым поколениям, причем не только носители даргинского языка, но и их соседи. Правильным именем его отца было «Нурмухаммад», что отражено в публикуемой здесь арабской надписи, но по-даргински называли его «Нурбаганд» (*НурбахIанд*), что имеет место, например, в приведенной выше памятной записи от 1877 г. (рис. 11).

н) Поэма на арабском языке, составленная в Дагестане, в которой упоминаются кадии Акуша и акушинские ученые (конец XIX в.).

Автор длинного стихотворного текста сообщает, что он на себя взял обязательство рассказать народу про акушинских ученых, причем, делая это в определенном порядке и ради обретения благодати. Текст написан черными чернилами, тростниковым (?) каламом, на листе бумаги. Предоставлен текст акушинским краеведом Калимуллой Магомедовым. Дата создания поэмы – конец XIX в., а точнее 1878 г. Датировка сделана, исходя из внешнего вида рукописного текста, а также на основании стихотворной фразы:

«Акушинцы показали совершенно противоположное тому, что было в глубинах их душ. Они жили всегда с думами о вере, но сегодня сердца их раскалываются из-за победы на их территории неверия».

Мы выдвигаем названную датировку, в связи с упоминанием в тексте поэмы Барка-кади Акушинского, известной персоны дагестанской истории первых десятилетий XIX в. (рис. 12).

Перевод текста

«Все они из Акуша.

Аюб-кади, который в свою эпоху был подобен глазу, видящему все нужное и ценное в каждой науке.

Юсуп, которого считали в толковании Корана человеком, который подобен знаменитому арабскому ученому ас-Суюти.

Абакар-кади, который умер не просто так, а помогая делу шариата.

Мирза-кади, который отлично знал текст Сокращения, созданного на основе книги, именуемой *Фикх ал-Акбар*.

Алишайх-кади, в сердце которого как будто лежала знаменитая книга, именуемая *Ибн Хаджар*, причем с необходимыми тут подчеркиваниями.

Барка-кади, который был подобен сабле, рубящей все на пути, ведущем к светлейшему единобожию.

Рис. 11. Стела на могиле Чарака

Хаджилла Али, который высок ростом, подобно арабскому ученому ар-Рафии, но он видного телосложения и является знатоком науки известной как *Правоведение*, а также, является он тем, в ком собраны знания очень многих людей».

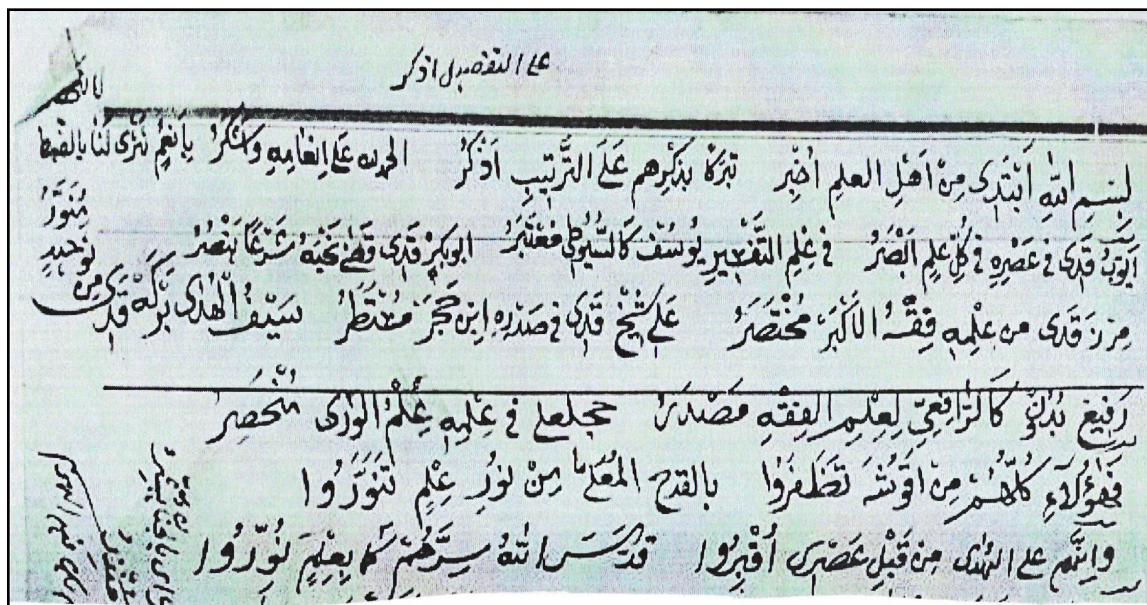

Рис. 12. Поэма на арабском языке, составленная в Дагестане, в которой упоминаются кадии Акуша и акушинские ученые // Личный архив К. Магомедова

о) Эпитафия на акушинском кладбище (квартал Хъарша)

Краевед Абумуслим Магомедов обнаружил надгробие с арабской эпитафией, имеющей определенное значение для темы (рис. 13).

Перевод текста

«Умерла Хадиджат, дочь кадия Нурбаганда».

п) Письмо Мухаммада-кади Акушинского своему доверенному лицу по поводу отдельных моментов, касающихся новой военно-политической ситуации, сложившейся в Среднем Дагестане (1820 г.-?).

Подлинник. Письмо получено авторами от акушинских краеведов. Оно написано черными чернилами, тростниковым (?) каламом, почерком насх (рис. 14).

Судя по содержанию, письмо написано вскоре после известного Акушинского похода Ермолова А.П., начавшегося в середине зимы и завершившегося в 1819 г. [о нем см.: 20, с. 33]. Поэтому наиболее вероятно, что датировать письмо «бедняги Мухаммада-кади» следует 1820 г. Местом написания указан дом Мухаммада-кади в Акуша.

Рис. 13. Надмогильная стела Хадиджат, дочери кадия Нурбаганда

Перевод текста

«Я, Мухаммад-кади, отправляю вам многие приветы и безграничные призывы ко всему хорошему.

А далее.

Я, бедняга Мухаммад-кади, отправил моего друга Али, чтобы он отнес запись в [русский] военный лагерь (аскар). Дело в том, что Али должен поискать [там] наши книги, которые попали в руки солдат, находящихся в этом лагере. Я, бедняга Мухаммад-кади, отдал моему другу Али деньги, чтобы он мог выкупить у солдат книги, которые будут у них найдены. Просьба к тебе, к моему адресату, чтобы ты первым делом успокоил его, то есть моего друга Али. Вы должны позволить последнему провести изучение ситуации, сложившейся [вокруг] лагеря, а также, мой адресат, ты должен направить Али, который является моим другом, на нужный мне путь, а именно, к тем книгам, которые видел ты в руках у [русских] солдат, если ты их действительно видел.

Тебе, моему адресату, от нас, то есть от Мухаммада-кади, хвала, приветствия и наше согласие на все!

Это я, бедняга Мухаммад-кади:

Написано все это в его акушинском доме».

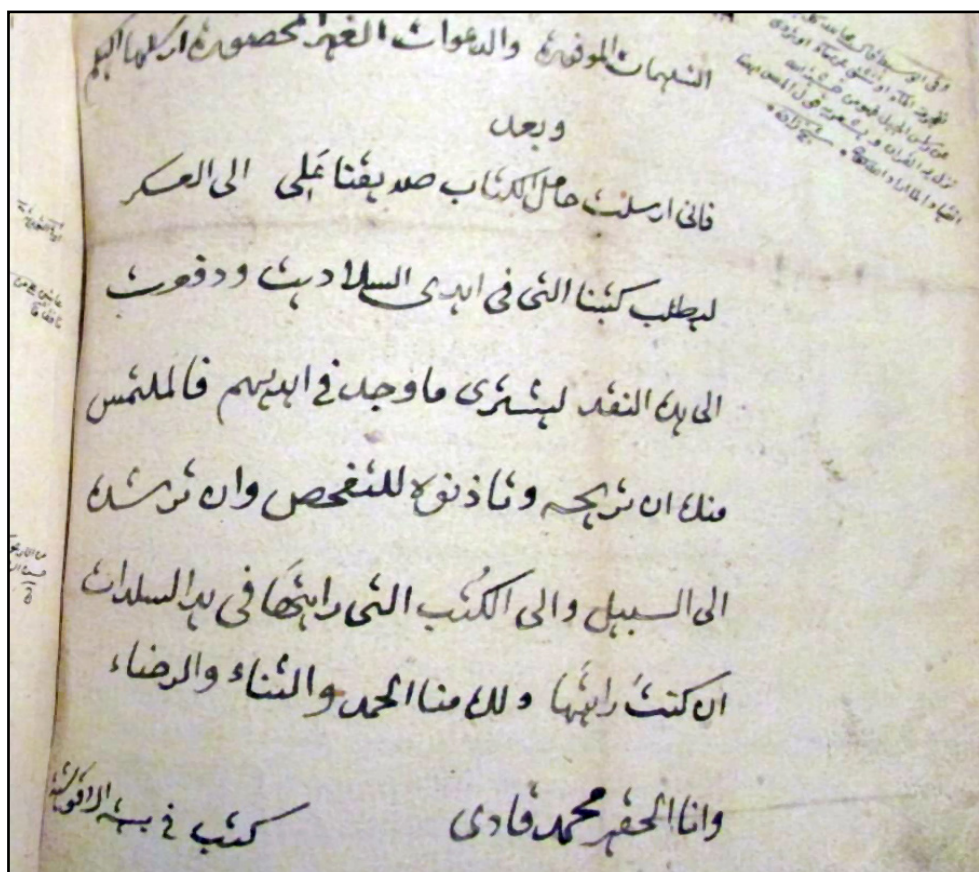

Рис. 14. Письмо Мухаммада-кади Акушинского

р) Собрание памятных записей XVIII–XIX вв.

В пределах Акушинского района Абумуслимом Магомедовым был найден лист бумаги, содержащий 6 памятных записей, полезных для содержания данной статьи, которые сделаны по-арабски. Отметим здесь, что часть их уже известна в какой-то мере современному кавказоведению.

В нашем распоряжении фотокопия указанного материала. Написан он черными (?) чернилами, тростниковым (?) *каламом*, почерком *наسخ*. Есть пояснительный значок (рис. 15).

Перевод текста

- 1) «В 1123/1711–12 году умер кадий Абдулхалим Акушинский».
- 2) «В 1171/1758 году на рассвете, причем в пятницу благословенного месяца *раджаб*, умер Аюб – кадий Акуша. Да падет милость Всевышнего Аллаха на этого Аюба и на всех нас. Да введет его Всевышний Аллах в свои райские кущи! Аминь!»
- 3) «В 1294/1877 году овладели неверные Аваристаном (*Авар вилайт*) и Цудахаром (*Циудахъар*)».
- 4) «В 1294/1877 году умер Чарак Акушинский, сын Нурмухаммада-кади Акушинского».
- 5) «В 1296/1878–79 году умер Нурмухаммад-кади Акушинский, сын Зухума-кади (Зугьум-...)».
- 6) «В 1295/1878 году умер превосходный ученый Хаджилла Али (*ХИажилла*-...) Акушинский, который был человеком совершенным, лучшим из ученых, проявивших себя в последние времена. Он был словно печать, которая запечатала собой список особо старательных лиц. Этот Али был муфтием и человеком [милостивым –?] по отношению к студентам».

По результатам работы с ранее недоступными историческими источниками дагестанского происхождения на арабском языке, как написанными, так и вырезанными в камне, мы делаем следующие основные выводы:

а) Трудно утверждать, что в обозримую эпоху, которая освещается достоверными историческими источниками, на территории Акуша и в целом в федерации Акуша-Дарго, был институт наследственных кадиев, а также с уверенностью говорить, что данное общественно-политическое образование Восточного Кавказа может относиться к категории «кадиевых» владений;

б) Акушинские кадии XVII–XIX вв. происходили не от одного какого-либо патриарха-родоначальника, а от двух, трех, может быть, и от большего количества лиц (Давуда, Ярахмада и т.д.). В среде акушинских кадиев XVIII в. (видимо и ранее) имела место неудачная (а возможно, и удавшаяся на какое-то время) попытка внедрить в Акуша институт наследственности во власти кадия, память о котором сохранялась еще во второй половине XIX в., но наследственность кадиев не утвердилась;

в) Список кадиев Акуша, как и связанная с ними хронология, нуждаются в исправлении и дополнении.

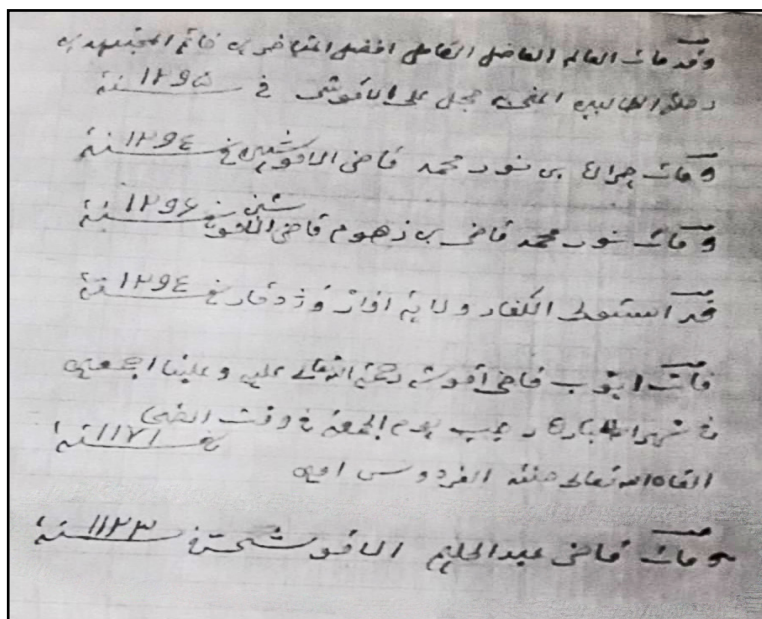

Рис. 15. Список памятных записей (XX в.), выявленный К. Магомедовым на территории Акушинского района // Личный архив К. Магомедова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Каракайтага // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.
2. Из дагестанских памятных записей. Запись о борьбе против Тимура // Восточные источники по истории Дагестана (сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.
3. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку. Элм. 1980.
4. Айтберов Т.М. О политике сефевидского двора по отношению к Дагестану и этническим дагестанцам восточного Закавказья // *Caucaso-Caspica*. Вып. I. Ереван, 2016.
5. Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Елису и Горный магал в XII–XIX веках. Махачкала, 2011.
6. Газали А. Йхйа улум ад-дин // Рук. фонд Института ИАЭ ДФИЦ РАН.
7. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.
8. Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
9. Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.
10. Османов М.-З. Расселение и численность даргинцев в XVIII–XIX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. I.
11. Алиев Б.Г. Акуша – административный, историко-культурный, экономический центр // Дагестанские святыни. Махачкала: Эпоха, 2008. Кн. 2.
12. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
13. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. Махачкала, 2009.
14. Андронников. О податях и повинностях в Северной Табасарани 1892 г. // Феодалные отношения в Дагестане XIX – начало XX в.: архивные материалы. / Сост., предисл. и прим. Хашаев Х.-М. М., 1969.
15. Алиев Б.Г. Кадии Акушинские // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.
16. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Ибрагим-хаджи из Урады (1701–1770) и его эпоха. Махачкала, 2021.
17. Бакханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926.
18. Дадаев Ю.У., Дадаев К.С. Наибы и мудиры Шамил. Махачкала, 2019.
19. Алхасов Г. Свод исторических имен Дагестана. Махачкала, 2021.
20. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008.
21. Генеалогия народов Кавказа: традиции и современность. Владикавказ, 2013. Вып. IV.
22. Айтберов Т.М. Памятные записи из сборника № 531 // Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. Махачкала, 1989.

Поступила в редакцию 03.10.2022 г.
Принята в печать 27.03.2023 г.
Опубликована 30.03.2023 г.

REFERENCES

1. History of Kara-Kaitag. In: Shikhsaidov AR, Aitberov TM, Orazayev GM-R. *Dagestan historical studies*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
2. From Dagestan memorable records. Record of the struggle against Timur. In: *Eastern sources on the history of Dagestan (collection of articles and materials)*. Makhachkala, 1980. (In Russ)
3. Johannes de Galonifontibus. *Information about the peoples of the Caucasus (1404)*. Baku: Elm, 1980. (In Russ)
4. Aytberov TM. On the policy of the Safavid court towards Dagestan and the ethnic Dagestanis of Eastern Transcaucasia. *Caucaso-Caspica*. Issue. I. Yerevan, 2016. (In Russ)
5. Aytberov TM, Khapizov ShM. *Elisu and Mountain Magal in the XII-XIX centuries*. Makhachkala, 2011. (In Russ)
6. Ghazali A. *Yhya ulum ad-din*. Manuscript fund of the IIAE DFRC RAS.
7. Magomedov RM. *Socio-economic and political system of Dagestan in the XVIII – early XIX centuries*. Makhachkala, 1957. (In Russ)
8. Khashayev Kh-MO. *The social system of Dagestan in the 19th century*. Moscow, 1961. (In Russ)
9. Aliev B, Akhmedov Sh, Umakhanov M-S. *From the history of medieval Dagestan*. Makhachkala, 1970. (In Russ)
10. Osmanov M-Z. Settlement and population of the Dargins in the 18th –19th centuries. *Dagestan ethnographic collection*. Makhachkala, 1974. Issue I. (In Russ)
11. Aliev BG. Akusha as an administrative, historical, cultural, economic center. *Dagestan shrines*. Makhachkala: Epoha, 2008. Book 2. (In Russ)
12. Shikhsaidov AR, Aytberov TM, Orazayev GM-R. *Dagestan historical works*. Moscow, 1993. (In Russ)
13. Komarov AV. *Adats and legal proceedings on them*. Makhachkala, 2009. (In Russ)
14. Andronnikov. On taxes and duties in Northern Tabasaran, 1892. In: *Feudal relations in Dagestan in the 19th – early 20th centuries: archival materials*. Khashayev H-MM (Comp., foreword and notes), 1969. (In Russ)
15. Aliev BG. Qadis of Akusha. In: *Source study of medieval Dagestan*. Makhachkala, 1986. (In Russ)
16. Khapizov ShM, Shekhmagomedov MG. Ibrahim-Haji from Urada (1701-1770) and his era. Makhachkala, 2021.
17. Bakikhanov A. *Golestan-e Eram*. Baku, 1926. (In Russ)
18. Dadaev YuU, Dadaev KS. Naibs and mudirs of Shamil. Makhachkala, 2019. (In Russ)
19. Alkhasov G. Code of historical names of Dagestan. Makhachkala, 2021. (In Russ)
20. Aliev BG, Murtazayev AO. *Federation of Dargin Unions of Rural Communities of Akusha-Dargo in the 17th – the first half of the 19th century: issues of socio-economic and political history*. Makhachkala, 2008. (In Russ)
21. Genealogy of the peoples of the Caucasus: traditions and modernity. Issue IV. Vladikavkaz, 2013. (In Russ)
22. Aytberov TM. Commemorative records from the collection No. 531. In: *Written monuments of Dagestan of the 18th–19th centuries*. Makhachkala, 1989. (In Russ)

Recieved 03.10.2022
Accepted 27.03.2023
Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19139-54>

Исследовательская статья

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна,
к.и.н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
apobedonostseva@gmail.com

«ОТКАЗЫВАТЬ ИМ ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРОПУСКЕ К НАМ...»: НАКШБАНДИЙА-ХАЛИДИЙА В КУРДИСТАНЕ И ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается история контактов между горскими народами Кавказа и курдами Турции и Персии в XVIII–XIX вв. Используя дипломатические и другие официальные документы, а также мемуарную литературу и обобщая результаты прежних исследований, автор анализирует динамику и особенности соответствующих контактов в контексте геополитического соперничества в регионе. Соседство Дагестана и Курдистана, их расположение на пересечении путей торговцев и паломников привело не только к формированию разнообразных конфессиональных общин, но и к закреплению трансрегиональных связей в результате распространения духовных практик, в частности суфийских. Курдско-кавказские связи сыграли значительную роль в появлении и укреплении на Кавказе халидийской ветви Накшбандийского тариката, одного из наиболее влиятельных в исламском мире. Территориальное расширение Российской империи привело к включению уже в первой трети XIX в. в ее состав ряда территорий с курдским населением. Опасения российских властей в связи с курдско-дагестанским взаимодействием по «халидийскому» каналу в годы Кавказской войны стало одной из причин применения российской стороной по отношению к курдам административных мер, которые заложили основы для дальнейшей политики России по отношению к курдам. В то же время политическое значение трансграничной солидарности оказалось временно ограниченным, что показывает сложную природу трансграничного взаимодействия даже в рамках следующих единой идеологии религиозных движений.

Ключевые слова: курды; имам Шамиль; Дагестан; мюридизм; Накшбандийа-Халидийа; суфизм; Джафар-ага Али-бек Шамшадин-оглы (Шамшадинов); историография Кавказа.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19139-54>

Research paper

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya,
PhD (History), Senior Lecturer,
Saint-Petersburg State University, Russia
apobedonostseva@gmail.com

“TO PROHIBIT THEM ALL WITHOUT EXCEPTION ENTERING OUR REALM...”: NAQSHBANDIYA-KHALIDIYA IN KURDISTAN AND DAGESTAN

Abstract. The article deals with the history of contacts between the mountain peoples of the Caucasus and the Kurds of the Ottoman Empire and Persia in the 18th - 19th centuries. Using diplomatic and other official documents, as well as memoirs and summarizing the results of previous studies, the article analyzes the dynamics and characteristics of these contacts in the context of geopolitical rivalry of several empires in the region. The proximity of Dagestan and Kurdistan, their location at the crossroads of merchants and pilgrims led not only to the formation of diverse confessional communities, but also to the strengthening of trans-regional ties as a result of the spread of spiritual practices, in particular Sufi ones. Kurdish-Caucasian ties played a significant role in the emergence and strengthening in the Caucasus of the Khalidian branch of the Naqshbandi tariqa, one of the most influential Sufi traditions in the Islamic world. The territorial expansion of the Russian Empire in the first third of the 19th century led to its establishing control over a number of territories with Kurdish population, while the fears of the Russian authorities in connection with the Kurdish-Dagestani interaction through the “Khalidian” channel during the years of the Caucasian War became one of the reasons for the Russian authorities to apply administrative measures against the Kurds, which laid the foundation for Russia’s future policy towards the Kurds. At the same time, the political significance of cross-border solidarity turned out to be temporarily limited, which proves the complicated nature of cross-border interaction even within the framework of religious movements sharing a single ideology.

Keywords: Kurds; Imam Shamil; Dagestan; muridism; Naqshbandiyya-Khalidiya; sufism; Jafar-aga Ali-bek Shamshadin-ogly (Shamshadinov); historiography of the Caucasus.

Изучая жизнь курдов, нельзя не уделить значительное место исследованию жизни шейхов, их влиянию, их симпатиям и антипатиям, количеству их приверженцев... Деятельность шейхов сказывается то на Кавказе (Шамиль и его мюриды), то в странах Французской Африки с ее многочисленными завия, то в итальянской Триполитании (сенусси в современной Ливии).

В.П. Никитин

Перекресток культур и цивилизаций – эпитет в равной степени подходящий для описания и Дагестана, и Курдистана. Их пересеченный горный рельеф способствовал формированию разнообразных конфессиональных общин, а соседство и расположение на пересечении путей торговцев и паломников – закреплению связей и распространению духовных практик. «Кавказская» тема находилась в фокусе российской и советской историографии (П.Г. Бутков [1], М. Махмудбеков [2], Н.И. Покровский [3], Н.А. Смирнов [4], Р.А. Фадеев [5]) главным образом в связи с многолетними военными операциями против горцев.

Факторы, влияющие на характер восстаний, объединенных общим понятием Кавказской войны, нашли свое отражение в дипломатической переписке, рапортах, полевых исследованиях этнографов и литературных произведениях. Курдистан интересовал российских военных, чиновников и исследователей гораздо реже, в основном тогда, когда театр военных действий приближался к местам проживания курдов в Османской империи и Персии, либо когда горцы Кавказа пытались использовать караванные тропы, проходившие через Курдистан, для поддержания связей с Османской Империей, как пишет М. Гаммер [6, р. 258]. Трансграничные аспекты Кавказской войны и предшествовавших ей конфликтов горцев Кавказа с российскими властями были очевидны не только для этого автора, но предметом отдельного научного исследования становились редко. Данная статья является продолжением попытки изучить эти аспекты на примере курдско-дагестанских связей, начатой в моих работах [7]¹.

Основные данные по кавказско-курдскому взаимодействию были обнаружены в рапортах российских генеральных консулов в Тевризе – Н.А. Аничкова² и Н.В. Ханькова³. Оба дипломата воочию наблюдали процессы в Персидском Курдистане и общались с информантами, поэтому их донесения имеют особую ценность для изучения рассматриваемого периода – середины XIX в. Иными словами, речь идет о последнем десятилетии Кавказской войны, которое включало в себя и Крымскую войну 1853–1856 гг. – переломный этап в истории России, давший старт эпохе реформ Александра II.

Еще в конце 1840-х гг. по поручению кавказского наместника князя М.С. Воронцова⁴ Ханьков приступил к изучению положения мусульманского духовенства [4, с. 77].

1. Победоносцева Кая А.О. Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н.: Спец. 07.00.03 / ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2017.

2. Аничков Николай Андриянович (1809–1892) – генеральный консул в Тевризе (1838–1853).

3. Ханьков Николай Владимирович (1819–1878) – востоковед, дипломат, автор ряда переводов и трудов по географии, помощник председателя Кавказского отдела Императорского русского географического общества (1851). В 1853 г. временно занимал должность генерального консула в Тевризе. Генеральный консул в Тевризе (1854–1857).

4. Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – Кавказский наместник (1844–1854).

Он внес существенный вклад в формирование концепции «мюридизма»⁵ и исходил из того, что в основе этого общественного явления лежит учение накшбандийского тариката, согласно которому, если шариат обязателен для всех мусульман, то тарикат и высшая его ступень – *хакикат* – доступны лишь желающим достичь религиозного совершенства, ради чего они становятся учениками-мюридами у наставников-мюршидов. Беспрекословное выполнение всех требований мюршида мюридами позволяло привлекать последних к *джихаду* [4, с. 19].

Дополнительным источником сведений о накшбандийских наставниках в Курдистане стали сообщения участников Международной разграничительной комиссии (1849–1852)⁶: «Путевой журнал» и письма Е.И. Чирикова⁷, М.А. Гамазова⁸ и М. Хуршида-эфенди⁹. Опубликованные ими маршруты движения комиссии включали материалы о географическом и политическом положении Курдистана, о быте и нравах курдских племен, в частности, данные о расположении резиденций шейхов [8; 9]. Не менее важным источником по кавказско-курдскому взаимодействию стали «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» [10–12], где приводится официальная переписка дипломатов с кавказским наместником князем Воронцовым и генералом Н.А. Реедом¹⁰. Эти документы использовались исследователями курдского вопроса (П.И. Аверьянов [13], Н.А. Халфин [14], В. Минорский [15]), деятельности суфийских тарикатов в Курдистане (В. Никитин [16], М. van Bruinessen [17], R. Tavakkoli [18]), Кавказской войны и «мюридизма» (М. Gammer [6], D. Gutmeur [19]) в основном для уточнения некоторых эпизодов. Также в последние годы был опубликован ряд исследований турецких авторов по сходной проблематике [20–22].

Россия на Кавказе

Историю присоединения Северного Кавказа к Российской империи можно разделить на два периода. Первый ведет свой отсчет от экспансии Русского царства в 1555–1557 гг. в территориальные владения Большой Ногайской Орды до момента гибели Гази-Мухаммада, первого имама Дагестана и Чечни, основателя Северо-Кавказского имамата, и упразднения всех автономий Дагестана к концу 1820-х гг.

Окончание первого этапа Кавказской войны совпадает с продвижением российских войск в Эриванском ханстве во время Русско-персидской войны (1804–1813). Тогда назначенный главнокомандующим в Грузии князь П.Д. Цицианов отправил 24 июля 1804 г. главе эриванских курдов Хуссейн Аге письмо [10, с. 617]. Хотя Хуссейн Ага отклонил предложение вступить в подданство России с правом сохранения власти над подвластными ему курдами, он также отказался участвовать в кампании на стороне Персии [13, с. 25]. Это не только имело стратегическое значение для закрепления российского присутствия в регионе, но и вывело курдскую политику империи на качественно новый уровень.

5. Название «мюридизм» закрепилось в источниках с подачи представителей царской администрации на Кавказе (А. Потто, А. Неверовский, К. Прушановский и др.). М. Гаммер пишет, что в российских источниках «мюридизмом» называли движение Накшбандийа-Халидийа [6, р. 40].

6. Дальнейшая деятельность комиссии была прервана Крымской войной.

7. Чириков Егор Иванович (1804–1862) – русский комиссар-посредник по турецко-персидскому разграничению (1849–1852).

8. Гамазов Матвей Авелевич (1812–1893) – секретарь комиссара-посредника Е.И. Чирикова.

9. Мехмед Хуршид-эфенди – секретарь Дервиша паши, представителя Турции.

10. Реед Николай Андреевич (1793–1855) – в связи с болезнью М.С. Воронцова в 1854 г. исполнял его обязанности до назначения на должность наместника на Кавказе Н.Н. Муравьева-Карского (1794–1866).

Русско-курдские контакты имели место и ранее, но носили преходящий, эпизодический характер. О готовности вождей некоторых курдских племен в случае объявления царем России, царем Грузии и армянами войны Османской империи принять участие в этой войне на стороне России писал в 1704 г. в своем письме курфюрсту Иоганну Вильгельму Пфальцскому авторитетный деятель армянского освободительного движения Исраэль Ори. Последний был известен своей программой освобождения Армении из-под власти Османской империи и с 1695 г. проживал в Дюссельдорфе. Адресатом был выбран курфюрст Иоганн Вильгельм Пфальцский (1658–1716) как наиболее могущественный и авторитетный [23, с. 49, 253]. Кочующие в Муганской степи курды и шахсевены в 1728 г. вступили в подданство России, но оставались в нем лишь до 1732 г. [1, с. 92].

Переписка с Хуссейн Агой стала продолжением общей политики поиска договоренностей с курдами в период Русско-персидской (1804–1813) и Русско-турецкой (1806–1812) войн, в рамках которых и П.Д. Цицианов, и его преемник И.В. Гудович стремились к их нейтрализации. Российские генералы отмечали, что значительные контингенты курдов входят в состав персидской и османской армий, они же составляют собой нелояльное к России население некоторых районов, в которых действовали российские войска. В своем рапорте в 1807 г. генерал-майор Несветаев сообщал, «что соединенная партия из Куртинцев Карсских с Лезгинами отбила весь скот селения Тисета. Сей проход для них есть свободный чрез Лорийскую степь» [11, с. 610]. Эпизоды одновременного нападения курдов и чеченцев на казачьи патрули наблюдались на завершающем этапе Кавказской войны [19, р. 255].

Второй период Кавказской войны начинается с зарождения и распространения «мюридского» движения на Северном Кавказе и образования имамата Шамиля. Данный период завершается попыткой восстановления Северо-Кавказского имамата Хаджи-Мухаммадом ас-Сугури, сыном накшбандийского шейха Абдурахмана ас-Сугури, одним из активных участников восстания в Чечне и Дагестане в 1877 г., проходившего в контексте войны с Османской империей 1877–1878 гг.

Хотя «мюридизм» воспринимался некоторыми царскими чиновниками – а с их подачи и последующими историками – как движущая сила «газавата», трудно говорить о «мюридизме» как о некой полноценной идеологии сопротивления имперскому контролю на Кавказе. Собственно мусульманские источники того времени, касающиеся Дагестана, не говорят ни слова о «мюридизме», хотя много говорят о «джихаде» и «газавате» в контексте исламской догматики. Имам Шамиль, как и предыдущие имамы, объяснял газават не с позиции суфизма, а с точки зрения положений шафиитской правовой школы¹¹. Суфизм сыграл определенную роль в Кавказской войне, но вряд ли можно говорить о том, что он обеспечивал идеологическую базу сопротивления.

Сейиды из Нехри

Распространение одного из наиболее известных в Российской империи тариката Накшбандийа на Кавказе было тесно связано с деятельностью курдского шейха Халида аль-Багдади¹². Махмудбеков указывал на важную роль «Халид-шаха из курдов»,

11. См. работу М. Кемпера «К вопросу о суфийской основе джихада» и статьи К. Сидорко, А. Кныша, М. Абдуллаева, Н. Дьякова.

12. Мавляна Мухаммад Халид Зияуддин аль-Багдади (1779–1826) – из племени джаф. Родился в Шахризуре, иногда в литературе упоминается как Шахризур. Был муллой в Сулеймании. В 1809–1811 гг. стал учеником-мюридом

который был «накшбандийским кутбом¹³ по всему Востоку» во второй половине XVIII в. [2, с. 22]. Покровский также указывал на географический сдвиг в деятельности накшбандийского тариката, связанный с этой исторической личностью: «унаследовав свой сан шейха от среднеазиатских накшбандиев, Халид-Шах действовал задолго до начала Кавказского мюридизма, на иной территории, не в Бухаре, хотя и не на Кавказе еще» [3, с. 163]. Помимо пространственного смещения, усилия Халида аль-Багдади, не стремившегося к политической власти [16, с. 311], и его последователей привели к возникновению новой ветви Накшбандийи-Халидийи, которая привлекла к себе внимание суфиев во многих регионах, включая Курдистан и Дагестан. Наибольшая политическая активность накшбандийских шейхов в Центральном Курдистане наблюдалась в двух наиболее труднодоступных районах: Шемдинан¹⁴ с шейхами в Нехри¹⁵ и Авроман¹⁶ с шейхами в Тавиле и Бийяре [16, с. 316].

Саадат-е-Нехри (Sadat-î Nehrî)¹⁷ были могущественной семьей шейхов тариката Кадирийи, но после 1811 г., при содействии самого Халида аль-Багдади, они перешли в тарикат Накшбандийи. Учение Халида оказало значительное влияние на формирование системы верований и ценностей жителей Передней Азии и Месопотамии с преобладающим курдским населением, что было связано с его авторитетом и способностями к совершению чудес (карамат): защищать живых от зла, вступать в контакт с душами умерших и узнавать будущее, в чем, согласно народной молве, они превосходили способности шейхов Кадирийи. В результате многие из них, включая первого кадирийского наставника Халида аль-Багдади Сейида Абдуллаха (ум. 1819) из Нехри, перешли в тарикат Накшбандийи [24, р. 98; 16, с. 317; 17, р. 222]. Одной из важных особенностей халидийской ветви стала преемственность¹⁸ руководства от отца к сыну [26, с. 20]. После перехода из Кадирийи в Накшбандийю большинство представителей этой семьи шейхов стали использовать вместо титула *молла* титул *сеийд*¹⁹.

Брейнессен полагает, что Халид начал широко проповедовать свое учение в тот период, когда власть большинства *миров*²⁰ уже была на исходе. Тем не менее, первое поколение назначенных Халидом шейхов-халифе еще не приобрело того огромного влияния, которым впоследствии обладали их сыновья и преемники [17, р. 230]. Должно было пройти время, чтобы этот институт устоялся. Никитин указывает на взаимосвязь между «долголетием» института шейхов и их политическими амбициями, так как шейхи выступали против чужеродного влияния на подконтрольной им территории, и «помимо религиозного рвения, их побуждают соображения личной выгоды и страх утраты авторитета, что неизбежно произойдет, если Курдистан выйдет из своей изоляции» [16, с. 317]. Шейхи, которые жили «духовными интересами» и проявляли «терпимость к инаковерующим и к политическим противникам» [16, с. 318], пострадали от укрепления центральной власти. Например, шейхи Барзана и

шейха Абдуллаха Дехлеви, прошел путь духовного становления и получил разрешение быть наставником. Благодаря своим знаниям и авторитету получил титул «Мавляна» [24, р. 97–98].

13. Лидером – прим. авт.

14. Шемдинан (сейчас Шемдинли, *турецк.* Şemdinli) – район в турецкой провинции Хаккари на Юго-Востоке Турции, на границе с Ираком и Ираном.

15. Нехри (сейчас Баглар, *турецк.* Bağlar) – главное селение района Шемдинан [24, р. 146].

16. Авроман – исторический регион на Северо-Востоке Ирака и Западе Ирана.

17. В литературе встречается также Sadat-î Şemzîni [25, с. 143].

18. В Дагестане среди Халидийи такой преемственности не было. Ни один из шейхов не передал иджазу-разрешение своему сыну.

19. См.: генеалогическая таблица шейхов Нехри [16, с. 27; 312, р. 73].

20. Мир – эмир, князь, курдский правитель эмирата.

Бабана²¹, которые отличались терпимостью и упорно уклонялись от призыва к «священной войне» [16, с. 318].

Одним из наиболее влиятельных шейхов в первой трети XIX в. становится племянник Сейида Абдуллаха – Сейид Таха I. После обучения у Мавляны Халида и возвращения в Шемдинан в 1827 г. с наставлением распространить накшбандийское учение «от Курдистана до Кавказа» [28, с. 32-33], он за короткое время собрал вокруг себя мюридов из разных социальных слоев и стал одним из наиболее влиятельных духовных лидеров от Сулеймании и Мосула до Вана, а Накшбандийа-Халидийа начала распространяться на территории Персии. Есть свидетельства действенности этих усилий, например, в пограничном районе Шемдинан оказалось серьезно ограниченным шиитское влияние из Персии [26, с. 8].

К 1820-м гг., когда Россия расширила свое присутствие в переднеазиатском регионе, шейх Сейид Таха I уже пользовался авторитетом среди курдских племен Персии и склонил их на сторону османских властей во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. У него сложились хорошие отношения с персидским правителем Мохаммед-Шахом Каджаром, даровавшим шейху несколько деревень в Персидском Курдистане, доходы от которых позволяли содержать суфийскую обитель-*текке*. К 1840 г. Сейид Таха I приобрел значительное влияние в эмирате Ботан²² [24, р. 98], а после подавления восстания ботанского курдского мира Бадрхан-бека (1843–1847) избежал ссылки и укрылся в Нехри [17, р. 231; 39, с. 381-382]. На тот момент Шемдинан представлял собой небольшой эмират, управление которым шейхи Нехри осуществляли вместе с мирами, пока не стали единоличными властителями к середине XIX в.

«Отказывать им всем без исключения в пропуске к нам...»

Проникновение тариката Накшбандийа на территорию Кавказа началось в конце XVIII в. [25, с. 212]. Как свидетельствовал сам имам Шамиль, Исмаил Ширванский (Кюрдамирский) был учеником «*муршида Халида-Сулеймана из Багдада*», который под влиянием мистического откровения-кармата передал свое учение Мухаммаду Ярагскому, чтобы тот передал его Джамал-ад-Дину Казикумухскому [29, с. 43-44]. Обращение Мухаммада Ярагского, который уже имел репутацию ученого в Дагестане, а впоследствии стал учителем и ближайшим советником имама Шамиля, в тарикат Накшбандийа-Халидийа и его публичное раскаяние в своих проступках против мусульманской общины сопровождалось не только раздачей им своего богатства общине и прочими благотворительными делами, но и критикой представителей царской администрации Дагестана. Это произвело впечатление на окружающих и вызвало их интерес к духовному возрождению, к которому призывал Мухаммад Ярагский, а именно, отказаться от обычаев неверных и вернуться к шариату [30, р. 180]. Популярности накшбандийской доктрины на Кавказе способствовало то, что мюриды не обязаны были отказываться от семейной жизни, могли продолжать мирскую жизнь или профессиональную деятельность [31, с. 106].

Оказав серьезное влияние на появление и укрепление Накшбандийи в Дагестане, курдско-кавказские связи на этом не прекратились. Имам Шамиль вскоре стал

21. Барзан – область с одноименным городом на севере Ирака; Бабан – курдский эмират на границе современных Ирака и Ирана со столицей в г. Сулеймания.

22. Ботан, или Бохтан – историческая область на юго-востоке современной Турции, где был основан одноименный курдский эмират со столицей в г. Джизре.

опасным противником России, главным образом в результате объединения под своей властью некоторых ранее разрозненных племен и селений, сопротивлявшихся территориальному расширению Российской империи, в то время как приток добровольцев в его отряды из более отдаленных стран всегда оставался на минимальном уровне [6, р. 251]. В обстановке приближавшегося с начала 1850-х гг. военного конфликта с Турцией, борьба на Кавказе с имамом Шамилем, которого Тавакколи считает одним из известных мюридов Мавляны Халида [18, с. 236, 239], приобретала для России особый смысл, а сообщения о попытках имама установить связь с курдскими духовными лидерами привлекали внимание царских властей.

Первые такие контакты относятся к 1846 г., то есть до подавления османскими властями восстания Бадрахан-бека, когда на линии Кизляр-Ставрополь был замечен чрезвычайный сбор средств на «духовные требы», которые Аничков объясняет *«цепью непрерывных сообщений от Турецкого Курдистана до самого Ставрополя»*, где *«находились суннитские кочевья, куда ... проникают здешние курды с письмами от своих халифе»* [12, с. 504]. Об отправлении Шамилем своих доверенных лиц в Курдистан впервые сообщал Ханыков [14, с. 67] во время своего визита к Чирикову в Лахиджан²³ 25–28 июня 1852 г. [8 с. 459-460]. Ханыков, сообщая о связи с 1846 г. курдов-суннитов *«секты имама Шафи»* с *«единоверными дагестанцами»*²⁴, писал о том, что у курдов *«завелись мюриды»*, а самым крупным из них был шейх Сейид Таха, число мюридов которого исчисляется десятками тысяч и который поддерживает регулярный контакт с имамом Шамилем²⁵. По сведениям Чирикова, выяснившего во время своей поездки местонахождение Сейида Тахи I и его *халифе*, имам Шамиль посылал письма и подарки шейху Сейиду Тахе I и крупному курдскому лидеру Керим-хану из Ревандуза [12, с. 500].

Представитель Шамиля, некий Хусейн (известный как Хаджи Муртаза), по поручению имама посещал курдские селения Ушну²⁶ и Ноуче²⁷, где проживал и принимал опальных гостей Сейид Таха I²⁸ [8, с. 586-587]. Деревни, где проживали шейхи, принимавшие гонимых от имама Шамиля, а также сыгравшие определенную роль в отправке курдов на Кавказ, были расположены внутри области, условно очерченной линией Шемдинан – Ревандуз – Сулеймания – Ушну – Соудж-Булак²⁹ – Урмия – Салмас³⁰, включающей в себя округа Ноуче и Лахиджан.

Несмотря на то, что и сам имам Шамиль, и его сподвижники регулярно обращались за помощью к Османской империи, а последняя издавна была заинтересована в экспансии на Кавказ, переписка имама с турецким шейх-уль-исламом зашла в тупик. Предводителя горцев разочаровала и разница в понимании идеологии священной войны и то, что османские власти проявляли заинтересованность в сотрудничестве главным образом во время боев на кавказском театре боевых действий [4, с. 69]. В результате он переключился, если не полностью, то хотя бы частично, на единоверных

23. Округ Лахиджан расположен на границе Ирака и Ирана, между Ушну, Соудж-Булаком и Равандузом.

24. Шафиитская правовая школа является важным компонентом и курдской, и чеченской идентичности, в отличие от турок, придерживающихся ханафитского мазхаба.

25. Письмо Н.В. Ханыкова от 25 июня 1852 г. // Архив внешней политики России, СПб. Гл. арх., 9–1. Оп. 1848.8 г. Д. 12. Ч. V. Л. 209 [14, с. 67].

26. Ушну – город на Северо-Западе Ирана, к Западу от озера Урмия.

27. Округ Ноуче – одно из названий Шемдинана [27, р. 73].

28. Записка об изучении «следов Шамилева гонца к Шейху Таха» от 11 июля 1852 г., составленная М. Гамазовым по поручению Е.И. Чирикова // АВПР, СПб. Гл. арх., 1–9. Оп. 8. 1848 г. Д. 12. Ч. V. Л. 237–242 [14 с. 67].

29. Соудж-Булак (сейчас Мехабад) – город на северо-западе Ирана, к югу от озера Урмия.

30. Другие названия: Салмаст, Дильман, Шахпур – город на северо-западе Ирана, вблизи границы с Турцией.

курдов³¹. В конце января 1854 г. из местечка Гюй³², расположенного между Сулейманией и Ревандузом, от имени соратников шейха Сейида Салеха Соудж-Булакскому шейх-уль-исламу было отправлено письменное приглашение с призывом к курдам о восстании против России [12, с. 503].

По распоряжению шейха Сейида Салеха в Турецком Курдистане был назначен особый день недели для чтения проповедей, которые российская сторона считала опасной агитацией против себя [12, с. 504]. Эти опасения подкреплялись фактами участия в сражениях на стороне османских войск значительного числа персидских курдов [12, с. 505], многие из которых были ранены [12, с. 503] при нападениях на российские силы и находились в Урмии. Французские миссионеры из Салмаса рассказывали генконсулу Аничкову, что из 50 курдов деревни Бала в Урмийском округе, которые осенью 1853 г. отправились «на Чанаул»³³, обратно вернулись только трое раненых [12, с. 505]. Генконсул писал, что курды, проживающие вблизи турецко-персидской границы, готовились весной 1954 г. выступить на защиту единоверных турок против России. К этому курдов подстрекали «особый шейх» из деревни Гех-Агач [12, с. 505].

В феврале 1854 г. Аничков смог встретиться с шейхом Тахиром, который проживал в деревне Исти-су³⁴ и, будучи халифе [6, р. 251] шейха Сейида Салеха, поддержал связь с имамом Шамилем. В 1848–1850 гг. к имаму Шамилю отправился брат шейха Тахира шейх Иса вместе с курдом по имени Джафар. Летом 1853 г. Джафар вернулся из Дагестана «вместе с муллою Халилем Дагестанским, который прожил три месяца в Исти-су и поехал к шейху Салеху, а оттуда в Бердассур»³⁵; Джафар-же отправился обратно с письмами в Дагестан... что касается до шейха Исы, то уверяют, будто бы он пробрался от Шамиля в Казань» [12, с. 504]. Сообщение между Исти-су и Кизляром функционировало в обоих направлениях: множество дагестанцев приезжало для «получения «благословительных писем» от шейха Тагира и для поклонения гробу имама Анисы»³⁶, а посланцы шейха Сейида Салеха и шейха Тахира направлялись в Тифлис, а оттуда через Кизляр в Дагестан [12, с. 505].

В качестве одной из мер, направленных на нейтрализацию влияния шейхов, в частности шейха Сейида Салеха, и на пресечение мобилизации курдов на помощь Шамилю, генконсул Аничков предлагал удалить шейха из Курдистана, сообщив, что «получил теперь уведомление, что он [шейх] будет вызван в ... Урмию и подвергнут надзору». Аничков, впрочем, не считал эту меру достаточной для прекращения взаимодействия шейха Салеха с соплеменниками [12, с. 500], так как возле деревни Исти-су «находится еще множество Куртинских деревень и в них есть другие муллы» и существовал легкий способ установить с ними связь [12, с. 504]. Кроме того, Аничков опасался, что шейх Сейид Салех найдет в Урмии британских агентов, которые окажут ему содействие и используют для мобилизации курдов против Российской Империи [12, с. 500].

Рапорты о деятельности курдских накшбандийских шейхов и предложения по удалению их из Курдистана генконсул отправлял на протяжении нескольких месяцев

31. Известно, что имам Шамиль ценил курдских бойцов-мухаджиров из Курдистана. Один из них, по имени Мухаммед, принимал участие в укреплении Дарги-Ведено в 1859 г. во время осады селения Евдокимовым [32, с. 70–73].

32. Вероятно, речь о городке Кёй-Санджак на севере Ирака.

33. От турецк. *çapul* – грабеж, разбой, ограбление.

34. Деревня Исти-су (совр. Абгерм, перс. آبگرم) на Юго-Востоке от Салмаса.

35. Деревня Бердесор (перс. برده سور) в одноименном округе на границе с Шемдинаном. В Бердесоре находилась обитель-хангах шейха Сейида Тахи [5, с. 297].

36. Искороченное название гробницы Анаса ибн Малика. См.: URL: <https://urmiatabligh.ir/انسان-ابن-مالک> (дата обращения: 10.09.2022).

[12, с. 503] военному министру князю В.А. Долгорукому, в императорскую миссию в Тегеране, а также ряду высокопоставленных персидских чиновников [12, с. 505]. Известная политика персидского правительства пресекать деятельность неугодных ему представителей шиитского духовенства, вызывая их в Тегеран и отправляя в ссылку, позволяла царским дипломатам рассчитывать на принятие подобных мер и по отношению к курдским шейхам, то есть на высылку их внутрь Персидского Азербайджана [12, с. 500] или во внутренние районы Персии [12, с. 504]. Аничков сообщал, что *«шахский Кабинет готовится назначить пожизненную пенсию племянникам шейха Салеха, то есть детям сеида Таха, столь известного своею враждою к нам и бывшего в сношениях с Шамилем»*, добавляя, что в подобных действиях не видит расположения к российской стороне Кабинета, так как если *«сей суннитский духовный не оказал Персии никаких услуг, то внимание к детям его, конечно, должно показаться здесь, как одобрение действий покойного против нас и поощрение к таковым же его семейства»* [12, с. 500].

По мнению Гаммера, обеспокоенность представителей царской администрации возможным участием шиитов на стороне имама Шамиля оказалась необоснованной, так как он не воспринимал закавказских шиитов как союзников. Этому способствовала давняя взаимная антипатия суннитов и шиитов, духовная и географическая обособленность этих двух мусульманских общин и халидийская антишиитская идеология [6, р. 250]. Поэтому столь примечателен сам факт поддержки персидской правящей верхушкой суннитских духовных лидеров на фоне отсутствия суннитско-шиитского взаимодействия на Кавказе. Как лицемерие было воспринято царским дипломатом и ответное персидское предложение отправить в Курдистан *«нарочного с человеком от генерального консульства, чтобы узнать, точно-ли семейство покойного сеида Таха проповедует «джехад»...»* в условиях осведомленности шахского кабинета о происходящем [12, с. 503].

В качестве другой действенной меры Аничков предлагал *«прекратить всякую выдачу из генерального консульства паспортов в Дербент, Кизляр и Темир-хан-шур»* и запросить у местной администрации обозначения в персидских паспортах *«как тех мест в наших пределах, чрез кои Персидские подданные располагают ехать в какой-либо из наших городов, так и места их жительства в самой Персии»*. Это позволило бы российским пограничным властям следить за прибывающими подданными Персии и, в случае малейшего отклонения их от оговоренного маршрута следования, высылать из России, а также, руководствуясь составленным Аничковым списком курдских деревень, отсеивать собственно курдов – поскольку *«из паспортов этого не видно»*, и вообще не впускать никого из них в пределы Российской империи [12, с. 504].

Россия, «мюридизм» и курды

Курдские контакты имама Шамиля вызывали серьезное беспокойство царских властей, заинтересованных в изоляции «мюридского» движения. В условиях Крымской войны это считалось необходимым в связи с потенциальной опасностью координации действий имама Шамиля и турецких войск, стремившихся вторгнуться в Закавказье [14, с. 67]. Царское правительство, ведя борьбу с Османской империей, принимало все меры, чтобы привлечь курдов на свою сторону. Оно и помешало согласованию действий между имамом Шамилем и курдскими духовными лидерами.

Итоги российских военных кампаний против Персии и Турции в первой трети XIX в. привели к территориальному расширению Российской империи, причем на новых территориях России в Закавказье проживали другие этнические группы, в том числе курды. Отношение курдов к России было амбивалентным. С одной стороны, однородность системы административных норм и известная способность царской администрации в Закавказье к управлению регионом гарантировала спокойное проживание, а с другой – это стремление установить порядок и подвести все народы к единому знаменателю сильно отталкивало курдов, видевших в таких мерах опасность для своего привычного образа жизни.

Кочевой образ жизни был главной преградой для развития земледелия среди курдов: он не только не позволял им заняться сельским хозяйством, но и способствовал пренебрежительному отношению к тем курдским соплеменникам, которые становились оседлыми [33, р. 491–511]. Понятие границы для кочевых курдов было условным, поскольку пути миграции различных курдских племен и сообществ и характер отгонного скотоводства формировались на протяжении веков, а новые границы России, Персии и Турции на их пути не могли одномоментно изменить отношения курдов к политико-административным ограничениям перемещения. В итоге курды привычно выдвигались на летние и зимние пастбища, которые уже находились в разных странах. Такие передвижения приводили и к нарушению пограничного режима, и к подозрениям каждой из стран в отношении лояльности таких подданных, особенно в обстановке новой войны с Турцией в 1853–1856 гг., в ходе которой имперские власти занялись подготовкой боевых подразделений, состоящих из курдов, закрепления лояльности курдских лидеров и необходимости учреждения особого органа для управления курдами.

К середине XIX в. российские военно-дипломатические круги стали развивать отношения с влиятельными курдами, среди которых был и род Шамшадиновых, стоявший во главе племенной конфедерации Зилан, проживающей по обе стороны российско-турецкой границы. Во главе Зилан стоял Джафар-ага Али-бек Шамшадин-оглы, известный в исторической литературе как Шамшадинов, ставший официальным предводителем российских курдов, но обладавший также влиянием и связями с курдами Османской империи.

Джафар-Аге, получившему офицерский чин еще 1853 г., подчинялись все курды Эриванской губернии, за исключением езидов из Александропольского уезда, которые находились под управлением Темура-Аги Гасан-Ага-оглы. Джафар-Ага управлял курдами при помощи Абди-Ага Башира Ага оглы – старшины над курдами, кочующими на горе Синак, Ибрагима-Ага Али Бек оглы – старшины над курдами, кочующими на горе Алагез, Гасана Бек Мхо Бекзаде-оглы – старшины над курдами из племени Милан, Мирзы-Ага Ибрагим-Ага-оглы – старшины над курдами из племени Буруки, а также своего сына – Эйюба-Ага Джафар-Ага-оглы, который способствовал *«отцу своему майору Джафар Аге в осуществлении мер, указываемых Губернским Начальством, как для прекращения частных беспорядков, так и для прочного приобщения Курдов к быту обществ устроенных»*³⁷.

Содействие влиятельного Джафара-Ага и подчиненных ему курдских старшин царской администрации привело к успешной реализации ряда мер. В частности, *«для обращения курдов в оседлое хлебопашество и подчинения их условиям быта*

37. Народы Кавказа // РГИА Ф. 1268 Оп.10 Д.155 Л. 7-8 (оборот).

гражданского», была проведена перепись населения, «удвоившая» и предполагаемое количество курдских семейств, и сумму получаемых от них налогов³⁸.

В условиях русско-турецких войн курдов дважды привлекали к участию в боевых действиях на стороне Российской империи. Во время Крымской войны в 1854 г. были сформированы Первый и Второй Куртинские полки из закавказских курдов. Правда, к 1856 г. полки были расформированы [34, с. 726]. Опыт организации курдского полка под управлением Шамшадинова в определенной мере повлиял на создание полков Хамидийе в конце XIX в. в Османской империи [15, s. 31].

Царские чиновники видели необходимость добиться включения курдской знати в имперскую иерархию. По мнению князя А.В. Барятинского, было целесообразно заинтересовать курдских лидеров *«личными служебными преимуществами и тем возбудить в них соревнование к содействию намерениям правительства»*. В связи с этим князь ходатайствовал о награждении наиболее отличившихся *«благоденственностью и усердным исполнением возлагаемых на них местным начальством обязанностей»*³⁹. Одним из поощрений стало присутствие Джафара-аги на коронации Александра II в 1856 г., присуждение чина подполковника, награждение орденами Св. Станислава II степени и Св. Анны III степени⁴⁰.

Учреждение специального управления для курдов приобрело значение с ростом численности курдского населения в Закавказье, так как существовавшие в Российской империи правовые нормы были непривычными для бывших подданных Османской и Персидской империй, особенно это касалось судопроизводства и административно-правовых норм [35, с. 42]. Одним из первых проектов создание такого рода учреждений стали «Правила для управления куртинскими племенами», предложенные полковником М.Т. Лорис-Меликовым в 1855 г. [12, с. 427–428]. Свои соображения по данному вопросу представили также генерал-майор А.А. Суслов в «Проекте управления курдами, перешедшими в 1854 г. из Турции в Эриванскую губернию» и генерал-губернатор Эривани Назаров в «Положениях об управлении курдами» 1857 г. Но дальнейшего хода эти проекты не получили.

Только в январе 1867 г. наместник Кавказа в качестве временной меры назначил для управления кочевыми курдами Эриванского и Эчмиадзинского уездов двух приставов, каждый из которых должен был присутствовать в кочевьях и зимовниках своего ведомства. Для руководства курдами Алагеза и Эшагмейдан эриванский губернатор назначил особых чиновников. С введением в Эриванской губернии новых судебных учреждений и назначением приставов власть племенных начальников была полностью замещена царской администрацией. Курды были окончательно приравнены к остальному местному населению с той же организацией сельской общины и сельского суда, как и в других оседлых селениях [36, с. 105–107]. В Сурмалинском уезде Эриванской губернии вдоль самой черты границ Персии и Турции было расположено Приставство над курдами, русскими подданными. Курды уезда, численность которых согласно переписи 1886–1887 гг. составляла более 1500 дымов, считали себя и считались государственными крестьянами – поселянами, живущими на казенной земле и обложенными казенными податями по 13 рублей в год с дыма, за исключением тринадцати дымов, обложенных по 8 рублей, живущих на владельческой (мюлкодарской) земле⁴¹.

38. Там же. Л. 7-7 (оборот).

39. Там же. Л. 1.

40. Там же. Л. 7.

41. О наземельном устройстве // РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 22329.

Пристав над курдами Сурмалинского уезда Эриванской губернии капитан Горонович в докладной записке ходатайствовал о принятии как можно скорее ряда предложенных им мер по устройству этого племени. Однако оснований к «выделению означенных курдов из общей массы кочевников» обнаружено не было, а потому было решено, что *«устройство их должно последовать одновременно с устройством государственных крестьян Закавказского края»*, в том числе и всех кочевых обществ⁴². Организовать постоянные кадры для каждого племени на Кавказе в соответствии с его боевым потенциалом предлагал Р.А. Фадеев⁴³, говоря о том, что в мирное время достаточно 4 курдских сотен [5, с. 205–207]. Вторая попытка призвать российских курдов позволила в мае 1877 г. вновь сформировать полк, известный как Куртинский конно-иррегулярный полк, имевший в своем составе 4 сотни закавказских курдов. Полк проявил себя во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но был расформирован уже в феврале 1878 г. [34, с. 726].

Заключение

Царской администрацией был выработан комплекс мер с целью обеспечения, по меньшей мере, нейтралитета зарубежных курдов и – как максимум – их лояльности и содействия российской политике. Это было реализовано, в частности, путем формирования курдских частей для участия в боевых действиях на стороне России в военное время.

К административным задачам, которые приходилось решать в мирное время, относились попытки унифицировать инородные и иноверные общины путем инкорпорации их наиболее влиятельных представителей в имперскую систему. Практика награждений, присвоения чинов и назначение пенсий курдским предводителям, которые, пользуясь авторитетом среди соплеменников, могли гарантировать своевременные налоговые выплаты, а также предупреждали о возможных беспорядках, в том числе на границе, и принимали участие по их ликвидации. Таким же образом в период Кавказской войны империя привлекла на свою сторону дагестанскую аристократию. Именно поэтому деятельность Гази-Мухаммада и особенно второго имама Гамзат-бека была направлена прежде всего на борьбу против них.

Российская империя начинает проведение активной политики по отношению к курдскому населению в XIX в. исходя не только из общей необходимости взаимодействовать с различными этническими и социальными группами на новоприсоединенных территориях. Петербург был обеспокоен и гораздо более конкретными тенденциями – а именно курдскими контактами имама Шамиля, которые вызывали серьезное беспокойство царской администрации, заинтересованной в изоляции «мюридского» движения. Такой интерес в условиях Крымской войны был связан с опасностью координации действий имама Шамиля и турецких войск, стремившихся вторгнуться в Закавказье. Генеральные консулы в Тебризе на основе полученной информации настаивали на срочной нейтрализации курдских духовных лидеров на сопредельной территории и предотвращении контактов между курдскими племенами и представителями имама Шамиля даже посредством полного запрета въезда курдов на имперскую территорию. Вдобавок, кавказско-курдское взаимодействие по «халидийскому»

42. Там же.

43. Фадеев Ростислав Андреевич (1882–1824) – российский военный историк, публицист, генерал-майор.

каналу послужило одним из факторов для создания курдских полков из курдов-мусульман, добровольно поступивших на военную службу.

Трансграничное взаимодействие на основе религиозной общности в ходе вооруженных конфликтов на Кавказе остается важным и все еще недостаточно изученным вопросом, который к тому же слишком часто становился жертвой политизированного подхода с пристрастным выискиванием некоей имманентной склонности определенных неславянских и нехристианских групп населения к автоматической поддержке трансграничных движений вроде панисламизма и пантюркизма. Имеет смысл выяснять реальную основу соответствующих эпизодов и изучать их, учитывая возможные альтернативные трактовки – трансграничную солидарность на основе общности социально-экономических интересов и т.п. Для решения соответствующих задач в процессе дальнейшего исследования крайне важным представляется сопоставить российские источники (как центральных, так и местных имперских властей) с османскими и персидскими материалами. Также, как показывает недавняя (увы, не лишенная изъянов в виде оправдания британского империализма) попытка Уильяма Далримпла исследовать события примерно той же эпохи в Афганистане [37], ценные сведения даже для исторического исследования столь отдаленной эпохи возможно найти в исторических и фольклорных материалах местного населения.

Важность продолжения исследования проистекает не только из необходимости закрыть пробел в российской и региональной истории. Дело в том, что, несмотря на опасения Петербурга в отношении дагестанско-курдских контактов на основе религиозной общности, в дальнейшем этот канал трансграничной солидарности угас. И это было связано не только с гонениями на суфиев в Турции и СССР – с 1950-х гг. деятельность оживилась, и позиции тариката с течением времени на северо-востоке Турции среди курдов только усиливались [38, с. 188], оживилась деятельность суфиев на Северном Кавказе после распада СССР. Тем не менее, из-за изменения геополитической ситуации, а именно трансформации роли курдского населения в регионе (бывшего в регионе твердой опорой османского правительства, периодически проводившего панисламистскую и пантюркистскую политику, но ставшего социально, политически и культурно маргинализированным в Турецкой Республике) никаких признаков серьезного дагестанско-курдского взаимодействия, особенно среди радикальных религиозных групп, в последние десятилетия не замечено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Т.1. СПб., 1869.
2. Махмудбеков М. Мюридическая секта на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 24. Тифлис, 1898.
3. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
4. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
5. Фадеев Р.А. Собрание сочинений Т.1. Введение. Письма с Кавказа. Записки о Кавказе. СПб, 1889.
6. Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Daghestan. L., 1994.
7. Победоносцева А.О. Роль курдских суфийских тарикатов на политической арене в XIX в. // Pax Islamica. 2012. № 1-2 (8-9). С. 286-294.

REFERENCES

1. Butkov P.G. *Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803*. Vol.1. [Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. T.1]. S.Petersburg, 1869. (In Russ.)
2. Makhmudbekov M. The Murid sect in the Caucasus [Myuridicheskaya sekta na Kavkaze]. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*. Issue. 24. Tiflis, 1898. (In Russ.)
3. Pokrovsky N.I. *Caucasian wars and Shamil's imamate* [Kavkazskiye voyny i imamat Shamilya]. Moscow, 2000. (In Russ.)
4. Smirnov N.A. *Muridism in the Caucasus* [Myuridizm na Kavkaze]. Moscow, 1963. (In Russ.)
5. Fadeev R.A. *Collected Works*. Vol. 1. [Sobraniye sochineniy]. S. Petersburg, 1889. (In Russ.)

8. Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // под ред. [и с предисл.] М.А. Гамазова. СПб., 1875.
9. Хуршид-эфенди М. Сияхэт-наме-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. М., 1877.
10. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 2. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Князя П.И. Цицианова (1802–1806). Тифлис, 1868.
11. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т.3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала Графа И.В. Гудовича (1806–1809). Тифлис, 1869.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 11. Кавказ и Закавказье за время управления Генерал-адъютанта Генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева (1854–1856). Тифлис, 1888.
13. Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение Турецких, Персидских и Русских курдов. Ист. очерк. Тифлис, 1900.
14. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.). М., 1963.
15. Минорский В. Курды: заметки и впечатления. Пг., 1915.
16. Никитин В.П. Курды. Издательство «Прогресс». М, 1964.
17. Bruinessen M. van. Agha, Shaikh and State the Social and Political Structures of Kurdistan. L.; New Jersey, 1992.
18. Tavakkoli M.R. Kürdistan tasavvuf tarihi. İstanbul: Hivda iletişim, 2010.
19. Gutmeyr D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878. LIT, 2017.
20. İnalçık H. Doğu Anadolu Tarihine Toplu Bir Bakış. Sosyal Bilimler Kavşığında Doğu ve Güneydoğu Anadolu, Sempozyum. Van, Van Valiliği, Yüzüncü Yıl Üniversitesi, 1997.
21. Tezcan B. The Development of the Use of 'Kurdistan' as a Geographical Description and the Incorporation of this Region into the Ottoman Empire in the 16th Century. Great Ottoman-Turkish Civilization. Ed. Kemal Çiçek. Yeni Türkiye, 2000.
22. Epözdemir Ş. 1514 Amasya Antlaşması, Kürt-Osmanlı İttifakı ve Mevlana İdris-i Bitlisi. İstanbul: Peri Yayınları, 2005.
23. Sasuni G. Kürt ulusal hareketleri ve 15.yüzyıldan günümüze Ermeni-Kürt ilişkileri. İstanbul: Peri Yayınları, 1992.
24. Gunter M. Historical Dictionary of the Kurds. Oxford, 2004.
25. Tenik A. Tarihsel süreçte Kürt coğrafyasında tasavvuf ve tarikatlar. İstanbul: Nûbihar, 2019.
26. Kaya M.K. Seyyid Taha Nehri (Hakkârî)'nin hayatı ve faaliyetleri. Yüksek Lisans Tezi, Mardin Artuklu Üniversitesi, 2017.
27. Nikitine B., Soane E.B. The Tale of Suto and Tato: Kurdish Text with Translation and Notes // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. Vol. 3.
6. Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Daghestan. L., 1994.
7. Pobedonostseva A.O. The role of the Kurdish Sufi tariqats in the political arena of the XIX century [Rol' kurdsikh sufysikh tarikatov na politicheskoy arene v XIX v.]. Pax Islamica, № 1-2 (8-9), Moscow, 2012. P. 286-294. (In Russ.)
8. Chirikov E.I. Travel journal of E.I. Chirikov, Russian mediator commissar for the Turkish-Persian delimitation 1849-1852 [Putevoy zhurnal Ye.I. Chirikova, russkogo komissara-posrednika po turetsko-persidskomu razgranicheniyu 1849–1852]. S.Petersburg, 1875. (In Russ.)
9. Khurshid-efendi M. Siyahat-name-i-hudud. Description of a journey along the Turkish-Persian border [Siyakh-et-name-i-khudud. Opisanie puteshestviya po turetsko-persidskoy granitse]. Moscow, 1877. (In Russ.)
10. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK). Vol. 2. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkhеоgraficheskoy komissiiyey]. Tiflis, 1868. (In Russ.)
11. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK). Vol.3. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkhеоgraficheskoy komissiiyey]. Tiflis, 1869. (In Russ.)
12. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK). Vol.11. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkhеоgraficheskoy komissiiyey]. Tiflis, 1888. (In Russ.)
13. Averbayev P.I. Kurds in the wars of Russia with Persia and Turkey during the 19th century. The current political situation of Turkish, Persian and Russian Kurds. Historical essay [Kurdy v voynakh Rossii s Persiyei i Turtsiyei v techeniye XIX stoletiya. Sovremennoye politicheskoye polozheniye Turetskikh, Persidskikh i Russkikh kurdiv. Istoricheskiy ocherk]. Tiflis, 1900. (In Russ.)
14. Khalfin N.A. Struggle for Kurdistan (The Kurdish Question in International Relations of the 19th Century) [Bor'ba za Kurdistan (Kurdskiy vopros v mezhdunarodnykh otnosheniakh XIX veka)]. Moscow, 1963. (In Russ.)
15. Minorsky V. Kurds: notes and impressions [Kurdy: zametki i vpechatleniya]. Petrograd, 1915. (In Russ.)
16. Nikitin V.P. Kurds [Kurdy]. Moscow, Progress, 1964. (In Russ.)
17. Bruinessen M. van. Agha, Shaikh and State the Social and Political Structures of Kurdistan. L.; New Jersey, 1992.
18. Tavakkoli M.R. Kürdistan tasavvuf tarihi. İstanbul, Hivda iletişim, 2010. (In Turk.)
19. Gutmeyr D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878. LIT, 2017.
20. İnalçık H. Doğu Anadolu Tarihine Toplu Bir Bakış. Sosyal Bilimler Kavşığında Doğu ve Güneydoğu Anadolu, Sempozyum. Van, Van Valiliği, Yüzüncü Yıl Üniversitesi, 1997. (In Turk.)
21. Tezcan B. The Development of the Use of 'Kurdistan' as a Geographical Description and the Incorporation of this Region into the Ottoman Empire in the 16th Century. Great Ottoman-Turkish Civilization. Ed. Kemal Çiçek. Yeni Türkiye, 2000.
22. Epözdemir Ş. 1514 Amasya Antlaşması, Kürt-Osmanlı İttifakı ve Mevlana İdris-i Bitlisi. İstanbul, Peri Yayınları, 2005. (In Turk.)
23. Sasuni G. Kürt ulusal hareketleri ve 15.yüzyıldan günümüze Ermeni-Kürt ilişkileri. İstanbul, Peri Yayınları, 1992. (In Turk.)

№ 1, 1923. URL: <http://www.jstor.org/stable/607166> (дата обращения: 10.09.2022)

28. Erdost M.İ. Şemdinli Röportajı. Kurtuluş Basımevi; Ankara, 1993.

29. Руновский А. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. Махачкала: Юпитер, 1996.

30. Sanders T., Tucker E., Hamburg G. (edit.). Russian-Muslim confrontation in the Caucasus. Alternative visions of the conflict between Imam Shamil and the Russians, 1830–1859. L.; N.Y., 2005.

31. Албогачиева М.С.-Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб., 2017.

32. Гаджи-Али Сын Абдул Мелека Эфенди. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горах. Т. 7. Тифлис, 1873.

33. Driver G.R. Studies in Kurdish History // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. Vol.2, №3, 1922. URL: <https://www.jstor.org/stable/606996> (дата обращения: 10.09.2022)

34. Alakom R. Kürt-Rus ilişkileri tarihinden Şemsedinov Kürtleri // Kürt Tarihi, Sayı 1, Haziran-Temmuz, 2012.

35. Звегинцов В.В. Хронология Русской армии 1700–1917. Париж, 1961.

36. Бахтadзе И.Л. Кочевники Закавказского края. Свод материалов. Т.3. Ч.2. Тифлис, 1888.

37. Dalrymple W. Return of a King: The Battle for Afghanistan. Bloomsbury Publishing, 2013.

38. Акимущкин О.Ф. Накшбандийа // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 187–188.

39. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve isyan yılları. Ankara, 2011.

24. Gunter M. *Historical Dictionary of the Kurds*. Oxford, 2004.

25. Tenik A. *Tarihsel süreçte Kürt coğrafyasında tasavvuf ve tarikatlar*. İstanbul, Nûbihar, 2019. (In Turk.)

26. Kaya M.K. *Seyyid Taha Nehri (Hakkâri)'nin hayatı ve faaliyetleri*. Yüksek Lisans Tezi, Mardin Artuklu Üniversitesi, 2017. (In Turk.)

27. Nikitine B., Soane E.B. The Tale of Suto and Tato: Kurdish Text with Translation and Notes. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London. Vol. 3. № 1 (1923).

28. Erdost M.İ. Şemdinli Röportajı. Ankara, Kurtuluş Basımevi, 1993. (In Turk.)

29. Runovsky A. *Muridism and ghazavat according to Shamil's explanation* [Myuridizm i gazavat po ob'yasneniyu Shamilya]. Makhachkala: Jupiter, 1996. (In Russ.)

30. Sanders T., Tucker E., Hamburg G. (edit.). *Russian-Muslim confrontation in the Caucasus. Alternative visions of the conflict between Imam Shamil and the Russians, 1830–1859*. L.; N.Y., 2005.

31. Albogachieva M.S.-G. *Islam in Ingushetia: ethnography and historical and cultural aspects* [Islam v Ingushetii: etnografiya i istoriko-kul'turnyye aspekty]. S.Petersburg, 2017. (In Russ.)

32. Haji-Ali Son of Abdul Melek Efendi. *Eyewitness account of Shamil* [Skazaniye ochevidtsa o Shamilе]. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Vol. 7. Tiflis, 1873. (In Russ.)

33. Driver G.R. Studies in Kurdish History. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London. Vol. 2, № 3 (1922).

34. Alakom R. Kürt-Rus ilişkileri tarihinden Şemsedinov Kürtleri. *Kürt Tarihi*. Sayı 1, Haziran-Temmuz 2012. (In Turk.)

35. Zvegintsov V.V. *Timeline of the Russian Army 1700–1917* [Khronologiya Russkoy armii 1700–1917]. Paris, 1961. (In Russ.)

36. Bakhtadze I.L. Nomads of the Transcaucasian region. Code of materials [Kochevniki Zakavkazskogo kraya. Svod materialov]. Vol.3. Part 2. Tiflis, 1888. (In Russ.)

37. Dalrymple W. *Return of a King: The Battle for Afghanistan*. Bloomsbury Publishing, 2013.

38. Akimushkin O.F. Naqshbandiya [Nakshbandiya]. *Islam. Encyclopedic Dictionary*. M., 1991. P. 187–188. (In Russ.)

39. Kardam A. *Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve isyan yılları*. Ankara, 2011. (In Turk.)

Поступила в редакцию 09.07.2022 г.

Принята в печать 07.10.2022 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Received 09.07.2022

Accepted 07.10.2022

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19155-66>

Исследовательская статья

Чочиев Георгий Витальевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия
georg-choch@yandex.ru

ИММИГРАЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1820-е – 1850-е гг.)

Аннотация. Целью исследования является установление имевших место в период и на фоне Кавказской войны фактов иммиграции дагестанцев в Османскую империю, основных районов их поселения и особенностей социально-экономической и политической адаптации. На достаточно ранней стадии российской военно-политической экспансии на Северо-Восточном Кавказе выявилась привлекательность османского государства как места эмиграции для некоторых представителей вовлеченной в противоборство с русскими силами дагестанской элиты, что было обусловлено не только текущей международно-политической конъюнктурой, но и давними связями многих ханств и джамаатов со Стамбулом и соответствующими расчетами на благосклонный прием. Заметную категорию переселенцев составили лица духовного звания, пользовавшиеся особой опекой Порты и включавшие в себя как стремившихся к поселению в Хиджазе и других мусульманских центрах империи сугубо религиозных иммигрантов, так и предположительно причастные к движению сопротивления на Кавказе суфийские общины с определенными реваншистскими устремлениями в отношении покинутой родины. С начала 1850-х гг. на передний план среди мухаджиров выдвинулись аграрные (крестьянские) группы, как правило возглавляемые улемами, но нередко поселяемые властями отдельно от них в сельской местности с предоставлением ограниченной материальной помощи. Несмотря на тенденцию к постепенному увеличению на протяжении рассматриваемого периода притока дагестанцев в султанские владения, общее число иммигрантов едва ли превысило 1–2 тыс. чел., расселенных по городам и селам Анатолии, арабских провинций и Балкан. Статья основана на анализе главным образом турецких архивных источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Дагестан; Кавказская война; Османская империя; иммиграция; колонизация; адаптация.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19155-66>

Research paper

Georgy V. Chochiev

Cand. Sci. (History), Senior Researcher

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz

Scientific Centre, RAS, Vladikavkaz, Russia

georg-choch@yandex.ru

IMMIGRATION OF DAGESTANIS TO THE OTTOMAN EMPIRE DURING THE CAUCASIAN WAR (1820S–1850S)

Abstract. The purpose of this study is to identify the facts of immigration of Dagestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War, the main areas of their settlement and the features of their socio-economic and political adaptation there. At a fairly early stage of the Russian military-political expansion in the North-Eastern Caucasus the Ottoman state became attractive as a place of emigration for some members of the Dagestan elite involved in the confrontation with the Russian forces, due not only to the current international-political situation but also to the long-standing ties of many khanates and jamaats with Istanbul and the corresponding expectations for a favorable reception. A noticeable category of migrants was made up of persons of clergy, who enjoyed the special care of the Porte and included both purely religious immigrants who aspired to settle in the Hijaz and other Muslim centers of the empire, and Sufi communities presumably involved in the resistance movement in the Caucasus with certain revanchist aspirations in relation to their abandoned homeland. From the beginning of the 1850s, agrarian (peasant) groups came to the fore among the muhajirs, usually led by the ulemas, but often settled by the authorities separately from them in rural areas with limited material assistance. Despite the trend towards a gradual increase during the period under review of the influx of Dagestanis to the Sultan's dominions, the total number of immigrants hardly exceeded 1–2 thousand people settled in the cities and villages of Anatolia, the Arab provinces and the Balkans. The paper is based on an analysis of mainly Turkish archival sources, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Dagestan; Caucasian War; Ottoman Empire; immigration; colonization; adaptation.

Миграция дагестанцев в страны мусульманского Ближнего Востока имеет давние исторические корни, восходя, по некоторым данным, к XII столетию. Наиболее заметный характер этот феномен приобрел в османскую эпоху. Начиная с XVI в. во владения Порты, особенно Хиджаз и Сирию, регулярно прибывали представители духовного сословия Дагестана, целому ряду из которых удалось сделать на своей новой родине впечатляющую карьеру [1, с. 59–61; 2, с. 756–757, 801]. Известны дагестанцы также среди османской военной и административной элиты [2, с. 217, 275–276, 633]. Эти ранние индивидуальные иммиграции были обусловлены социально-экономическими и культурными факторами и осуществлялись на добровольной основе, не будучи каким-либо видимым образом связаны с внешним или внутренним политическим принуждением. Лишь с началом Кавказской войны, по мере усиления российского военно-политического давления, эмиграция в Османскую империю стала, по-видимому, представлять части вовлеченных в противостояние горских лидеров и сообществ одним из возможных вариантов реакции на возможное поражение. Тем не менее, в силу отсутствия у российского руководства цели депортации коренного населения Северо-Восточного Кавказа (в отличие от Северо-Западного) переселение дагестанцев в османские пределы не приобрело массового характера даже после окончательного покорения региона в 1859 г., а количество лиц, покинувших родину с середины XIX до начала XX в., едва ли превысило 20 тыс. [3, с. 85–86; 1, с. 85].

В посвященных дагестанскому мухаджирству исследованиях отечественных авторов, прежде всего в монографическом труде А.М. Магомеддаева [1; 4], на основе главным образом широкого круга российских источников показаны социально-экономические, политические и религиозные причины этого явления, его этапы и последствия для дальнейших судеб региона. Вместе с тем очевидно, что привлечение турецких архивных документов способствовало бы формированию более полного и точного представления о хронологии, масштабах и обстоятельствах переселенческого движения, политике Порты в данном вопросе и особенностях расселения, адаптации и этносоциальной эволюции мухаджиров и их потомков в османском государстве. Необходимо в этой связи отметить, что, несмотря на появление в последние десятилетия в турецкой историографии немало числа основанных на архивном материале работ о северокавказской иммиграции и колонизации [см, напр.: 3; 5; 6], процесс переселения на османскую территорию жителей Дагестана получил в них сравнительно ограниченное освещение, а специального исследования по указанной теме до сих пор не создано.

Предлагаемая статья представляет собой попытку восполнить в какой-то мере этот пробел посредством ввода в научный оборот османских документов, касающихся нескольких эпизодов иммиграции дагестанцев в султанские владения в период и на фоне Кавказской войны в 1820-е – 1850-е гг. Данные материалы относятся к фондам «Августейшие рескрипты» (Hatt-ı Hümayun), «Высочайшие указы» (İrade), «Великий везират» (Sadaret), «Министерство иностранных дел» (Hariciye Nezareti) и «Джевет» (Cevdet) Османского архива Управления государственных архивов при Администрации Президента Турецкой Республики. Также использованы документы других фондов, опубликованные или цитируемые в трудах турецких историков. Хотя этими свидетельствами далеко не исчерпывается весь массив османских источников по дагестанскому мухаджирству, содержащаяся в них информация, несомненно, проливает определенный свет на ряд малоизученных аспектов рассматриваемой проблемы и может послужить отправной точкой для дальнейших исследований в этом направлении. Помимо османских материалов, привлечены и некоторые малоизвестные мемуарные свидетельства.

Наиболее ранним обнаруженным в источниках фактом переселения выходцев из Дагестана в Османскую империю в означенный период является прибытие в страну членов семьи низложенного русскими в 1820 г. владельца Казикумуха Сурхай-хана II, представлявшее собой типичную политическую иммиграцию и квалифицируемое султанскими чиновниками как «поиск убежища, укрытие» (*ильтиджа*). Известно, что в начале ноября 1827 г. в Эрзурум прибыл внук бывшего правителя Хатем-хан¹ с «примерно восьмьюдесятью женщинами, детьми и сопровождающими лицами», в связи с чем Порты 17 ноября направила губернатору Эрзурумского эялета (провинции) предписание о назначении ему ежемесячного жалованья в 2,5 тыс. курушей². Спустя неделю, 24 ноября, в Стамбул поступило донесение о прибытии в Эрзурум также «шамхал-хана из дагестанских ханов», под которым подразумевался Нух-хан – сын Сурхай-хана и отец Хатем-хана. При этом Нух-хана сопровождало семейство из 30 душ, в состав которого входили еще один его сын Мехмед-хан³ и племянник Амалат-бей⁴.

Следующее упоминание о представителях данного семейства относится к периоду русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В октябре 1828 г., на фоне приближения наступающих русских войск к Эрзуруму, Нух-хан с сыном Мехмед-ханом и 24 приближенными лицами, заручившись рекомендательными письмами эрзурумского и трабзонского губернаторов, отправился «для испрошения милости падишаха» в Стамбул⁵, где группа провела несколько следующих месяцев на полном государственном попечении⁶. Не вполне ясно, на каком должностном уровне был принят в столице Нух-хан, но известно, что им было подано на имя великого везира обращение, в котором, в частности, описывались «этапы тридцатилетней борьбы против русских» его отца Сурхай-хана и его самого, а также выражался упрек османам за не оказание ими, несмотря на неоднократные просьбы казикумухцев, помощи в этой борьбе. Именно последнее обстоятельство, по утверждению шамхала, и «вынудило его вместе с двумястами сорока чадами, домочадцами и подданными бежать» в Анатолию. Далее в документе заявлялось о неизменной «готовности Дагестана к восстанию» и желании Нух-хана и его спутников поступить на службу в османскую армию⁷. У нас нет информации о реакции властей на это обращение, в том числе в части удовлетворения просьбы о приеме на военную службу. Самое позднее упоминание о присутствии Нух-хана в Стамбуле относится к концу декабря 1828 г.⁸, что не слишком противоречит сообщению российских источников о его смерти в Турции в указанном году [7, с. 28].

Впрочем, и после этого Порты продолжала до известной степени опекать представителей данного рода. Так, во время посещений Мехмед-ханом Стамбула в 1830 и 1831 гг. из казны вновь отпускались определенные средства на обеспечение его пребывания в столице⁹. Местом же постоянного проживания Мехмед-хана и Хатем-хана после окончания войны 1828–1829 гг. стал санджак (округ) Токат Сивасского эялета, причем каждый из братьев получал жалованье в размере 2 тыс. курушей, а общие

1. В русских источниках известен как Гатам-бек.

2. Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi (далее – BOA). Cevdet. Hariciye (далее – С.НР), по 113/5622. Куруш (османский пиастр) – денежная единица, сотая часть лиры. В середине XIX в. приблизительно равнялся четверти французского франка.

3. В русских источниках известен как Магомед-бек.

4. BOA. С.НР, по 184/9167, 125/6249.

5. BOA. Hatt-ı Hümayun (далее – НАТ), по 1107/44641, 1107/44641-А, 1107/44641-В.

6. На средства казны для проживания гостей были сняты меблированные комнаты, а для приготовления им еды приобретены 14 пищевых баков и 10 котлов (BOA. С.НР, по 53/2603, 112/5567, 125/6249).

7. BOA. НАТ, по 1107/44641-С, 1107/44641-Ç, 1107/44641-Ф.

8. BOA. С.НР, по 112/5567.

9. BOA. С.НР, по 125/6249, 68/3391, 64/3167.

расходы государства на содержание их «домов» составляли 10 тыс. курушей в месяц¹⁰. Согласно же документу 1850 г., Мехмед-хан получал уже 4 тыс. курушей, однако, ссылаясь на преклонный возраст и нужду, обратился к властям с просьбой об увеличении этой суммы еще на 2 тыс. для обеспечения своего семейства продовольствием. В составленном после изучения ситуации правительственным постановлении отмечалось, что заявитель действительно испытывает материальные затруднения, «так как проживает с многочисленными родственниками обоего пола», но признавалось целесообразным ограничиться ежегодной выдачей ему 70 киле¹¹ пшеницы и ячменя¹² [8, с. 277–278]. В 1861 г., после смерти Мехмед-хана, его жалованье было распределено между его детьми¹³.

Можно предположить, что благосклонность Порты к наследникам Сурхай-хана объяснялась уважительным отношением к их роду и его вкладу в сопротивление российской экспансии на Кавказе, а также – возможно, не в последнюю очередь – связями, которыми мог обзавестись Нух-хан во время своего первого визита в Стамбул в 1826 г., когда по заданию отца он предпринял безуспешную попытку обеспечить своему ханству военно-политическую поддержку османов [7, с. 28]. Во всяком случае нельзя не заметить, что оказанный членам этого дома прием резко контрастировал с отношением, например, к некому Махмуд-хану «из дагестанских ханов» (другие сведения об этом лице отсутствуют), также прибывшему в конце 1828 г. вместе с братом и группой лиц в прифронтовой Эрзурум в поисках убежища. В ответ на его прошение о назначении ежемесячного жалованья «на период их вынужденной задержки» в этом городе последовал рескрипт султана Махмуда II (1808–1839), в котором с нескрываемым раздражением констатировалась «...абсурдность в годину столь великих бедствий государства... расходования средств на подобных... ввиду их полной бесполезности», хотя все-таки предписывалось губернатору Эрзурумского эялета выдать просителю разово и в виде исключения 3–4 тыс. курушей¹⁴.

Несмотря на то, что в документах 1830-х – 1840-х гг. не выявлено сообщений о прибытии в страну аграрных переселенцев из Дагестана, ряд источников косвенным образом свидетельствует об иммиграции и поселении в Анатолии в этот период по меньшей мере одной такой небольшой общины. В частности, в реестре населения центральной казы (уезда) санджака Токат за 1279 / 1862–63 г. перечислены состоящие в общей сложности из 58 душ мужского пола 26 дагестанских (*дагыстанлы*) семейств, которые, будучи поселены там «тридцать лет назад», на момент составления реестра по какой-то причине все еще числились в статусе «мухаджиров» и как минимум теоретически располагали определенными льготами, что и было исправлено чиновниками [8, с. 274–275]. Вполне вероятно при этом, что количество дагестанцев, обосновавшихся в казе в означенный период, то есть приблизительно в 1832–1833 гг., в действительности не ограничивалось этими семьями и включало в себя также лиц, своевременно переведенных в разряд «обычного населения».

По всей видимости, об этой же общине идет речь и в сообщении побывавшего в 1849 г. в окрестностях города Токат секретаря русской части смешанной посреднической комиссии по турецко-персидскому разграничению Матвея Гамазова о том, что «[з]десь проживают около 40 семейств лезгин, из которых большая часть прибыла

10. BOA. С.НР, по 101/5035, 48/2376, 97/4837.

11. Киле – мера сыпучих веществ, равная 36% литра.

12. BOA. İrade. Meclis-i Vala (далее – İ.MVL), по 181/5422; BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Meclis-i Vala (далее – А.МКТ.МVL), по 91/70.

13. BOA. İ.MVL, по 456/20445.

14. BOA. НАТ, по 635/31321-А, 635/31321.

сюда вместе с закатальским ханом, бежавшим из Джаро-Белоканской области после взятия Ртищевым Новых Закатал и получавшим от Порты по 4000 пиастров (240 р. с.) в месяц»¹⁵ [10, с. XXVI]. Очевидно, что такая миграция могла иметь место после русской оккупации земель джаро-белоканских вольных джамаатов в 1830 г. или после подавления восстаний их жителей в 1830–1832 гг. [9, с. 102–158], тем более что власти были весьма заинтересованы в удалении из региона «беспокойного» элемента и рассматривали соответствующие проекты [11, с. 102–103]. Не вполне понятно, правда, кто подразумевается под «ханом» этой своеобразной горской республики. В связи с этим, на наш взгляд, возможны два допущения: с одной стороны, автор приведенного свидетельства мог по ошибке или недостатку информации принять за лидера закатальских переселенцев проживавшего там же наиболее знатного и авторитетного дагестанца, а именно вышеупомянутого Мехмед-хана Казикумухского, с другой же – к указанному времени могло произойти объединение под общим лидерством двух одновременно прибывших и разноэтничных, но поселенных (либо сознательно поселившихся) в непосредственной близости друг от друга малочисленных групп выходцев из одного региона с дальнейшей выработкой ими единого «переселенческого мифа».

В пользу скорее второго предположения говорят воспоминания американского протестантского миссионера в Токате в 1854–1856 гг. Генри ван Леннепа¹⁶. Описывая проживающих по соседству с миссией дагестанцев (*лезги*), он локализует страну их происхождения «у южного подножья Кавказских гор» и отмечает, что данное «племя» состоит из хана и его наиболее верных последователей, которые после окончательного поражения от русских нашли приют во владениях султана и получили от него землю и дома, а предводители также жалованья «на единственном условии, что они будут сражаться с его врагами в случае войны». На основе личного опыта общения с этими колонистами ван Леннеп нашел их «весьма ревностными мусульманами, но в то же время способными к установлению теплых привязанностей людьми и приятными и умными собеседниками». Он высоко оценил также их искусство верховой езды и обращения с оружием, «которое их собственного изготовления, но превосходного качества» [12, с. 300–301]. Хорошо был известен мемуаристу и «старый вождь» переселенцев, «последний из независимых ханов своей страны», пользовавшийся среди членов общины более реальным влиянием, чем местные администрация и суд [12, с. 160–161].

Заслуживает упоминания неудавшаяся попытка переселения в Османскую империю еще одной видной и вместе с тем противоречивой фигуры горского сопротивления в Дагестане – последнего владетеля Илисуйского султаната и наиба имама Шамиля Даниял-бека. Как следует из переписки между губернатором Эрзурумского эялета и великим везиром, не позднее июня 1849 г. Портой было рассмотрено представленное в Эрзурум доверенным лицом Данияла прошение последнего о «его вызволении (*тахлис*) оттуда и привлечении (*джельб*) в Высокое Государство». Остаются неясными как причины данного демарша наиба, так и вопрос о том, имелось ли им в виду постоянное поселение или лишь временное пребывание и, возможно, военная или государственная служба в султанских владениях. Не вызывает, однако, сомнений негативное отношение к этой просьбе османских властей, обусловленное, вероятно,

15. В данном пассаже неясна личность военачальника по фамилии Ртищев в контексте «взятия» Новых Закатал – крепости, основанной в 1830 г. и осенью того же года успешно деблокированной от сил восставших горцев русскими войсками, среди главных командиров которых не значится подобное лицо [см.: 9, с. 102–150].

16. Деятельность этих миссионеров была направлена на обращение в протестантизм анатолийских армян.

стремлением не раздражать российское руководство, равно как и Шамиля. Не желая в то же время отталкивать от себя и Данияла, Порта поручила губернатору сообщить наибу через его гонца о невозможности немедленного удовлетворения его обращения ввиду «недопустимости с точки зрения религии и патриотизма лишения тамошних муджахидов его службы и помощи» и выдать гонцу в знак расположения Стамбула 7,5 тыс. курушей «на расходы». Губернатор успешно выполнил эту задачу, ограничившись суммой в 2,5 тыс., о чем отчитался перед своим правительством в донесении от 28 июля¹⁷.

На протяжении рассматриваемого периода наблюдался также эпизодический приток из Дагестана в османские пределы представителей неаграрных слоев и профессий, обычно встречавших достаточно сочувственный прием со стороны властей и тяготевших к поселению в городах. Среди этих иммигрантов отмечены несколько профессиональных военных. Например, прибывший в 1835 г. в Стамбул некто Абдуллах-бей «из дагестанской знати», имевший опыт службы в российской армии, был немедленно принят на работу во вновь созданное Императорское военное училище (*Мектеб-и харбийе-и шахане*), причем для «обустройства и содержания» его матери и других членов семьи ему было назначено дополнительное ежемесячное пособие в 250 курушей¹⁸. Гораздо многочисленнее, однако, были лица духовного звания. Так, имеется целый ряд свидетельств проживания улемов из Дагестана в городах Бурса, Дамаск, Мекка, Медина, Эрзурум, Амасья и др. Как правило, сразу по прибытии таких переселенцев правительством отдавались на места распоряжения относительно их обеспечения жильем, денежными пособиями и иными формами материальной поддержки¹⁹.

Самая заметная групповая иммиграция представителей духовенства имела место во второй половине 1840-х гг. Летом 1845 г. в Стамбул с Кавказа морским путем прибыло около 40 семейств или более 200 человек, именуемых в документах «дагестанскими мухаджирами» с уточнением об их происхождении из закавказского города Шеки («племени Шеки»)²⁰. Прибывшие принадлежали к ветви халидия суфийского ордена накшбандия и возглавлялись несколькими духовными лидерами. Всем им были назначены на период до обретения экономической самостоятельности поденные «продовольственные» пайки в размере 5 курушей (эквивалент 0,5 окки²¹ хлеба) на человека. Вскоре, однако, большая часть этих мухаджиров отбыла на постоянное жительство в Хиджаз, и мы не обладаем информацией об их дальнейшей судьбе. Оставшиеся 74 человека, не располагавшие, по всей видимости, необходимыми для такого путешествия средствами, включали в себя родственников и учеников двух шейхов – Ахмед-эфенди и Мехди-эфенди. Вплоть до начала 1846 г. они размещались в зданиях двух медресе в районе Ускюдар в азиатской части Стамбула, а затем были переправлены через Мраморное море в Бурсу. Здесь их пайки были урезаны до 3 курушей на основании дешевизны жизни в этом городе по сравнению со столицей, но при этом данным выплатам был придан пожизненный статус²², а впоследствии они были преобразованы в пенсии²³ [13, с. 41–42]. Кроме того, пособия нескольких

17. BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi (далее – А.МКТ), no 216/20.

18. BOA. С.НР, no 114/5692.

19. BOA. А.МКТ, no 125/21, 126/87; BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Nezaret ve Devair (далее – А.МКТ.НЗД), no 122/95, 123/65, 123/89, 124/1, 148/75, 209/39; BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Umum Vilayat (далее – А.МКТ.УМ), no 15/64, 132/37; BOA. İ.MVL, no 205/6564, 211/6929, 238/8448, 239/8531, 300/12250, 335/14417, 360/15800, 368/24367.

20. BOA. Hariciye Nezareti. Tercüme Odası, no 209/24; BOA. İrade. Dahiliye (далее – İ.ДН), no 114/5757.

21. Окка – мера веса, равная 1,283 кг.

22. BOA. İ.ДН, no 114/5757; BOA. Cevdet. Dahiliye, no 306/15265.

23. BOA. İ.MVL, no 554/24873.

умерших в этот период мухаджиров не были, несмотря на требование инструкции, возвращены в казну, а распределены среди наиболее бедных членов общины. Весной 1847 г., впрочем, Ахмед-эфенди и его последователи в количестве 37 человек переселились из Бурсы в Мекку при организационной и материальной помощи властей и с сохранением за ними всех выплат²⁴.

Иммигрировавшая в ноябре 1849 г. еще одна группа дагестанских накшбандиев во главе с шейхом Хаджи Абдуллах-эфенди в составе 51 человека первоначально также была направлена в Бурсу²⁵, но, проведя там около полугода, предпочла переселиться в Медину²⁶.

Иллюстрацией дифференцированного подхода Порты к приему аграрных и религиозных иммигрантов может служить ситуация вокруг прибывших в июле 1850 г. сухим путем в Эрзурумский эялет 106 дагестанцев, которые вследствие непредставления им местными властями достаточной помощи оказались к весне следующего года в бедственном положении, потеряв из-за голода и болезней 8 человек. В поданном направленными ими в Стамбул представителями – Али-эфенди, Юсуф-эфенди и Мехмедом Эмин-эфенди – заявлении в правительство содержалась просьба о скорейшем решении вопроса постоянного поселения членов общины, «как других им подобных», но одновременно выражалась надежда и на особую заботу о самих подателях заявления как о «людях, занятых преподаванием наук,... набожных, немощных и неспособных к заработку». Рассмотревший данное обращение Высший совет по правовым решениям²⁷ в своем представлении Порте констатировал, что, несмотря на действующий в стране «режим экономии», избавление от нужды мусульманских священнослужителей и ученых-алимов является «делом чести Высокого Государства», и рекомендовал назначить трем названным лицам скромные пожизненные пособия в размере от 75 до 100 курушей с разрешением на поселение по их выбору в Дамаске или Бурсе, а «прочим» выделить лишь подходящие для землепашества участки в районе их нахождения²⁸.

Упомянутый «режим экономии», обусловленный ухудшившимся в начале 1850-х гг. состоянием османских финансов, проявился в ограничении объемов поддержки также и других небольших групп дагестанцев, прибывавших в этот период через сухопутную российско-османскую границу в санджаки Карс, Чылдыр и Эрзурум. Об этом свидетельствуют как поступавшие Порте прошения оказавшихся в тяжелом положении иммигрантов²⁹, так и прямые директивы из Стамбула руководству Эрзурумского эялета об отсутствии в казне средств на пособия и жалованья для всех дагестанских мухаджиров и необходимости предоставления им помощи исходя из имеющихся в провинции ресурсов³⁰. Нельзя не заметить, что в этой переписке обходился молчанием и вопрос о налоговых льготах, которые неизменно предоставлялись группам крымских и черкесских аграрных иммигрантов.

Впрочем, в 1850–1853 гг., вплоть до начала Крымской войны, отмечался в целом некоторый рост сухопутной иммиграции из Дагестана по сравнению с предыдущими

24. BOA. A.MKT, no 76/89, 80/31; BOA. A.MKT.MVL, no 5/3; BOA. Cevdet. Maarif, no 149/7437.

25. BOA. I.MVL, no 155/4418.

26. BOA. A.MKT.MVL, no 21/92; BOA. Sadaret. Amedî Kalemî (далее – A.AMD), no 18/47.

27. Высший совет по правовым решениям (Меджлис-и валя-и ахьям-и адлийе) – созданный в 1837 г. консультативно-законодательный орган при султани и правительстве Османской империи, прообраз Министерства юстиции.

28. BOA. I.MVL, no 220/7398.

29. Например, просьба о помощи 14 находящихся в Эрзуруме дагестанских семейств от 28 октября 1850 г. (BOA. Sadaret. Divan Kalemî, no 63/54).

30. BOA. A.MKT.UM, no 32/18.

десятилетиями. Из прибывших в эти годы переселенческих партий численностью от нескольких до нескольких десятков человек большинство осело в пределах Эрзурумского эялета, хотя имеются данные о поселении отдельных общин и в таких удаленных от границы районах, как Кастамону, Измит, Денизли и др.³¹ Как правило, эти группы возглавлялись улемами, что следует из таких титулов их предводителей, как «эфенди», «ходжа», «шейх», «хаджи» и т.п., а в ряде случаев, вероятно, представляли собой сложившиеся еще на Кавказе коллективы суфийских наставников, их учеников и членов их семей.

Можно также предположить, что немалую часть этих иммигрантов составляли участники горского вооруженного сопротивления на Кавказе. Во всяком случае на это косвенно указывает факт присутствия в рядах Анатолийской армии в период Крымской войны некоторого числа «дагестанских мухаджиров», которых, безусловно, привлекало туда и установленное османским командованием для таких добровольцев материальное вознаграждение. Отмечены случаи в том числе и совместного отправления на фронт членов иммигрировавших незадолго до войны групп. Так, в датированном декабрем 1854 г. прошении на имя султана Абдулмеджида (1839–1861) двух накшбандийских шейхов – Абдулгафур-эфенди и Сырры-эфенди – сообщается, что тремя годами раньше, «после перехода [их] области в руки врага», они прибыли в Османскую империю и поселились в санджаке Денизли на западе Анатолии. С началом войны они сочли своим долгом примкнуть к «джихаду на пути Аллаха» и вместе со своими сыновьями и примерно 50 учениками-мюридами вступили в действующую армию. После многих месяцев участия в боях в районе Батума, потеряв убитыми и ранеными нескольких членов джамаата, оба шейха «ввиду возраста и наступивших холодов» решили вернуться домой, предварительно заручившись у своего командования ходатайством в Военное министерство о назначении им постоянных жалований. Задержка правительством решения этого вопроса и стала причиной подачи ими прошения, по рассмотрении которого им были установлены пенсии, а также выдано в порядке «милости» по 500 курушей на путешествие из Стамбула в Денизли³². В последующие годы ветеранские пенсии в размере от 100 до 600 курушей были назначены еще не менее чем 20 улемам и их ученикам³³. Общее же число дагестанских мухаджиров, удостоенных за участие в войне различных выплат, льгот и наград, было, по-видимому, многократно больше³⁴.

С другой стороны, в документах периода Крымской войны зафиксированы случаи перехода на османскую сторону находившихся в составе российских войск дагестанцев. К примеру, в сентябре 1855 г. в расположение противника перешел с 35 всадниками полковник Омер-бей «из дагестанской знати», вскоре задействованный на кавказском фронте уже в качестве мирливы (бригадного генерала) османской армии³⁵. В феврале 1856 г. перебежчиками стали некто Хазмат(?)-бей и несколько его товарищей из числа бойцов российских иррегулярных подразделений, получившие за это определенное вознаграждение от своих новых командиров³⁶.

В послевоенные годы как через северо-восточную границу, так и непосредственно в Стамбул иммигрировал еще ряд крестьянских и клерикальных групп, уровень материальной поддержки которых свидетельствует о некотором ослаблении властями

31. BOA. İ.MVL, no 293/11777; BOA. A.MKT.NZD, no 23/89, 108/85.

32. BOA. A.MKT.NZD, no 122/95, 123/89; BOA. İ.MVL, no 324/13839.

33. BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Mühimme, no 120/97; BOA. İ.MVL, no 403/17498.

34. BOA. İ.DH, no 343/22628; BOA. A.AMD, no 67/35; BOA. A.MKT.NZD, no 186/95.

35. BOA. İ.DH, no 328/21372; BOA. A.MKT.NZD, no 166/16.

36. BOA. İ.DH, no 338/22228.

режима бережливости по сравнению с началом десятилетия. Так, членам прибывшего в конце 1856 г. в санджак Эрзурум «племени теке(?) из дагестанского населения» была предоставлена земля и оказана помощь в строительстве жилья, а их «улемам и беднякам» назначены денежные пособия³⁷. Аналогичные меры были реализованы в тот же период при поселении 128 «дагестанских и нахичеванских мухаджиров»³⁸. Опека персонального характера была в 1857 г. проявлена Портой по отношению к нескольким находившимся в столице представителям дагестанского духовенства. Например, Джафер-эфенди и Хаджи Муса-эфенди получили из казны в качестве высочайшего дара 2 тыс. и 1 тыс. курушей соответственно³⁹. Хамди-эфенди и Насух-эфенди были, вопреки их желанию остаться в Стамбуле, отправлены на жительство в небольшие западноанатолийские города Манису и Ушак, но при этом трудоустроены там в качестве секретарей в местных администрациях⁴⁰. Еще ряду лиц неоднократно продлевались сроки «гостевания» в Стамбуле до окончательного решения вопроса их поселения⁴¹.

В 1273 / 1856–57 г. правительство направило властям санджака Енишехир в Северной Греции (ныне регион города Лариса) предписание о необходимости обеспечения земель, домами, сельскохозяйственными орудиями и временными продовольственными пайками поселяемых в городке Трикала 35 дагестанцев во главе с некими Эмирханом и Эйюбом. Примечательно, что данное сообщение о дагестанской иммиграции, одно из последних в рассматриваемый период, является в то же время первым известным нам документальным свидетельством колонизации северокавказских мухаджиров на османских Балканах.

Подводя некоторый итог изложенному выше, отметим, что уже на достаточно ранней стадии Кавказской войны выявилась притягательность османского государства как места эмиграции («убежища») для некоторых представителей вовлеченной в военное противоборство с русскими силами дагестанской элиты, что было обусловлено как давними политическими и религиозными связями многих феодальных владений и вольных обществ региона со Стамбулом, так и текущей международно-политической конъюнктурой. Отношение Порты к подобным иммиграциям (или их попыткам), судя по трем описанным выше разновременным эпизодам, варьировалось от довольно благосклонного приема с оказанием определенных знаков официального внимания и существенной материальной поддержки (потомки Сурхай-хана в конце 1820-х гг. и позже) до фактического отказа в предоставлении убежища в дипломатичной либо весьма откровенной форме (Даниял-бек в 1849 г. и Махмуд-хан в 1828 г. соответственно) в зависимости от статуса конкретных просителей, политического контекста и состояния османских финансов.

Заметную группу дагестанских переселенцев составляли лица духовного звания, пользовавшиеся особой симпатией и заботой правительства. При этом, если часть улемов представляла собой сугубо религиозных иммигрантов, стремившихся к поселению в Хиджазе или других мусульманских центрах империи в богомольческих целях, то часть состояла предположительно из так или иначе причастных к движению горского сопротивления суфийских общин, не лишенных некоторых реваншистских устремлений в отношении покинутой родины. Представители духовенства зачастую выступали и в роли лидеров состоявших преимущественно из крестьян партий

37. BOA. A.MKT.UM, no 290/7.

38. BOA. A.MKT.NZD, no 199/24.

39. BOA. A.MKT.MVL, no 82/80; BOA. A.MKT.NZD, no 227/95.

40. BOA. A.MKT.NZD, no 219/94.

41. BOA. A.MKT.MVL, no 98/85, 102/39, 105/21; BOA. A.MKT.NZD, no 251/80.

иммигрантов, хотя власти явно были склонны к разграничению этих двух категорий, прежде всего с целью контролирования объемов оказываемой им помощи.

В целом, на протяжении рассматриваемого периода наблюдалось постепенное увеличение притока переселенцев из Дагестана, превратившегося с конца 1840-х и особенно начала 1850-х гг. во вполне различимое в государственной межведомственной переписке явление. Тем не менее, общее количество дагестанских мухаджиров этих лет едва ли может быть оценено в более чем 1,5–2 тыс. чел. даже с учетом вероятного неотражения известными нам документами всех случаев иммиграции. Первоначально основным местом поселения прибывавших сухим путем аграрных групп выступал центральноанатолийский санджак Токат, лежавший на их маршруте в глубь страны и в то же время достаточно удаленный как от нестабильного российско-османского пограничья, так и от столичного региона. В 1850-х гг., однако, география размещения дагестанских общин стала включать в себя провинции Восточной и Западной Анатолии и даже Балкан, что, по-видимому, было связано с определенными социально-экономическими и политическими расчетами Порты в рамках ее формирующейся стратегии иммигрантской колонизации.

По крайней мере часть дагестанских поселений (например, в Токате и Денизли) благодаря своей известной культурной обособленности смогла в течение довольно длительного времени сохранить свою этническую идентичность, став в 1860-е – 1870-е гг. местом притяжения для новых групп своих соотечественников [см.: 8; 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомеддадаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (история и современность). – Кн. 2. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 212 с.
2. Mehmed Süreyya. Sicill-i Osmanî. – Cilt 1–6. – İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1996. – 2068 с.
3. Habiçoğlu B. Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. – İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993. – 187 с.
4. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (сборник документов и материалов) / Сост. А.М. Магомеддадаев. – Кн. 1. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 434 с.
5. Saydam A. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876). – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1997. – 235 с.
6. Erkan S. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1878–1908). – Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 1996. – 229 с.
7. А. К. Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1869. – Вып. 2. – С. 3–44.
8. Taşbaş E. XIX. Yüzyılda Tokat'ta Göçmen İşkânı ve Göçmen Sevkinde Şehrin Önemi // Gaziosmanpaşa Üniversitesi Tokat Sempozyumu (Tokat, 01–03 Kasım 2012). Bildiriler. – Tokat: Özyurt Matbaacılık, 2013. – Cilt 1. – С. 261–285.
9. Петрушевский И.П. Джаро-белаканские вольные общества. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. – Тифлис: Закавказский филиал АН СССР, 1934. – 160 с.

REFERENCES

1. Magomeddadaev AM. *Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire (history and modernity)* [Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (istoriya i sovremennost')]. Book 2. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2001 : 212. (In Russ).
2. Mehmed Süreyya. *Sicill-i Osmanî*. Vol. 1–6. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1996 : 2068. (In Turkish).
3. Habiçoğlu B. *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler*. İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993 : 187. (In Turkish).
4. Magomeddadaev AM, comp. *Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire (collection of documents and materials)* [Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (sbornik dokumentov i materialov)]. Book 1. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2000 : 434. (In Russ).
5. Saydam A. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876)*. Ankara: Publications of Turkish Historical Society, 1997 : 235. (In Turkish).
6. Erkan S. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1878–1908)*. Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 1996 : 229. (In Turkish).
7. A. K. Kazikumukh and Kyura khans. *Collection of information about the Caucasian mountaineers* [Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh]. 1869. Issue 2 : 3–44. (In Russ).
8. Taşbaş E. XIX. Yüzyılda Tokat'ta Göçmen İşkânı ve Göçmen Sevkinde Şehrin Önemi. *Gaziosmanpaşa University Symposium on Tokat (Tokat, 01–03 November*

10. Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению (1849–1852) / Под ред. М.А. Гамазова. – СПб: Типография О.И. Бакста, 1875. – CL+803 с.

11. Хапизов Ш.М., Галбацев С.М. Аварский Цор (Закатальский округ) в XVIII – первой половине XX в. – Махачкала: Алеф, 2016. – 294 с.

12. Van Lennep H.J. Travels in Little-known Parts of Asia Minor. – L.: John Murray, 1870. – Vol. 1. – X+343 с.

13. Sarıbal İ. Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845–1908). – İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018. – 186 с.

14. Temizkan A. Kafkasya Muhacirlerinin Denizli'de İskânı // Uluslararası Denizli ve Çevresi Tarih ve Kültür Sempozyumu (Denizli, 2006). Bildiriler / Editörler: A. Özçelik, M.Y. Ertaş, Y. Kılıç, Y. Avcı, S. İnan, S. Parlaz. – Denizli: Pamukkale Üniversitesi Yayınları, 2007. – С. 285–289.

2012). *Proceedings*. Tokat: Özyurt Matbaacılık, 2013. Vol. 1 : 261–285. (In Turkish).

9. Chirikov EI. *Travel journal of E.I. Chirikov, Russian mediating commissar for the Turkish-Persian delimitation (1849–1852)* [Putevoi zhurnal E.I. Chirikova, russkogo komissara-posrednika po turetsko-persidskomu razgranicheniyu (1849-1852)]. Gamazov MA, editor. Saint Petersburg: Printing house O.I. Bakst, 1875 : CL+803. (In Russ).

10. Petrushevskii IP. *Jaro-Belakan Free Societies. Internal order and the fight against the Russian colonial offensive* [Dzharo-belakanskie vol'nye obshchestva. Vnutrennii stroi i bor'ba s rossiiskim kolonial'nym nastupleniem]. Tbilisi: USSR Academy of Sciences Transcaucasian branch, 1934 : 160. (In Russ).

11. Khapizov ShM, Galbatsev SM. *Avar Tsor (Zakat-ala district) in the 18th – first half of the 20th centuries* [Avarskii Tsor (Zakatal'skii okrug) v XVIII – pervoi polovine XX v.]. Mahachkala: "Alef" Publ., 2016 : 294. (In Russ).

12. Van Lennep HJ. *Travels in Little-known Parts of Asia Minor*. London: John Murray, 1870. Vol. 1 : X+343.

13. Sarıbal İ. *Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845–1908)*. İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018 : 186. (In Turkish).

14. Temizkan A. Kafkasya Muhacirlerinin Denizli'de İskânı. In: Özçelik A, Ertaş MY, Kılıç Y, Avcı Y, İnan S, Parlaz S, editors. *Uluslararası Denizli ve Çevresi Tarih ve Kültür Sempozyumu (Denizli, 2006). Bildiriler*. Denizli: Pamukkale Üniversitesi Yayınları, 2007 : 285–289. (In Turkish).

Поступила в редакцию 31.07.2022 г.

Принята в печать 11.09.2022 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 31.07.2022

Accepted 11.09.2022

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19167-83>

Исследовательская статья

Наврузов Амир Рамазанович
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru

ИСЛАМСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА, ТИПОГРАФИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА И МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Аннотация. В статье раскрываются некоторые аспекты просветительской деятельности реформаторов – просветителей первой трети XX в., подготовившие почву для становления и развития мусульманского просветительства в Дагестане и всем Северном Кавказе. Таковыми являются создание в 1903г. исламской типографии М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, положившее начало массовому изданию печатной продукции просветительской направленности на арабском и дагестанских языках с использованием арабской графики. Огромна роль культурно-просветительских обществ Дагестана, созданных в этот период за счет денег джамаатов и садака (пожертвований), заката, завещаний, вакфов. Неоценимое значение для пропаганды исламских просветительских идей и формирования общественного мнения имела пресса на арабском и национальных языках, способствовавшая просвещению дагестанских народов и развитию национальных языков и культур. В первой трети XX в. в регионе складываются группы единомышленников. Они ставили целью формирование нового восприятия ислама в мусульманской среде в индустриальную эпоху в период интеграции мусульман Северного Кавказа в российское правовое пространство. Среди них такие имена, как Али Каяев, Абусуфьян Акаев, Мухаммадмирза Мавраев, Бадави Саидов, Мухаммад Дибиров, Сайфулла-кади Башларов, редакционные коллегии газет на арабском и дагестанских языках: аварском, лакском, кумыкском, а также многие другие мусульманские реформаторы-просветители, сотрудничавшие в этих печатных изданиях. Все это в совокупности дало мощный толчок становлению и развитию мусульманского просветительства в Дагестане и всем Северном Кавказе в первой трети XX в.

Ключевые слова: мусульманское просветительство; культурно-просветительские общества; исламская типография; национальная пресса; пожертвования; вакфы.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19167-83>

Research paper

Amir R. Navruzov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
anavruzov@rambler.ru

ISLAMIC CULTURAL AND EDUCATIONAL SOCIETIES, PRINTING HOUSES, NATIONAL PRESS AND MUSLIM ENLIGHTENMENT IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Abstract. The article covers some aspects of the educational activities of the reformers-enlighteners of the first third of the 20th century, who paved the road for the formation and development of Muslim enlightenment in Dagestan and the entire North Caucasus. The creation in 1903 of the M. Mavraev's Islamic printing house in Temir-Khan-Shura marked the beginning of the mass publication of printed materials of an educational nature in Arabic and Dagestan languages using Arabic graphics. The role of the cultural and educational societies of Dagestan, created during this period at the expense of jamaats and sadaqa (donations), zakat, wills, waqfs, is enormous. The press in Arabic and national languages, which contributed to the enlightenment of the Dagestan peoples and the development of national languages and cultures, was invaluable for the promotion of Islamic educational ideas and the formation of public opinion. In the first third of the 20th century, groups of like-minded people formed in the region. They aimed to form a new perception of Islam in the Muslim environment in the industrial era during the integration of the Muslims of the North Caucasus into the Russian legal space. Among them are figures such as Ali Kayaev, Abusufyan Akaev, Muhammadmirza Mavraev, Badavi Saidov, Muhammad Dibirov, Saifulla-kadi Bashlarov, editorial boards of newspapers in Arabic and Dagestan languages: Avar, Lak, Kumyk, as well as many other Muslim reformers and enlighteners, collaborating in these publications. All this together gave a powerful impetus to the formation and development of Muslim enlightenment in Dagestan and the entire North Caucasus in the first third of the 20th century.

Keywords: Muslim education; cultural-educational societies; Islamic printing; National press; donations; waqfs.

Относительно термина «просветительство» в истории общественной мысли народов Востока нет единой точки зрения. «Многие востоковеды пользуются термином «просветительство», другие одинаково употребляют «просвещение» и «просветительство». Н.И. Конрад под термином просветительство (в отличие от Просвещения в Европе в XVIII в.) обозначает явление «европеизации» [1, с. 329]. Некоторые исследователи вовсе отрицают существование просветительства на Востоке. Так, например, В. Семанов писал, что некоторые исследователи аргументировали это тем, что «поскольку в странах Востока не было точного слежка с тех условий, в которых развивалось Просвещение в странах Западной Европы, Просвещения на Востоке быть не могло» [2, с. 214]. Однако многие исследования доказывают, что такое определение не совсем корректно.

Исследователь общественной мысли на Востоке З.И. Левин пишет, что «как правило, просветительство воспринимается как сущностно целостное явление в общественной мысли и литературе, имеющее антифеодалную направленность, когда бы оно ни возникало. Большинство ученых относит восточное просветительство ко второй половине XIX в. Как общественное явление оно выступало антагонистом абсолютного подчинения человеческого разума религиозной вере и воли человека предписаниям религиозных институтов. Оно могло появиться только тогда, когда потребности общественного развития уже предопределили будущее верховенство научного рационализма, свободы личности и индивидуального творчества, но, когда все еще господствовали религиозная схоластика в ее застойном виде и религиозные институты. Такое положение было характерно для эпохи разложения феодализма в Европе, для стадии перехода общества к капитализму» [3, с. 64]. Деятельность мусульманских реформаторов-просветителей Северного Кавказа первой трети XX в. происходила в сложный период эпохи, в период перестройки сознания мусульман Северного Кавказа, когда регион вошел в состав Российской империи.

Известный востоковед А.А. Долинина считает, что «таково же положение было и на арабском Востоке, где единой опорой феодализма были ортодоксальные мусульманские юридические толки, которые сложились в средние века и не соответствовали запросам и устремлениям XIX в. Освященные религией средневековые философские, естественнонаучные и социологические воззрения, вопросы о политическом строе, о правах человека, о семейном укладе – все необходимо было пересмотреть. Поэтому возникла настоятельная потребность приспособить религию к задачам нового времени, осветив ею новые идеи века. Так родился модернизм в исламе, который оказал большое влияние на арабское просветительство» [4, с. 7–8].

В данной статье под мусульманским просветительством мы имеем ввиду, прежде всего, просветительскую деятельность мусульманских реформаторов Северного Кавказа первой трети XX в. – духовных деятелей или лиц, получивших традиционное исламское образование, обладавших религиозным мировоззрением, убеждениями и религиозными обязанностями, и вовлеченных в образовательную деятельность. В устоявшейся литературе их называют джадидами, хотя в статье мы будем называть их реформаторами-просветителями, учитывая их вклад в историю мусульманского просветительства региона указанного периода.

В статье мы сознательно не касаемся просветительской деятельности представителей мусульманского реформаторства других республик Северного Кавказа (их количество в каждой республике достаточно для отдельного исследования), чтобы сконцентрироваться на освещении условий и причин зарождения мусульманского просветительства в Дагестане, где господствовала арабоязычная письменная традиция [5, с. 144], влияние которой распространялось и на весь Северный Кавказ.

Деятельность мусульманских реформаторов Дагестана рассматривалась в совместной работе немецкого исследователя М. Кемпера и дагестанского ученого Ш.Ш. Шихалиева «Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма», где авторы дают «краткие гипотезы развития мусульманского реформаторства в Дагестане, отличающие её от форм джадидизма в остальных регионах мусульманского мира» [6]. В другой своей совместной работе под названием «Кадимитская и джадидитская системы образования в Дагестане: взгляд на систему преподавания арабского языка и ислама в XX в.», вышедшей на русском и английском языках, М. Кемпер и Ш.Ш. Шихалиев дают сравнительную характеристику кадимитской и джадидитской системе образования в Дагестане [7; 8]. Наиболее обстоятельная на сегодняшний день характеристика мусульманского реформаторства в Дагестане первой трети XX в. дается в статьях дагестанского ученого Ш.Ш. Шихалиева «Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.)» [5], «К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в.» [9] и «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» ‘Абд ал-Хафиза Охлинского» [10], хотя в своих исследованиях авторы статей не называют дагестанских мусульманских реформаторов первой трети XX в. мусульманскими просветителями.

Статья А.-К.Ю. Абдуллатипова характеризует Абусуфйана Акаева как «реформатора образования, основателя новометодного обучения в Дагестане и Северном Кавказе», как «достойного продолжателя гуманистических и просветительских традиций Дагестана» [11].

С положениями «новометодистской» концепции духовного возрождения Дагестана, с помощью которых А. Акаев и его сподвижники достигли ошеломляющих на то время результатов» и которые были сформулированы в его работах, знакомит статья К.М.-С. Алиева Среди них: модернизация (или реформа) ислама (освобождение религии от догматики и косности, приспособление её к достижениям современной науки и техники; принятие мусульманами европейских стандартов (европеизация, и, прежде всего, создание светской школы европейского типа); разделение светской и духовной власти (свобода вероисповедования, не допущение, как давления религии, так и давления на религию); активное неприятие теократического принципа организации власти и управления; эмансипация мусульманских женщин и распространение образования среди женщин; реформа мусульманской школы с изучением как светских, так и духовных дисциплин; изучение и преподавание в новометодных школах наряду с арабским и родными языками и русского (внедрение и применение принципа множественности, «многокультурности» и другие [12].

С методами обучения и пропагандой идей джадидизма в северокавказских медресе в деятельности А. Акаева в Дагестане в начале XX в. знакомит статья А.А. Ярлыкапова [13].

О роли идей джадидизма, в частности в распространении новометодных школ в Дагестане, говорится в статье А.-Г.С. Гаджиева [14].

Монография А.Р. Наврузова «Джаридат Дагистан – арабоязычная газета кавказских джадидов (1913–1918) [15]», исследует источник по истории мусульманского просветительства начала XX в. Дагестана и Северного Кавказа, но в данной работе этот памятник арабоязычной реформаторской публицистики рассматривается в большей степени как источник историографии. Задача комплексного исследования всех аспектов мусульманского просветительства региона в работе им не ставилась.

Как отмечает М.А. Абдуллаев, начало XX в. стало новым этапом в истории развития общественно-политической, в том числе просветительской мысли народов Дагестана. Он отмечает, что в этот период в дагестанском просветительстве наметились два течения. «Первое было связано с мусульманской реформацией, которое в России (и в Дагестане) было известно, в основном, как джадидизм (араб.: «новый метод»). Второе течение исходило из европейско-русской культуры» [16, с. 122].

По мнению З.И. Левина «модернизаторское просветительство, как самостоятельное явление особенно активно проявляло себя в точках наиболее тесного соприкосновения Востока и Запада» [3, с. 79]. Такими в Дагестане были: Темирхан - Шура – столица Дагестанской области, Нижнее Казанище, Дербент, Нижний Дженгутай. Из этих центров вышло большое количество мусульманских реформаторов-просветителей.

Построенный как форт в 1830-х годах, город Темир-Хан-Шура был имперским русским, а не дагестанским или исламским городом. С 1866 г. Темир-Хан-Шура получила права города и стала административным центром Дагестанской области. В конце XIX в. в городе было чуть более девяти тысяч жителей (вместе с гарнизоном около двух с половиной тысячи человек): православные, евреи, мусульмане, армяне, католики, протестанты и старообрядцы. Было 4 церкви (2 православных, католическая и армянская), 2 мечети, 2 синагоги [17].

В отличие от внутренних районов Дагестана, где традиционное образование и традиционные мусульманские элиты (в основном суфийские шейхи) имели сильные корни и влияние, Темир-Хан-Шура была местом для дагестанских реформаторов-просветителей, где они могли реализовывать свои планы, не встречая прямой критики и противодействия со стороны сторонников традиционной системы образования.

Концентрация реформаторов-просветителей в Темир-Хан-Шуре была также обусловлена наличием типографий и издательств, которые они создали сами или с которыми сотрудничали.

«До появления в Дагестане типографий литература на языках народов Дагестана издавалась в Баку, Бахчисарае, Екатеринославле, Петербурге, Симферополе, Тифлисе, а также в Амстердаме, Берлине, Вене, Каире, Лейпциге, Лондоне, Стамбуле, Шлезвиге и других городах» [18, с. 15].

«Уже с 1870-х годов в Дагестане было создано несколько частных полиграфических предприятий. В 1873 году Белявский открыл типографию в г. Дербенте. В конце 1876 года коллежский секретарь А.М. Михайлов купил у купца З. Самойлова типографию в г. Порт-Петровске. В 1897 году А.М. Михайлов основал вторую типографию в г. Темир-Хан-Шуре, а в 1881 году он же открыл типографию в г. Порт-Петровске. Отставной писарь Н. Иванов в 1889 году открыл литографию в Порт-Петровске, мещанин В.М. Сорокин в 1893 году – в г. Темир-Хан-Шуре, А. Мельников в 1895 году – в г. Дербенте, Я.П. Шкрот и С. Брун в 1900 году открыли типолитографии в г. Порт-Петровске».

В 1901 г. в Дагестане официально функционировали десять типографий [19, с. 14].

«Развитие типографской техники сделало мусульманскую литературу, а также мусульманскую прессу Каира, Стамбула, Бахчисарая, Уфы и Оренбурга более доступной для дагестанцев. Идеи египетских реформаторов Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1897), Мухаммада Абдо (1849–1905) и Рашида Рида (1865–1812), а также работы татарских авторов Абд ан-Насира ал-Курсави (1776–1812) и Шихаб ад-Дина ал-Марджани (1818–1889) стали широко известными в Дагестане. Все это дало толчок развитию новых дискурсов» [20, с. 34; 21; 22, с. 44–46].

В 1903 г. Мухаммадмирза Мавраев, первопечатник Дагестана и Северного Кавказа, просветитель и талантливый предприниматель, открыл паровую исламскую типографию (*ал-Матба'а ал-исламиййа*) в г. Темир-Хан-Шуре и приступил к изданию книг на языках народов Дагестана, а также на арабском и русском языках.

Создание исламской типографии Мухаммадмирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре положило начало массовому изданию печатной продукции просветительской направленности. До 1917 г. в этой типографии было издано более 300 наименований работ на арабском и дагестанских языках с использованием арабской графики [18, с. 32].

Исламская типолитография М. Мавраева способствовала не только распространению просветительских идей, но и стала центром сотрудничества реформаторов-просветителей. Она возглавлялась А. Акаевым и в ней были опубликованы много работ дагестанских просветителей, например, книги на лакском языке Али Каяева «Хикайа ал-мазиййа би лисан газикумук» (Рассказы о прошлом на лакском языке) (1910 г.), «Рисала фи хаййа ал-джадида» (Трактат по новой астрономии на лакском языке) (1913 г.); букварь на кумыкском языке под названием «Къумукъ алифба» (Кумыкский алфавит) (1914 г.), составленный педагогом и просветителем Магомед-кади Дибировым; учебники и учебные пособия, составленные Абусуфьяном Акаевым на кумыкском языке: «Жагърафия» (География) (1903, 1908 гг.), «Ильму гысаб» (Арифметика (1905 г.)), «Уллу таджвид» (Полные правила чтения Корана (1912)), «Къылык китаб» (Книга по этике) (1913), «Иршад ас-сибйан» (Наставление ученикам) (1909 г.) и многие др. [18, с. 36]»¹.

Необходимо отметить роль в издании и оформлении литографированной книги дагестанских мастеров книжного искусства - катибов (переписчиков) в исламской типолитографии им. М. Мавраева. «М. Мавраев привлекал к этой нелегкой работе лучших переписчиков Дагестана. Среди них: Газимагомед, сын Мухаммадали, сын Амирхана из Уриба (1858–1942); Абдулатиф, сын Нурмагомеда из Накитля (ныне Хунзахский район Республики Дагестан); Абусуфьян из Нижнего Казанища (ныне Буйнакский район Республики Дагестан); Асадула, сын Магомеда из Амуши (ныне Хунзахский район Республики Дагестан); Гасан, сын Ибрагима (катиб Гасан) из Нижнего Казанища (ум. в 1942 г.) (ныне Буйнакский район Республики Дагестан); Давуд-хаджи, сын Магомеда из Урари (ныне Дахадаевский район Республики Дагестан); Иса, сын Магомедмирзы из Куллы (ныне Гунибский район Республики Дагестан); Маллапачах, сын

1. Из материалов археографических экспедиций 2013–2020 гг.: Каталог книг, изданных в типографии М. Мавраева до 1914 г. на арабском, персидском и турецком языках и языках народов Дагестана (аджаме): аварском, лакском (газикумукском), даргинском (цудахарском), чеченском, кумыкском (тюркском) по различной тематике: фикх четырех мазхабов, жизнеописание пророка Мухаммада (сира) и биографии выдающихся мусульманских деятелей (манакиб), история, арифметика, геометрия, медицина, география, астрономия, логика, этика, единобожие и догматика, хадисы, суфизм, книги молитв и вирдов, диваны (стихи), метрика и стихосложение, грамматика арабского языка, науки арабского языка (морфология, синтаксис, стилистика, поэтика, риторика, ораторское искусство), словари арабского языка и др. наукам. Также переизданные Кораны и тафсиры (комментарии к Корану), книги по правилам чтения Корана (таджвид), привезенные из Египта и Турции. Избранные труды Абусуфьяна Акаева.

Рамазана из Сумбатля (ныне Кулинский район Республики Дагестан); Микахилав, сын Муртазали из Ашильта (ныне Унцукульский район Республики Дагестан); Нурислам, сын Курбанали из Унчукатля (ныне Лакский район Республики Дагестан) и многие другие» [18, с. 24–25]. Исмаил, сын Абакара или Абу Исхак (Исмаилдибир) из сел. Шулани (1883–1912) (ныне Гунибский район Республики Дагестан) [22, с. 602–603]; Мухаммад, сын Абдулазиза из Хаджалмахи (ум. в 1941 г.) (ныне Левашинский район Республики Дагестан)². Книги, изданные в типографиях М. Мавраева, были не менее популярны, чем рукописи, и распространялись среди населения Дагестана, Северного Кавказа и других регионов [23].

Именно в столичных городах с середины XIX в. появлялись культурно-просветительские общества: «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области», «Общество ученых», «Благотворительное общество в Нижнем Казанище», «Шариатское общество» в Гели и др.

Устав «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» был утвержден 10 октября 1905 г. А 21 октября в Темирханшуринском общественном собрании было созвано первое общее собрание, на котором председателем общества и правления был избран Пир-Али Эмиров. В обращении Общества к населению Дагестанской области говорилось, что «все слои дагестанского населения, а также и другие лица, которым дороги интересы народного образования без различия национальности и исповедания, отзовутся на этот призыв к делу, не только доброму, но и имеющему глубочайшее значение для массы всего дагестанского населения, только в просвещении могущего найти выход из своего нынешнего положения. Давно уже пора дать ему возможность войти в общение с общечеловеческой культурой и усвоением ее результатов занять достойное место в ряду других народностей нашего отечества...» [24, с. 428].

Деятельность по сбору средств для успешного функционирования «Общества» была разнообразной и состояла преимущественно в устройстве спектаклей, концертов, лекций, вечеров.

В отчете «Общества» за 1907 г. её задачи были сформулированы так: «Помочь многотысячному населению Дагестана приобщиться к европейской культуре, с сохранением коренных основ его жизни и быта, как религиозных, так и общественно-нравственных, и тем облегчить его сближение с великим [русским – А.Н.] народом, с которым его тесно связала судьба» [24, с. 428].

«Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» просуществовало до 1917 г. Оно стояло во главе мусульманского реформаторства в вопросах просвещения мусульман Дагестана.

В годы издания газеты на арабском языке «Джаридат Дагистан» (1913–1918) председателем «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» являлся Бадави Саидов, начальник канцелярии военного губернатора Дагестанской области. С января 1915 г., после отказа финансирования областной администрацией издания газеты «Джаридат Дагистан», оно осуществлялось за счет личных средств Бадави Саидова, а также и из средств «Общества» [15, с. 17].

Кадий³ Дербента Абдулмеджид-эфенди Халимбеков ал-Хураки⁴ считал, что «дагестанцам следует проявлять инициативу в создании благотворительных обществ из

2. Маламагомедов Д.М. Библиографический справочник изданий на основе арабской и латинской графики на аварском языке (1900–1930-е гг.). Махачкала, 2021. Ф. 3. Оп. 1. Д. 975. С. 23.

3. Шариатский судья.

4. Урахи – село в Сергокалинском районе Республики Дагестан.

средств *заката*, завещаний, вакфов, денег *джамаатов* и *садака* (пожертвований) для того, чтобы обучать в них религиозным наукам и наукам арабского языка на правильных, легких и полезных началах, а также строить школы, где изучают математические науки и различные языки». Благотворительное общество, по его мнению, «величайшее средство для искоренения разлагающих варварских адатов, противоречащих шариату и разуму»⁵.

Саадулла Чупанов из Хунзаха предлагает к единению и сотрудничеству представителей всех мазхабов и сект в исламе посредством создания научных и благотворительных обществ во имя прогресса и развития промышленности, сельского хозяйства, образования, воспитания и процветания исламской общины и государства, как того предписывает Коран и к чему призывал пророк Мухаммад⁶.

В создании «Благотворительного общества в Нижнем Казанище» много сил и труда приложил кадий села Нижнее Казанище Мустафа, сын Исмаила. В газете «Джаридат Дагистан» опубликованы имена пожертвовавших для создания благотворительного общества, они следующие:

1. Владетельница⁷ Фатима – 120 манат.
2. Шамалах Мухлифат ал-Амирчупан – 100 манат.
3. Мухаммад, сын покойного ал-Хаджи Абдулхалима – 50 манат.
4. Камиль, сын покойного ал-Хаджи Абдулмаджида – 50 манат.
5. Владетельница Фатима также в качестве вакфа отдала земельный участок.
6. Было отдано наследство покойного ал-Хаджи Арслана, согласно его завещанию, – 20 туманов или 200 руб.
7. Мухаммад, сын покойного ал-Хаджи кадия Джамалуддина завещал 100 туманов из своих денег – т.е. 1000 руб., 20 туманов из них для оборудования, а оставшиеся 80 туманов для покупки земельного участка, отдаваемую в качестве вакфа для благотворительного общества в Нижнем Казанище⁸.

Научное «Общество ученых» было создано 20 июля 1917 г. Руководителем его был избран Мухаммадмирза Мавраев, Мухаммад-кади Дибиров – его помощником, Курди Закуев и Хаджияв ал-Чухи (из аула Чох) – писарями (катибами)⁹. Вот как было записано в Уставе «Общества», опубликованном на страницах газеты «Джаридат Дагистан»: «Перед «Обществом ученых» стояли две задачи: «первая – определение обязанностей ученых и вторая – быть готовым заблаговременно требовать права ученых. Ведь сейчас – время пробуждения, знаний и проявление инициативы в делах» (перевод с арабского)¹⁰.

Согласно решениям учредительной конференции «Общества ученых», его средства предназначались на расходование во имя Аллаха (фи сабил ал-Лакх) на цели создания мектебов и медресе и другие общественные потребности. На своей учредительной конференции членами общества было решено построить высшее

5. *Абдулмаджид Эфенди ал-Хураки*. ал-Макатиб или ал-'идара // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1913. №19. С. 3.

6. *Саадулла Чупанов ал-Хунзахи*. ал-Макатиб ва ал-макалат. Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. №32. С. 3-4.

7. По-арабски *ал-амира* соответствует кумыкскому титулу бийке (владетельница).

8. *Абусуфийан ал-Газанищи*. ал-Джам'иййа ал-хайриййа фи ал-Газанищ ал-кубра // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. №5. С. 4.

9. *Джам'иййат ал-'улама' фи Темир-Хан-Шура* // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. №27. С. 3.

10. *ал-Хуррийа ва вазийфат ал-'улама'* // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. №15. С. 4.

религиозное медресе для всего Дагестана в Темир-Хан-Шуре, а затем поэтапно для каждого из девяти округов. Было определено количество программ для этого медресе¹¹.

На своих заседаниях члены «Общества ученых» обсуждали введение шариата в суды Дагестана вместо адатов и текущих (светских) законов, оно было единогласно одобрено всеми его членами. Было вынесено решение об учреждении шариатского журнала, который предназначался только для освещения вопросов шариата в суде. Также члены «Общества ученых»¹² обсуждали и другие вопросы¹³.

В сел. Гели (кум. Гелли) Темирханшуринского округа (ныне Карабудахкентского района Республики Дагестан) силами ученых и студентов было основано научное общество под названием «Шариатское общество». Кадий Абдулмуталиб был избран его главой, учитель Абусаид – казначеем, учитель Халид – писарем (катибом). Его задачи были следующие:

1. Создание арабского религиозного медресе с обеспечением прожиточного минимума для студентов и учителей.
2. Контроль за вакфами, завещаниями и закатом села Гели и расходованием их согласно шариату.
3. Контроль за судопроизводством по шариату шариатского судьи (кадия) селения Гели.
4. Выборы религиозного учителя в начальную школу (мектеб).
5. Побуждение людей посылать детей в мектебы¹⁴.

Следующей задачей являлось создание вышеуказанного медресе на основе новых принципов под названием «Шариатское медресе» с преимущественным изучением шариатских дисциплин.

Кадий Яхйа ал-Хели (из сел. Гели) был назначен учителем в 5 и 6 классы с зарплатой 50 руб. в месяц, а ученый Мухамад Шафи' – учителем в первый класс (без оплаты). Уроки в шестом классе начинались в начале месяца мухаррам 1336 года / октябрь 1917 года. Жители села по собственному усмотрению жертвовали на это дело. Информация об этом была опубликована на страницах арабоязычной газеты «Джаридат Дагистан»:

1. Валихаджи, сын Айуба – хаджи – 180 руб.
2. Хаджиакай, сын Айуба – хаджи; Сиражутдин – хаджи, сын кадийа Таййиба; Абдулкадир, сын Джабраила; Бамматгази, сын Джамала – каждый из них пожертвовал по 100 руб.
3. Зайнулдин, сын Паши; Абдулмуталиб, сын Джанакая; Абулджалил, сын Абдуллаха; Абдулхамид, сын Байкиши-хаджи; Абуталиб, сын Халата; Фатима – дочь Ханмурзы-хаджи; Арсланали, сын Курбанали – каждый из них пожертвовал по 50 руб.

Более подробный список имен, пожертвовавших в количестве примерно 50 человек, также был опубликован в газете «Мусават» на кумыкском языке¹⁵.

11. Мукаррарат надват ал-'улама' // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. № 28. С. 3. 31.

12. ал-'Улама' фи Темир-Хан-Шура // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. № 28. С. 3.

13. Вопросы, связанные с деятельностью «Общества ученых», обнаружены пока только в газете «Джаридат Дагестан», других источников на настоящий момент не выявлено.

14. Абулджалил ал-Хили. Ал-джам'иййа ал-хайриййа фи ал-Хили // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. № 38. С. 4.

15. Абулджалил ал-Хили. Ал-джам'иййа ал-хайриййа фи ал-Хили // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1917. № 38. С. 4.

Просветительские общества стали центрами пропаганды реформаторских просветительских идей в Дагестане. Неоценимое значение в распространении просветительских идей и формировании общественного мнения имела пресса на арабском и национальных языках.

Платформой для сотрудничества реформаторов-просветителей стали издаваемые ими газеты и журналы, наиболее значимой из которых была газета «Джаридат Дагистан», основанная в 1913 г.

«Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»; с 19 января 1918 г. – «Дагестан»), общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакс) в 1913–1918 гг. Газета выходила сначала по понедельникам, с № 22 1913 г. – по субботам. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Причеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане.

Инициатором создания газеты выступил военный губернатор Дагестанской области С.В. Вольский, который планировал превратить её в официальный орган российской администрации, где должны были перепечатываться материалы из «Дагестанских областных ведомостей»¹⁶. Газета была рассчитана на местную мусульманскую интеллигенцию, для которой языком науки и культуры был литературный арабский. Газета должна была служить «просвещению» мусульман области и распространению среди них политики царского самодержавия. Первый номер газеты вышел 7(20) января 1913 г.

В 1913 – начале 1914 гг. газета издавалась на средства администрации Дагестанской области, в 1914 – конце 1918 гг. на средства Бадави Саидова, начальника канцелярии военного губернатора и председателя Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области, а также М. Мавраева, который оказывал всемерную финансовую и организационную поддержку в издании газеты. Все номера «Джаридат Дагистан» были напечатаны литографским способом в исламской типографии М. Мавраева. Редакторами газеты были Б. Саидов (1913 – январь 1918), А. Каяев (январь 1918 – март 1918) [25, с. 192–194; 26, с. 165–182]. Бадави Саидов был формальным редактором газеты, всю работу по подготовке и изданию газеты выполнял Али Каяев.

Написанная на литературном арабском языке, газета стала ценным научным, справочным и методическим пособием с охватом широкого круга вопросов как светского, так и духовного характера. Благодаря деятельности мусульманских реформаторов-просветителей газета смогла стать площадкой для распространения исламских реформаторских просветительских идей в Дагестане и на всем Северном Кавказе.

Другим изданием стал издаваемый уже в советское время духовный журнал ученых-арабистов Дагестана «Байан ал-хака'ик» (1925–1928).

«Байан ал-хака'ик» (араб. «Разъяснение [шариатских] истин»), советский общественно-политический, научно-популярный, религиозный журнал. Издавался на арабском языке с сентября 1925 г. по август 1928 г. в г. Буйнакске Дагестанской АССР (планировался как ежемесячный, фактически выходил раз в три–четыре месяца). Тираж – 1000–1050 экземпляров. Ответственный редактор – Абусуфьян Акаев [27] из Нижнего Казанища, члены редколлегии – Йусуф-кади из Нижнего Дженгутая, Хаджи-кади из Нижнего Казанища, Билал-Хаджи из Нижнего Дженгутая, Мустафа-кади из Нижнего Казанища и Хизри из Нижнего Казанища. Печатался в типолитографии Даггосиздата имени Е.Г. Гоголева.

16. Тарджамат ал-Джарида // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1918. № 1. С. 1.

Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей, способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводимые советским правительством [28].

Оба издания стали главной платформой для повсеместного распространения реформаторских просветительских идей. Наличие таких площадок для массового выпуска периодических изданий с целью распространения просветительских идей будет иметь решающее значение, особенно после революции 1917 г.

После февральской революции 1917 г. в Дагестане стал выходить ряд газет на национальных дагестанских языках. Так, в статьях «Джаридат Дагистан» за 2017 г. в №15 и №20 сообщалось об издании следующих новых исламских газет: «Мусават (Равенство) на кумыкском языке, «Аваристан» на аварском языке¹⁷, «Заман» (Время) на кумыкском и аварском языках¹⁸.

В этом же номере газеты «Джаридат Дагистан» был опубликован анонс об издании в Темир-Хан-Шуре еженедельной газеты «Илчи» (Вестник) на газикумухском (лакском) языке с просьбой ко всем говорящим на этом языке подписаться на неё. Цель издания – «сообщать правду об этой революции (1917 г.) и нынешних изменениях внутри России, направленных против невежества и отсталости». Газета издавалась согласно программе, подготовленной «Советом учителей и учащихся» в Темир-Хан-Шуре¹⁹.

В опубликованной 27 января 1918 г. в газете «Мусават (Равенство)» в статье «Обращение» к народу М. Мавраев писал: «После наступления свободы (т.е. после победы февральской революции – А.Н.)» каждый из нас по мере своих сил старался сделать что-либо своему народу. И я, по мере своих сил, старался принести пользу нашему народу и в целях его просвещения организовал издание трех газет: «Аваристан» на аварском языке, «Мусават» (Равенство) на кумыкском языке и «Чанна цуку» (Утренняя звезда) на лакском языке». М.М. Мавраев был и издателем, и редактором этих газет [18, с. 46–47].

«Пресса способствовала осознанию необходимости борьбы против средневековой архаики, пробуждению национального самосознания, интереса к национальной культуре, воспитанию чувств патриотизма. Она знакомила читателя с фундаментальными политическими современными понятиями «права народа», «суверенитет», «личная и политическая свобода», «принцип разделения власти», «парламентаризм», «конституция», «выборы», с достижениями науки и техники, жизнью западного общества» [3, с. 82]. Власти хорошо понимали роль прессы в организации оппозиционных сил, используя её в своих интересах при проведении религиозной работы.

«Существенная черта просветительства как идейного движения состоит в том, что его объектом является общество, а его деятелями – группы единомышленников, а не отдельные незаурядные личности. До последней трети XIX в. на Востоке отсутствовало это непереносимое условие просветительства, потому что не было достаточно широкой аудитории, способной воспринять просветительские взгляды, без чего социальный и политический протест просветителей стал бы протестом одиночек, опередивший свое время» [3, с. 82]. У истоков просветительского движения стояли преимущественно деятели, получившие европейское образование. Среди них Бадави Саидов, получивший светское образование, военный из аула Чох Гунибского района Дагестанской области,

17. Илан // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. №15. С. 4. 39.

18. ал-Джарида ал-исламийа ал-джадида // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 20. С. 4.

19. ал-Джарида ал-джадида // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. № 20. С. 4.

Сайфулла-кади Башларов – известный общественно-политический деятель, врач, алим и суфийский шейх (имевший и светское, и религиозное образование [29].

«Ядро культурно-просветительских обществ в колониях составляли чиновники колониальной администрации, преимущественно низших рангов, из местного населения, выходцы из феодально-бюрократических кругов, обычно прямо или косвенно связанные с торговлей и предпринимательством, местная интеллигенция» [3, с. 79]. Бадави Саидов был начальником Канцелярии военного губернатора Дагестанской области и одновременно председатель культурно-просветительского Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области; Мухаммадмирза Мавраев – владельцем и основателем исламской типографии им. Мухаммадамирзы Мавраева, талантливым предпринимателем и промышленником; Абусуфьян Акаев – ответственным редактором журнала «Байан ал-хака'ик», ученым, просветителем и общественным деятелем. К ним относились и 5 членов редколлегии этого журнала, и многие др.

Реформаторские идеи проникали на Северный Кавказ, как с арабского Востока, так и с внутренних районов России. В вопросах образования реформаторов-просветителей Северного Кавказа условно можно разделить на сторонников египетской и татарской моделей образования.

Сторонниками египетской модели образования были Али ал-Гумуки [30] (Каяев, 1878–1943) и его ученики Мухаммад Абуррашид ал-Харакани (1900–1927), Масуд ал-Мухухи (1893–1941), Мухаммад Умари ал-Ухли (ум. в начале 1940г.) и др. «Они не имели никаких контактов с реформаторами из внутренних районов Российской империи. Идеи египетских реформаторов в области образования лежали сугубо в исламской плоскости. Они апеллировали к мусульманским источникам и аргументировали все свои взгляды именно с точки зрения образов, символов и практик мусульманской традиции» [5, с. 136, 141; 9, с. 27–31]. Имя Али Каяева дагестанская традиция связывает с распространением идей египетских реформаторов в Дагестане [10, с. 333].

«Сторонники татарской модели образования основными условиями развития общества считали необходимость широкого развития науки и просвещения по европейской (в данном случае российской) модели. Эти подходы в подавляющем большинстве были заимствованы дагестанскими интеллектуалами в среде татар Крыма и Волго-Уральского региона» [5, с. 136, 141]. Их деятельность связывают с такими именами, как Джамалуддин ал-Гарабудаги ад-Дагистани (1858–1947), Мухаммад-кади Дибиров (1875–1929) [31], Сайфулла-кади Башларов (1852–1919) [32, с. 48–63; 33, с. 141–145], Назир ад-Дургели (1891–1935), Абусуфьян ал-Газаници (Акаев) (1872–1931) и др. [9].

Известный исследователь истории развития общественной мысли Востока З.И. Левин писал, что «главная цель просветителей состояла в пропаганде утилитарных (практических) знаний, представлений о западном образе жизни и культуре, в обличении религиозного фанатизма и суеверий, в пробуждении патриотических чувств и интересов к национальной истории и культуре в просвещенных кругах» [3, с. 80]. Он считает, что «там, где деспотическое правление или чужеземное господство было иноверческим по отношению к основной части населения, там культурно-просветительское движение оппозиционных сил нередко начиналось с пропаганды традиционно-религиозного мировоззрения, с возрождения традиционной культуры» [3, с. 89]. В Дагестане и шире – на Северном Кавказе – религиозно-просветительская деятельность была направлена на возрождение интереса народа к исламу и шариату. В том числе этой цели было посвящено открытие в 1903 г. первой

паровой исламской типолитографии им. М. Мавраева в г. Темир-Хан-Шуре, издание арабоязычной прессы: газеты «Джаридат Дагистан» и журнала «Байан ал-хака'иак». Возрождению традиционной культуры было посвящено и издание газет на местных национальных языках.

Популярный религиозный деятель и просветитель Сайфулла Башларов ал-Ницубакри из Газикумуха писал о том, что «в нынешнее время мы не можем пользоваться и сотой долей тех свобод, которые представляет шариат. Нам необходимо неустанно трудиться для внедрения шариатских норм и заповедей в наших судах»²⁰.

Мухамадмирза Мавраев опубликовал ряд статей на страницах газеты «Мусават»: «Проблемы шариата» (№5 от 10 мая 1917 г.), «Решения Владикавказского съезда» (№6 от 17 мая 1917 г.), «Ввести шариат» (№7 от 24 мая 1917 г.) и другие. Вопросы о месте и роли шариата в жизни и деятельности горцев Кавказа дискутировались на первом общегорском съезде, проходившем с 1-го по 14 мая 1917 г. во Владикавказе. М. Мавраев, как делегат от Дагестана, принял участие в работе этого съезда и высказал свое мнение по данной проблеме как убежденный сторонник шариата [18, с. 79–80; 34, с. 81–83].

Заключение

Таковы некоторые аспекты просветительской деятельности реформаторов Дагестана первой трети XX в., подготовившие почву для становления и развития мусульманского просветительства в Дагестане и на всем Северном Кавказе в последующий период.

Просветительство в Дагестане не стало восточной интерпретацией западноевропейского Просвещения, хотя и складывалось под его влиянием. Черты своеобразия проявлялись в том, как и в какой форме толковались западные идеи, специфичность их отбора соответственно пониманию национальных интересов реформаторами-просветителями Дагестана. Просветительский элемент стал одной из сторон идеологии дагестанского реформаторства, которая была нацелена на прорыв в современность [35, с. 115–116]. Её социальное значение объективно состояло в том, что реформаторы-просветители готовили дагестанского и северокавказского мусульманина именно как мусульманина к жизни в индустриальную эпоху в рамках российской капиталистической системы. Они разрабатывали и внедряли Программу духовного очищения через новое восприятие ислама, которая включала следующие пункты: реформа исламского образования; «женский вопрос»; правовые и богословские аспекты мусульманского просветительства – вопросы *итждихада* и *таклида*; разъяснение вопросов по различным аспектам *фикха* (мусульманского права): уплата закята с бумажных денег – ассигнаций или банкнот, о назначении размера *махра* и практике его превышения, о запрете изображения человека в исламе в виде картин и памятников, вопрос троекратного развода (*талак*), о повторении пятничной полуденной молитвы, о чтении *хутбы* не на арабском языке, о посте; о правильном использовании вакфов; вопросы суфизма: о лжешейхстве в тарикате, критика суфийских ритуальных практик, празднование *мавлида*, вопрос посещения могил святых и праведников; критика ваххабизма и отживших себя адатов и др. [15]. Эта Программа сыграла исключительно важную роль в формировании иного мировоззрения в мусульманской среде, что в

20. Сайфулла Башларов ал-Ницубакри ал-Газикумуки. ал-Мактуб // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура, 1917. №19. С. 4.

свою очередь способствовало росту национального самосознания народов Дагестана и Северного Кавказа и привело к поиску идентичности и новых моделей социально-политической жизни на рубеже первых десятилетий XX в. Гуманистическая составляющая и направленность были сутью этой Программы [36, с. 117].

Дагестанские реформаторы-просветители первой трети XX в. внесли в исламскую историю Дагестана идеи умеренного ислама, содержание которого проистекает из мировоззренческой раздвоенности джадидизма, при последовательном проведении которого он позволяет его носителю отойти от идей строгого теоцентризма и прийти к переоценке ценностей в пользу ценностей общечеловеческих, гуманистически ориентированных. Эта черта джадидизма особенно хорошо заметна в его развитых формах, что особенно наглядно проявляется на примере современного Татарстана, когда «во взаимоотношениях нации и ислама лидеры татарского джадидизма приоритетными определяют нацию. Они считают, что религия должна служить нации, а не наоборот. Конечно, такой степени эволюции дагестанские реформаторы-просветители первой трети XX века не достигли. Но в их деятельности достаточно сильно обозначенными были проявления мирной исламской адаптации к современности [37, с. 132].

Самое примечательное заключается в том, что идеи реформаторов-просветителей Дагестана, не реализованные в силу краткого исторического периода времени, отведенного им историей, и трагического развития исторических событий и обстоятельств в первую треть XX в.²¹, не перестают быть актуальными и сегодня, ибо они не были решены окончательно с позиции знания. Дагестанское общество, спустя время более чем в век, переживает некий процесс реисламизации, с новых позиций рассматриваются вопросы исламского образования, «женского вопроса», *иджтихада* и *таклида*, мусульманского права, суфизма, исламского культа, вводятся некоторые нововведения, отдельные вопросы ислама ставятся на обсуждение среди ученого и широкого круга общества. Во всех этих научных и общественных поисках основной целью и задачей является объяснение и утверждение традиционного коранического ислама в рамках современного научного знания, социального и культурного развития страны.

21. В конце 30-х годов результате смены курса политики советского государства в религиозном вопросе и начала гонений на религию многие реформаторы-просветители были расстреляны или сосланы в лагеря, где и скончались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М., 1973. – 462с.
2. Семанов В. Проблема восточного Просвещения // Вопросы литературы. 1972 №2. С. 214–219.
3. Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 245 с.
4. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. М., 1968. – 272 с.
5. Шихалиев Ш.Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. С. 134–169.
6. Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.–Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. – 328 с.
7. Kemper M., Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan // Asiatische Studien – Études Asiatiques. 2015. 69(3). Pp. 593–624.
8. Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш. Кадимитская и джадитская системы образования в Дагестане: взгляд на систему преподавания арабского языка и ислама в XX в. // Восток (Oriens). 2018. №6. С. 105–123.
9. Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в. // МавраевЪ. 2015. №1(16). С. 27–31.
10. Шихалиев Ш.Ш. «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» 'Абд ал-Хафиза Охлинского. сб.ст. / сост. и отв.ред. А.К. Аликберов, В. О. Бобровников. М.: Марджани, 2010. – 432 с.
11. Абдуллатипов А.–К.Ю. Акаев А. – крупнейший деятель просветительского движения 1–й трети XX в. (Историография изучения трудов, литературное и публицистическое творчество) // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.–Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 26–42.
12. Алиев К.М.–С. Идейное наследие А. Акаева и современность // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.–Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 11–12.
13. Ярлыкапов А.А. Методы обучения и пропаганде идей джадидизма в северокавказских медресе в деятельности А. Акаева (нач. XX в.) // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.–Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 59–63.
14. Гаджиев А.–Г.С. Джадидизм в Дагестане // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и науч. ред. Оразаев Г.М.–Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 64–65.

REFERENCES

1. Konrad NI. *Studies on Japanese Literature*. Moscow, 1973. (In Russ)
2. Semanov V. The problem of Oriental Enlightenment. *Questions of Literature*. 1972, 2: 214–219. (In Russ)
3. Levin ZI. *The development of social thought in the East. Colonial period. 19th-20th centuries*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993. (In Russ)
4. Dolinina AA. *Essays on the history of Arabic literature of modern times. Egypt and Syria*. Moscow, 1968. (In Russ)
5. Shikhaliev ShSh. Muslim Reformation in Dagestan (1900-1930). *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2017, 3: 134–169. (In Russ)
6. Kemper M, Shikhaliev ShSh. Dagestan Muslim reformism in the first third of the 20th century. as a kind of Jadidism. In: *Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: collection of articles, translations and materials*. Orazayev G.M.-R. (comp., ed.). Series “Life of wonderful Dagestanis”. Makhachkala, 2012. (In Russ)
7. Kemper M, Shikhaliev Sh. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan. *Asiatische Studien – Études Asiatiques*. 2015, 69(3): 593–624.
8. Kemper M, Shikhaliev Sh. Kadimi and Jadid education systems in Dagestan: a look at the system of teaching Arabic and Islam in the 20th century. *Vostok (Oriens)*. 2018, 6: 105–123. (In Russ)
9. Shikhaliev ShSh. On the issue of Dagestani reformism in the first quarter of the 20th century. *Mavraev*. 2015, 1(16): 27–31. (In Russ)
10. Shikhaliev ShSh. “*Al-Jawab as-sahih li-l-ah al-musallah*” by ‘Abd al-Hafiz Okhlinisky. *Collected articles*. A.K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov (comps., eds.). Moscow: Marjani, 2010. (In Russ)
11. Abdullatipov A-KYu. Akaev A. – the largest figure in the educational movement of the 1st third of the 20th century. (Historiography of the study of works, literary and journalistic creativity). In: Orazayev GM-R. (comp., ed.). *Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials. Series “Life of wonderful Dagestanis”*. Makhachkala, 2012: 26–42. (In Russ)
12. Aliev KM-S. The ideological heritage of A. Akaev and the present. In: Orazayev GM-R. (comp., ed.). *Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials. Series “Life of wonderful Dagestanis”*. Makhachkala, 2012: 11–12. (In Russ)
13. Yarlykapov AA. Methods of teaching and propaganda of the ideas of Jadidism in the North Caucasian madrasahs in the activity of A. Akaev (beginning of the 20th century). In: Orazayev GM-R. (comp., ed.). *Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials. Series “Life of wonderful Dagestanis”*. Makhachkala, 2012: 59–63. (In Russ)
14. Gadzhiev A-GS. Jadidism in Dagestan. In: Orazayev GM-R. (comp., ed.). *Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials. Series “Life of wonderful Dagestanis”*. Makhachkala, 2012: 64–65. (In Russ)
15. Navruzov AR. *Jaridat Dagistan as an Arabic-language newspaper of the Caucasian Jadids*. Moscow: Marjani Publ., 2012. (In Russ)

15. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 240 с.
16. Абдуллаев М.А. Общественно–политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987. – 326с.
17. Темир–Хан–Шура // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
18. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2003. – 240.
19. Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Фикх в исламском дискурсе дагестанских улемов // Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев; Петербург: Президентская библиотека, 2017. – 319с.
20. Сейранян Б.Г. Мухаммед Абдо: Творец мыслящего Египта // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2011. Выпуск №2. С. 33–44.
21. Фахрутдинов Р.Р. Татарское просветительство и религиозное реформаторство в XIX в. // Интеграция образования. 2007. № 3–4 (48–49). С. 42–48.
22. Алибекова П.М. Библиотека дагестанского ученого и просветителя Исмаилдибира из Шулани (1863–1912) // История археология и этнография Кавказа. Т. 15. №4. 2019. С. 602–628.
23. Османова М.Н. Дагестанские катибы // Дагестанские святыни. Книга 2. Махачкала: Эпоха, 2008. С. 253–286.
24. Доного З.М. Роль «Общества просвещения туземцев мусульман» в развитии светского образования в Дагестане // Казанский педагогический журнал. 2015. №6. С. 427–430.
25. Бобровников В.О. Каяев Али // Ислам на территории бывшей исламской империи. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 2006. С. 192–194;
26. Наврузов А.Р. Али Каяев – последний энциклопедист Дагестана // Дагестанские святыни. Книга первая. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 165–182.
27. Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Сост. и научн. ред. Оразаев Г.М.–Р. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. – 328 с.
28. Наврузов А.Р. «Байан ал–хакаик» (1925–1928) – духовный журнал ученых арабистов Дагестана // Святыни Дагестана. Махачкала, 2012. Т. 3. С. 147–174.
29. Шихалиев Ш. Сайпула–кади // Ислам на территории бывшей российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. М., 2004. С. 72–73.
30. Меджидов Ю.В., Абдуллаев М.А. Али Каяев. Очерк жизни и творчества. Махачкала. 1993. – 415 с.
31. Доного Хаджи Мурад. Дахдугев Дахдугаджи. Мухаммад–Кади Дибиров. На изломе веков: Историческое исследование–Махачкала: «Эпоха», 2015. – 504 с.
32. Шихалиев Ш.Ш. Новые биографические сведения о жизни Сайфуллы–кади Башларова (по арабоязычным письменным источникам) // Жизнедеятельность и духовное наследие выдающегося исламского учёного, суфийского шейха, известного общественно–политического деятеля Сайфуллы–кади Башларова.
16. Abdullaev MA. *Socio-political thought in Dagestan at the beginning of the 20th century*. Moscow, 1987. (In Russ)
17. Temir-Khan-Shura. In: *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes (82 volumes and 4 additional)*. Saint-Petersburg, 1890-1907. (In Russ)
18. Isaev AA. *Magomedmirza Mavraev as the first printer and educator of Dagestan*. Makhachkala: DSC RAS, 2003. (In Russ)
19. Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Fiqh in the Islamic Discourse of Dagestan Ulemas. In: V.O. Bobrovnikov, M.G. Shekhmagomedov, Sh.Sh. Shikhaliev. *Muslim Law and Custom in Russian Dagestan: Sources and Research: Chrestomathy*. Saint-Petersburg State University: Presidential Library, 2017. (In Russ)
20. Seyranyan BG. Mohammed Abdo: Creator of thinking Egypt. *Vostok. Afroasiatic societies: history and modernity*. 2011, 2: 33-44. (In Russ)
21. Fakhrutdinov R.R. Tatar Enlightenment and Religious Reformation in the 19th Century. *Integraciya obrazovaniya*. 2007, 3-4 (48-49): 42-48. (In Russ)
22. Alibekova PM. Private library of the Dagestan scientist and educator Ismaildibir from Shulani (1863-1912). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(4): 602-628. (In Russ)
23. Osmanova MN. Dagestan katibs. In: *Dagestan shrines. Book 2*. Makhachkala: Epoha, 2008: 253-286. (In Russ)
24. Donogo ZM. The role of the “Society for the Education of Muslim Natives” in the development of secular education in Dagestan. *Kazan Pedagogical Journal*. 2015, 6: 427–430. (In Russ)
25. Bobrovnikov VO. Kayaev Ali. In: *Islam on the territory of the former Islamic empire. Encyclopedic Dictionary [Islam na territorii bivshey islamskoy imperii. Enziklopedicheskiy slovar]*. Vol. 1. Moscow, 2006: 192-194. (In Russ)
26. Navruzov AR. Ali Kayaev – the last encyclopedist of Dagestan. In: *Dagestan shrines. Book 1*. Makhachkala: Epoha, 2007: 165-182. (In Russ)
27. Orazayev GM-R. (comp., ed.). Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials. Series “Life of wonderful Dagestanis”. Makhachkala, 2012. (In Russ)
28. Navruzov AR. “Bayan al-hakaiq” (1925-1928) – the spiritual journal of scholars of the Arabists of Dagestan. In: *Shrines of Dagestan*. Makhachkala, 2012. Vol. 3: 147-174. (In Russ)
29. Shikhaliev Sh. Saipula-qadi. In: *Islam on the territory of the former Russian empire. Encyclopedic Dictionary*. Issue 4. Moscow, 2004: 72-73. (In Russ)
30. Medzhidov YuV, Abdullaev MA. Ali Kayaev. *Essay on life and creativity*. Makhachkala, 1993. (In Russ)
31. Donogo Hadji Murad. *Dakhduev Dakhduqadzi. Muhammad-Qadi Dibirow. At the turn of the century: Historical research*. Makhachkala: Era, 2015.
32. Shikhaliev ShSh. New biographical information about the life of Sayfulla-qadi Bashlarov (according to Arabic-language written sources). In: *Life and spiritual heritage of the outstanding Islamic scholar, Sufi sheikh, well-known public and political figure Saifulla-qadi Bashlarov. Materials of the All-Russian Scientific and Practical*

Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала, 25–26 апреля 2008 г.). Ставрополь, 2009. С. 48–63;

33. Абдуллаев Р., Алимова Д., Багирова И., Сулаев И., Рамазанзаде Ш., Кенжаев Д. История общественно-культурного реформаторства в Центральной Азии и на Кавказе (XIX – начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. – 336 с.

34. Султанмуратов А.М. Вопросы религии, шариата и мусульманского права в публицистике А. Акаева советского периода // Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность: Сборник статей, переводов и материалов. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 81–83.

35. Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? : опыт системного и социокультурного исследования. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2005. – 240 с.

36. Абдулагатов З.М. Ваххабизм и джадидизм в дагестанцев исламском сознании: проблемы и противоречия // Центральная Азия и Кавказ. 2006. №6(48). С. 108–120.

37. Абдулагатов З.М. Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2022. (в печати).

Conference (Makhachkala, April 25-26, 2008) . Stavropol, 2009: 48-63. (In Russ)

33. Abdullaev R, Alimova D, Bagirova I, Sulaev I, Ramazanzade Sh, Kenzhaev D. *History of socio-cultural reformism in Central Asia and the Caucasus (XIX – beginning of the XX century)*. Samarkand: ICAI, 2012. (In Russ)

34. Sultanmuradov AM. Issues of religion, Sharia and Muslim law in the journalism of A. Akaev of the Soviet period. In: Orzaev GM-R. (comp., ed.). *Abusufyan Akaev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials. Series "Life of wonderful Dagestanis"* . Makhachkala, 2012: 81-83. (In Russ)

35. Levin ZI. *Reform in Islam. To be or not to be?: the experience of systemic and socio-cultural research*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS: Kraft+, 2005. (In Russ)

36. Abdulagatov ZM. Wahhabism and Jadidism in Dagestani Islamic Consciousness: Problems and Contradictions. *Central Asia and the Caucasus*. 2006, 6(48): 108-120. (In Russ)

37. Abdulagatov ZM. *Islamic consciousness in Dagestan: in search of moderation [Islamskoe soznanie v Dagestane: v poiskah umerennosti]*. Makhachkala: Dagestan Publ., 2022. (In print).

Поступила в редакцию 15.07.2022 г.

Принята в печать 27.12.2022 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 15.07.2022

Accepted 27.12.2022

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19184-97>

Исследовательская статья

Аяган Буркитбай Гелманулы
д.и.н., профессор, заместитель директора
Института истории государства МНВО РК, Нур-Султан, Казахстан
b.ayagan@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КАЗАХСКУЮ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1944 г. (ПО ДАННЫМ КАЗАХСТАНСКИХ АРХИВОВ)

Аннотация. Целью статьи является сбор и систематизация данных казахстанских архивов по размещению, содержанию и особенностям пребывания депортированных народов Северного Кавказа на территории Казахстана. Выбор темы автор ограничил жителями республик Северного Кавказа, так как наибольшее число депортации были из Карачаево-Черкессии и Чечено-Ингушетии. Рассмотрение всех аспектов депортации крымских татар, греков из Крымской автономной республики, турок-мехетинцев, хемшинов из Грузии требует новых исследований. Объектом исследования автора стали вопросы депортации, размещения и содержания народов Северного Кавказа в 1944 г. в Казахстан. На основе научного анализа материалов ряда архивных документов – различных постановлений, директив, справок, отчетов автор прослеживает процессы расселения и контроля за прибывавшими представителями депортированных народов. Переселенные семьи были специально распределены властями по различным областям огромной по территории республики. Немалое число депортированных оказались в политических лагерях, созданных при заводах, или же были направлены на строительство сложных инженерных сооружений. При проведении научного анализа автором статьи были использованы данные документов из казахстанских архивов и сборников документов по данной теме. В качестве основных материалов исследования были привлечены партийные документы, директивы органов НКВД, материалы архивов Генеральной прокуратуры, МВД и КНБ Республики Казахстан. Автором было выявлено, что сама сталинская политика депортации народов проводилась на основе узких рамок партийных указаний Бюро ЦК ВКП(б). Все эти постановления и указания повсеместно встречаются в следственных делах или обвинительных заключениях, обнаруженных автором в архивных фондах. Основными результатами исследования стало выявление ценных документальных сведений по таким вопросам, как определение регионов Казахстана задействованных в процессе расселения с указанием численности переселяемых, условия содержания и адаптации депортированных.

Ключевые слова: репрессии; депортации; Северный Кавказ; Казахстан; ОГПУ-НКВД; спецпереселенцы; раскрестьянение; архивы; реабилитация.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19184-97>

Research paper

Burkitbai G. Aygan,
Dr. Sci. (History), Professor, Deputy Director
Institute of History of the State, Nur-Sultan, Kazakhstan
b.ayagan@mail.ru

ON THE ISSUE OF DEPORTATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS TO KAZAKH SSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ACCORDING TO KAZAKH ARCHIVES)

Abstract. The paper aims to collect and systemize the data of the Kazakh archives on placement, keeping and features of the stay of the deported peoples of the North Caucasus on the territory of Kazakhstan. The author limited the scope of research to residents of the republics of the North Caucasus, since the largest number of deportations were from Karachay-Cherkessia and Chechen-Ingushetia republics. Consideration of all aspects of the deportation of Crimean Tatars, Greeks from the Crimean Autonomous Republic, Meskhetian Turks, Khemshins from Georgia requires separate research. The object of the author's research was the issues of deportation, accommodation and keep of the peoples of the North Caucasus in 1944 to Kazakhstan. On the basis of a scientific analysis of the materials of a number of archival documents – various resolutions, directives, certificates, reports, the author traces the processes of resettlement and control over the arriving representatives of the deported peoples. The resettled families were specially distributed by the authorities to various regions of the vast territory of the republic. A considerable number of deportees ended up in political camps set up at factories, or were sent to build complex engineering structures. When conducting a scientific analysis, the author of the article used data from documents from Kazakhstani archives and collections of documents on the subject. As the main materials of the study, party documents, directives of the NKVD bodies, materials from the archives of the Prosecutor General's Office, the Ministry of Internal Affairs and the KGB of the Republic of Kazakhstan were involved. The author reveals that the very Stalinist policy of deportation of peoples was carried out on the basis of the narrow framework of party instructions of the Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. All these resolutions and instructions are found everywhere in investigation cases or indictments found by the author in archival funds. The main results of the study are the identification of valuable documentary information on such issues as the definition of the regions of Kazakhstan involved in the resettlement process, indicating the number of resettled, the conditions of detention and adaptation of the deported.

Keywords: repressions; deportations; North Caucasus; Kazakhstan; OGPU-NKVD; forced deportees; declassification; archives; rehabilitation.

Введение

В огромном списке литературы, имеющейся по истории политических репрессий советского периода до сих пор имеется целый комплекс не выясненных до конца научных проблем, особенно по судьбам депортированных народов с Северного Кавказа. Например, в научный и общественный оборот в Казахстане только в последнее время вводятся основные нормативно-правовые акты властей, которые создавали базу для репрессивных органов; описываются методы и способы деятельности спецслужб, не известны имена и фамилии ключевых сотрудников ОГПУ-НКВД, сталинских палачей [1–4]. Многие решения и выводы ОГПУ-НКВД были мотивированными политически и, как следствие, привели к нарушениям неотъемлемых прав человека и гражданина. Выводы и заключения автора статьи совершены на основе исследования литературы по теме и по найденным архивным материалам в Республике Казахстан.

По нашему мнению, существуют две серьезные проблемы, которые до сих пор не нашли своего конкретного решения. Первая из них заключается в том, что до сих пор в казахстанской историографии не выяснены в полной мере идеологические основы и механизмы, на основании которых происходили массовые нарушения прав человека, депортации народов СССР в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Вторая не изученная до конца проблема – это места дислокации, расселения и контингент заключенных, находившихся как на территории всего Союза, так и непосредственно Казахстана. До сих пор в казахстанской историографии имеется только отрывочная литература по данной теме, но нет обобщающих трудов [5–7]. Поэтому целью данной статьи является сбор и систематизация данных казахстанских архивов по размещению, содержанию и особенностям пребывания депортированных народов Кавказа на территорию республики на основании, как прежних, так и недавно обнаруженных новых архивных документов.

В годы независимости в Казахстане был проведен ряд глубоких по содержанию научных исследований, где данная тема была изучена с новых позиций. Ценным источником информации по данной теме является сборник документов в трех томах «Из истории депортации. Казахстан. 1939–1945 гг.», выпущенный под редакцией Д.Ю. Абдукадыровой [7]. В составлении данного сборника принимал посильное участие и автор данной статьи. Сборник примечателен тем, что в нем собран и систематизирован отдельным разделом комплекс документов по приему и обустройству народов Северного Кавказа: балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев [7, с. 309–455]. Далее собраны материалы по приему и обустройству спецпереселенцев (так в тексте – прим. Б.А) из Крымской АССР и из пограничной полосы Грузинской ССР: турок, курдов и хемшинов. В сборник документов вошли материалы по плану расселения депортированных лиц, директивы партийных комитетов и облисполкомов Казахстана, постановления ГКО о выселении тех или иных народов; докладные записки наркоматов НКВД, справки уполномоченных и так далее.

В Казахстане была опубликована обширная литература об узниках лагеря «АЛЖИР», где в течение многих лет содержались женщины из России, в том числе и из республик Северного Кавказа [8, с. 435–439].

В то же время тема политических репрессий до сих пор весьма актуальна, так как многие аспекты насильственной депортации еще не раскрыты в полной мере. Не открыты полностью и не введены в научный оборот данные секретных архивов

ОГПУ-НКВД. Мы также полагаем, что критического анализа требует и литература, изданная в советский период, где не совпадают цифры репрессированных и депортированных, не изучены в полной мере места дислокации лагерей. Неизвестна также и конкретная численность заключенных, в том числе и депортированных народов, расстрелянных, сидевших, а также выпущенных как из лагерей Казахстана, так и всех лагерей СССР по репрессивным статьям (58, 59 и др.). Указав на ряд источников, приблизительную цифру осужденных по политическим статьям сведения предоставляет французский историк Н. Верт, который указывает свою версию о количестве осужденных по репрессивным статьям. Он пишет: «При определении общего числа репрессированных цифры носят еще более гипотетический характер. Количество заключенных в тюрьмах и лагерях в 1939–1940 гг. определяется цифрами от 3,5 млн до 10 млн человек» [9, с. 221]. В то же время, эта цифра постоянно оспаривается целой группой ученых многих стран. У авторов, которые пишут по данной теме, наблюдается большое расхождение в цифрах.

Возможно, по результатам работы Государственной Комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии, которая была создана указом президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаевым в 2020 г., будет определено примерное число пострадавших по политическим статьям, в том числе выявлен социальный портрет и количество людей, подвергшихся незаконной депортации, в том числе и из республик Северного Кавказа. Работа ведется, но она еще не завершена.

Материалы и методы

Автор при подготовке статьи использовал метод компаративного анализа, проделал экспертизу статистических данных. Качество документов, найденных нами, не одинаково. Часть из них совершенно устарели и плохо читаются, много ошибок при написании фамилии депортированных, часто меняются номера фондов и описей. Проверка требуется и официальным данным, например, в число депортированных не включены уволенные из рядов Красной Армии, прибывшие вслед за семьями. По архивным данным пока невозможно определить в полной мере количество погибших, условия содержания и расселения депортированных лиц и многое другое. На наш взгляд, необходимы дополнительные исследования и расчеты. При подготовке статьи автор использовал воспоминания очевидцев событий и их потомков как ценные и достоверные источники по данной теме.

Тем не менее, как показывает анализ, общая направленность методов и стиля репрессивных органов-спецкомендатур, органов НКВД, советских судов понятна и легко прочитываются. Все решения носят обвинительный характер, с использованием таких определений, как «враг народа», «бандиты», «классово чуждый элемент» и так далее. В начале статьи мы специально подчеркиваем, что сама философия и идеология руководителей Советского государства привели и обусловили создание таких специфических органов, как ОГПУ и НКВД, которые планомерно превращались в страшное оружие репрессий против советских граждан любой национальности и любого сословия. Правоохранительные органы из инструмента общественной безопасности уже в 1917–1918 гг. превратились в орудие преследования, систематически нарушавшее мораль и правила цивилизованного общества. Для осуществления карательных функций высшими органами ЦК ВКП(б) и наркоматом НКВД создавались специально подготовленные базовые нормативы и директивы. Поразительно и то,

что 20 марта 1940 г. Нарком НКВД СССР Л.П. Берия в нарушение процессуального кодекса 20 марта 1940 г. издает приказ о том, что НКВД может опротестовать решение прокуратуры и не освобождать заключенных, то есть и далее нарушать законы. Таким образом, у следователей ОГПУ-НКВД были полностью развязаны руки, они теперь могли не обращать внимание на исполнение законов и деятельность надзорных органов.

Особую группу документов составляют указы правительства и приказы НКВД СССР, которые стали базовыми документами для насильственного и ничем не оправданного выселения народов с исторической родины.¹ Для проведения в жизнь подобных решений в кратчайшие сроки создавались различные спецгруппы, комиссии и комитеты. Одним из таких комитетов стали так называемые «внесудебные органы», которые наделялись огромными полномочиями по преследованиям, убийствам и заключению в лагеря или депортациям миллионов советских граждан. Методы, используемые этими органами, были совершенно разными, но, как правило, они были неправовыми и жестокими.

Обсуждение и результаты

Для исследователей, которые занимаются историей политических репрессий в советский период, одной из самых актуальных проблем являлась незавершенность и двойственность всего процесса реабилитации. Реабилитация, предпринятая Н.С. Хрущевым в 1956-е гг., ограничилась оправданием в основном представителей партийной номенклатуры и отдельных депортированных народов и не вскрыла причины и механизм репрессий. В период «оттепели» 50-60 гг. XX в. получили возможность для возвращения чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы, но были лишены такой возможности немцы, крымские татары и турки-месхетинцы, причерноморские греки. Также не смогла вернуться по разным причинам на родину часть северокавказцев. Таким образом, процесс реабилитации депортированных народов остался не завершенным. Данный вопрос остается актуальным для Республики Казахстан, где и сейчас живут прямые потомки репрессированных народов.

В период гласности и перестройки М.С. Горбачева в 1985–1991 гг. для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями 30-40 гг. и начала 50-х гг., была образована Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг. [10, с. 15–17]. Но принятые в СССР и Республике Казахстан законы от 14 апреля 1993 г. «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» в силу многих объективных обстоятельств не могли вскрыть все проблемы, например, масштабы репрессий, идеологию и базовые основы преступлений против человечности. Также не были определены перечни категорий жертв, не разработаны нормативно-правовые акты для полной юридической и политической реабилитации жертв; не были в полной мере открыты архивы, где хранились документы, постановления, циркулярные письма партийных и правоохранительных органов. Не были выяснены и места расположения лагерей, где содержались политические заключенные. Вследствие сказан-

1. Постановление ГКО СССР от 31 января 1944 г. N 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской СССР // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 208. ЛЛ. 51-54; Указ ПВС СССР от 6 февраля 1944 г. N 116/102 «О ликвидации ЧИ АССР и об административном устройстве ее территории // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 51-54.

ного, автор статьи, отмечая объём проделанной работы по изучению политических репрессий в сталинский период, указывает также на ряд не решенных до конца проблем. В последние годы стало меньше публикаций по данной теме и уменьшилось число проводимых научных конференций, но тем не менее проблема обсуждается. Исследователями отмечается, что за прошедший период не были опубликованы и вскрыты многие документы, хранящиеся под грифом «совершенно секретно». Причем подобные «секретные документы», как показывают наши изыскания, могут храниться десятилетиями в пыльных хранилищах различных ведомственных фондов от республиканского до районного уровня.

Работа в составе группы Государственной комиссии по рассекречиванию позволила автору еще глубже понять масштабы нарушений прав гражданина и выявить ряд еще не введенных в научный оборот сведений и материалов, оставшихся в архивах ОГПУ-НКВД, в том числе и по судьбам кавказцев, переживших ад сталинских лагерей. Например, нами подчеркивается особая роль так называемых «троек» и «двоек», выносивших решения, которые совершенно не соответствовали требованиям «презумпции невиновности» или же канонам цивилизованного судопроизводства. Эти решения и постановления спускались по республикам и областям в виде специальной директивы, где население республик было поделено на категории, включая рабочих, крестьян, религиозных деятелей и участников неболшевицких движений.

Используя данные архивов и сборник документов по депортации, автор статьи разделил документы на несколько групп. В первую группу входят директивы, донесения о материальном положении и размещению «спецпереселенцев» (по терминологии документов НКВД), во вторую – данные по контролю и мерам наказания в их отношении. Третью группу составляют исследования самих экспертов.

Нами выявлено, что вся кампания депортации была начата задолго до марта 1944 г. Так, например, в архивах обнаружены приказы N 160 наркома НКВД Л. Берия, подписанные в сентябре 1943 г. по «Плану расселения прибывающих из Карачаевской автономной области в Казахскую и Киргизскую ССР переселенцев», 14 октября 1943 г. выходит Постановление Совнаркома СССР за N 1118-342сс «О порядке приема от спецпереселенцев с Северного Кавказа имущества, скота и продукции сельского хозяйства, а также об условиях частичного возмещения этого имущества в местах расселения». В постановлении, подписанном В. Молотовым и Я. Чадаевым, подробно описывается сколько вещей можно было взять с собой депортируемым (до 500 кг на семью), инструкции о том, как обратить изъятое имущество на покрытие государственных поставок, чем должен заниматься конкретный наркомат и т.д. Была также утверждена инструкция, разработанная краевой комиссией [7, с. 310-315]. 17 февраля 1944 г. специальной телеграммой Л. Берия сообщил И. Сталину «О подготовке операции по переселению чеченцев и ингушей»². Решениями руководства СССР также решались финансовые вопросы по организации переселения. Как видно из просмотренных документов, нарком НКВД Л.П. Берия постоянно информировал председателя ГКО И.В.Сталина «О целесообразности переселения» и «Об окончании операции по переселению балкарцев» 24 февраля и 11 марта 1944 г.

Например, 5 марта 1944 г. было принято Постановление ГКО (Государственного Комитета Оборона – прим. Б.А.) N 5309сс «О выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР», где за подписью заместителя председателя правительства СССР В. Молотова указывалось «оплатить расходы НКВД СССР по дополнительному

2. История СССР.-1991 г.-N 1-С.261.

переселению 40000 спецпереселенцев с Северного Кавказа в Казахскую ССР и Киргизскую ССР из резервного фонда Совнаркома СССР»³. В результате данной операции, согласно докладной записке НКВД СССР В.В. Чернышева на имя Наркома Л.П. Берия от 7 марта 1944 г., по регионам Казахстана были расселены 5000 человек по Южно-Казахстанской области, 5000 по Алма-Атинской, 2500 – по Семипалатинской, 2500 – по Северо-Казахстанской, 2500 по Кустанайской, 2500 – по Павлодарской и 2500 по Акмолинской областям [7, с. 340-341]. Но число прибывших могло измениться из-за смертности среди переселяемых или совершаемых ими побегов.

Республиканские и местные органы были обязаны неукоснительно исполнять все решения ВКП(б). Так, например, уполномоченный ЦК КП(б) Казахстана и СНК Казахской ССР А.И. Клементьев 8 марта 1944 г. в письме на имя секретаря ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметова сообщает об условиях подготовки к приему и размещению спецпереселенцев по Восточно-Казахстанской области. Он сообщает, что для руководства подготовкой и размещением спецпереселенцев в области была образована «тройка», такие же «тройки» были созданы в районах. Было намечено разместить депортированных в 8 районах. Низовым организациям было поручено встретить прибывавших на станциях, подготовить и приспособить помещения, оказать медицинскую помощь.⁴ Но надо подчеркнуть, что до начала депортации на места рассылались специальные шифротелеграммы НКВД, где те же депортированные характеризовались как «враждебные и преступные элементы», «классово-чуждые народы», «склонные к нарушению общественного порядка», с которыми нельзя вступать в контакт. Прибывших людей немедленно ставили на учет в спецкомендатуре.

21 марта 1944 г. начальник ОСП НКВД СССР М.В. Кузнецов тому же В.В. Чернышеву сообщал о подробностях приема и разгрузки эшалонов со спецпереселенцами – чеченцами и ингушами. В донесении сообщалось, что «в Казахскую ССР прибыло и разгружено 147 эшалонов в составе 405941 человек. В пути, в эшелонах, как явствует из документов умерло 1361 человек, или 0,27%, госпитализировано 1070 чел [7, с. 344]. Прибывших в холодную погоду тут же распределяли по областям и расселяли по организациям и колхозам. Аналогичные донесения имеются по карачаевцам, балкарцам и другим народам. В условиях дефицита продуктов, одежды, достойного жилья местные органы власти принимали постановления по вопросу улучшения материально-бытовых условий спецпереселенцев, которые, конечно же, были крайне неэффективными. К весне им выдавались семена бобовых, овощебахчевых культур, ссуды на посадку кукурузы или семена на посадку картофеля. Позже стали строиться силами самих же депортированных жилье и банные пристройки. Подобные отчеты были обязаны сдавать все областные и районные инстанции, куда попадали представители депортированных народов. Но ситуация видимо была до того сложной, что трудоустройство спецпереселенцев были вынуждены рассматривать на заседаниях ЦК КП(б) Казахстана. В этом постановлении указывается, что «в ряде областей и районов хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев Северного Кавказа (карачаевцев, ингушей, балкарцев, чеченцев), вовлечение их в производственную работу, прием в члены колхозов проходит недопустимо медленно». В списках по лагерям и местам расселения депортированных народов нами обнаружено большое количество представительниц женского пола, в том числе жен так называемых «врагов народа»

Также исключительно медленно проходила нарезка приусадебных участков и обеспечение спецпереселенцев семенами. Бюро недвусмысленно отметило, что «прове-

3. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6/2. Д. 2. Л. 23.

4. АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 113. Л. 1-5.

дение мероприятий по хозяйственному и бытовому устройству переселенцев имеет целью закрепление этого контингента в местах расселения и приспособление его к нормальной производственной жизни в условиях Казахстана». Бюро также отметило, что среди спецпереселенцев широко распространены настроения о предстоящем возвращении их на Кавказ и поэтому обязало обкомы, райкомы КП(б) развернуть среди них массово-политическую работу с разъяснением им несостоятельности таких настроений и что хозяйственное закрепление и их устройство в местах расселения вытекает из их собственных интересов⁵. (Что значило «собственные интересы» не совсем понятно, но возможно это была скрытая угроза – прим. Б.А). Фрагменты из этой части Постановления Бюро ясно указывают, что власти собирались «депортацию народов сделать вечной». О тяжелом положении депортированных сообщают и партийные комитеты, и хозяйственные руководители. Так, например, руководство «Казгидроэнергостроя» сообщало, что «во временное жилье и наскоро приспособленные под жилье общие бараки с 2-ярусными нарами были вселены мужчины, женщины и дети в количестве 3400 чел., хотя при сравнительно нормальном расселении туда едва ли позволительно было помещать более 2000 человек... Скученность и невозможность создания необходимых бытовых условий способствовали распространению на строительстве эпидемии сыпного тифа со значительным числом смертных случаев». Заболевали также и представители постоянного персонала. «...По рабочим поселкам бродят без надлежащего надзора празднующиеся женщины, старики и дети из числа спецпереселенцев. Многие из них больные. В поселке развивается спекуляция, увеличивается число краж, хулиганства и другие нарушения правопорядка» [7, с. 368–370].

Следующая группа архивных документов касается также условий содержания и мест дислокации представителей депортированных народов. Все они находились под постоянным контролем правоохранительных органов и были обязаны отмечаться в спецкомендатуре. В сводках, докладах и донесениях постоянно прибывавших людей называют «спецконтингентом». Среди имеющихся документов архива КНБ наше внимание привлекли статистические данные, которые тщательно собирались органами ОГПУ-НКВД⁶. В анналах фонда № 1 собраны различные уголовные дела, справки, отчеты по линии НКВД. Другой массив документов собран в фондах, в различных делах и описях. Они особенно ценны тем, что органы НКВД систематически собирали статистические данные по сбору и учету контингента заключенных в лагерях. Примечательно, что эти же органы кроме сбора обобщающих данных политических заключенных, постоянно заполняли данные по социальному положению, национальному составу, религиозным верованиям заключенных и систематизировали любую собираемую и поступающую информацию. Особой строкой в отчетах проходят данные по «спецпереселенцам», в том числе и представителям балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей.

Следует подчеркнуть, что органами НКВД ежегодно составлялись различные справки по движению лагерного контингента, квалификации осуждаемых, характера обвинения, присуждаемым статьям, а также смертности в лагерях. Там же встречаются фамилии осужденных по расстрельным статьям, но они не раскрывают всей картины

5. АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 7. Л. 95-97.

6. Архив КНБ РК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 324. Л. 54-58. и Ф. 11. Оп. 52. Д. 2. Л. 6-17. При написании статьи использованы отдельные сюжеты из документов, хранящихся в Национальном архиве РК, Архиве МВД и Архива КНБ республики. Но многие документы находятся в процессе рассекречивания и не фондированы в полной мере. Поэтому мы указываем только те документы, которые имеют конкретный адрес.

массовых репрессий. Отдельной графой идут протоколы приведенных в исполнение расстрелов с конкретными фамилиями и подписями. Сотрудниками НКВД также проверялись и перепроверялись цифры, выявлялись расхождения в материалах статданных и отчетности. Органами НКВД предоставлялись статистические данные в динамике по годам, где четко обозначались категории заключенных и даже их лагерные обозначения. Например, указаны дела с такими наименованиями, как «Депортированные», «Плесень», «Перебежчики», «Недобитые», «Военнопленные» и так далее. Также указывались номера лагерей и места их дислокации по Казахстану.

Наиболее известными лагерями на территории Казахстана были места содержания в Карагандинском лагере политических заключенных, известных как КарЛАГ, СтепЛАГ, а также учреждение «26 точка», расположенное вблизи современной столицы Казахстана, больше известное как АЛЖИР («Акмолинский лагерь жен изменников Родины»). Проведенный нами анализ показывает, что несмотря на имеющийся огромный список исследований до сих пор не выяснены в полной мере конкретные места дислокации мест содержания политических заключенных на территории современного Казахстана и не подсчитана хотя бы примерная численность заключенных. По данной проблеме мы имеем крайне мало исследований.

Участниками группы по рассекречиванию документов в августе 2021 г. в Отдельном секторе архива МВД республики был найден целый склад «Документов НКВД» (хранящиеся папки так и называются. – прим. Б.А.). Этот склад располагается в пригороде Астаны, в районе «Лесозавода», но до сих пор оставался недоступным для исследователей. Благодаря усилиям членов Комиссии, эти документы сегодня рекомендованы к рассекречиванию и вводятся в научный оборот. В указанном спецхране архива МВД республики имеются практически все приказы, директивы и иные руководящие документы, спускавшиеся из центрального аппарата ОГПУ-НКВД СССР за период с 1917 по 1945-1946 годы, начиная с момента образования органов, со времен наркомов Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова и Л.П. Берии и их заместителей.⁷ Среди них находятся копии приказов НКВД СССР от 6 февраля 1944 г. № 00186 сс «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения» и приказа НКВД СССР от 28 февраля 1944 г. № 00193 «О мероприятиях в связи с окончанием по выселению чеченцев и ингушей». Кроме того, сохранились копии представлений наркома НКВД Л.П. Берия председателю ГКО И.В. Сталину о награждении наиболее отличившихся участников операции по выселению народов из Северного Кавказа.

Конечно, здесь сохранились не все руководящие документы, которые имели специальные грифы, например, по уничтожению определенных лиц или категорий населения, агентурные данные. Но имеются ценные документы по организации подразделений ОГПУ-НКВД на местах, в том числе и в Казахстане, приказы о награждении офицеров, приказы об организации и ликвидации лагерей. Очень много финансовых документов, где расписываются данные о нормах выдачи имущества на заключенных, сведения об организации новых лагерей. Эти сведения помогают установить примерную численность людей, сидевших в подобных учреждениях. Конечно нельзя сказать, что эти докладные носят исчерпывающий характер. Но подчеркнем, что в этих приказах есть ссылки на решения ЦК ВКП(б), руководителей Советского государства. И главное, что именно эти приказы и директивы стали основой для проведения в жизнь всех репрессивных кампаний против интеллигенции, крестьянства, военных, депортации целых народов и проведения иных незаконных мероприятий. Например, в

7. Архив МВД РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219; Ф. 13. Оп. 1. Д. 219. Л. 42.

вышеназванных спецхранах НКВД Архива МВД республики нами была обнаружена голубая папка с надписью: «Исправительно-трудовые лагеря. Дислокация» без указания фамилии автора.

Информация собиралась скрупулёзно, скорее всего офицером или человеком, хорошо знавшим специфику лагерей. Ценность папки в том, что она позволяет выявить, кроме общеизвестных лагерей типа «АЛЖИР» или системы учреждений «Карлага», целую группу скрытых и не известных доселе учреждений, как правило, создаваемых при возведении крупных заводов, фабрик, совхозов или строительстве дорог. В тетради назван ряд лагерей, где постоянно и планомерно использовался труд советских граждан осужденных, как правило, на основании статей 58, 59 и 60 и иных статей, имевших репрессивный характер. Многие из них были осуждены «внесудебными органами», на что указывают даже названия самих лагерей и принадлежность к системе ОГПУ-НКВД. Сама система и места дислокации исправительных учреждений постоянно менялась в связи с политикой центральных властей, изменением экономических задач или возможно в целях сокрытия следов, на что указывали С. Дильманов и Й. Баберовски. Например, в архиве МВД РК обнаружен приказ ОГПУ от 17 сентября 1931 г. за подписью Г. Ягоды «О ликвидации Казахских исправительно-трудовых лагерей ОГПУ». В тексте документа указывается – (п. 1) «Казахские исправительно-трудовые лагеря ОГПУ ликвидировать вместе со всеми отделениями (лагерями), командированными к предприятиям, не входящим в состав совхоза «Гигант» (орфография текста сохранена – прим. Б.А.).⁸ Но выражение «ликвидация» совершенно не означает уничтожение такого лагеря, которые в данном случае подлежали только перемещению и создавались на новом месте, где была нужда в рабочих. И таких приказов по линии ОГПУ-НКВД по перемещению заключенных или так называемых «расстрельных списков» с подписями членов «троек» обнаружено много.

В найденном нами списке указаны ниже приведенные лагеря, располагавшиеся на территории Казахстана. Учитывая сложность сбора данных, мы систематизировали их следующим образом: Раздел 1 – Подразделения учета лагеря военнопленных ДТК в рамках деятельности ОГПУ-НКВД (все названия лагерей сохранены). Повсеместно создавались колонии массовых работ №1 при особом строительстве различных учреждений. Как показывает проведенный нами анализ, во многих из них, если не во всех можно найти представителей народов Кавказа и Крыма, в том числе и депортированных народов-карачаевцев, татар, балкарцев, ингушей. Особенно много в лагерях находилось представителей немецкого или польского населения.

Есть, например, часть приказов по личному составу в 1 отделении, в частности ИТК-16 Гурьевской области 1943-1946 гг. Так же по-прежнему функционировали лаготделения №1 (строительство зернохранилища) 1955-1956 ст. Анархай (может Анрахай? – прим. Б.А.) Джамбульской области или отдельные лагеря, например пункт №17, расположенный на станции Топар и 8-е Лаготделение в 1946-1950 гг. Лагеря находились внутри так называемых исправительно-трудовых учреждений, как в поселке «Заречный» Илийского района Алма-Атинской области или на станции Чемолган в Каскеленском районе Алма-Атинской области (учреждение ЛА-155/4.) Была образована «Казахская трудовая колония № 5» в городе Казалинск Кызыл-Ордынской области. Отдельной строкой в донесениях проходят так называемые трудовые поселения (Трудопоселения), созданные в 1934-1935 гг., по которым имеются отдельные приказы о создании, наделении полномочиями, составами управления. В этих так

8. Архив МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 34. Л. 19.

называемых «трудопоселениях» повсеместно размещались представители депортированных народов. В этих лагерях содержались граждане не только Казахстана, но и со всех концов Советского Союза и даже из-за рубежа.

Также большие группы политзаключенных находились при Главном управлении лагерей железнодорожного строительства МВД (ГУЛЖДС), где в 1939-1942 гг. функционировало «Чимкентское» отделение. Другая часть заключенных была подчинена Министерству транспортного строительства СССР, центральный офис которого находился в Москве по адресу Садово-Спаская, ул., д. 21. Было создано и лагерное отделение 30, 56 п/я У1-154/30 по строительству совхоза «Койбагский» Карасуского района, Кустанайской области в поселке «Сарысу» или в поселке «Калачи» Есильского района Целиноградской области. Другое наименование лагеря – п/я 154/19. Судя по награжденным в списках офицеров НКВД, политзаключенные использовались при строительстве Актюбинского ферросплавного завода в городе Актюбинск и Семипалатинского ядерного полигона, которое «лично» курировал нарком Л. Берия.

Имя и фамилия составителя данной очень ценной информации остается неизвестным. Мы же дали только небольшие пояснения и добавления по тем учреждениям, которые были им указаны. Также, по последним данным, политические заключенные использовались не только на шахтах и предприятиях треста «Карагандауголь», треста «Шахстрой» ЦЭС, «Хлебозавод», Водосточный завод, Кирпичный завод, но и в «Зелентресте», «Казбродстресте», мясокомбинате, предприятиях «Электропрома», на рудниках «Семиз-Буту», «Май-Узек», областном стройтресте, Мельстройкомбинате, артелях Облпромсоюза: на предприятиях «Октябрь», «Свобода», «Строитель», «Красный химик», «Кондитер».¹⁰

Тем не менее, многие архивные материалы по депортации народов, по нашему мнению, целенаправленно уничтожались. И только в 1997 г. оставшиеся материалы были переданы в Центр правовой статистики Генеральной прокуратуры Казахстана¹¹. Собранные данные подтверждаются материалами архива МВД РК, где содержатся их различные копии. Например, в 1944 г. выходит приказ за подписью Л.П. Берия «О расселении на территории Южно-Казахстанской области Казахской ССР переселенцев из Кабардино-Балкарской АССР». Также имеются материалы в секретном приказе НКВД от 1 февраля 1944 г. «Об итогах работы производственных предприятий истроек НКВД СССР». В приказе Л.П. Берия за высокие показатели за 1943 г. были поощрены работники НКВД, ответственные за перевыполнение плана. И здесь в качестве «передовых» упоминаются предприятия Карагандинского угольного бассейна и Актюбинского ферросплавного завода, где постоянно использовался труд политзаключенных. В тех же материалах есть приказ «О передаче ценностей ликвидируемых конторами и представительствами НКВД СССР в Средней Азии, Ташкентской конторе ГУЛАГ снаб». Следовательно, существовал и ГУЛАГснаб, который занимался сбором и распределением материальных ценностей заключенных. В тех же приказах, особенно до 50-х гг., в отношении задержанных советских граждан повсеместно используются термины «перемещенные», «спецконтингент», «кулаки», «концлагеря» или «каторжники». Например, в документах фонда N 13 есть такие приказы, как «О порядке направления в тюрьмы каторжников» или «О снятии с учета спецпереселенцев детей

9. Архив МВД РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 600. Л. 20-30.

10. Мы специально сохранили стиль и орфографию текста. На сегодня многие из них переименованы, вероятнее всего даже изменились и места дислокации.

11. Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 214. Д. 1217, 1219, 2371, 1220. Обращаем внимание, что многие документы только в марта-апреле прошли процесс рассекречивания, и поэтому листы могут быть изменены.

бывших кулаков, спецпереселенцев, принимаемых и зачисленных в школы ФЗО и ремесленные училища». Во многих из них, если не во всех, могли находиться граждане Северного Кавказа, осужденные по репрессивным статьям. В фондах архивов, например, сохранилась «Справка о порядке обучения детей спецпереселенцев-чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар» от 22 июня 1944 г. Приведенная справка указывает, что власти были вынуждены заниматься обучением детей в совершенно новых условиях. Бюро Гурьевского обкома 8 января 1945 г. в закрытом порядке рассмотрело вопрос об улучшении материально-бытовых условий спецпереселенцев из Крыма и Северного Кавказа.¹² Как видно из архивных данных, аналогичные факты имели место в Кызыл-Ордынской, Южно-Казахстанской областях, где местные власти были вынуждены исполнять секретные и закрытые директивы и указания ЦК ВКП(б)

Анализ документов по таким графам мог бы помочь в дислокации мест заключения и определении численности заключенных. Надо подчеркнуть, что лагеря для политических заключенных, в частности для так называемых «контрреволюционеров» или «спецпереселенцев», строились на скорую руку, как временные помещения, в каких-то населенных пунктах, на железнодорожных станциях или в далеких аулах. По некоторым данным в таких временных фильтрационных лагерях содержались сотни, а возможно и тысячи людей, которых через некоторое время отправляли этапом в лагеря, или же им выносились иные формы наказания. Некоторую помощь для подсчета политзаключенных и мест содержания могли оказать документы и такие приказы как «Об изменении штатной численности в лагерях НКВД для военнопленных», №№ 148, 53, 26, 68, 123, 58, 99 и так далее. На раскрытие данных по депортированным народам могли бы пролить свет отчеты по работе спецкомендатур. Каждая спецкомендатура создавалась по приказу ОГПУ-НКВД и ими же руководилась.

В составлении данных нами были использованы также материалы НКВД и встречающиеся воспоминания самих отсидевших узников. При изучении фондов РГУ «Национальный архив Республики Казахстан» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан установлено наличие на хранении 38 тыс. (38 467) единиц личных дел работников исправительных учреждений (исправительно-трудовых лагерей, расположенных на территории Республики Казахстан). Аналогичные документы были обнаружены в первом фонде архива МВД РК¹³. Вопиющими фактами деятельности советского государства и органов ОГПУ – НКВД стали не только проведенные ими несправедливые суды, но и сокрытие мест дислокации лагерей, где содержались политические заключенные всех категорий и даже мест захоронения. Также в архивах найдены документы, где содержатся обязательства о неразглашении сведений служащих, уходящих в запас, полученных ими в рамках осуществляемой деятельности в местах службы. Указанные обстоятельства объясняются тем, что часть вольнонаемных работников формировалась из числа ранее отбывавших наказание лиц и в целях сокрытия информации.

В архивах также хранятся материалы по массовым волнениям и восстаниям, случившимся в лагерях для заключенных. Подробно, с использованием архивных данных, о восстании в Степном лагере вблизи Джекказгана (Особый лагерь N 4) написал монографию казахстанский исследователь С. Дильманов. В истории это событие более известно как «Кенгирское» восстание. Автор монографии указывает, что состав восставших был многонациональным: кроме украинцев и русских среди восставших были армяне (Батоян, Азарян), грузины (Чинчиладзе, Лежава), евреи (Келлер Г.),

12. Государственный архив Атырауской (ранее-Гурьевской) области, Ф. 294. Оп. 3. Д. 56. Л. 2. С. 337.

13. Архив МВД РК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 471. Л. 46-72.

татары (Ибрагимов З.) и другие. Известно, что и в Кенгирском восстании 1954 г. принимали участие и кавказцы, о чем упоминает А.И. Солженицын [10, с. 360–361].

Следующая группа документов касается этапа возвращения из невольной ссылки депортированных народов. Они сохранились в фондах практически всех областных архивов. Многие письменные свидетельства (заявления, обращения, справки и т.д.) приводятся на страницах упомянутого ранее сборника документов «Из истории депортации. Казахстан. 1939-1945 гг.» [7]. Исследователь В.А. Козлов по документальным данным описывает социальные конфликты с участием народов Северного Кавказа и восстановление чечено-ингушской автономии, в том числе и «кордоны на дорогах», которые были выстроены, чтобы приостановить стихийный поток возвращенцев. Автор исследования в качестве ссылки приводит и конкретный фонд российского архива¹⁴ [10, с. 360–361; 11, с. 99–111]. Таким образом, даже возвращение и на родину депортированных народов после XX съезда КПСС проводилось в спешке, без надлежащего правового и административного оформления и возмещения материальных ценностей.

Выводы и заключение

Все вышесказанное позволяет нам подчеркнуть, что репрессии в советский период имели свое идеологическое обоснование и проводились в рамках исполнения приказов и указаний И.В. Сталина и его окружения. Данные архивов показывают, что составлялись специальные планы по перемещению и депортации отдельных народов, в том числе и из автономии Северного Кавказа. В местах расселения за прибывшими устанавливался строгий контроль и учет, в случае нарушения правил спецкомендатур представители депортированных народов подвергались жестокому наказанию вплоть до лишения свободы. Несмотря на проведенные поиски, многие страницы репрессивной политики советских властей до сих пор не были полноценно изучены. Не дана и справедливая оценка действиям органов НКВД и МГБ. Поэтому работа по рассекречиванию документов НКВД должна быть продолжена. И в период реформ, и в постсоветский период не нашлось влиятельной силы, которая взяла бы на себя смелость довести до конца раскрытие всех деяний сталинского режима за совершенные ею преступления, к числу которых относится и депортация народов Северного Кавказа.

После тщательной проверки собранные статистические данные позволят создать более полную картину репрессий. Поэтому настало время составления общей социальной карты по локализации лагерей и выяснения общего количества депортированных на территорию Казахстана.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках ПЦФ ИРН OR11465469 «Разработка академического издания История Казахстана с древнейших времен до наших дней в семи томах.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the PCF IRN OR11465469 “Development of an academic publication History of Kazakhstan from ancient times to the present day in seven volumes.

14. ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 460. Л. 279-281.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец – Николай Ежов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 447 с.;
2. Журтбай Т. Боль моя, гордость моя – Алаш! трилогия. Астана: Аударма, 2016. 1104 с.
3. Бажанов Б.Г. Я был секретарем Сталина. М.: Алгоритм, 2014. 112 с.
4. Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия «(РОССПЭН) Фонд первого Президента Б.Н. Ельцина. 2007. 278 с.
5. Дильманов С. Исправительно-трудовые лагеря НКВД-МВД СССР на территории Казахстана (30-50-е годы XX). Алматы, 2002. 344с.
6. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Караганд. Караганда, 1977 г. Нац. агентство по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 1997. 175 с.
7. Из истории депортаций. Казахстан. 1939-1945 гг. Сборник документов. Т. 3. Алматы: LEM, 2019. 708 с.
8. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т.4. Алматы:Атамұра, 2010. 768 с.
9. Верт Н. История советского государства. 1900-1991; Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
10. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956 (В 3 кн.). Ч. V-VII: опыт художественного исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2009. 632 с.
11. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев: 1953 – начало 1980-х гг. [3-е изд., испр. и доп.]. Москва: РОССПЭН, 2010. 462 с.

REFERENCES

1. Petrov N, Jansen M. *Stalin's pet – Nikolai Yezhov [Stalinskii pitomets – Nikolai Ezhov]*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsina, 2008. (In Russ.)
2. Zhurtbai T. *My pain, my pride – Alash! Trilogy [Bol' moy, gordost' moy – Alash! trilogiya]*. Astana: Audarma, 2016. (In Russ.)
3. Bazhanov BG. *I was Stalin's secretary [Ya byl sekretarem Stalina]*. Moscow: Algorithm, 2014. (In Russ.)
4. Baberowski J. *Red Terror. History of Stalinism [Krasnyi terror. Istoriya stalinizma]*. Transl. from German. Moscow: Russian political encyclopedia “(ROSSPEN); Foundation of the first President B.N. Yeltsin, 2007. (In Russ.)
5. Dilmanov S. *Correctional labor camps of the NKVD-MVD of the USSR on the territory of Kazakhstan (30-50s of XX) [Ispravitel'no-trudovye lagerya NKVD-MVD SSSR na territorii Kazakhstana (30-50-e gody XX)]*. Almaty, 2002. (In Russ.)
6. Shaimukhanov DA, Shaimukhanova SD. *Karlag. Karaganda, 1977. National Agency for Press and Mass Information of the Republic of Kazakhstan, 1997. (In Russ.)*
7. *From the history of deportations. Kazakhstan. 1939-1945. Collection of documents [Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939-1945 gg. Sbornik dokumentov]*. Vol. 3. Almaty: LEM, 2019. (In Russ.)
8. *History of Kazakhstan from ancient times to the present day in five volumes [Istoriya Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei v pyati tomakh]*. Vol. 4. Almaty: Atamura, 2010. (In Russ.)
9. Wert N. *History of the Soviet state. 1900-1991 [Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900-1991]*. Transl. from French. Moscow: Progress-Academy, 1992. (In Russ.)
10. Solzhenitsyn AI. *Gulag archipelago. 1918-1956 (In 3 books). Parts V-VII: the experience of artistic research [Arhipelag GULAG. 1918-1956 (V 3 kn.). Ch. V-VII: opyt khudozhestvennogo issledovaniya]*. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2009. (In Russ.)
11. Kozlov VA. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev: 1953 – early 1980s [3rd ed., rev. and add.] [Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve: 1953 – nachalo 1980-kh gg. [3-e izd., ispr. i dop.]]*. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.10.2022 г.

Принята в печать 17.01.2023 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 04.10.2022

Accepted 17.01.2023

Published 30.03.2023

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19198-122>

Исследовательская статья

Мусеибли Наджаф Алескер оглу
д.и.н., профессор, зав. отделом,
Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
necef_museibli@mail.ru

Агаларзаде Анар Мирсамид оглу
к. и. н., доцент, в.н.с.,
Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
anararxeolog@mail.ru

Ахундова Гюльнара Камал кызы
к. и. н., доцент, в.н.с.,
Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
akhundova_62@mail.ru

ГАБАЛИНСКИЕ КУРГАНЫ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ НА КАВКАЗЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Аннотация. Одной из основных проблем исследований кура-аракской культурно-исторической общности является выявление ее локальных вариантов на Южном Кавказе. В то же время взаимодействие носителей этой общности с населением других регионов также повлияло на формирование этих локальных вариантов. С этой точки зрения интересны результаты исследования памятников Габалинского района, расположенного в северном регионе Азербайджана. На территории района обнаружены археологические памятники, относящиеся к разным периодам. Определенную группу составляют курганы, относящиеся к эпохе ранней бронзы. В структуре раскопанных курганов и погребальных обрядах в зависимости от хронологического этапа выявлены различные и общие черты. В селе Амили Габалинского района изучены три кургана эпохи ранней бронзы. Обращает на себя внимание сложное строение этих курганов. В то же время обнаруженное в одном из них дольменообразное мегалитическое сооружение привлекает внимание своей уникальностью. Интересно, что большие камни, из которых построено это сооружение, выполнены в виде антропоморфных идолов. На них вырезаны глубокие линии разного размера. Интересны и сооружения в форме полумесяца, выложенные из камня под насыпью курганов. Группа керамики имеет свойство «пачкающей». Такая керамика не характерна для кура-аракской общности. Структура курганов, технологические показатели керамики показывают, что в IV–III тыс. до н.э. существовали тесные связи северных районов Азербайджана с Северным Кавказом.

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы; куро-аракская культура; курганы; мегалитическое сооружение; антропоморфные идолы; погребальный обряд; керамика.

Для цитирования: Мусеибли Н.А., Агаларзаде А.М., Ахундова Г.К. Габалинские курганы в контексте связей на Кавказе в эпоху ранней бронзы // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 1. С. 98-122. doi.org/10.32653/ch19198-122

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19198-122>

Research paper

Najaf A. Museibli,
Dr. Sci. (History), Professor
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology ANAS, Baku, Azerbaijan
necef_museibli@mail.ru

Anar M. Agalarzade,
Cand. Sci. (History), Associate Prof., Leading Researcher
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology ANAS, Baku, Azerbaijan
anararxeoloq@mail.ru

Gyulnara K. Akhundova,
Cand. Sci. (History), Associate Prof., Leading Researcher
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology ANAS, Baku, Azerbaijan
akhundova_62@mail.ru

GABALA KURGANS IN THE CONTEXT OF CONTACTS IN THE CAUCASUS IN THE EARLY BRONZE AGE

Annotation. One of the main issues of investigating the Kura-Araxes cultural and historical community is to identify its local versions in the South Caucasus. At the same time, the interaction of the bearers of this culture with the population of other regions also influenced the formation of these local versions; thus, the results of investigations of the sites in Gabala district, located in the northern region of Azerbaijan, are of interest. Archaeological sites belonging to different periods were discovered in the territory of the district. A certain group comprises kurgans dating to the Early Bronze Age. In the structure of the excavated kurgans and burial rites, depending on the chronological stage, various and common features have been revealed. In the village of Amili, Gabala district, three Early Bronze Age kurgans were studied. The complex structure of these kurgans draws special attention. A dolmen-shaped megalithic structure discovered in one of them stands out. Interestingly, the large stones which this structure was built with are cut in the form of anthropomorphic idols. Lines of various sizes were carved on them. The crescent-shaped structures laid out of stone under the kurgan mound are also of interest. The group of pottery has the “staining” property, that is, if you touch it, your hands get stained. Such pottery is not typical for the Kura-Araxes community. The structure of the kurgans and the technological indicators of pottery show that in the 4th-3rd millennia BC there were close ties between the northern regions of Azerbaijan and the North Caucasus.

Keywords: Early Bronze Age; Kura-Araxes culture; kurgans; megalithic structure; anthropomorphic idols; burial rite; pottery.

For citation: Museibli N.A., Agalarzade A.M., Akhundova G.K. Gabala Kurgans in the context of contacts in the Caucasus in the Early Bronze Age. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 1. P. 98-122. doi.org/10.32653/CH19198-122

Введение

Курганы эпохи ранней бронзы, расположенные на территории Азербайджанской Республики (рис. 1), представляют оригинальную группу археологических объектов, отличающуюся своими специфическими показателями от других погребальных памятников указанного периода и вызывают несомненный исследовательский интерес. Три из них были изучены нами в Габалинском районе. После раскопок кургана в с. Дизахлы Габалинского района, проведенных С. Газиевым в 1966 г. [1], вплоть до недавнего времени раскопки этого типа памятников в Габалинском районе не производились. В 2013 г. экспедицией Института археологии и этнографии НАНА под руководством Н.А. Мусеибли в с. Беюк Амили были обнаружены незафиксированные ранее курганы. Два из них были раскопаны и изучены в том же году. Третий курган был раскопан в 2020 г. Все исследованные памятники относятся к раннему бронзовому веку.

Результаты раскопок курганов

Курган № 1 расположен на правой стороне дороги Габала – Агдаш, проходящей через с. Беюк Амили. Этот курган подвергся более сильному разрушению в результате антропогенных воздействий. Поэтому было решено начать раскопки с этого кургана. Так как он находился непосредственно у автодороги, насыпь кургана, сложенная из речных камней с грунтом, оказалась сильно разрушенной. Вследствии этого определить параметры насыпи удалось лишь приблизительно: диаметр чуть более 20 м, а максимальная высота, сохранившаяся лишь в небольшой части в центре насыпи составила 1 м.

После снятия насыпи, в восточной части кургана была обнаружена погребальная камера, вырытая в желтоватом материковом грунте. Темно-серое пятно могильной ямы четко выделялось на фоне материка. Длина погребальной камеры по направлению запад-восток составляла 1,8 м, ширина 1 м, глубина 90 см. Заполнение камеры представляло темно-серый грунт (возможно, речной грунт) с речным камнем. При этом количество камней уменьшалось по мере приближения к дну камеры.

Остатки скелета погребенного были обнаружены в восточной половине погребальной камеры в хаотичном состоянии, череп погребенного находился в центральной части камеры. К югу от обращенного на запад лицевыми костями черепа находился фрагмент коленной кости, немного (20 см) восточнее черепа находились несколько ребер, таз и части позвоночника. Кости рук и ног отсутствовали, археологических материалов обнаружено не было. Среди камней насыпи кургана найдено было лишь несколько кусочков обсидиана без следов обработки. Не исключено, что обнаруженное погребение представляет обряд расчленения умершего, а не результат ограбления могилы, т.к. следов грабительской ямы выявлено не было. Можно предположить, что при захоронении не все части погребенного были помещены в могилу.

Курган № 2 располагался в 200 м юго-восточнее кургана № 1 на участке частного хозяйства. Насыпь частично разрушена в результате сельскохозяйственных работ.

Насыпь кургана была сложена из речного камня и песчаника вперемешку с землей. При этом в центральной части концентрировались более крупные камни (70×50×40 см и т.п.). Диаметр кургана составлял 15 м, высота 70 см.

В ходе расчистки и снятия каменной насыпи в центральной части кургана зафиксирована посыпка большим количеством охры, смешавшейся с почвой и наблюдавшейся вплоть до уровня древней дневной поверхности. Охра была посыпана в форме полукруга или полумесяца, обращенного открытой стороной на север. Ширина полосы «полумесяца» была достаточно выдержана и составляла в среднем 3 м (рис. 2, 1). При этом внутренний диаметр полукружия составил около 4,8-5,0 м, а внешний – около 9,6-9,8 м. В ходе раскопок среди камней насыпи, непосредственно над древней дневной поверхностью в различных секторах было обнаружено по одному обсидиановому осколку без следов обработки.

В центральной части кургана, окаймленной с трех сторон (с юга, востока и запада) «полумесяцем», под плотно сложенными крупными камнями располагалась курганообразная земляная насыпь диаметром около 5 м, толщиной до 25-30 см (рис. 2, 2), сделанная, очевидно, из выкида из погребальной камеры.

Пятно погребальной ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,8×1,3 м, ориентированное длинной осью почти по линии восток–запад (с небольшим отклонением к ЮЗЗ), располагалось в центре кургана на уровне древней дневной поверхности на глубине 70 см от вершины насыпи. Заполнение ямы представляло собой грунт с речным камнем и охрой. В верхней части заполнения на площади диаметром 70 см наблюдалось обильное скопление охры. По мере углубления количество охры в заполнении могильной камеры уменьшалось и постепенно исчезло. Дно погребальной ямы располагалось на глубине 1,8 м от древней поверхности. Яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами и немного сужалась ко дну, размеры камеры на уровне дна составляли 1,3×0,70 м. Погребальная камера также была ориентирована длинной осью на восток–запад с небольшим наклоном на северо-восток-юго-запад (рис. 2, 3).

Скелет погребенного, обнаруженный на полу камеры, был покрыт тонким темно-коричневым органическим тленом. Захоронение произведено на спине, по направлению восток–запад (с незначительным на ЮЮЗ в соответствии с конфигурацией ямы), головой на запад, с согнутыми в локтях руками, направленными к плечам, с сильно согнутыми в коленях ногами, придвинутыми ступнями к тазу. Череп оказался повернут лицевыми костями вправо, на юг (рис. 2, 4). Археологических находок при погребенном обнаружено не было.

Таким образом, в ходе похоронного обряда первоначально сооружалась могильная яма, на дно которой был положен умерший и накрыт покрывалом (?). Затем погребальная камера засыпалась грунтом и камнями, при этом на верхнем уровне вместе с грунтовой засыпкой и булыжниками яма густо посыпалась охрой. После заполнения камеры над ней сооружалась небольшая земляная насыпь толщиной 25-30 см и диаметром 5 м, поверх этой насыпи были положены крупные камни. На следующем этапе делалась более крупная каменная насыпь, диаметром около 15 м, в процессе сооружения которой производилась посыпка охрой в форме полукружия в центре кургана.

На основе радиоуглеродного анализа кости погребенного (Beta - 356781. Cal BC 2560 to 2350) курган № 2 датируется серединой – третьей четвертью III тыс. до н.э., т.е. самым концом раннего бронзового века.

Курган № 3 находился на юго-восточной окраине с. Беюк Амили, в окружении посевных полей. Его диаметр составлял 16 м, высота 50-60 см (рис. 3, 1). Насыпь состояла из крупных песчаников вперемешку с землей. Из-за скопления крупных камней территория кургана не распахивалась.

В ходе расчистки насыпи было установлено, что в северо-восточном секторе камни были уложены более плотно, сконцентрированно. В этой части курганной насыпи была расчищена крупное дольменообразное сооружение из песчаника (90×90×20 см, 90×80×30 см и др.), ориентированное длинной осью по направлению запад-восток (рис. 3, 1, 4) и окруженное плотной выкладкой более мелких камней, булыжников. Общая длина этого сооружения составила 3,2 м, ширина более 1 м, внутреннее коридорообразное пространство имело ширину 60-70 см. Крупные, поставленные на ребро камни, из которых состояла конструкция, были подобраны так, что внутренняя поверхность ее стенок была гладкой. Не исключено, что эти камни немного выравнивались.

По мере продолжения раскопок было установлено, что это сооружение являлось своеобразным проходом-«дромосом» к большой погребальной камере-яме. Внутренняя часть этого прохода в виде коридора была заполнена грунтом и относительно мелкими камнями. У западного конца, рядом с погребальной ямой, верхняя часть прохода была перекрыта поперечно уложенным крупным камнем (1,3×0,9×0,35 м) (рис. 5, 1-3), образующим прямоугольную арку высотой около 1,0 м. В этой части «дромос» покоился на камнях, засыпанных в погребальную яму глубиной около 1,0 м, а восточная половина его лежала на материковом грунте и выходила к краю курганной насыпи. Этот узкий проход, не ведущий в собственно погребальную камеру, очевидно, практически не использовался и имел символическую нагрузку.

На камни, составляющие эту конструкцию, были нанесены глубокие врезные линии в разных направлениях. Верхняя (лицевая) поверхность камня перекрытия этого «дромоса» была полностью испещрена такими линиями (рис. 4, 1; 6, 1). На других камнях линии также были нанесены только на верхние их поверхности (рис. 4, 1, 2) и, вероятно, уже после возведения этого прохода-«дромоса». На двух больших камнях северной стенки «дромоса», глубокие линии были нанесены также разнонаправленно (рис. 6, 2, 3). Среди камней вокруг мегалита и на других участках каменной насыпи также были обнаружены камни разных размеров с высеченными на них такими линиями (рис. 4, 3, 4; 6; 7). По бокам некоторые камни с линиями из описанной конструкции и из насыпи были подправлены, очевидно, с целью придать им вытянутую (антропоморфную) форму.

В ходе зачистки и снятия каменной насыпи было установлено, что камни в северо-западном секторе сконцентрированно уложены, образуя прямоугольно-овальной формы площадку, ориентированную вместе с расположенным в ее восточной оконечности «дромосом» по направлению восток-запад. После снятия первого слоя этого каменного скопления, в нижнем слое были зафиксированы овальной формы выступы, сложенные из камней по углам этой площадки (рис. 3, 2). Важно отметить, что эти выступы, заполненные камнями, были заглублены в материковую почву до 0,5 м.

На одном уровне с этой площадкой, накрывающей погребальную яму, в южной половине кургана была выявлена плотная вымостка из речного булыжника, образующая полумесяц, обращенный открытой стороной к погребальной камере. Для

сооружения этой структуры в материке на глубину 15-20 см была выкопана траншея такой же формы, затем заполненная камнями. Ширина «полумесяца» по центру составляла более 1,5 м, расстояние между утоньшенными концами – 10 м (рис. 3, 2).

Расчитка каменной площадки с дромосом в северо-восточном секторе выявила заполненную камнями могильную яму подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированную длинной осью по линии восток-запад. Длина ее составляла 8,3 м, ширина около 4 м, глубина от древней поверхности 1,3 м, от вершины кургана 1,9 м. Глубина основной части камеры, длиной 6 м, составляла 1,3 м, а ступенчатая, входная часть с восточной стороны длиной 2,3 м, – 0,6 м (рис. 3, 3). Боковые стенки камеры были слегка наклонены вниз. В центральной части погребальной камеры на глубине 50 см в 1,5 м к СЗ от «дромоса» был врыт каменный столбик высотой 40 см, с сечением 15×25 см (рис. 5, 4). Следов какого-либо перекрытия могильной ямы выявлено.

В придонной 50-60-сантиметровой толщи заполнения могильной ямы были обнаружены плохо сохранившиеся останки 21 человеческих скелетов (подсчет велся по остаткам черепов). Кости были разрозненны, лежали хаотично, без какой-либо системы. Анатомически целых скелетов и сочленений не обнаружено. Лишь в одном случае можно было предположить, что здесь проводились захоронения на боку. Очевидно, что захоронения производились в течение длительного периода времени, и с каждым новым подзахоронением порядок прежних человеческих останков нарушался. Примечательно, что почти каждый череп сопровождался лежащей рядом бедренной или голеновой костью. Вместе с тем, не исключено, что разрозненные скелеты в погребальной камере являются результатом обряда вторичных захоронений.

Наряду с человеческими останками в погребальной камере было обнаружено относительно целыми и во фрагментах 39 керамических сосудов раннего этапа куро-аракской культурно-исторической общности (КИО). 13 из восстановлены. Иных артефактов не выявлено. Располагались сосуды и их фрагменты неравномерно, бессистемно, определить связь с конкретными человеческими останками невозможно.

Все сосуды темно-серого и красно-охристого цвета. Иногда некоторые участки поверхности одного темно-серого сосуда имеют красно-коричневые пятна, и, наоборот, поверхность красно-охристого сосуда имеет темно-серые пятна, что отражает неравномерный обжиг сосудов. Керамика состоит из относительно крупных, двух или трехручных широкогорлых тарных сосудов (рис. 8, 1-3), двухручных горшкообразных сосудов с низким (рис. 8, 4-5) и относительно высоким широким горлом (рис. 9), один из которых имеет одну ручку (рис. 9, 3), и глубоких округлобоких мисок с невыраженным венчиком (рис. 10). Орнамент на керамике полностью отсутствует.

Все ручки на этих сосудах – вертикальные, слегка удлинённые, имеют «полушаровидную» форму – признак, характерный для керамики куро-аракской КИО. Ручки горшкообразных сосудов с низким горлом соединяют устье с плечиком, тогда как ручки горшкообразных сосудов с высоким горлом, как правило, крепятся верхним концом к середине горловины, а нижним – к плечикам. Две миски также снабжены удлинённо-полушаровидными ручками, некоторые – имеют выступы-ручки или ручки-держалки (рис. 10, 3). Некоторые миски сформованы небрежно и имеют асимметричную форму. Поддоны некоторых из них вогнуты.

Все сосуды изготовлены из глины с примесью песка. Поверхность большинства сосудов покрыта толстой беловатой патиной. Некоторые из них из-за некачественного состава и плохо отмученного теста и слабого обжига рассыпаются. Почти все сосуды красно-коричневого (охристого) цвета относятся к категории керамики «с пачкающей поверхностью».

Представленная керамика и погребальный обряд позволяют определить хронологию кургана № 3. Многократные захоронения в больших погребальных камерах, представляющих, очевидно, долгофункционировавшие семейно-родовые погребальные усыпальницы, типичны для первого этапа куро-аракской КИО. Техничко-типологические и морфологические показатели керамики, обнаруженной в кургане, также свидетельствуют о ее принадлежности к этому периоду. Аналогичные керамические сосуды обнаружены, в частности, в кургане № 5 могильника Узун-Рама (Геранбойский районе АР) и принадлежащем куро-аракской КИО. Результаты радиоуглеродного анализа этого кургана дали дату 3629-3373 гг до н.э., т.е. курган датируется второй – третьей четвертью IV тыс. до н.э. [2, с. 179-180, 182]. Добавим, что в кургане № 5 Узун Рама также осуществлялось массовое захоронение, характерное для первого этапа куро-аракской КИО. На основании вышеизложенного курган № 3 могильника Амили мы датируем серединой IV тыс. до н.э.

Обсуждение

Результаты раскопок курганов Амили следует интерпретировать в трех направлениях: 1) структура курганов; 2) обряд захоронения; 3) керамика. Исходя из этого, важно интерпретировать результаты раскопок курганов Амили в локальном и региональном контексте.

Структуры курганов. Все курганы могильника Амили имели насыпи, сложенные из камней, и, вероятно, первоначально они представляли собой такие каменные насыпи, которые со временем оказались «затянуты» грунтом. Особое внимание следует обратить на «лунарные конструкции», обнаруженные в курганах № 2 и № 3 на уровне древней дневной поверхности. В кургане № 2 она была обсыпана слоем охры, а в кургане № 3 большой полумесяц был выложен из одного слоя камней. В обоих случаях они окаймляли могильные камеры с южной стороны. Несомненно, что эти «конструкции» в виде полумесяца связаны с погребальными церемониями, с астральными религиозно-идеологическими представлениями населения, оставившего эти курганы.

На Южном Кавказе в некоторых курганах лейлатепинской культуры эпохи халколита встречаются каменные выкладки в форме полумесяца/подковы [3]. Однако, такие выкладки в этих курганах несколько отличаются от «полумесяцев» в курганах эпохи ранней бронзы с более закрытыми формами.

Лунарные конструкции встречались в погребальных памятниках эпохи ранней бронзы, как на Южном, так и на Северном Кавказе. Так, в кургане Хачбулаг № 1 (Дашкесанский район АР) была обнаружена окружающая основную погребальную камеру с юга насыпь из желтой глины в виде полумесяца [4, с. 37]. Этот «полумесяц» в Хачбулагском кургане № 1 по своей структуре и форме идентичен «полумесяцу» в кургане Амили № 2.

Выложенная из камней вымостка в форме полумесяца вокруг могилы обнаружена в Кюдурлинском кургане № 2, раскопанном в Шекинском районе (рис. 11, 4). Она так же, как и в кургане № 3 Амили, огибала погребальное сооружение с южной стороны. Ширина «полумесяца» в центральной части составляла 3 м, внутренний диаметр и расстояние между его концами составляли 10 м, внешний диаметр был равен max. 14 м [5, с. 94].

Крупная каменная выкладка в форме «полумесяца», обводящего погребальную камеру с ЮЗ, обнаружена также в кургане № 1 эпохи ранней бронзы второй группы курганов (рис. 12, 1), исследованной у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии [6, рис. 3]. «Полумесяцы» в курганах Кюдурлю и Кишпек аналогичны по форме и расположению лунарной выкладке в кургане № 3 Амили и указывают на определенное сходство их погребальных обрядов. Каменные сооружения в форме полумесяца обнаружены также в погребальных памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железного века на Южном Кавказе [7]. Вероятно, предположить, что идея «полумесяца» появилась на Северном Кавказе под влиянием традиции Южного Кавказа.

Овальные выступы, выложенные из камней по краям на верхнем уровне погребальной камеры кургана № 3 Амили отдаленно напоминают подобные выкладки кургана № 1 могильника Кюдурлю (рис. 11, 2): здесь овально-округлые каменные выкладки по периметру окружали центральную каменную насыпь кургана на уровне древней дневной поверхности [5, с. 90-91].

Особый интерес представляет обнаруженное в кургане № 3 Амили мегалитическое сооружение в виде прохода-«дромоса» (рис. 4; рис. 5). Все боковые крупные камни, использованные при его строительстве, а также плита пререкрытия прохода заполнены на «лицевой» поверхности глубоко вырезанными линиями различной длины и направленности. Эти врезные линии нанесены бессистемно, они не изображают какой-либо объект. Можно полагать, что они были нанесены на камне в процессе обряда погребения в кургане и, учитывая многократность совершавшихся здесь захоронений, возможно, они наносились неоднократно при каждом подзахоронении.

Почти все камни этой конструкции имели уплощенно-удлиненную грушевидную форму (рис. 6). Как было отмечено выше, такие камни разного размера также были обнаружены вокруг этого прохода-«дромоса» и среди камней насыпи кургана (рис. 7). Край большинства камней были немного обработаны, очевидно, с целью придать им некоторую форму, возможно, антропоморфную. Хотя ни один из этих камней не отражает явные человеческие черты, можно полагать, что они представляют собой своеобразные каменные идолы.

Факты использования камней, стел антропоморфного облика неоднократно встречались в погребальных памятниках халколита и бронзового века Кавказа. В погребальной камере кургана Сейидли (Хачмазский район АР), относящегося к лейлатепинской культуре, был обнаружен крупный речной камень, напоминающий человеческую фигуру [8, с. 27]. В насыпи кургана № 3 эпохи ранней бронзы Гобустанского археологического комплекса была обнаружена антропоморфная каменная продолговатая, высотой 1,4 м, плита, изначально поставленная вертикально – ее верхняя часть была подтесана с двух сторон, условно изображая голову и плечи человека [9, с. 36-37]. Фрагмент антропоморфной туфовой плиты был обнаружен в насыпи кургана Гасансу эпохи средней бронзы (Агстафинский район АР) [10, с. 25].

В Нахчыване, на плато Наби Юрду, входящем в комплекс памятников Гямигая, на высоте 3200 м над уровнем моря, в кургане эпохи поздней бронзы также был обнаружен вертикально установленный, высотой 1,6 м, камень, напоминающий человеческую фигуру [11, с. 37].

Наиболее близкие аналоги каменных идолов, обнаруженных в Амилинском кургане № 3, как кажется, представлены в погребальных комплексах эпохи ранней бронзы Кабардино-Балкарии. Здесь в уже упоминавшемся Кишпекском кургане № 1 две каменные плиты, перекрывавшие верх погребения № 1 типа каменного ящика, представляли собой антропоморфные стелы (рис. 12, 2, 3). Каменные антропоморфные стелы обнаружены здесь в курганах, относящихся к разным стадиям бронзового века. Нередко они использовались вторично в качестве строительного материала при возведении курганов. Так, среди камней насыпи кургана скифского времени близ с. Нартан были найдены две антропоморфные каменные стелы (рис. 12, 4, 5), напоминающие по форме каменных «идолов» № 1 и № 3 кургана № 3 Амили (рис. 6, 1, 3). Верхняя часть большой (135×66×63 см) стелы из Нартана заполнена нанесенными глубокими врезными, образующими сетчатый рисунок линиями-желобками (рис. 12, 5), что в определенной мере также наводит на параллель в камнями с врезными линиями кургана № 3 Амили. Предполагается, что эти каменные идолы сначала находились в капищах, а позднее, в эпоху ранней бронзы, утратив свое первоначальное значение, вторично использовались в курганах [6, с. 219-220, 243-251, рис. 42, 4]. В отличие от них идолы Амилинского кургана № 3 были обнаружены в кургане, где они изначально использовались в обряде погребений.

Говоря о строении курганов, следует упомянуть еще об одном интересном моменте. Так, вокруг основной погребальной камеры кургана № 3 Кишпека на уровне древней дневной поверхности было обнаружено 6 овальных ямок, заполненных несколькими слоями камней; артефактов в них не обнаружено [6, рис. 21, с. 194]. Подобные каменные скопления обнаружены в двух местах на разных уровнях и в кургане № 2 Кюдурлю [5, с. 91]. Такое же скопление камней в круглой яме обнаружено в Шамкирчайском кургане № 2 середины III тыс. до н.э.: здесь на участке между центральной погребальной камерой и кромlexом в материковом грунте была вырыта яма диаметром 90×90 см, глубиной 25 см, заполненная плотно уложенными речными булыжниками; в ней также не было обнаружено никаких артефактов [12, с. 105]. Назначение таких ямок, несомненно, связанных с ритуалом погребения, не ясно.

Погребальные обряды. Говоря о погребальном обряде, вновь отметим, что погребальная камера кургана № 3 Амили, к которой вел проход-«дромос» и в которой были обнаружены останки 21 погребенного, представляла долговременную семейно-родовую усыпальницу. Подкурганные погребальные конструкции, в которых производились многоразовые захоронения известны не только в Габалинском районе, где расположены курганы Амили, но и в других районах Азербайджанской Республики [1; 2; 13 и др.]. Однако, в последних человеческие скелеты обнаружены непосредственно на уровне дна камеры в отличие от захоронения в кургане № 3 Амили, и камеры, очевидно, не использовалась многократно, захоронения производились в очень короткий промежуток времени, возможно, единовременно. К тому же в них присутствуют следы разведения сильного огня в погребальной камере, что

не наблюдалось в Амили. То есть мы наблюдаем существенное различие в погребальной обрядности.

Способ захоронения умершего в Амилинском кургане № 2 – на спине с сильно подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, лежащими кистями у плечей – чрезвычайно редкое явление для эпохи ранней бронзы Кавказа. Похожее трупоположение, т.е. на спине с подогнутыми к тазу ногами наблюдалось в упоминавшемся Хачбулагском кургане № 1, но здесь левая рука покойного лежала в области живота, а правая рука была вытянута вдоль тела [4, с. 38, рис. 6]. Захоронение в подобной позе было обнаружено и в Триалети в кургане № XXII эпохи ранней бронзы [14, табл. 2, 3]. Наконец, ближайший аналог в позе погребенного – это также упоминавшийся курган № 1 могильника Кюдурлю (рис. 11, 1): здесь тоже погребение совершено на спине с сильно подогнутыми к тазу ногами, но согнутые в локтях кисти рук покоились на животе. Скелет выявлен на уровне древней дневной поверхности, головой на запад. В кургане № 2 Кюдурлю голенные кости ног погребенного были уложены поперек на бедренные кости [5, с. 92, 103], что наводит на мысль об обряде расчленения (?).

Кроме того, следует отметить, что во всех упомянутых пяти курганах (Амили № 2, Хачбулаг № 1, Кюдурлю № 1 и 2, Триалети № XXI) умершие были захоронены в направлении запад-восток головой на запад. В этих памятниках, как представляется, отчетливо прослеживается сходство в этой детали погребальной обрядности. Укажем и на то, что большие погребальные камеры курганов куро-аракской КИО также часто сооружались по направлению запад-восток с входом с восточной стороны [2; 13], как и в Амилинском кургане № 3, который значительно древнее первых.

Керамика. Керамический материал, представленный глиняными сосудами, обнаружен только в кургане № 3 Амили. Это красно-охристые и темно-серые тарные и горшкособразные сосуды, миски. Как уже отмечалось, большая часть красно-охристых сосудов относится к категории т. наз. «керамики с пачкающей поверхностью», которая не свойственна для керамики куро-аракской КИО, но широко распространена на памятниках Северного Кавказа [18, с. 351-352], представлена и в упоминавшихся Кишпекских курганах [6]. Но, с другой стороны, презентабельный керамический комплекс кургана № 3 Амили типологически представляет характерные образцы керамики куро-аракской КИО. И, возможно, что здесь мы имеем дело с сочетанием двух технико-технологических традиций.

Из памятников эпохи ранней бронзы «пачкающаяся керамика» обнаружена только в курганах Тельманкенд на юге Азербайджана (Астаринский район АР) [15, с. 13-14]. Заметим, что ранее уже обращалось внимание на то, что бронзовый наконечник копья, обнаруженный в Тельманкендском кургане № 1, аналогичен таковым из памятников новосвободненской культуры Северного Кавказа [16, с. 109], дата которых определяется в диапазоне второй – третьей четверти IV тыс. до н.э. [17, с. 80-93]. Курганы Тельманкенд можно отнести к этому же периоду и предполагать их связь с новосвободненской культурой.

В завершении отметим, что самый маленький обработанный антропоморфный (?) камень, найденный в насыпи кургана № 3 Амили, интересен своей формой (рис. 7, б) и, возможно, является имитацией кинжала: подобную форму имеют широколиственные кинжалы, известные в памятниках новосвободненской культуры, в т.ч. из кургана № 1 Кишпека (рис. 7, в) [6, рис. 9, 13].

Выводы

Исследованные курганы Амили в Габалинском районе АР вместе с ранее изученными курганами на северо-западе Азербайджана, как представляется, позволяют выделить в этой зоне локальный вариант куро-аракской КИО. При этом следует отметить, что, судя по имеющимся данным, Амилинский курган № 3 датируется серединой – третьей четвертью IV тыс. до н.э., а курганы Амили № 2, Хачбулаг № 1 (Дашкесанский район АР), Кюдурлу № 1 и 2 (Шекинский район АР) относятся к сер. III тыс. до н.э. Несмотря на значительную разницу во времени, они, как отмечалось выше, отражают немало общего в погребальной обрядности. Это каменные насыпи, выкладки в виде полумесяца из камня, глины, охры, обрамление ими могильных ям с южной стороны, встречаемые в насыпи обсидиановые отщепы, охры, небольшие кругло-овальные выкладки, примыкающие к каменным насыпям над могильными ямами, каменные конструкции в виде проходов-дромосов, погребения на спине с сильно подогнутыми к тазу ногами, ориентировка погребальных камер и захоронений в направлении запад-восток. Курганы Амили № 2, Хачбулаг № 1, Кюдурлу № 1 и № 2 сближает факт отсутствия или очень ограниченного присутствия археологических артефактов.

Как отмечалось, ближайшие аналоги крупным лунарным выкладкам и каменным антропоморфным «идолам» из курганов № 3 Амили и кургана № 1 Кюдурлу обнаружены в курганах эпохи ранней бронзы у сс. Кишпек и Нартан в Кабардино-Балкарии на Северном Кавказе. Обнаруженная в кургане № 3 Амили красно-охристая «пачкающая керамика» по своим морфологическим признакам является куро-аракскими, а по технологическим – близка к северокавказским традициям, что ставит вопрос о контактах населения данных регионов в эпоху ранней бронзы. Можно полагать, что это является отражением локальных миграций с севера на юг. В результате в северо-западном регионе Азербайджана (Габала, Шеки, Дашкесан) возникла группа синкретических памятников, сочетающая в себе черты куро-аракской КИО, с одной стороны, и новосвободненской культуры Северного Кавказа, с другой.

Р.М. Мунчаев на основе исследований бытовых памятников на территории Чечни и Ингушетии пришел к выводу о существовании в этих регионах синкретических памятников, которые появились под сильным воздействием куро-аракской культуры в результате проникновения на эти территории отдельных этнических групп из Южного Кавказа [18, с. 364-365]. На основе раскопок курганов Кишпек и Кюдурлу исследователи отмечали взаимодействие между насельниками Северного и Южного Кавказа [19; 20]. Раскопки Амилинских курганов в Габалинском районе еще раз показывают, что эти передвижения племен были взаимными в течение всего периода ранней бронзы и, возможно, были обусловлены хозяйственно-культурными потребностями. Вместе с тем, судя по датировке кургана № 3 Амили, эти связи фиксируются уже для сер. IV тыс. до н.э., и это одновременно ставит вопрос о вероятной более ранней датировке Кишпекских курганов.

Рис. 1. Местоположение курганов эпохи ранней бронзы на территории Азербайджана, упоминаемых в статье:
1-3 – Амилинские курганы; 4 – Хачбулагский курган; 5, 6 – Кюдурлинские курганы;
7, 8 – Тельманкендские курганы; 9 – Шамкирчайский курган

Fig. 1. Location of Early Bronze Age kurgans on the territory of Azerbaijan mentioned in the article: 1-3 – Amili kurgans;
4 - Khachbulag kurgan; 5, 6 – Kyudurlin kurgans; 7, 8 – Telmankend kurgans; 9 – Shamkirchay kurgan

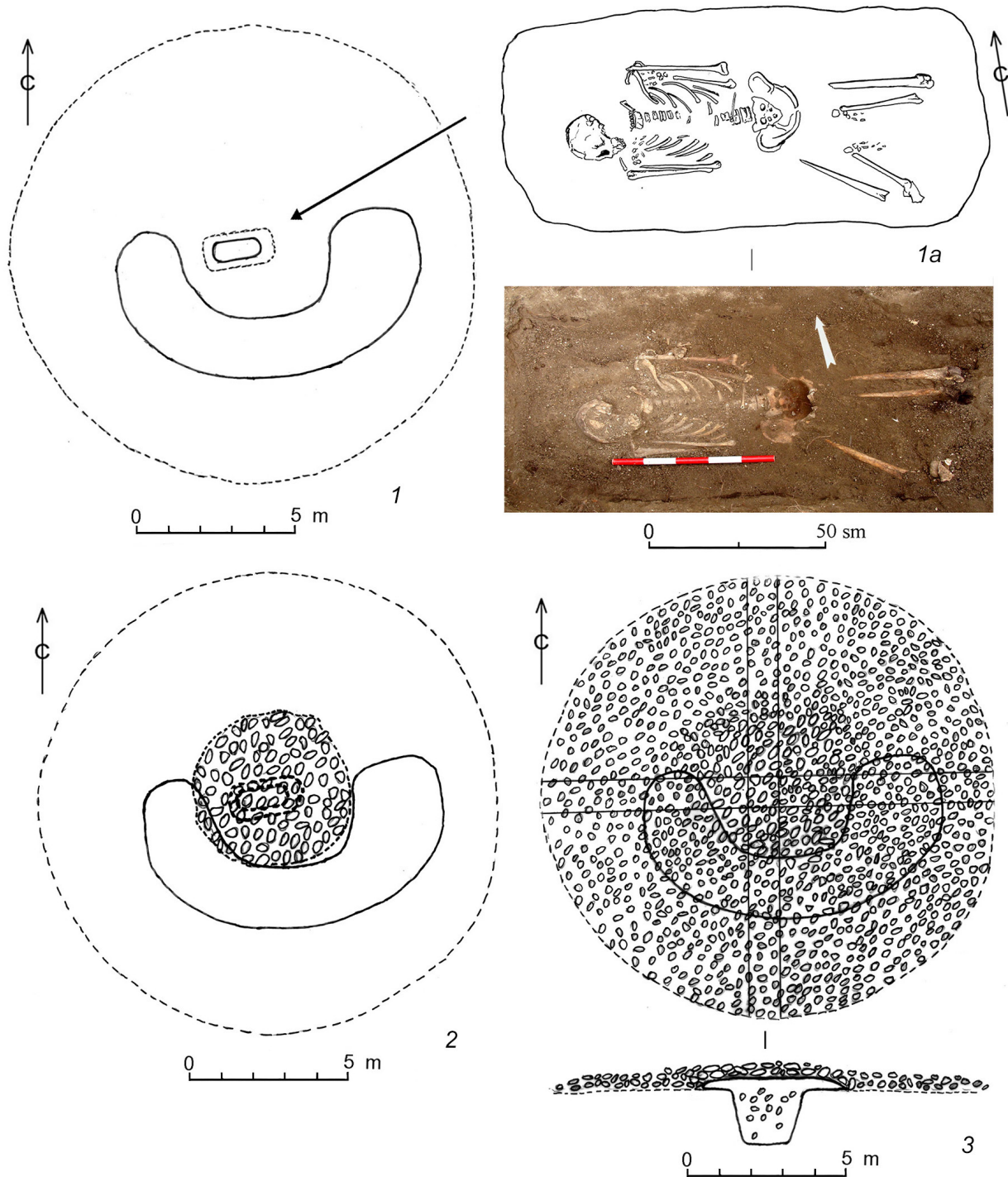

Рис. 2. Амилинский курган № 2. Этапы сооружения (1-3) и погребение (1a)

Fig. 2. Amili Kurgan 2. Construction stages (1-3) and burial (1a)

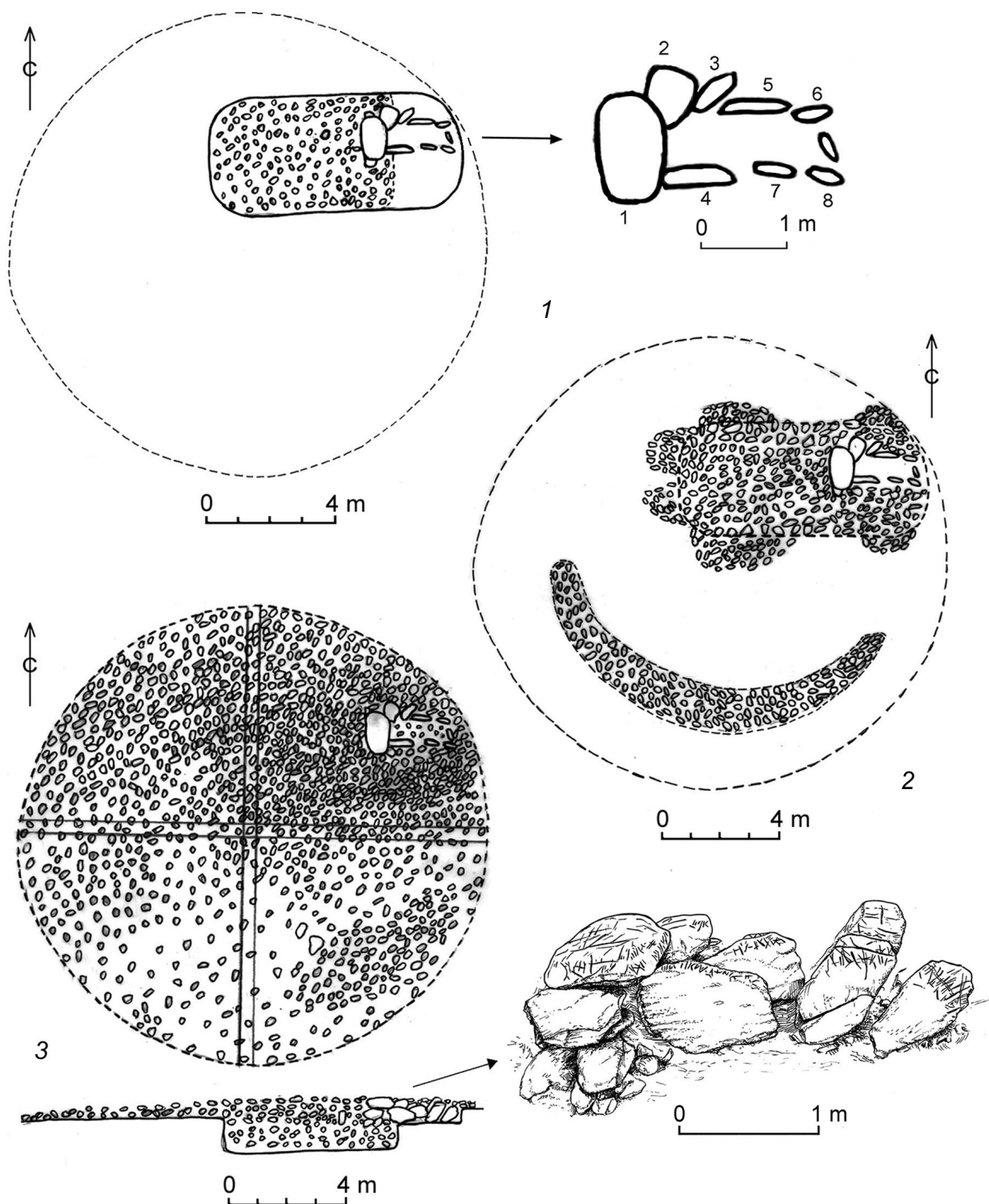

Рис. 3. Амилинский курган № 3. Этапы сооружения

Fig. 3. Amili Kurgan 3. Construction stages

Рис. 4. Амилинский курган № 3. Проход-«дромос» к погребальной камере и камни-идолы с врезными линиями

Fig. 4. Amili Kurgan 3. Passage-dromos to the burial chamber and idol stones with cut-in lines

1

2

3

4

Рис. 5. Амилинский курган № 3. Дольменоподобный проход-«дромос» к погребальной камере (1-3) и вертикальный камень (4) в камере

Fig. 5. Amili Kurgan 3. Dolmen-like passage-dromos to the burial chamber (1-3) and vertical stone (4) in the chamber

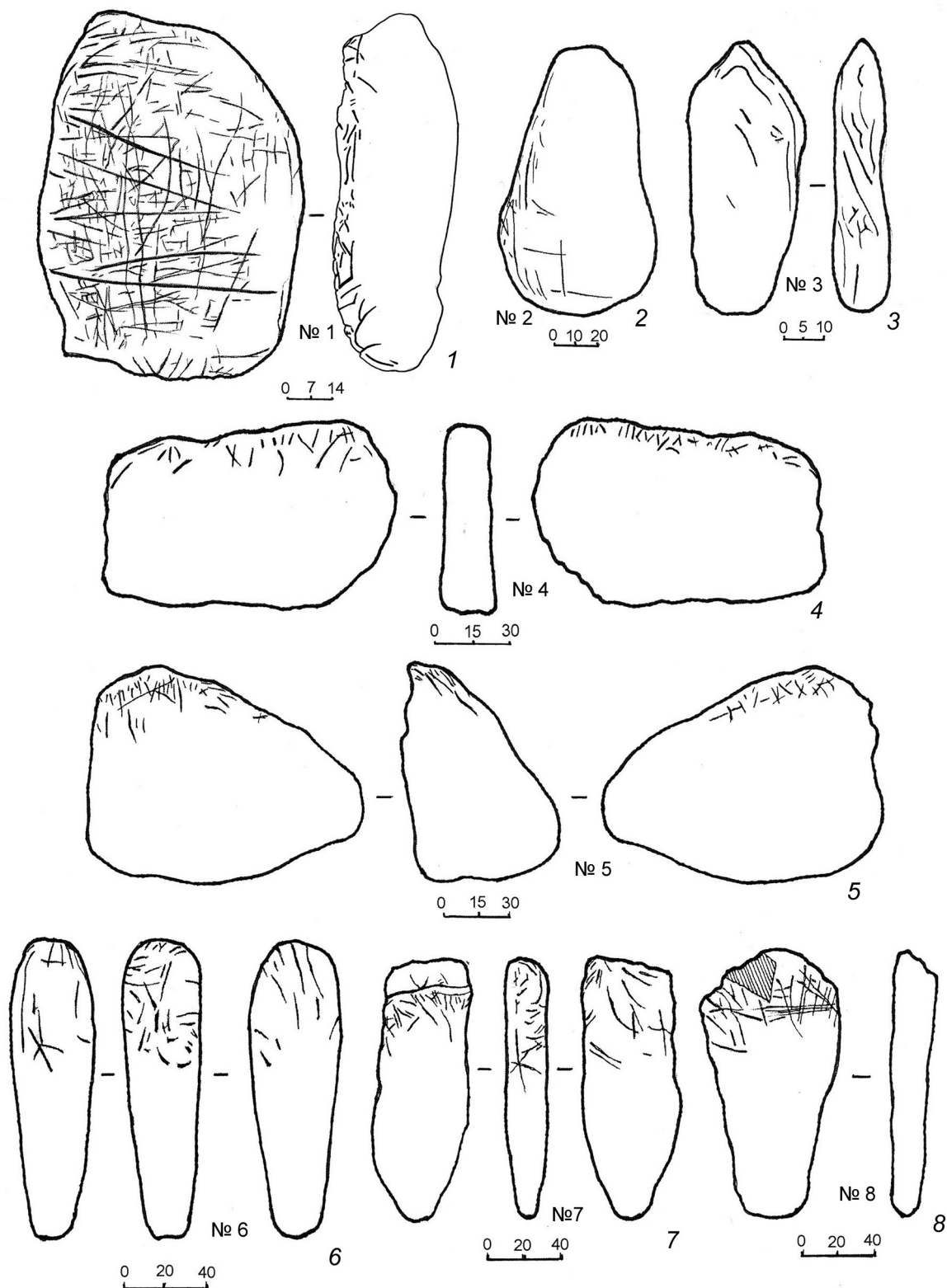

Рис. 6. Амилинский курган № 3. Антропоморфные идолы (№№ 1-8) прохода-«дромоса»

Fig. 6. Amili Kurgan 3. Anthropomorphic idols (1-8) of the passage-dromos

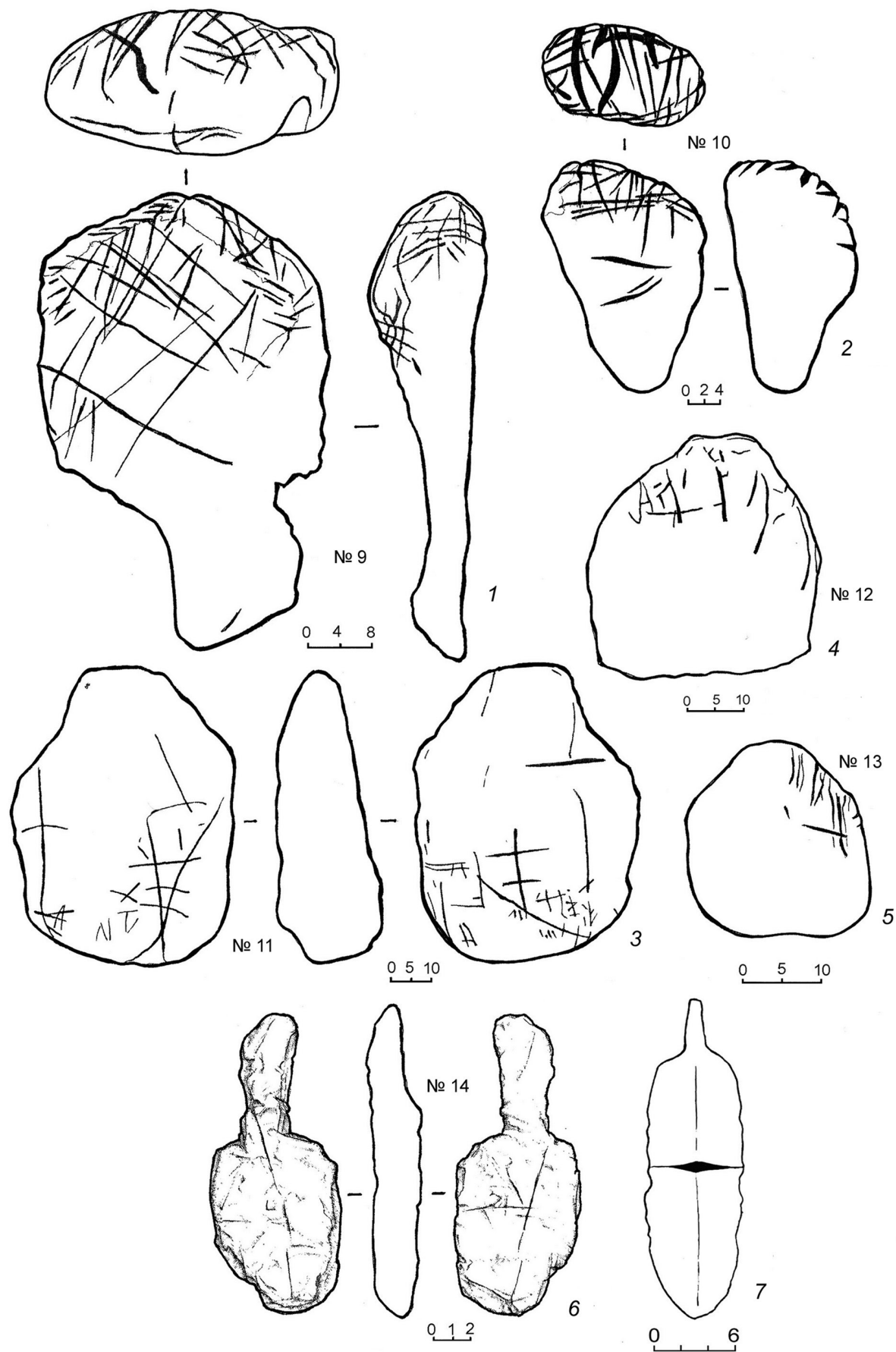

Рис. 7. Антропоморфные идолы из насыпи Амилинского кургана № 3 (1-6 - №№ 9-14) и бронзовый кинжал из Кишпекского кургана № 1 (7 - по И.М. Чеченову, 1984)

Fig. 7. Anthropomorphic idols from the mound of the Amili Kurgan 3 (1-6 - No. 9-14) and a bronze dagger from the Kishpek Kurgan 1 (7 - according to I.M. Chechenov, 1984)

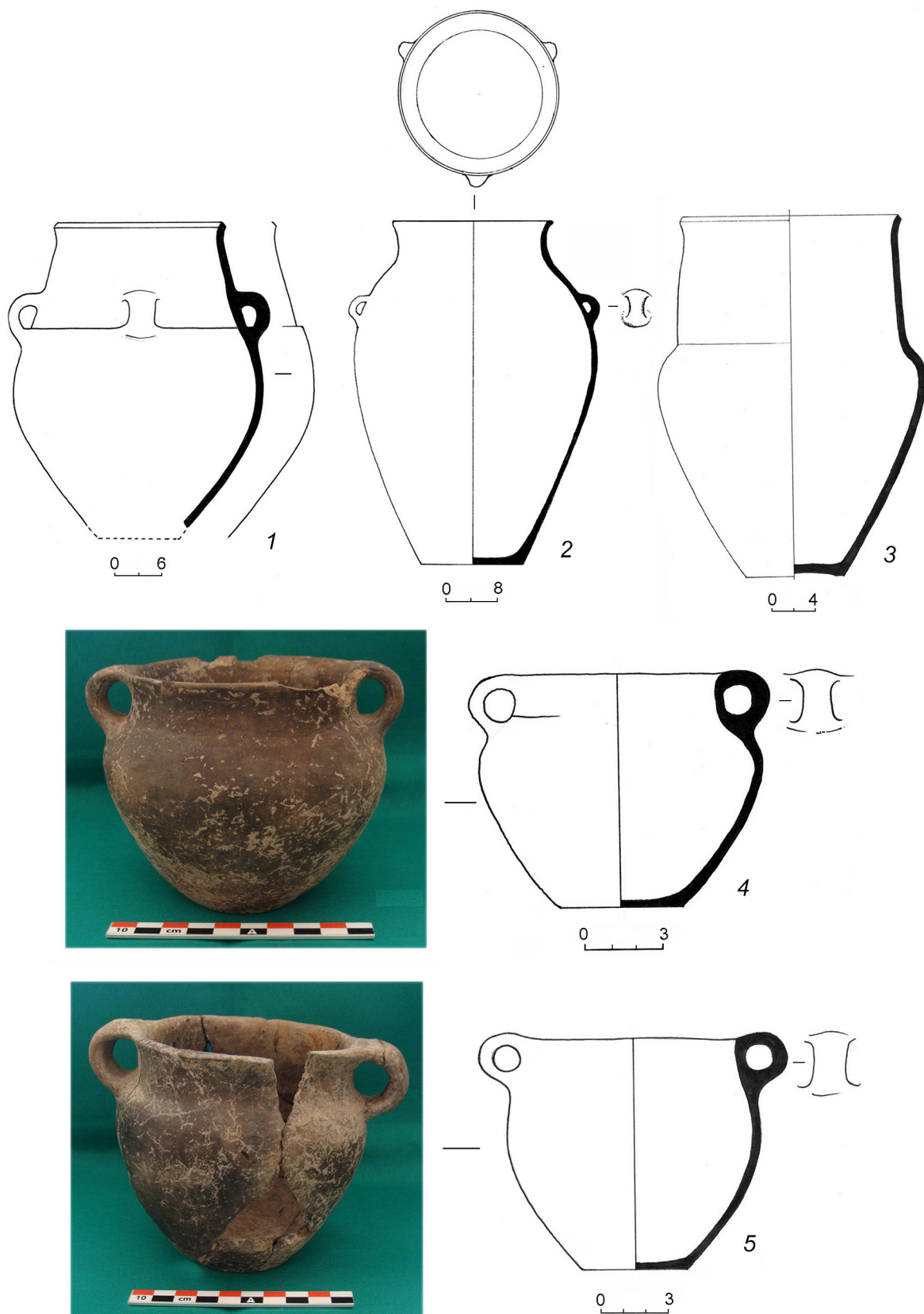

Рис. 8. Амилинский курган № 3. Крупные тарные (1-3) и горшкообразные сосуды (4-5)

Fig. 8. Amili Kurgan 3. Large containers (1-3) and pot-shaped vessels (4-5)

Рис. 9. Амилинский курган № 3. Горшкообразные сосуды

Fig. 9. Amili Kurgan 3. Pot-shaped vessels

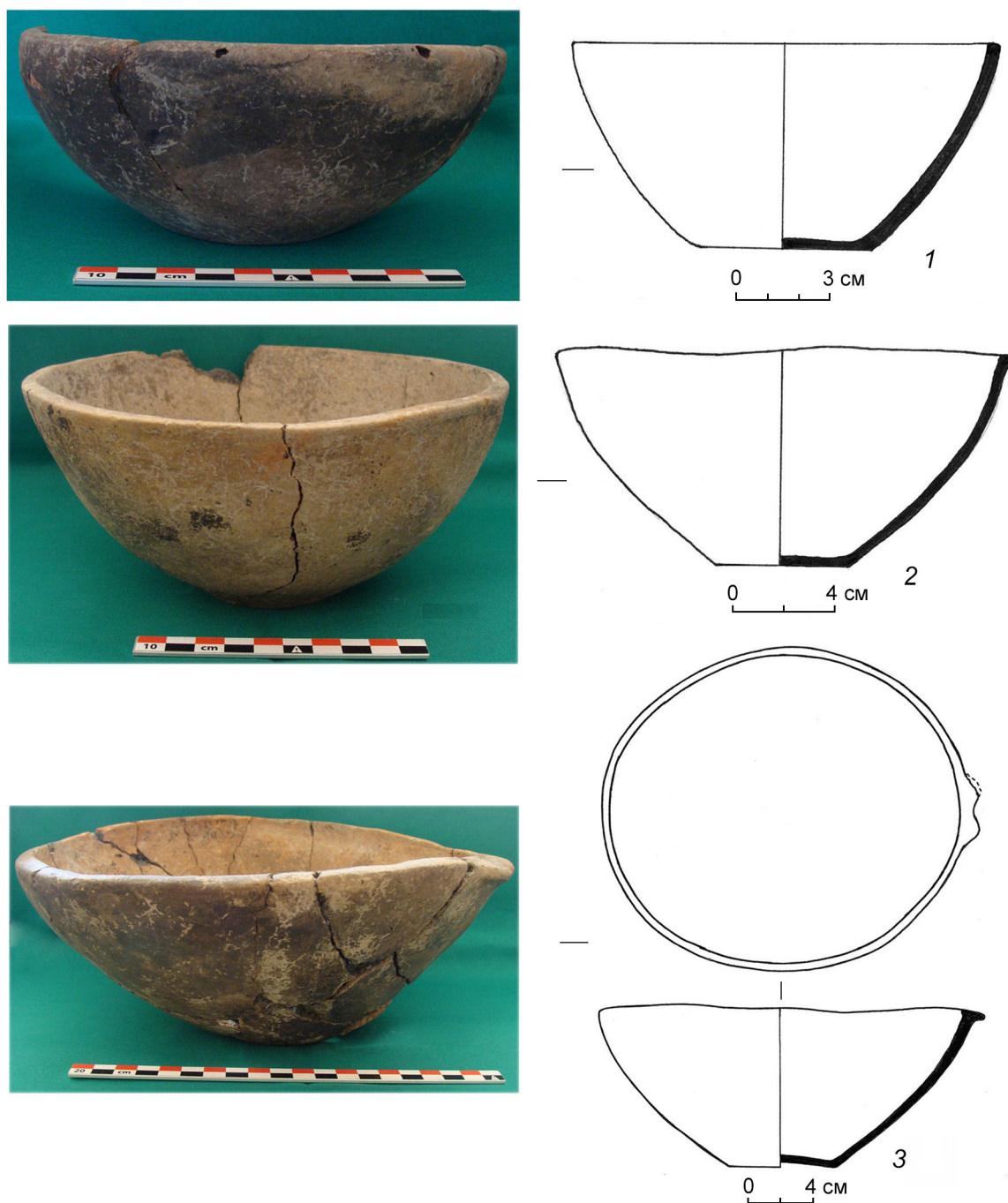

Рис. 10. Амилинский курган № 3. Миски

Fig. 10. Amili Kurgan 3. Bowls

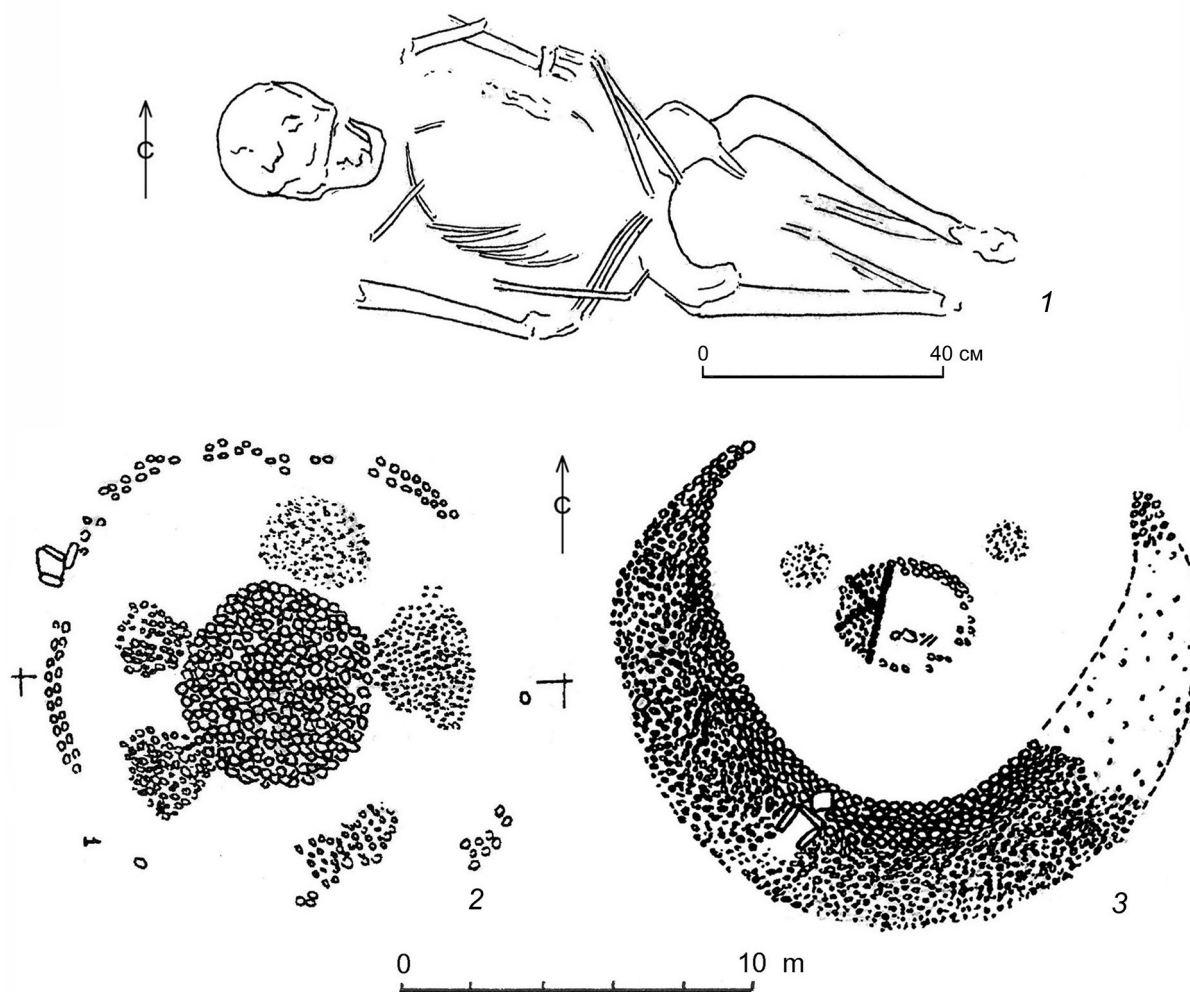

Рис. 11. Кюдурлинские курганы (по Т.И. Ахундову, 2001)

Fig. 11. Kyudurlyu kurgans (according to T.I. Akhundov, 2001)

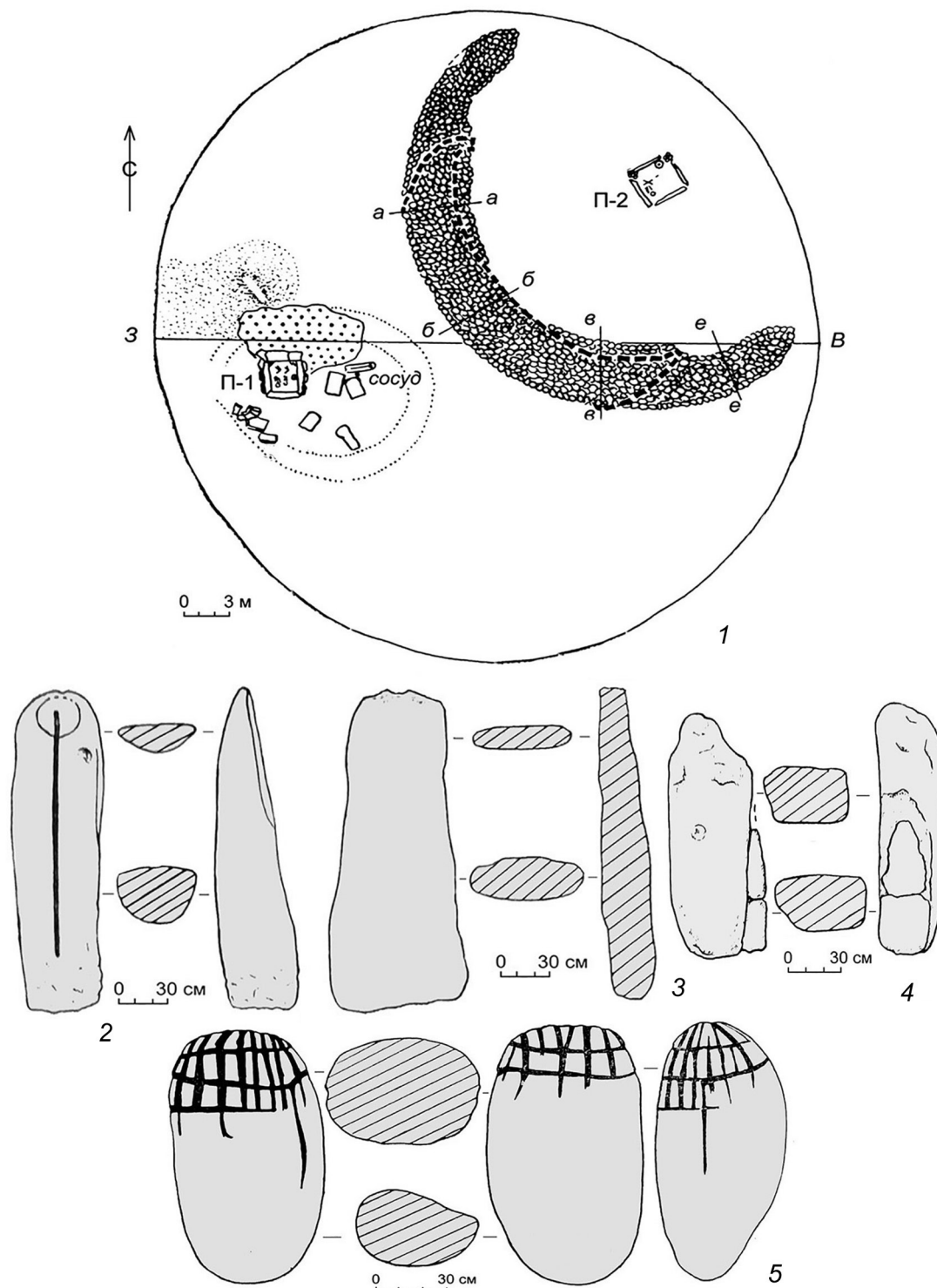

Рис. 12. Кишпекский курган № 1 с каменной выкладкой в виде полумесяца (1), антропоморфные идола из Кишпекского кургана № 1 (2, 3) и антропоморфные идола из Нартанского кургана (4, 5) (по И.М. Чеченову, 1984)

Fig. 12. Kishpek Kurgan 1 with a stone paving in the form of a crescent moon (1), anthropomorphic idols from Kishpek Kurgan 1 (2, 3) and anthropomorphic idols from Nartan kurgan (4, 5) (according to I.M. Chechenov, 1984)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Qaziyev S.M. Qəbələ kurqanları və ölürləri yandırmaq (kremasiya) adətləri // Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. Tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası. № 3. 1969. Səh. 42-48.
2. Jalilov M. Bakhtiyar. New Burial Traditions and Early Kurgan Cultures in Late Chalcolithic and Early Bronze Age Azerbaijan // The Caucasus / Der Kaukasus. Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC. The transfer of knowledge and technologies between-East and West in the Bronze Age // Proceedings of the Caucasus conference / Ergebnisse der Kaukasus-Konferenz, Frankfurt am Main, November 28 – December 1, 2018. Ed. by / Herausgegeben von Liane Giemsch, Svend Hansen. Frankfurt am Main, 2021. Pp. 171- 184.
3. Museibli N. The grave monuments and burial customs of the Leilatepe culture. Baku: Nafta-Press, 2014., 156 p.
4. Джафарзаде И.М. Хачбулагская археологическая экспедиция 1960 года // Материальная культура Азербайджана. Т. VIII. Баку: Элм, 1976, с. 15-45.
5. Ахундов Т. Северо-западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001. 332 с.
6. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 164-253.
7. Müseyibli N., Nəcəfov Ş. Zəyəmçay nekropolu. Bakı: Elm və təhsil, 2019. 424 s.
8. Dostiyev T.M., Orucov A.Ş., Rəsulova M.M. “Müşkür” ekspedisiyasının 1990-cı il arxeoloji tədqiqatlarının hesabatı, 1990, 34 s.
9. Muradova F.M. Qobustan Tunc dövründə. Bakı: Elm, 1979. 118 s.
10. Museibli N., Agalarzade A. The Hasansu kurgan. Baku: Nafta-Press, 2013. 92 p.
11. Müseyibli N.Ə. Gəmiqaya. Bakı: Çarşıoğlu, 2004. 320 s.
12. Мусеибли Н.А. Курганы Шамкирчай эпохи ранней бронзы // Кавказ. Археология и этнология. Международная научная конференция. Материалы. Баку: Чашыоглы, 2009. С. 104-111.
13. Huseynov M. Tatarli Kurgans. “Constructing Kurgans, Burial Mounds and Funerary Customs in the Caucasus and Eastern Anatolia During the Bronze and Iron Age” Proceedings of International Workshop held in Florence, Italy, on March 29-30, 2018. SANEM 4, (Eds. Laneri N., Palumbi G., Müller Celka S.), Arbor Sapientia Editore. Roma, 2019. pp. 56-67
14. Гогодзе Э.М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 149 с.
15. Mahmudov F.R. Astara rayonundakı ilk tunc dövrü kurqanları haqqında // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. Bakı: Elm, 1987. S. 12-21.
16. Кореневский Н.С. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). Москва: Таус, 2012. 256 с.
17. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 344 с.
18. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М: Наука, 1975, 415 с.

REFERENCES

1. Gaziyevev SM. Gabala mounds and customs of burning the dead (cremation). *News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. History, philosophy and law series.* 1969, 3: 42–48. (in Azerb.).
2. Jalilov M. Bakhtiyar. New Burial Traditions and Early Kurgan Cultures in-Late Chalcolithic and Early Bronze Age Azerbaijan. In: Liane Giemsch, Svend Hansen (eds.). *The Caucasus / Der Kaukasus. Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC. The transfer of knowledge and technologies between East and West in the Bronze Age. Proceedings of the Caucasus conference. Ergebnisse der Kaukasus Konferenz,* Frankfurt am Main, November 28th – December 1st 2018. Frankfurt am Main, 2021: 171-184.
3. Museibli N. *The grave monuments and burial customs of the Leilatepe culture.* Baku: Nafta-Press, 2014.
4. Jafarzade IM. Khachbulag archaeological expedition of 1960. *Material culture of Azerbaijan.* Vol. VIII. Baku: Elm, 1976: 15-45. (in Russ.)
5. Akhundov T. *North-western Azerbaijan in the Eneolithic and Bronze Ages.* Baku: Elm, 2001. (in Russ.)
6. Chechenov IM. The second kurgan groups near the villages of Kishpek and Chegem II. *Archaeological research on newly buildings in Kabardino-Balkaria.* Nalchik: Elbrus, 1984: 164-253. (in Russ.)
7. Museyibli N, Najafov Sh. *Zayamchay necropolis.* Baku: Elm ve tehsil, 2019. (in Azerb.).
8. Dostiyev TM, Orujov ASH, Rasulova MM. *Report of the 1990 archaeological researches of the “Mushkur” expedition.* Baku, 1990. (in Azerb.).
9. Muradova F.M. *Gobustan in the Bronze Age.* Baku: Elm, 1979. (in Azerb.).
10. Museyibli N, Agalarzade A. *The Hasansu kurgan.* Baku: Nafta-Press, 2013.
11. Müseyibli N.A. *Gemigaya.* Baku: Chashioğlu, 2004. (in Azerb.).
12. Museibli N.A. The Early Bronze Age Shamkirchay kurgans. *Caucasus. Archaeology and ethnology. International scientific conference. Proceedings.* Baku: Chashioğlu, 2009: 104-111. (In Russ.)
13. Huseynov M. Tatarli Kurgans. Laneri N, Palumbi G, Müller Celka S. (eds.). *Constructing Kurgans, Burial Mounds and Funerary Customs in the Caucasus and Eastern Anatolia During the Bronze and Iron Age.* Proceedings of International Workshop held in Florence, Italy, on March 29-30, 2018. Roma: Arbor Sapientia Editore, 2019: 56-67
14. Gogadze EM. *Periodization and genesis of the Kurgan culture of Trialeti [Periodizatsiya i genezis kurgannoi kul'tury Trialeti].* Tbilisi: Metsniereba, 1972. (In Russ.)
15. Mahmudov FR. About the Early Bronze Age kurgans in Astara district. *Material culture of Azerbaijan.* Baku: Elm, 1987: 12-21. (In Azerb.).
16. Korenevsky NS. *Birth of the kurgan (funerary sites of the Eneolithic period of the Ciscaucasia and Volga-Don interfluvium).* Moscow: Taus, 2012. (In Russ.)
17. Rezepkin AD. *Novosvobodnenskiy culture (based on materials from the burial ground “Klady”) [Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady»)]*. St. Petersburg: Nestor-History, 2012. (In Russ.)
18. Munchayev RM. *Caucasus at the dawn of the Bronze Age.* Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)

19. Чеченов И.М. Об этнокультурных связях Северного Кавказа с Восточным Закавказьем в эпоху ранней бронзы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. XVII Крупновские чтения. Майкоп, 1992 г. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 470.

20. Нариманов И.Г., Ахундов Т.И. К этнокультурным связям на Кавказе в эпоху бронзы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. XVII Крупновские чтения. Майкоп, 1992 г. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 470-471.

19. Chechenov IM. On the ethno-cultural ties between the North Caucasus and Eastern Transcaucasia in the Early Bronze Age. *Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. VIII. Krupnovsky Readings 1971-2006. The XVIIth Krupnov Readings. Maikop, 1992*. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008. (In Russ.)

20. Narimanov IG, Akhundov TI. On Ethno-cultural Relations in the Caucasus in the Bronze Age. *Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. VIII Krupnov Readings 1971-2006. The XVIIth Krupnov Readings. Maikop, 1992*. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008: 470-471. (In Russ.)

Поступила в редакцию 19.01.2023

Принята в печать 30.01.2023

Опубликована 30.03.2023

Received 19.01.2023

Accepted 30.01.2023

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191123-149>

Исследовательская статья

Кореневский Сергей Николаевич
д.и.н., ведущий научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия
skorenevskiy@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНСЕРВАЦИИ ОСТАВЛЯЕМЫХ ПОСТРОЕК У ПЛЕМЕН МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ (ПО ДАННЫМ ПОСЕЛЕНИЙ НОВОТИТАРОВСКОЕ-14 И ТУЗЛА-15)

Аннотация. Статья ставит перед собой две задачи. Первая связана с введением в научный оборот нового майкопского поселения Новотитаровская-14. Вторая задача связана с описанием по археологическим данным традиции консервации майкопских ям-полуземлянок, а также обсуждением находки переносного очага на поселении Новотитаровская-14. Материалы рассматриваются в сравнении с находками на майкопском поселении Тузла-15. Методология предусматривает описание источника, анализ находок и аналогий, определение культурной принадлежности и хронологии. В статье приводятся результаты радиоуглеродного датирования материалов поселения Тузла-15 и остеологического анализа материалов из кургана № 12 группы Новотитаровская-14. Поселение Новотитаровское-14 было открыто в 2014 г. Н.Ф. Шевченко, поселение Тузла-15 раскапывалось С.Н. Кореневским в 2012-2015 гг. и издано, как монография. На обоих поселениях открыты ямы-полуземлянки, заполненные черепками керамики, костями животных и мелкими орудиями в виде галек, обломков зернотерок. На поселении Новотитаровское-14 удалось зафиксировать брошенный в яму глинобитный под очага, а также крупный обломок жаровни. Эти находки доказывают, что майкопское население могло пользоваться переносными очагами, которые разводили вне своих строений. На обоих поселениях отмечены случаи заполнения покинутых строений слоем пепла от костра, который горел на стороне. Анализ остеологических находок однозначно отражает большинство костей крупного и мелкого рогатого скота. Кости свиньи находятся в подчиненном положении. На поселении Новотитаровское-14 найдены единичные кости лошади. Поселение Новотитаровское-14 предположительно относится к майкопскому варианту майкопско-новосвободненской общности, а поселение Тузла-15 принадлежит к близкому ему псекупскому варианту майкопско-новосвободненской общности. Дата первого поселения точно неопределима в рамках бытования майкопских памятников. Дата поселения Тузла-15 относится к финалу майкопско-новосвободненской общности.

Ключевые слова: майкопская культура; керамика; поселение; жилище; курган; стратиграфия; остеология; традиция.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191123-149>

Research paper

Sergey N. Korenevsky,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Archeology of the RAS, Moscow, Russia
skorenevskiy@yandex.ru

FEATURES OF CONSERVATION OF ABANDONED BUILDINGS AMONG THE TRIBES OF THE MAYKOP- NOVOSVOBODNENSKAYA COMMUNITY (ON THE MATERIALS OF NOVOTITAROVSKOYE-14 AND TUZLA-15 SETTLEMENTS)

Abstract. The article aims to introduce the material on the new Maykop settlement Novotitarovskoye-14 and, to provide the description according to archaeological data of the conservation of the Maykop semi-dugout pits, as well as to discuss the construction of a portable hearth at the settlement Novotitarovskoye-14. The materials are compared with the finds at the Maykop settlement Tuzla-15. The methodology involves the description of the source, the analysis of finds and analogies, the definition of cultural affiliation and chronology. The article also provides the results of radiocarbon dating of materials from the Tuzla-15 settlement and osteological analysis of materials from Kurgan 12 of the Novotitarovskoye-14 group and the Tuzla-15 settlement. The Novotitarovskoye-14 settlement was discovered in 2014 by N.F. Shevchenko, the Tuzla-15 settlement was excavated by S.N. Korenevsky in 2012-2015 and described in a monograph. On both settlements, semi-dugout pits filled with pottery shards, animal bones and small tools in the form of pebbles, fragments of grain grinders were uncovered. At the settlement of Novotitarovskoye-14, the adobe furnace hearth, as well as a large fragment of the brazier were recorded. These findings prove that the Maykop population might have used portable hearths, which were lit outside their buildings. In both settlements, in the filling of abandoned buildings, a layer of ash from a fire that burned outside was recorded. The analysis of osteological findings clearly reflects that the majority of bones belong to large and small cattle. Single horse bones were found at Novotitarovskoye-14 settlement. The settlement of Novotitarovskoye-14 belongs to the Maykop variant of the Maykop-Novosvobodnenskaya community, and the settlement of Tuzla-15 belongs to the similar Psekup variant of the Maykop-Novosvobodnenskaya community. The date of the first settlement cannot be determined precisely within the framework of the existence of the Maykop sites. The date of settlement of Tuzla-15 belongs to the final stage of the Maykop-Novosvobodnenskaya community.

Keywords: Maykop culture; ceramics; settlement; dwelling; mound; stratigraphy; osteology; tradition.

Раскопки поселений майкопско-новосвободненской общности (МНО) производятся не часто. В основном работы на них связаны с новостроечными охранно-спасательными изысканиями, которые нередко обуславливают методику их исследований. Частыми объектами раскопок на поселениях являются ямы, содержащие фрагменты керамики и кости животных. В данной статье мы концентрируем внимание на особенностях содержания находок в таких ямах на двух поселениях МНО западного Предкавказья, одно из которых – Новотитаровское-14 – является новым памятником Прикубанского района. Информация о нем и право на публикацию мне любезно предоставлены Н.Ф. Шевченко, автором его раскопок¹. Другое поселение – Тузла-15, расположенное на Тамани, было опубликовано недавно мной [1].

На поселениях МНО объектами исследования становятся следы наземных жилищ с остатками турлучных покрытий, ямы, которые возможно интерпретировать как части жилищ-полуземлянок, несколько углубленных в землю. Нередко такие ямы принимаются за хозяйственные сооружения [1]. Часто в ямах-полуземлянках майкопских поселений в западном Предкавказье не находят следы очагов, как, например, на крупном поселении Чекон [2; 3] в Анапском районе Краснодарского края.

Поселение Новотитаровское-14 было раскопано в 2020 г. Н.Ф. Шевченко во время работ по исследованию могильника Осечки-5 и курганов 12, 13, 16 в курганной группе Новотитаровская-14². Памятники были расположены в Динском районе Краснодарского края (рис. 1). Особое место в этих работах занял курган 12. В нем, кроме погребальных памятников, были обнаружены комплексы с керамикой эпохи раннего бронзового века без признаков их связи с захоронениями. Очень интересны определения Г.И. Тимониной костей животных, представленные в отчете Н.Ф. Шевченко, которые имеют важное значение для интерпретации рассматриваемых находок³.

Курган 12 был расположен в северо-западной части курганной группы Новотитаровская-14 на пахотном поле, вытянутом вдоль излучины балки Осечки (рис. 1). При визуальном обследовании он читался как едва заметное всхолмление, деформированное многолетней распашкой (рис. 2). Геодезическая съемка достаточно точно установила центр возвышенности и диаметр в пределах 20-25 м. Расплывшийся и измененный пахотой контур имел диаметр около 50 м. Высота всхолмления от уровня предполагаемой погребенной почвы составляла 0,56 м. Памятник раскапывался с одной бровкой вследствие его малой высоты.

Внутренних прослоек в толще всхолмления не наблюдалось. Погребенная почва, как особый слой кургана, выделена достаточно условно. Она зафиксирована только под центром возвышенности по перепаду в цвете и по плотности грунта. Поэтому можно думать, что всхолмление представляло первоначально невысокую естественную возвышенность. По крайней мере, его искусственное происхождение обосновать очень трудно. Геологический материк под всхолмлением отмечен на глубине -1,72 м от Репер-центра (РЦ). Он представляет собой однородную глину светло-желтого цвета с включениями карбонатов.

Практически все открытые в памятнике комплексы с керамикой эпохи ранней бронзы зафиксированы в предматериковом суглинке.

1. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов 1,2 в объекте археологического наследия курганном могильнике «Осечки-5» и курганов 12,13,16 в курганном могильнике «Новотитаровская-14 (6 насыпей)». Ростов-на-Дону, 2022 // Научно-отраслевой архив ИА РАН (в процессе сдачи на хранение).

2. Там же.

3. Там же.

Найденные комплексы памятника, которые автор раскопок назвал объектами, можно подразделить на два типа: ямы с находками керамики времени эпохи ранней бронзы Предкавказья (рис. 2-4, 5, 1) и скопления без контуров ям (рис. 5, 2) с такой же керамикой. Особо стоят вне этого перечня отдельные находки черепков в слое возвышенности, а также захоронения эпохи средней бронзы и Средневековья.

Всего выявлен 21 комплекс с керамикой эпохи ранней бронзы. Один объект (№ 22) связан с находкой зернотерки. Большинство объектов были сосредоточены под центром насыпи в окружности диаметром около 25 м.

Рассматриваемые объекты различаются по глубине фиксации дна (основания) находок (табл. 1). Так, дно ям №№ 1, 12–16, 18–21 зафиксировано на глубинах больших, чем -1,72 м, т.е. ниже уровня материка, в слое карбонатных отложений. Уровень находок скоплений без контуров ям №№ 2-11, 17 фиксировался на глубинах выше уровня материка и слоя карбонатов, начиная с глубины -0,99 м, -1,22 м от РЦ до глубины -1,62 м, в так называемом надкарбонатном слое.

Таблица 1. Показатели размеров ям, скоплений и глубин находок.

Table 1. Indicators of the dimensions of pits, clusters and depths of finds.

Показатели размеров ям

Объект	1 яма	2 ск	3 ск	4 ск	5 ск	6 ск	7 ск	8 ск	9 ск	10 ск
Размер в м	1,6 × 1,55	0,52 × 0,4	1,10 × 0,85	2,80 × 1,45	1,15 × 0,75	2,10 × 1,00	0,5 × 0,73	7,20 × 1,90	0,80 × 0,65	3,40 × 1,60

11 ск	12 яма	13 яма	14 яма	15 яма	16 яма	17 ск	18 яма	19 яма	20 яма	21 яма
1,05 × 0,55	3,80 × 3,10	1,65 × 1,37	1,80 × 1,65	1,70 × 1,72	2,35 × 2,45	2,30 × 2,00	1,52 × 1,52	1,87 × 1,67	2,10 × 1,85	2,08 × 2,03

Показатели глубин дна объектов

Объект	1 яма	2 ск	3 ск	4 ск	5 ск	6 ск	7 ск	8 ск	9 ск	10 ск
Глубина в м	материк	-1,43	-1,59	-1,53	-1,22	-1,36	-1,62	-1,62	-0,99	-1,53

11 ск	12 яма	13 яма	14 яма	15 яма	16 яма	17 ск	18 яма	19 яма	20 яма	21 яма
-1,50	-1,96	-1,95	-2,30	-2,34	-2,10	-1,40	-2,23	-1,96	-1,46	-1,75

Условные сокращения: ск. – скопление; яма – яма, имеющая углубление в материке.

Горизонтальная локализация ям отражена двумя группами комплексов. Одна группа расположена вблизи центрального участка кургана (ямы №№ 1, 12, 13, 14, 16). Другая группа находится в 7–8 м к СВ от нее. Обе группы имеют протяженность по горизонтальной линии ям, в основном с ЮВ на СЗ (рис. 2).

Скопления находок без контуров ям (объекты №№ 2-11, найденные выше уровня материка) в основном связаны с зоной распространения ям на центральном участке кургана.

Ямы имеют округлую форму, иногда близкую к правильной окружности. Размеры ям по уровню дна колеблются в диапазоне от 1,52–1,6 м до 2,08–2,35 м, 3,8 м.

Находки располагались на дне или немного выше дна ям. В трех ямах отмечены следы горения. Наиболее показательна ситуация ямы № 12, которая зафиксирована по пятну заполнения. Она имеет форму неправильного овала, вытянутого по линии СЗ-ЮВ. Ее размер 3,80×3,10 м. Заполнение ямы состоит из перемешанного суглинка темно-серого цвета с включением большого количества золы. Находки были сосредоточены в западной части ямы в слое золы толщиной около 25 см (рис. 5, 1). Основное скопление золы на уровне дна имело четкие очертания размером 2,35×1,35 м, но следы горения и минимального прокала в грунте не были отмечены. Следовательно, здесь отражен заброс ямы привнесенной со стороны золой и с брошенными в слой золы черепками керамики.

Яма № 14 имеет округлую в плане форму и была зафиксирована по пятну заполнения (рис. 4). Размер ее по верхнему контуру 1,80×1,65 м. Яма имеет колоколовидное расширение у дна. Стенки ямы прослежены в высоту до 0,60 м. Дно ровное, с незначительным повышением к стенкам. Заполнение ямы состоит из суглинка темно-серого цвета с включением золы в виде хорошо выраженной прослойки, на уровне которой сосредоточено большинство находок (рис. 4, 1, 3). Под южной стенкой на дне расчищена фрагментированная жаровня.

Яма № 19 имеет округлую форму. В ее заполнении расчищен практически целый глиняный «очаг» (рис. 3). Его описание будет дано ниже вместе с описанием жаровни.

Скопления керамики и других находок в культурном слое выше уровня материка зафиксированы на площадях от 0,4 м² до 2,8 м². В одном случае скопление протянулось на 7,2 м при ширине 1,9 м.

Находки в ямах в основном представлены керамическим боем. Фрагменты сосудов включают обломки венчиков и стенок сосудов. Форм, которые бы собирались от дна к венчику, нет. Это только разрозненные остатки сосудов. По фактуре, составу формовочных масс среди них можно различить черепки с формовочной массой без минеральных примесей (класс 1) и фрагменты сосудов с формовочной массой с минеральными примесями (класс 2). Сосуды класса 1 в основном охристого цвета. Сосуды класса 2 имеют темно-серые тона. Отметим наиболее показательные формы керамического боя.

Среди черепков класса 1 есть фрагмент с остро рельефным отгибом при приставном венчике (рис. 6, 1), фрагменты венчиков с прямым или отогнутым венчиком с угловатым переходом от тулова к венчику (рис 6, 2-4), с так называемым С-видным отгибом венчика (рис. 6, 5, 6). Обращает на себя внимание, что толщина тулова перед венчиком у них немногим более 1 см. Надо полагать, это фрагменты крупных сосудов, толщина стенок которых была около или более 1 см.

Имеются два фрагмента сосудов с ручками на горле, которые поставлены на переходе венчика к тулову (рис. 6, 7, 8).

Весьма представительную серию составляют венчики чанов. Для них показателен остро рельефный переход от тулова у венчика и фигурное утолщение на его окончании. Толщина стенок чанов перед венчиком достигает 2 см и немногим более. Это были очень крупные сосуды (рис. 6, 9-14).

Найдены также фрагменты мисок. В основном это части венчиков мисок класса 1 с Г-образным отворотом верхнего края (рис. 7, 1-5). Есть фрагменты мисок с венчиком с загнутым внутрь краем. Стенки мисок не превышают в толщину 1 см. Имеются также обломки мисок класса 2.

Большинство фрагментов керамики представлено обломками стенок сосудов. Данных о донца мало. Имеются несколько фрагментов округлого тулова с уплощенным

дном (рис. 6, 15) и обломок сосуда с кольцевым поддоном (рис. 6, 16). Эти фрагменты относятся к сосудам класса 1.

Дважды встречены невыразительные обломки глиняных конусов – приставок к очагам. В целом находки керамики в ямах ничем не отличаются от находок керамики в скоплениях вне ям.

Особого внимания заслуживает обломок жаровни, найденный на объекте № 14, и основание очага из объекта № 19. Обломок жаровни представляет собой часть сосуда круглой формы с плоским дном и невысоким бортиком по краю. На бортике сохранился выступ, имитирующий ручку. Формовочная масса фрагмента рыхлая, в изломе двухцветная, донная часть оранжевая, внутренняя – черная со следами сажи на поверхности. Высота жаровни около 5,5 см; толщина дна 2,8 см; реконструированный размер: диаметр 40 см, высота 3 см (рис. 4, 5). Сильно фрагментированный обломок жаровни также был найден на объекте № 1. Его толщина 2,3 см. Внешняя поверхность была бугристой, красно-коричневого цвета, внутренняя – имела черный цвет со следами копоти и заглаживания.

Фрагмент очага из объекта № 19 представлен слоем уплотненной глины, которая является подом. Он имел плотную фактуру, округлую в плане форму и лежал в заполнении ямы на 7 см выше дна. Глинобитный под был сильно прокален, глина растрескалась, но он сохранил круглую конфигурацию. Поверхность пода черная, ровно заглаженная, со следами копоти, нижняя часть оранжевого цвета бугристая, без следов заглаживания. Важно отметить, что под очага был уложен в яму рабочей поверхностью вниз. Диаметр пода очага оставляет около 45 см, толщина 3,8 см (рис. 3, 3, 4, 5).

Каменных орудий найдено мало. Одно из них – каменный нуклеус, изготовленный из уплощенно-овальной гальки. С торца видны следы скалывания ножевидных пластин. Размер нуклеуса 7,0×10,3 см.

Кроме того найдены два круглых каменных терочника. Терочник из объекта № 8 имеет уплощенно-округлую форму и был изготовлен из гранитной гальки. На нем прослеживаются следы двустороннего стачивания. Размер терочника 7,5×6×3,4 см (рис. 7, 9). Поверхности орудия немного вогнуты внутрь. Поэтому предмет мог использоваться как наковаленка. Второй терочник происходит из объекта № 12. Он тоже имеет округло-уплощенную форму, изготовлен из гранитной гальки. Его размер 7,0×3,6 см (рис. 7, 10).

Интересны находки из объекта № 22 – каменная зернотерка и удлиненный терочник (рис. 7, 11, 12). Находки зафиксированы на глубине -0,66 м от РЦ, что позволяет думать, что они были уложены на уровне дневной поверхности. Растиральник и нижняя плита зернотерки лежали вплотную друг к другу и были перевернуты рабочими поверхностями вниз (рис. 7, 11, 12).

Зернотерка была изготовлена из окатанного гранитного валуна, расколотого пополам со следами вторичной обработки, сглаживающими скол. Рабочая поверхность по всей ее длине была прогнута к центру. Она имеет следы срабатывания. Размер зернотерки 24,3×19,5×8,0 см.

Терочник был изготовлен из гранитной гальки, вероятно, специально подобранной по размеру к зернотерке, сколотой пополам вдоль длинной оси. Один торец терочника был сколот для придания изделию нужного размера. Края рабочей поверхности скруглены мелкими сколами, а края торцевого облома обработаны методом

стачивания. Рабочая поверхность ровная, на ней видны следы срабатывания. Размер терочного камня 19,7×1,5×5,1 см.

В выявленных объектах часто встречались фрагменты костей животных. Их определения проведены Г.И. Тимониной⁴. Объем изученной коллекции составляет 625 костей, до видового уровня удалось идентифицировать 81,6% от всех костей (591 фрагмент). Неопределимыми оказались 115 осколков, происходящих от костей крупных животных (размерный ряд – корова-лошадь). Все найденные кости принадлежали домашним животным. Анализ костных остатков включает, кроме видовых определений, конкретный перечень находок костей. В отдельных случаях дается определение возраста животных на момент забоя и приводятся общие выводы.

Конкретный перечень изученных объектов приводится ниже.

Объект 1. Найденны КРС – 1 кость (фрагмент диафиза берцовой кости), МРС – 2 кости (фрагмент от черепа и дистальный фрагмент пястной кости). Всего предположительно: 1 особь КРС и 1 особь МРС.

Объект 4. Найденны КРС – 5 костей. Количество особей не устанавливается. МРС – 4 кости, принадлежащие одной овце.

Объект 5. Найденны МРС – 3 кости овцы.

Объект 7. Найденны КРС – 15 костей и МРС – 2 кости. Возможно, кости принадлежат быку старше 2 лет и одной овце.

Объект 8. Найденны КРС – 77 костей. Восстанавливаются: одна особь – бык 3–4 лет, вторая особь – корова 6–9 лет. МРС – 27 костей. Восстанавливается одна особь – овца возрастом 2–2,5 года (определено по стертости нижних зубов). Также найдена 1 кость лошади. В скоплении дополнительно отмечено шесть неопределимых костей, обожженных до черного цвета.

Объект 9. Найденны КРС – 7 костей, минимально они относятся к одной особи – быку или волу старше 2 лет.

Объект 10. Найденны КРС – 15 костей. Они относятся к одной особи – быку старше 2 лет.

Объект 11. Найденны КРС – 23 костей. Восстанавливается 1 особь – бык. МРС – 6 костей. Восстанавливается одна особь старше 3,5 лет.

Объект 12. Найденны КРС – 70 костей. Они относятся минимально к трем особям. Возраст одной особи 6–9 лет, другой – около 4 лет, третьей – около 2–2,5 лет. Одна кость КРС оказалась со следами пребывания в огне – обожжена до черного цвета. МРС – 18 костей. Восстанавливается минимально одна особь старше 2–2,5 лет. Одна кость имела следы пребывания в огне (проксимальный обломок плюсневой кости обгорел до черного цвета). Найденны 4 кости от одной особи лошади (плечевая, бедренная; по стертости зубов определяется возраст забоя – около 2 лет).

Объект 14. Найденны КРС – 10 костей минимально от одной особи старше 1,5 лет, но моложе 2–2,5 лет. Судя по пропорциям первой фаланги – корова. МРС – 10 костей, минимально от двух особей: коза (роговой стержень) и овца (надпяточная кость). Три кости со следами пребывания в огне (два фрагмента диафизов плечевых костей и фрагмент диафиза лучевой кости обгорели до черного цвета).

Объект 15. Найденны КРС – 25 костей минимально от трех особей: две коровы, один бык или вол. Все особи старше 2,5 лет. МРС – 5 костей минимально от одной особи.

4. Тимонина Г.И. Отчет об определении остеологического материала из раскопок «Тризного комплекса» в кургане 12 курганной группы «Новотитаровская-14» // Шевченко Н.Ф. 2022. Отчет о раскопках курганов 1, 2 в объекте археологического наследия курганном могильнике «Осечки-5» и курганов 12, 13, 16 в курганном могильнике «Новотитаровская-14 (6 насыпей)». Ростов-на-Дону, 2022 // Научно-отраслевой архив ИА РАН (в процессе передачи на хранение).

Объект 16. Найдены КРС – 45 костей минимально от двух особей: обе старше 1,5 лет, одна моложе 2,0–2,5 лет. Одна из особей – бык, скорее всего кастрат, вторая – корова. МРС – 4 кости минимально от одной особи – овца 4-12 месяцев (возраст животного определен по стертости молочного зуба нижней челюсти). Лошадь – 2 кости (плечевая, бедренная) минимально от особи около 3,5 лет.

Объект 17. Найдены КРС – 5 костей, минимально от одной особи. Лошадь – 1 кость (надпяточная правая кость).

Объект 18. Найдены КРС – 4 кости. Количество особей не определено. Лошадь – 1 кость (лучевая кость – опавший дистальный эпифиз; особь моложе 3,5 лет).

Объект 19. Найдены КРС – 67 костей минимально от двух особей: около 1,5 лет и старше 2,5 лет. МРС – 20 костей минимально от одной особи – овца 1-2 лет (возраст определен по стертости изолированных нижних зубов). Лошадь – 1 кость (локтевая). Свинья – 3 кости минимально от одной особи (кости черепа, зубы, лопатка).

Объект 20. КРС – 26 костей минимально от одной особи старше 2,5 лет. МРС – 9 костей минимально от двух особей: 1–2 лет и 4–6 лет (возраст определен по стертости изолированных нижних зубов). Встречен роговой стержень козы и берцовая кость той же козы. Лошадь – 1 изолированный нижний зуб от особи старше 15 лет.

Объект 21. КРС – 23 кости минимально от двух особей: около 3,5 лет и 6–9 лет. МРС – 4 кости минимально от одной особи. Лошадь – 2 кости минимально от одной особи старше 3,5 лет.

В целом, по определениям Г.И. Тимониной, кости КРС принадлежат быку/ корове/ волу. Кости МРС относятся к овце/ козе. Чаще всего отмечается сочетание костей КРС и МРС. Это 11 случаев из 16, найденных в комплексах под курганной насыпью. Реже эти скопления дополняются костями лошади – 7 случаев. Единична находка костей свиньи.

Кости животных КРС и МРС представлены разнообразными наборами. Кости лошади только отдельными находками, не все из них соответствуют объектам питания, как, например, надпяточные кости или зубы. Набор костей свиньи также представлен единичными костями черепа, зубов и лопатки.

Кости КРС и МРС относятся к особям в основном, которым было больше 2 лет. Кости лошадей принадлежат особям возрастом 1,8 и 3,5 лет. Один случай указывает на возраст лошади более 15 лет. Важно отметить, что в отдельных случаях кости КРС и МРС отмечают пребывание в огне.

Теперь попытаемся проанализировать описанные выше находки. Н.Ф. Шевченко справедливо не связывает комплексы с майкопской керамикой в кургане № 12 с погребальными объектами. Это, по его мнению, явные следы бытового памятника. Какие заключения возможны по изложенным данным?

Первое. Керамика всех объектов в толще всхолмления кургана № 12 относится, вероятно, к майкопскому варианту майкопско-новосвободненской общности (МНО). При его выделении ранее [7] мы старались сохранить понятие «майкопской культуры», которое ранее использовалось Е.И. Крупновым (с 1957 г.) и А.А. Иессеном [4, 5, 6]. Для такого вывода весьма показательны сосуды класса 1 этого варианта с остро рельефно отогнутым венчиком, охристой поверхностью, обломки венчиков чанов, находки петлевидных ручек, поставленных на переходе от горловины к тулову. Среди находок керамики нет явных фрагментов посуды псекупского варианта МНО [7], хотя ему также присущи формы керамики класса 1 майкопского варианта. Поэтому найденные объекты можно сопоставить с майкопским вариантом МНО, но доля условности

в таком определении, конечно, имеется, так как у нас нет полных форм керамики, по которым можно однозначно обосновать такой вывод.

Второе. Как можно интерпретировать обнаруженные объекты? В этом аспекте надо отметить, что ямы с находками керамики костей животных напоминают ситуацию на поселении псекупского варианта МНО Тузла-15 на Тамани [1].

Раскопки поселения Тузла-15 проходили в 2012-2015 гг. (рис. 1) и носили разведочный характер культурного слоя. Средства для раскопок были крайне малы и поэтому раскапываемые площади ограничивались несколькими квадратами размером 4×4 м. Наиболее информативными оказались выявленные строения, обозначенные № 3 и № 4.

Строение № 3. Раскоп 4, 2013 г. От строения сохранилась входная яма 1 (рис. 8) и основная яма (рис. 9). Открытая конструкция может быть интерпретирована как полуземлянка. Вход в неё был устроен с СЗ. Размеры полуземлянки, судя по её границам, составляли в длину по линии СЗ–ЮВ 2,74 м, по линии ЮЗ–СВ 1,72 м. Причины, почему зона входа обозначилась на глубине -0,75 м как отдельное пятно, могут быть неоднозначны. Не будем забывать, что раскопки проходили в зоне культурного слоя, а здесь, как и в насыпи кургана, пятна могут «не читаться» или проступать неравномерно.

При расчистке заполнения строения были найдены различные камни, многочисленные фрагменты лепной и майкопской керамики без минеральных примесей, кости животных, рыб, раковины. Некоторые кости животных были обожжены.

Среди камней можно отметить три небольших гальки длиной 6–8 см, небольшие, не окатанные камни того же размера, зеленый камень длиной 12 см, осколки камней коричневатого цвета, обломки от зернотерок из пористого песчаника.

Во входной яме постройки и в самой постройке было выявлено большое количество фрагментов керамики. Особо выделяются обломки крупного сосуда с высоким горлом и ручкой-петелькой. Они позволяют реконструировать форму как закрытую ёмкость с горлом средней высоты и абсолютной высотой 5 см, диаметром венчика 18 см, сильно уплощенным овоидным туловом с диаметром около 60 см и с высотой тулова около 30 см (рис. 10, 3). Толщина стенок тулова 1 см. На верхнюю часть тулова были поставлены петлевидные ручки с отверстием 2×1,5 см. Сохранилась одна из них. Сколько было всего ручек на сосуде – неизвестно (возможно две). Под горловиной сосуда четко обозначена бороздка, выполненная механическим вращением заготовки на поворотном столике. Внешняя поверхность сосуда заглажена. На ней видны охристые (красноватые) пятна в виде размытых разводов.

Остальные сосуды представляют собой бой керамики черного и охристого тонов в количестве около 120 обломков. Среди них есть фрагмент плоского дна крупного сосуда с минеральными примесями в формовочной массе; много обломков лепных сосудов черного цвета с минеральными примесями и примесями битой ракушки, а также без минеральных примесей охристого цвета.

Отмечено скопление ракушек устриц – 65 экз., лежавших кучкой у южной стенки. Там же найден камень-галька и обломки небольших камней.

Особо в коллекции находок из строения № 3 выделяются три фрагмента с крашеной полосами поверхностью. Полосы отмечены на фрагментах сосуда с тестом без минеральных примесей. Среди них есть фрагмент миски с тестом без искусственных минеральных примесей охристого цвета и двумя полосами, нанесенными красной краской на внутреннюю часть венчика (рис. 10, 2).

Некоторые фрагменты мисок из теста без минеральных примесей позволяют составить представление о профилях венчиков керамики (форма венчика 17-19) [3] (рис. 11, 2-4) и миски с минеральными примесями и с загнутым внутрь венчиком (рис. 11, 5).

В заполнении строения у западной стенки отмечена головка глиняного, с отверстием конуса – типа, характерного для псекупского варианта МНО [2]. Длина фрагмента 8 см. Сохранность фрагмента очень плохая, он практически не обожжен (рис. 11, 1). Также зафиксирован фрагмент маленькой миски с минеральными примесями диаметром около 3 см.

В целом общий контур постройки выглядит как овал, ориентированный длинной осью с ЮВ на СЗ, размерами 3×2 м, с разделением на входную яму и основную яму помещения (рис. 9).

Радиоуглеродные определения комплекса находок строения № 3 представлены в таблице 2.

Таблица 2. Радиоуглеродные определения комплекса находок строения (жилища) № 3

Table 2. Radiocarbon definitions of the complex of finds of the construction (dwelling) No. 3

№№	Объект	Шифр	BP	BC 68%
1	2013 г. Раскоп 4, кость животного	Ki-18584	4510 ± 60	3355-3035
2	2013 г. Раскоп 4, кость животного	Ki-18168	4570 ± 80	3331-3123
3	2013 г. Раскоп 4, ость животного	Ki-18589	4440 ± 80	3340-2919

Всего получены три даты по костям животным. Их интервалы близки. Это 34–31 вв. до н.э., 34–32 вв. до н.э.; 34–30 вв. до н.э.

Строение № 4. Расчистка строения была начата в 2014 г. и завершена в 2015 г. В северной части расчищаемого строения был встречены необработанные камни размером 10-15 см в поперечнике. В разных местах заполнения попадались черепки керамики класса 1 и класса 2 МНО, кости животных, птиц, сколы кремня. В северной части расчищаемого пятна были отмечены обширные сгустки серого пепла. В зоне пересечения квадратов 1, 2, 3 были зафиксированы камни ракушечника размером 20-30 см без особых очертаний и черепки охристого сосуда.

После фиксации этот пласт находок был снят. Ниже снятого пласта находок встречено меньше, но их качественный набор существенно не изменился. Так, фрагментов сосудов класса 1 красного цвета найдено 5 экз., коричневого цвета – 2 экз. Фрагментов сосудов класса 2 зафиксировано в количестве 44 экз., костей животных и птиц – 40 экз., раковин устриц – 19 шт., раковин гребешков – 1 шт.

Особое внимание привлекают «кладки» из небольших необработанных камней. Одно скопление находится на прослойке выше дна конструкции. Другое скопление выявлено в юго-восточном углу квадрата 2. Верхний уровень камней находится на глубине -139 м. Камни стоят в вертикальном положении основаниями на глубине -149 см, -152 см, -154 см. От дна их отделяет тонкая прослойка земли.

К северу от каменных скоплений на глубине -155 см на дне ямы зафиксировано пятно с включениями углей. Размер пятна 40×40 см. Следов интенсивного прокала земли

в зоне углистых включений отмечено не было. Все пространство ямы к северу от этого пятна было заполнено слоем земли с серым пеплом (рис. 12, рис. 13). Дно конструкции фиксируется на глубине -153-155 см.

Обнаруженная конструкция представляет собой яму двучастной формы. Её западная часть имеет прямую стенку. Восточная часть ямы придерживается контуров овала. Яма ориентирована по центральным осям с ЮВ на СЗ и с ЮЗ на СВ. Размеры её по этим осям соответственно 185 см и 180 см.

Уровень фиксации верхних стенок ямы связан с глубинами около -80 см. Но более определенно её контур читается на глубине -110 см, т.е. в материковом слое.

Яма имеет заполнение, состоящее из брошенных в неё обломков сосудов, костей животных, раковин. Наиболее интенсивно находки сосредоточены на глубинах -119-136 см. Ниже их число заметно уменьшается.

Порядок заполнения ямы выглядит следующим образом. Первоначально на дне восточной части ямы образовалось пятно размером 40×50 см со следами горения. Большой огонь в яме не разводили, т.к. следов прокала и обжига земли нет. Отмечены были только три небольших кусочка докрасна прокаленной земли и несколько горелых костей.

Далее на дне была размещена «подушка» из грунта толщиной около 5 см. На ней в юго-восточной части ямы была сооружена кладка из вертикально стоящих необработанных камней. Камни также были размещены в центре ямы. Образовалась своего рода перегородка, делящая пространство ямы на две части: восточную, где находилось углистое пятно, и западную, которая включала часть ямы, раскопанную в 2014 г., с прямой стенкой. Затем яму стали интенсивно забрасывать обломками керамики и костей животных.

Многие кости были раздроблены. Они явно были связаны с трапезой. Наиболее густой слой заброса находился на глубинах -119-136 см, т.е. существенно выше дна ямы. Вместе с черепками и костями животных в яму бросали пищевые отходы в виде раковин устриц и гребешков. В яму также было сброшено большое количество пепла. Его обширная масса никак не связана со слабым прокалом на дне. Видимо, в яму сбросили продукты горения от источника огня на стороне. Такой случай позволяет ставить вопрос об особых ритуалах финальной консервации обитаемого ранее строения, которые соблюдались местным населением.

В 2018 г. этот вывод полностью подтвердился при раскопках поселения Чекон А.И. Юдиным [8; 9].

Дадим общую характеристику находок, связанных со строением № 4.

Фрагментов керамики класса 1 найдено 23 экз. (19 красного цвета, 1 – черного цвета). Толщина стенок сосудов этого класса – около 5 см. Из венчиков доминируют венчики мисок. Среди керамики класса 1 интересны фрагменты с раскраской. Один из фрагментов венчика имеет следы полос темно-коричневого цвета. Имеется фрагмент стенки охристого сосуда: на внутренней стороне его проведена красная полоса. Найден фрагмент венчика крупного сосуда, видимо, чана. На венчике и на внутренней стороне черепка прослеживаются полосы малинового цвета. Полосы являются частями дуги правильного круга и они нанесены при вращении сосуда, закрепленного на жесткой оси (рис. 14, 1, 2). На одном фрагменте миски краска нанесена на внешнюю и внутреннюю стороны в виде полос (рис. 14, 3).

Обломков сосудов класса 2 найдено 126 экз., в т.ч. 3 венчика С-видной формы. Один фрагмент имеет бороздку под венчиком. Один венчик орнаментирован по

внешней стороне прорезными линиями (рис. 14, 4). Найдена одна петельчатая ручка (рис. 14, 6). Особо следует отметить находку обломка двугорлого сосуда (рис. 14, 5).

Среди орудий найден обломок обгорелого ложила из кости черного цвета. Встречены сколы кремня 6 шт., три гальки, две из которых имеют следы сработанности на торцовых частях. В заполнении ямы были также найдены два обломка, желтый минерал с пачкающей рыхлой структурой.

Найдено 70 створок раковин устриц, 6 раковин гребешков и большое количество костей животных.

Были получены две даты по костям животных из строения № 4 (табл. 3). Они близки и дают диапазоны 29–25 вв. до н.э.; 29–27 вв. до н.э.

Таблица 3. Радиоуглеродные даты строения (жилища) № 4.

Table 3. Radiocarbon dates of the construction (dwelling) No. 4.

№№	Объект	шифр	BP	BC	Примечание
1	2014 г. Раскоп 5, кость	Ki-187808	4070 ± 60	2860-2490	Из входа в жилище 4
2	2015 г. Тузла-15, кости	Ki – 19217	4170 ± 30	2876-2676	жилище № 4, кость коровы, позвонки, ребра

Остеологические определения находок в строениях № 3 и № 4 в целом были выполнены Е.В. Добровольской. Для строения № 3 в коллекции учтены 401 кость животных, птиц и моллюсков. 207 костей трудноопределимы. Выборка определимых костей составляет 194 экз. Из них костей КРС – 28 (14%), МРС – 48 (24%), свиньи – 11 (5,6%), 1 кость собаки, створок устриц – 77 (39,6%). Присутствуют кости рыб – 17 шт., 1 кость гуся, 2 кости лебедя, 2 кости птиц не определимы.

Из строения № 4 выбрано 318 костей животных. Среди них 107 костей сохранились фрагментарно. Определимая серия включает 209 костей. В ней доминируют кости КРС (взрослые особи) – 34 (17%) и МРС (молодые особи) – 40 (19%), присутствуют кости свиньи (взрослые и молодые особи) – 8 (3,8%). Единично представлены собака, утка. Много раковин устриц – 118 (56%).

Остеологические данные представлены в целом серией из костей домашних животных: кости КРС – 103, МРС – 121, свинья – 21.

Сопоставление раскопанных ям-полуземлянок поселений Новотитаровское-14 и Тузла-15 приводят к следующим выводам.

Материалы поселения Новотитаровское-14 можно рассматривать как относительно ранние, т.к. они принадлежат майкопскому варианту МНО. Однако без радиоуглеродных определений возраста хронология описываемых находок и поселения выглядит расплывчато в рамках бытования МНО. Территориально поселение занимает самую северо-западную позицию в общем распространении поселений майкопского варианта, связанного своим распространением бытовых памятников с Центральным Предкавказьем. Его местонахождение в Прикубанье выглядит пока одиноко. Вероятно, Новотитаровское-14 поселение отражает процесс передвижения майкопских племен на северо-запад относительно центральных районов Северного Кавказа.

На этом поселении впервые были найдены брошенные на покидаемом строении остатки переносного очага, жаровня. Они помогают прийти к выводу, что майкопское население могло пользоваться переносными очагами и разводить огонь вне обитаемого пространства. Совершенно определенно выглядит традиция забрасывания покидаемого строения золой, которая являлась продуктом какого-то костра, разведенного на стороне. Аналогии ему представлены на поселении Чекон [8; 9]. Таким образом, традиция заброса покидаемого жилища золой фиксируется на западном участке ареала майкопских памятников и на близких к ним памятниках псекупского варианта.

Интересен факт использования ранними майкопцами традиций забрасывания покидаемых строений не только отходами керамического боя, обломками глиняных приставок к очагам, но и остатками пищи. В этих брошенных скоплениях костей встречаются остатки, связанные некогда с мясной продукцией, главным образом, крупного и мелкого рогатого скота. Менее встречаются кости свиней. В качестве символики, вероятно, использовались отдельные кости лошади.

Для поселения псекупского варианта МНО, представленного поселением Тузла-15, можно наблюдать такую же традицию забрасывания покидаемого строения отходами керамического боя, обломками глиняных конусов, а также отходами пищи. По-прежнему среди черепков нет фрагментов ни одного сосуда, который можно было бы восстановить. Все черепки относятся к разным формам керамики.

Среди костных останков доминируют кости крупного и мелкого рогатого скота. Кости свиньи находятся в подчиненном положении. В собрание костей, брошенных в оставляемое строение, попали также кости собаки, рыб, утки. Особенностью поселения стало массовое помещение в заброшенное строение створок раковин устриц.

Чем можно объяснить такое устойчивое и постоянное стремление бросить в покидаемое строение черепки разных сосудов и пищевые остатки с доминированием костей крупного и мелкого рогатого скота? Вероятно, керамика, забрасываемая в оставляемое строение, могла символизировать культ возрождения, а наборы остатков пищи – предполагаемое плодородие среди животных, которые были объектом питания или даже бытового использования, как например, собака. Обращает на себя внимание, что костей диких животных, на которых могли охотиться майкопцы, таких как, например, олени, зайцы и прочие звери, в коллекции костей из покидаемых жилищ нет.

Наши предположения об особой роли керамики, как необходимого атрибута захоронения майкопцев, отражают находки на поселении Чекон, раскопок 2018 г.⁵ [10]. На этом памятнике погребения людей в ямах забрасывались землей вместе с отдельными черепками сосудов. Целые же сосуды в могилы взрослых сородичей, чьи могилы организовывались на поселении, не ставились.

Финансирование. Статья написана в рамках выполнения гос. задания НИОТКР № 122011200270-О.

Acknowledgements. The paper is prepared within the framework of the State Task NIOTKR 122011200270-О.

5. Юдин А.И. Отчет об археологических раскопках поселения Чекон на территории города-курорта Анапа Краснодарского края в 2018 г (в 13 томах). Саратов, 2020 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. № 64568-64569.

Рис. 1. Расположение памятников, упоминающихся в тексте: 1 – Новотитаровское-14, 2 – Тузла-15, 3 – Чекон

Fig. 1. Location of the settlements, mentioned in the text: 1 – Novotitarovskoye-14, 2 – Tuzla-15, 3 – Chekon

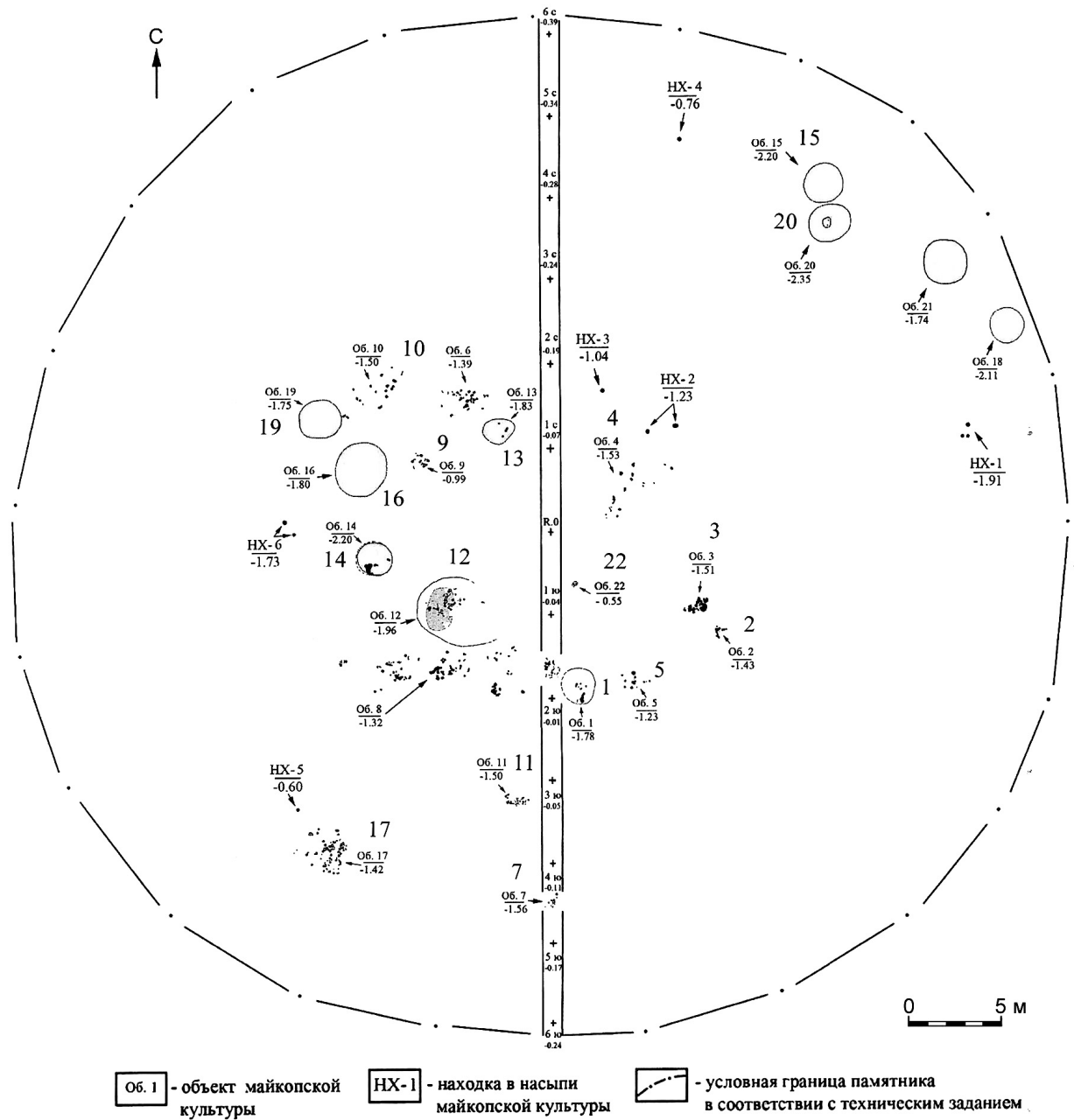

Рис. 2. Курган 12 группы Новотитаровская-14 с выявленными объектами поселенческого характера

Fig. 2. Kurgan 12 of the Novotitarovskoye-14 group with identified objects of a settlement nature

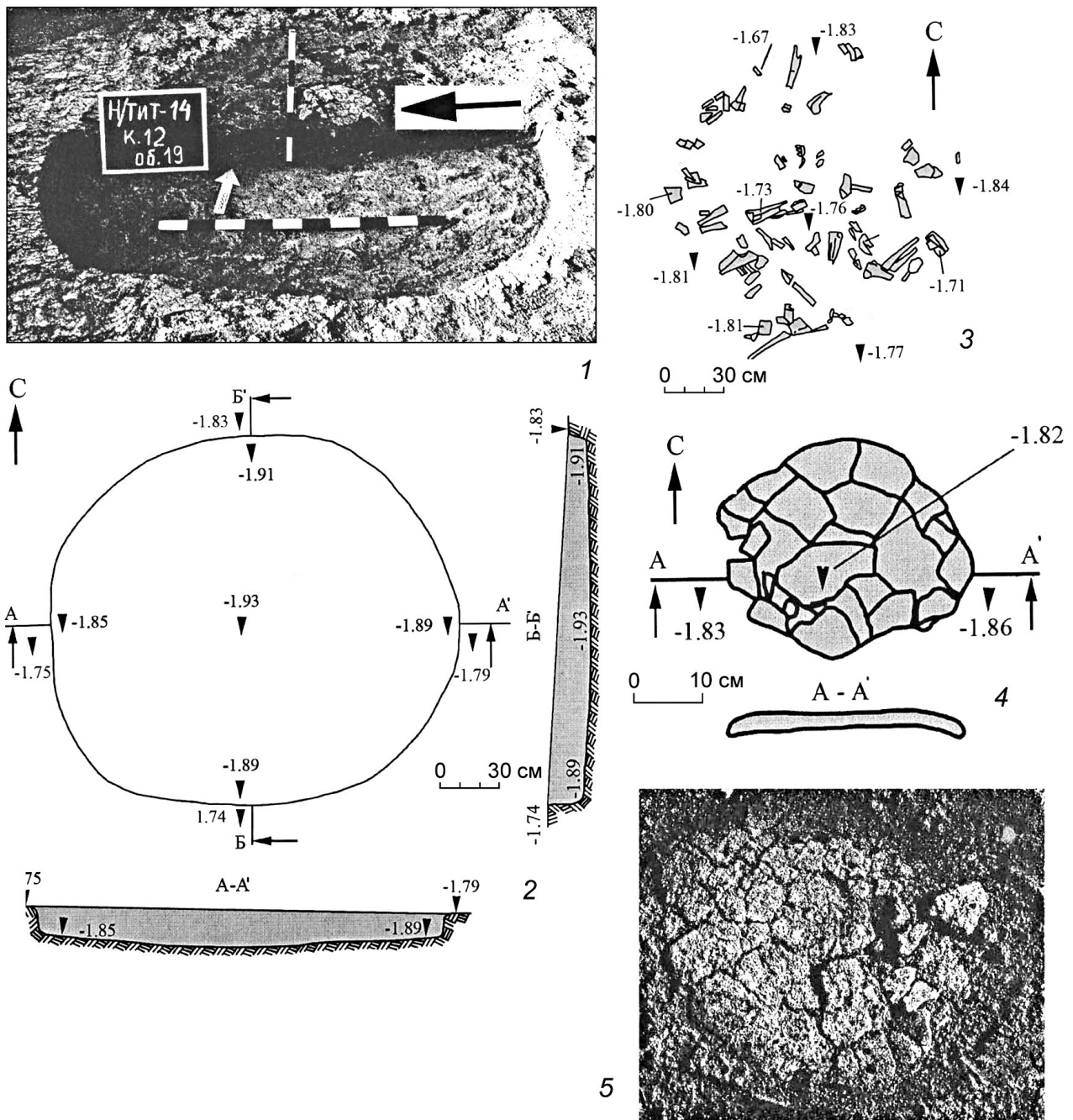

Рис. 3. Курган 12, Объект 19: 1 – яма, 2 – разрез ямы, 3 – находки в яме, 4 – под очага, рисунок и разрез, 5 – под очага, фото

Fig. 3. Kurgan 12, Object 19: 1 – pit, 2 – section of the pit, 3 – finds in the pit, 4 – furnace hearth, drawing and section, 5 – furnace hearth, photo

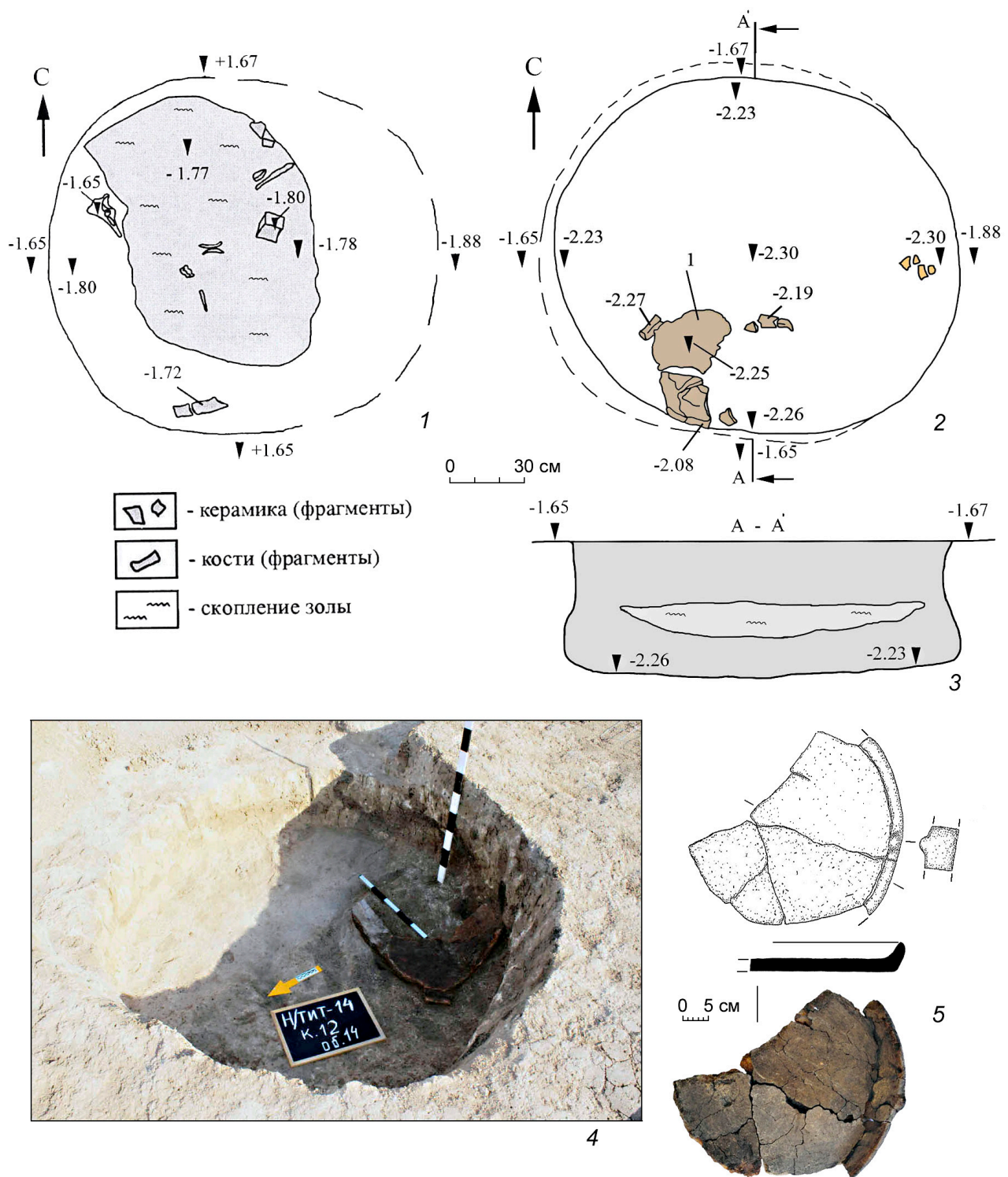
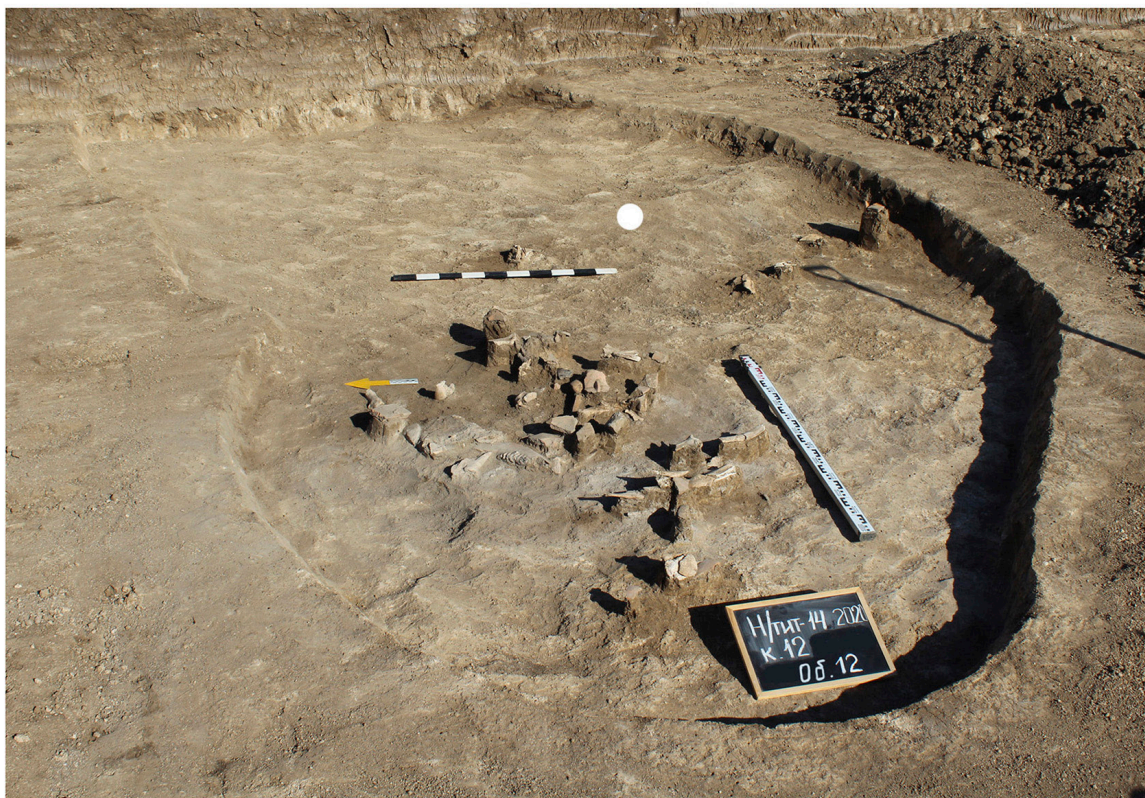

Рис. 4. Курган 12, Объект 14: 1 – план ямы на уровне зольного слоя и находки в ней объекта, 2 – план ямы яма объекта, 3 – разрез ямы и зольного слоя, 4 – находку жаровни в яме in situ, 5 – жаровня

Fig. 4. Kurgan 12, Object 14: 1 – plan of the pit at the level of the ash layer and finds in it, 2 – plan of the pit at the level of the bottom, 3 – section of the pit and the ash layer, 4 – find of the brazier in the pit in situ, 5 – brazier

1

2

Рис. 5. Курган 12. Яма объекта 12 (1) и скопление керамики в ней (2)

Fig. 5. Kurgan 12. The pit of object 12 (1) and the pottery assemblage in it (2)

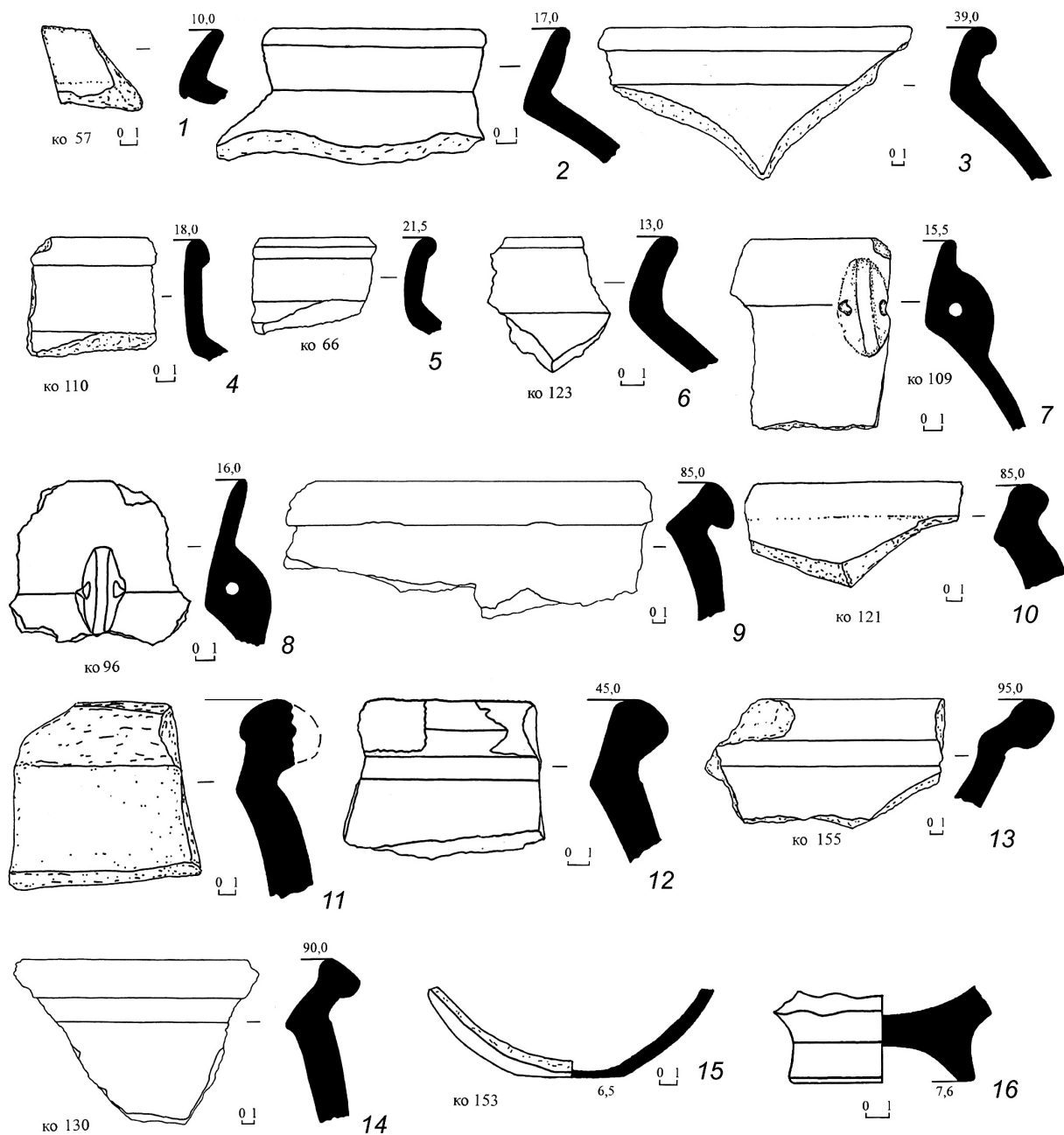

Рис. 6. Курган 12. Фрагменты керамики из различных объектов: 1, 11 – объект 6; 2 – объект 3; 3, 5 – объект 8; 6, 10 – объект 14; 8 – объект 12; 9 – объект 17; 12 – объект 1; 13 – объект 21; 16 – объект 14

Fig. 6. Kurgan 12. Pottery fragments from different objects: 1, 11 – Object 6; 2 – Object 3; 3, 5 – Object 8; 6, 10 – Object 14; 8 – Object 12; 9 – Object 17; 12 – Object 1; 13 – Object 21; 16 – Object 14

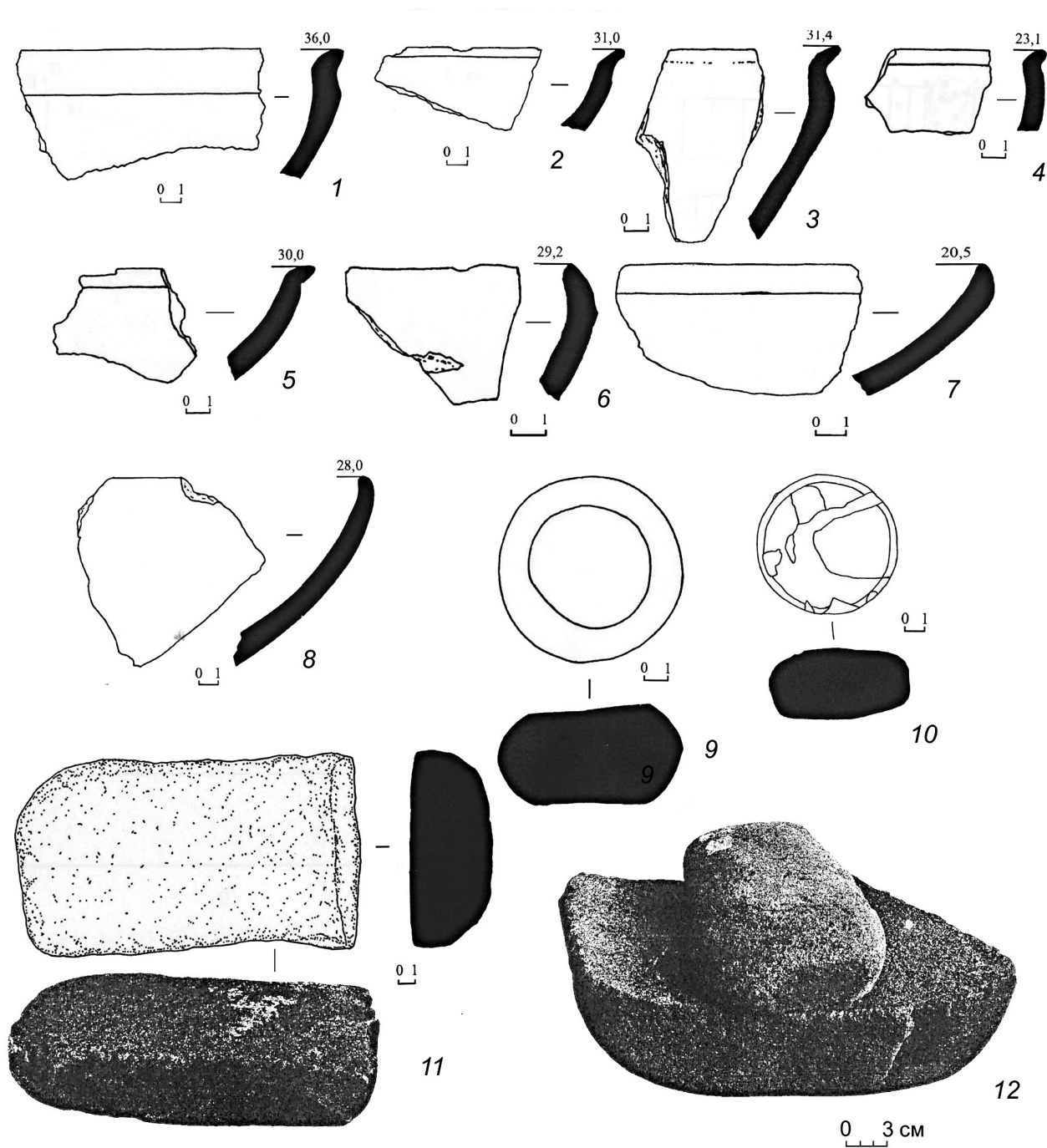

Рис. 7. Курган 12. Находки из различных объектов: 1, 2 – объект 1; 3-5, 9 – объект 8; 6 – объект 4; 7 – объект 5; 8 – объект 15; 10 – объект 12; 11, 12 – объект 22. 1-8 – керамика, 9-12 – камень

Fig. 7. Kurgan 12. Finds from different objects: 1, 2 – Object 1; 3-5, 9 – Object 8; 6 – Object 4; 7 – Object 5; 8 – Object 15; 10 – Object 12; 11, 12 – Object 22. 1-8 – pottery; 9-12 – stone

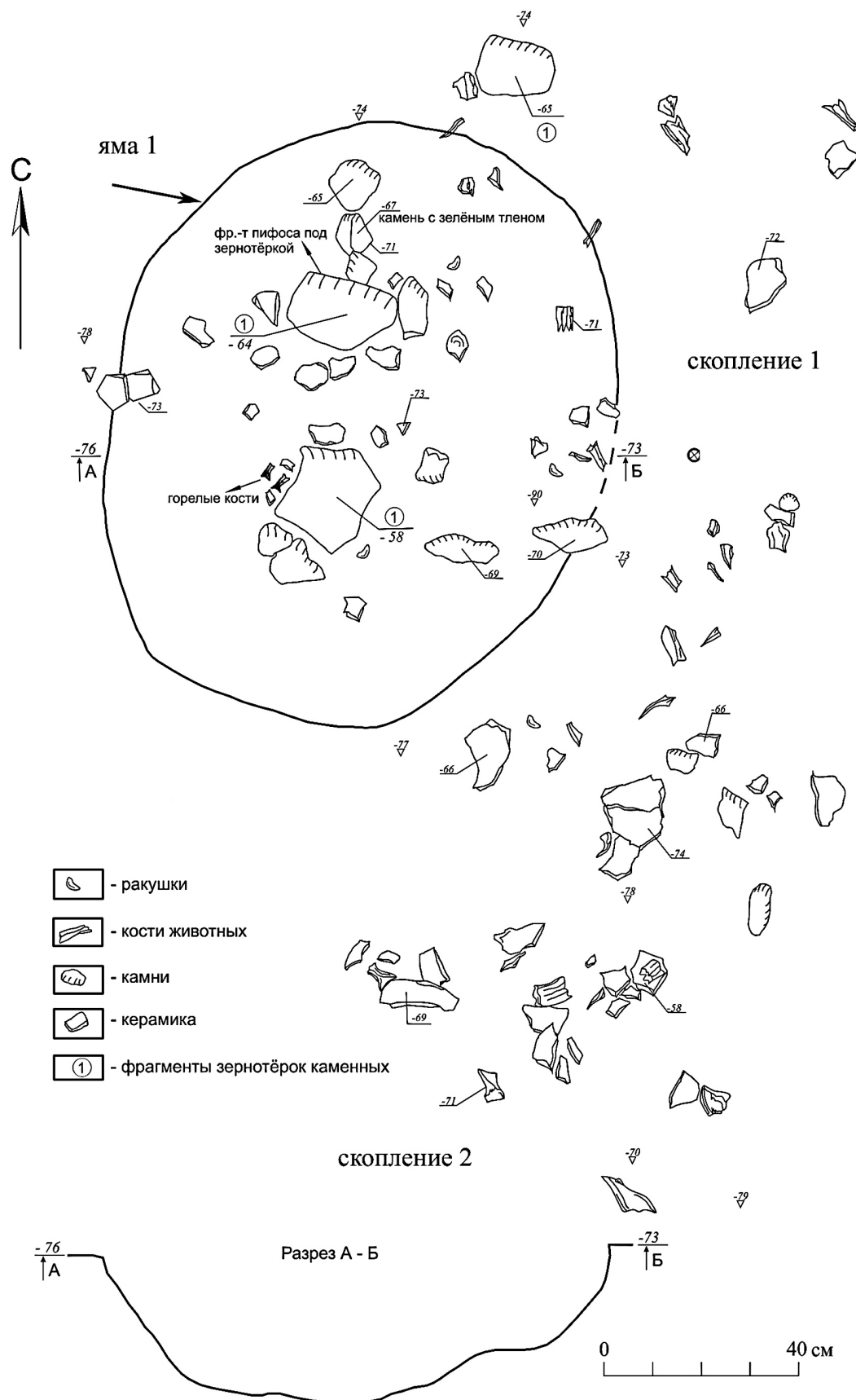

Рис. 8. Поселение Тузла-15. Строение № 3. Входная яма в полуземлянку, начало работ
 Fig. 8. Tuzla-15 settlement. Structure 3. Entrance pit to the semi-dugout, the start of work

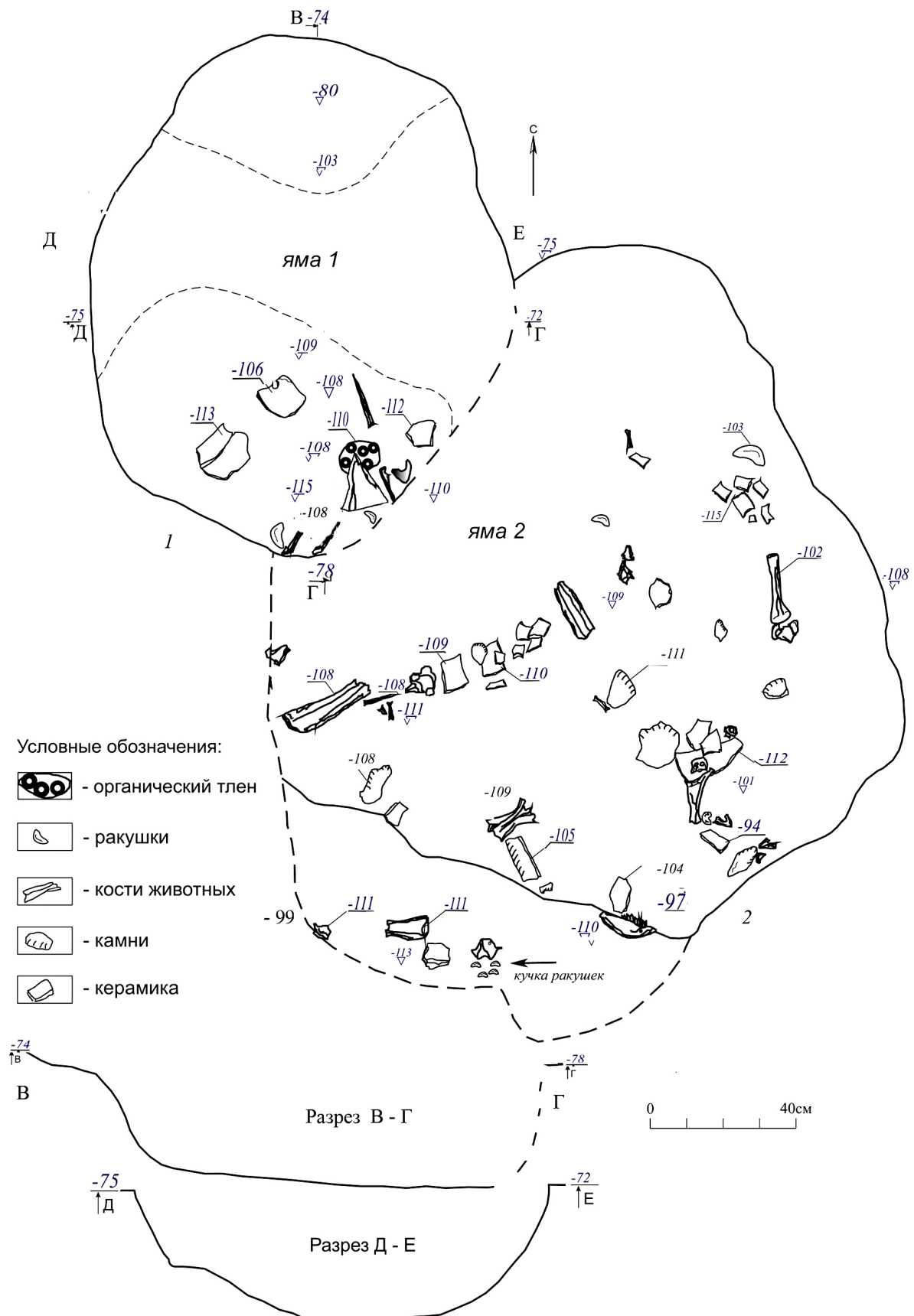

Рис. 9. Поселение Тузла-15. Строение № 3. План и разрезы

Fig. 9. Tuzla-15 settlement. Structure 3. Layout and sections

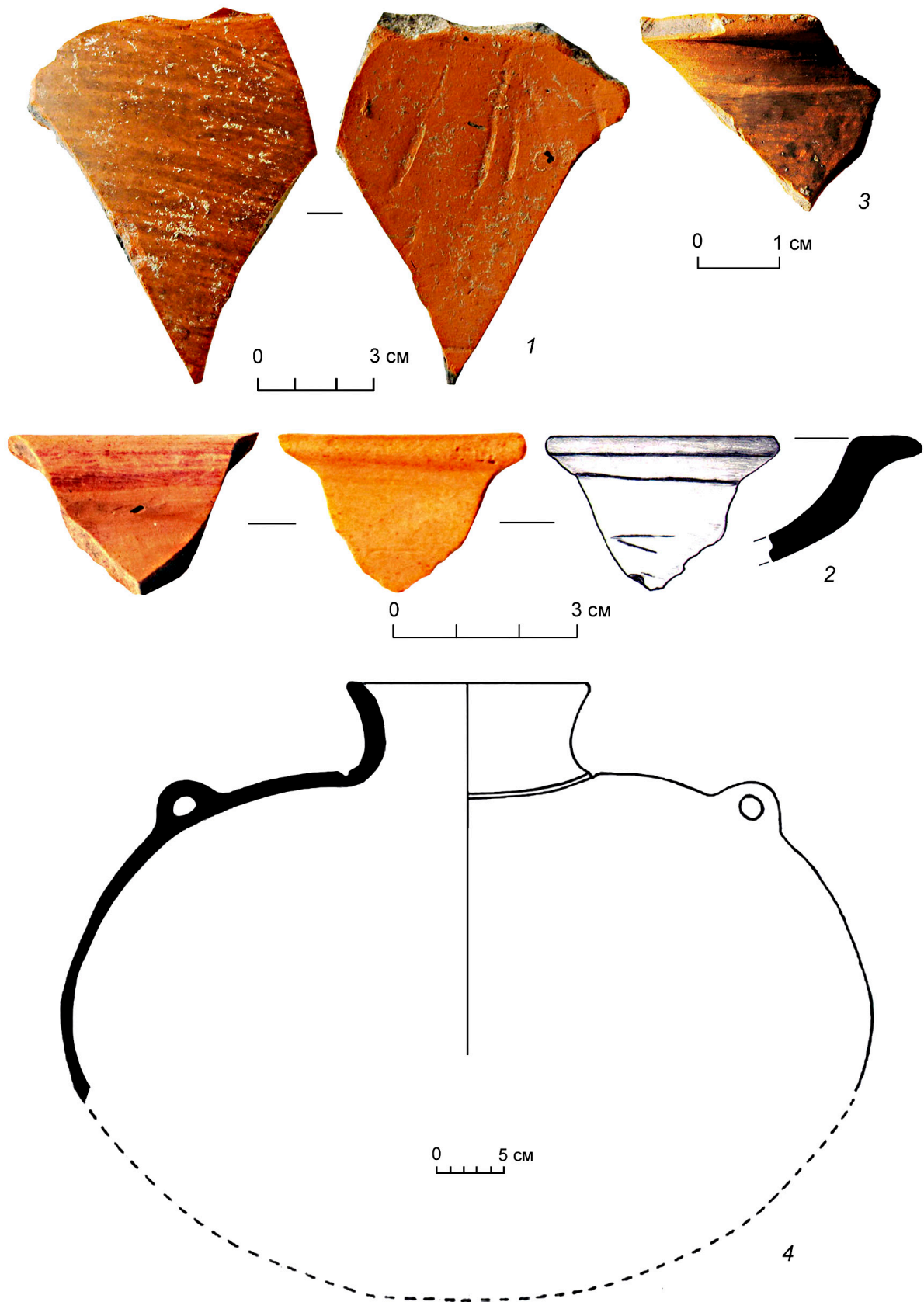

Рис. 10. Поселение Тузла-15. Строение № 3. Фрагменты керамики

Fig. 10. Tuzla-15 settlement. Structure 3. Pottery fragments

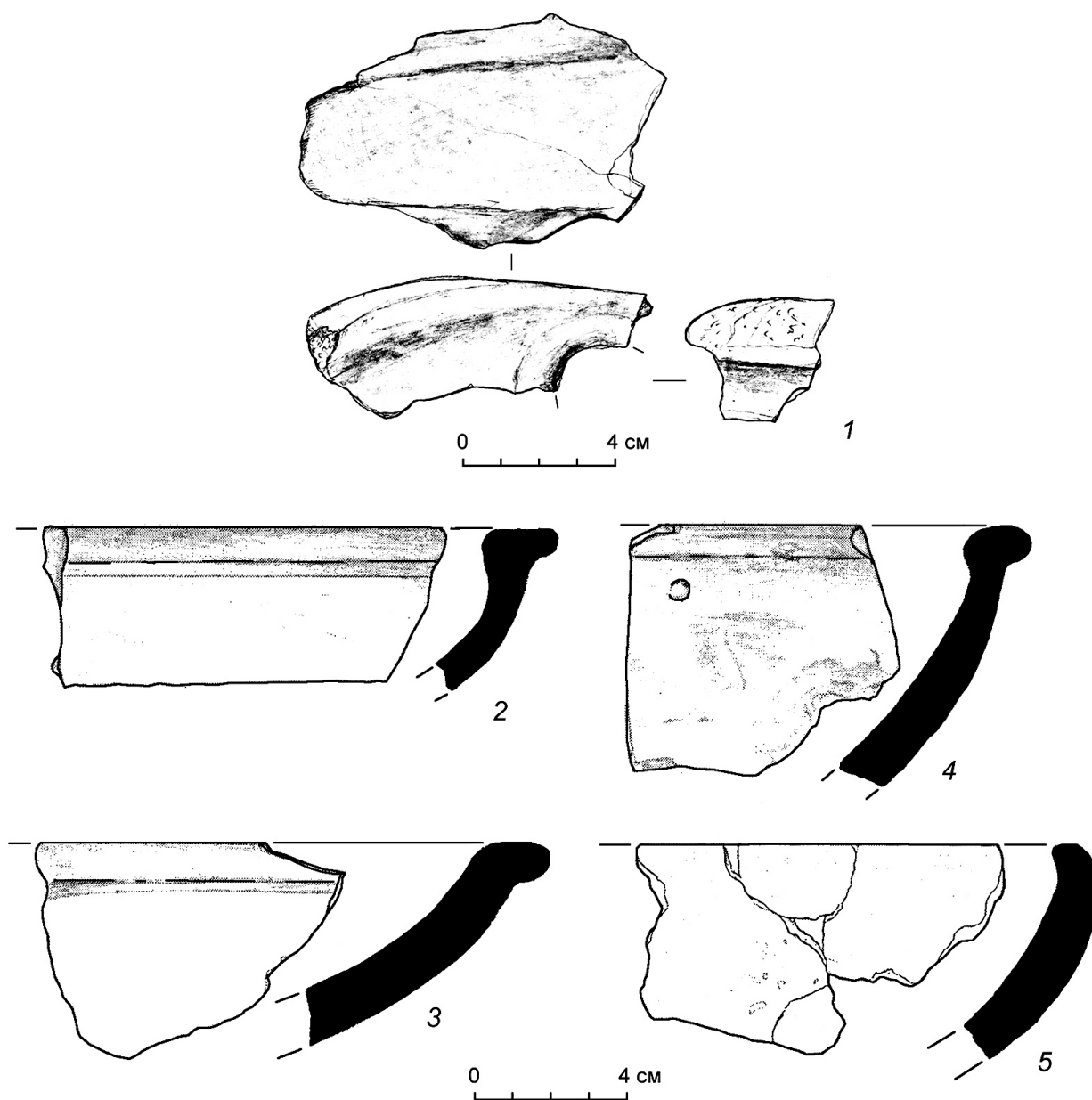

Рис. 11. Поселение Тузла-15. Строение № 3. Фрагменты керамики

Fig. 11. Tuzla-15 settlement. Structure 3. Pottery fragments

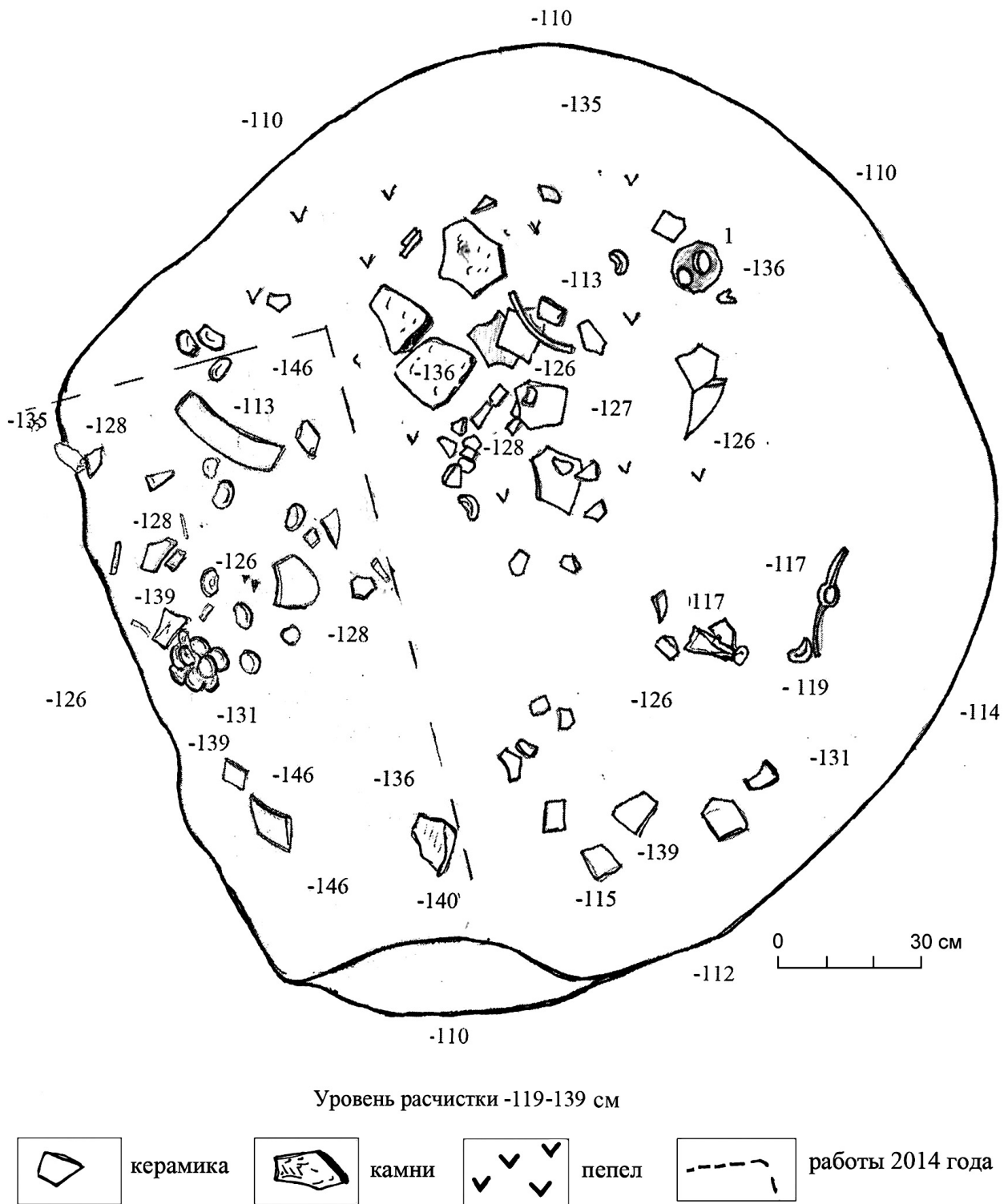

Рис.12. Поселение Тузла-15. Строение № 4. План. Верхний уровень

Fig. 12. Tuzla-15 settlement. Structure. 4. Layout. Upper level

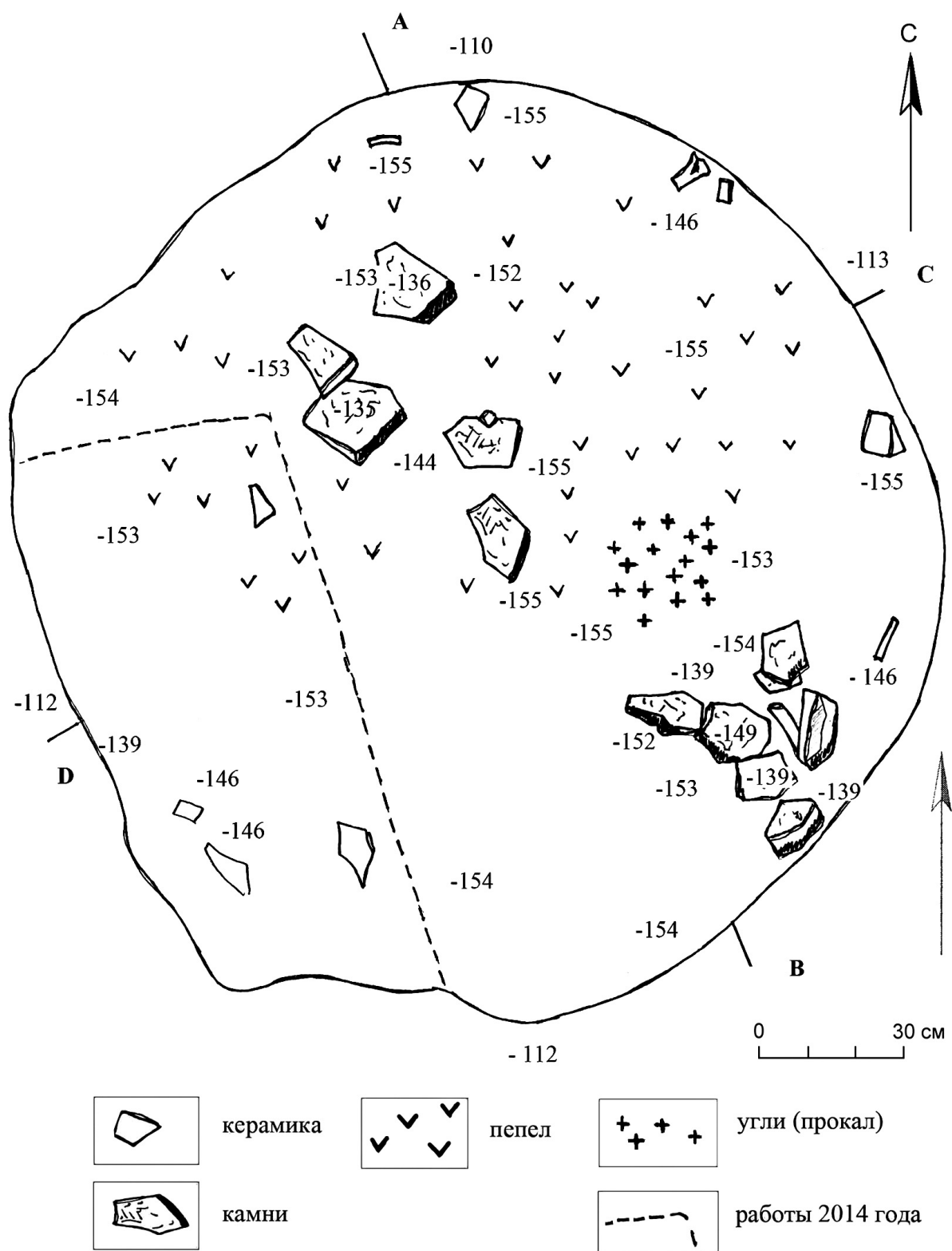

Рис.13. Поселение Тузла-15. Строение № 4. План. Второй уровень

Fig. 13. Tuzla-15 settlement. Structure 4. Layout. Second level

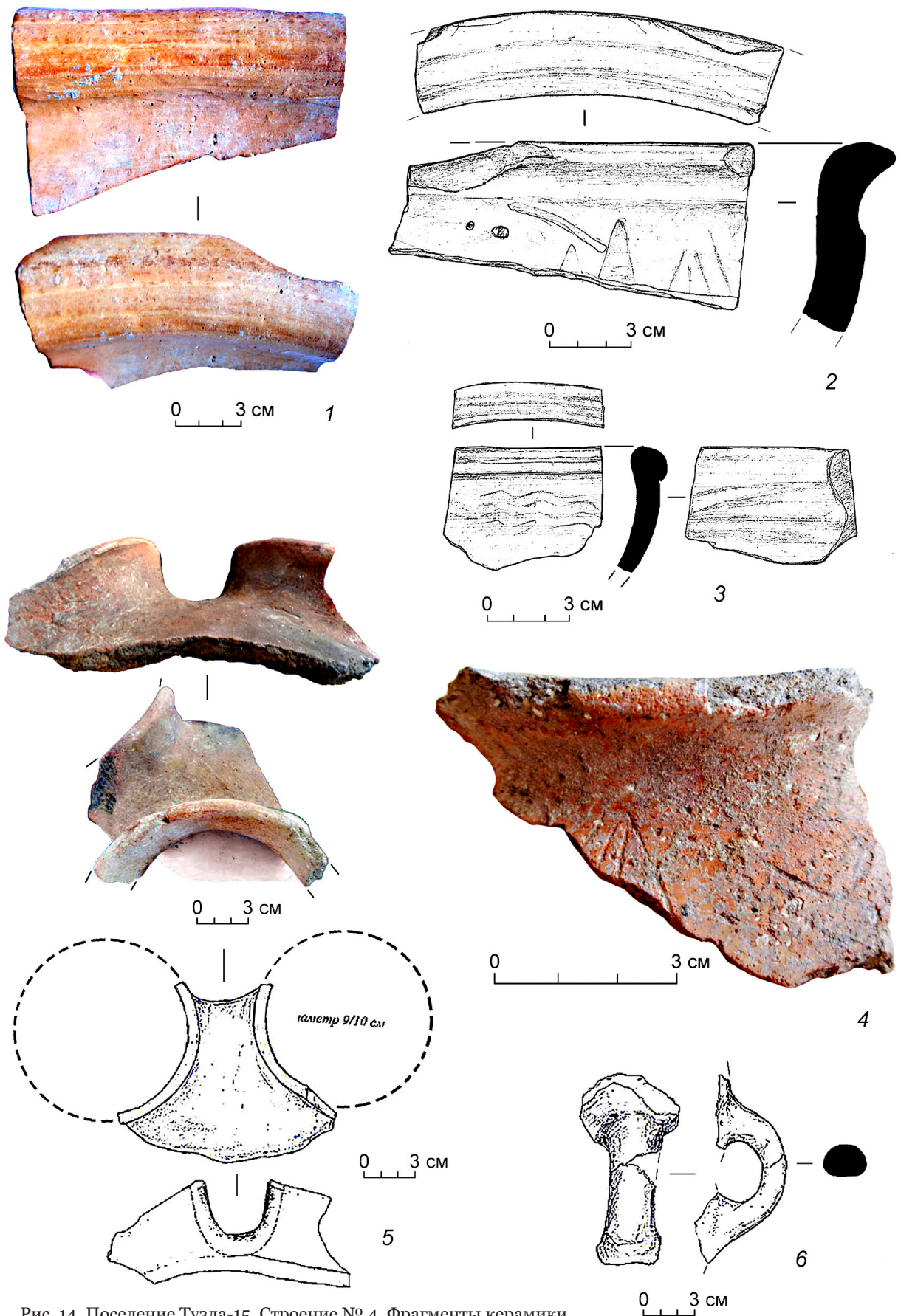

Рис. 14. Поселение Тузла-15. Строение № 4. Фрагменты керамики

Fig. 14. Tuzla-15 settlement. Structure 4. Pottery fragments

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корневский С.Н. Поселение раннего бронзового века Тузла-15 на Тамани. М.: ИА РАН, 2020. – 199 с.
2. Бочковой В.В., Ламберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Вып. 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 5-18.
3. Булах Е.Н. Полуземлянки поселения Чекон // IV «Анфимовские чтения» по археологии западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средние века. Материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 28-30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция, 2014. С. 30-36.
4. Крупнов Е.И. Древняя культура и история Кабарды. М.: Наука, 1957. 176 с.
5. Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. № XII. 1950. С. 157-202.
6. Иессен А.А. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.-Л.: Государственный Эрмитаж, 1962. С. 20.
7. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность: Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. – 243 с.
8. Корневский С.Н., Юдин А.И. Поселения майкопско-новосвободненской общности Тузла-15 и Чекон: особенности культурного слоя и стратиграфии (предварительное сообщение) // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полос Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. университета, 2019. С. 60-68.
9. Юдин А.И., Кочетков Ю.К. Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий // Феномены культур раннего бронзового века в степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. университета, 2019. С. 83-87.
10. Корневский С.Н., Медникова М.Б., Юдин А.И. Погребения поселения Чекон 2018 майкопско-новосвободненской общности (предварительное сообщение) // Stratum Plus. № 2. 2022. С. 47-61.

REFERENCES

1. Korenevsky SN. *Early Bronze Age settlement Tuzla-15 in Taman*. Moscow: IA RAN, 2020. (In Russ.)
2. Bochkovoy VV, Lamberis NYu, Marchenko II, Rezepkin AD. Settlement of the Maykop culture "Chekon". *Archeology and ethnography of the Pontic-Caucasian region*. Issue. 1. Krasnodar: Kuban State University, 2013: 5-18. (In Russ.)
3. Bulakh EN. Semi-dugouts of the Chekon settlement. IV "Anfimov Readings" on the archeology of the Western Caucasus. *Western Caucasus in the context of international relations in antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the International Archaeological Conference (Krasnodar, May 28-30, 2014)*. Krasnodar: Traditsiya, 2014: 30-36. (In Russ.)
4. Krupnov EI. *Ancient culture and history of Kabarda*. Moscow: Nauka, 1957. (In Russ.)
5. Yessen AA. On the chronology of large Kuban mounds. *Sovetskaya Arheologia*. 1950, 12: 157-202. (In Russ.)
6. Yessen AA. Maykop Culture and Its Dating. *Abstracts of reports at the meetings of the IA Academy of Sciences of the USSR, dedicated to the results of field research in 1961*. Moscow; Leningrad: State Hermitage, 1962: 20. (In Russ.)
7. Korenevsky SN. *The most ancient farmers and pastoralists of Ciscaucasia. Maikop-Novosvobodnenskaya community: Problems of internal typology*. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ.)
8. Korenevsky SN, Yudin AI. Settlements of the Maykop-Novosvobodnenskaya community Tuzla-15 and Chekon: features of the cultural layer and stratigraphy (preliminary report). *Phenomena of cultures of the early Bronze Age of the steppe and forest-steppe zones of Eurasia: ways of cultural interaction in the 5th-3rd millennium BC*. Orenburg: Publishing house of the Orenburg State Ped. University, 2019: 60-68. (In Russ.)
9. Yudin AI, Kochetkov YuK. Maykop settlement Chekon in the Kuban region and problems of cultural interactions. *Cultural phenomena of the early Bronze Age in the steppe and forest-steppe zone of Eurasia: ways of cultural interaction in the 5th-3rd millennium BC*. Orenburg: Publishing house of the Orenburg State Ped. University, 2019: 83-87. (In Russ.)
10. Korenevsky SN, Mednikova MB, Yudin AI. Burials of the Chekon settlement 2018 of the Maikop-Novosvobodnenskaya community (preliminary report). *Stratum Plus*. 2022, 2: 47-61. (In Russ.)

Поступила в редакцию 29.09.2022

Принята в печать 24.02.2023

Опубликована 30.03.2023

Recieved 29.09.2022

Accepted 24.02.2023

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191150-172>

Исследовательская статья

Каширская Наталья Николаевна
к.б.н., старший научный сотрудник,
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения, Пушкино, Россия
nkashirskaya81@gmail.com

Чернышева Елена Владиславовна
к.б.н., старший научный сотрудник
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения, Пушкино, Россия
e.chernyusheva@yandex.ru

Малашев Владимир Юрьевич
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
malashev@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ ЖИРНОЙ ПИЩИ В СОСУДАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. Численность липолитических микроорганизмов и липазная активность в почвах могут резко возрасти в случае поступления жиров. Для выявления исходного присутствия жиров в составе ритуальной пищи, была проведена оценка численности липолитических бактерий и определение липазной активности в грунтах из 60 сосудов из погребений Северного Кавказа III–IV вв. н.э. (ранний этап аланской культуры). Установлено, что в 85% всех сосудов численность липолитических бактерий в придонном слое не превышала уровня контроля и была в 4–20 раз ниже, чем в контрольной современной черноземной почве. В 15% выборки, где численность липолитических бактерий была на порядок выше, выявлялась также экстремально высокая активность пальмитат и стеарат-липазы C-16 и C-18. В 85% всех сосудов микробный след практически не сохранялся, однако оставался энзиматический след. Кластер с наибольшей вероятностью содержания животных жиров составлял 22 % выборки и отличался преобладающей активностью стеарат-липазы C-18. Два кластера с высокой вероятностью использования молочного и/или зернового растительного продукта, составляли 26% выборки. Грунт со дна этих сосудов характеризовался преобладающей активностью додеканоеат-липазы C-12. В 15% ритуальных сосудов с низкими значениями численности липолитиков и липазной активности, показана вероятность выделения молочнокислых бактерий и дрожжей, связанных с ферментацией пищи. Только в 22% выборки все показатели были ниже фонового уровня, что позволило идентифицировать ритуальные сосуды как пустые или содержащие воду. Таким образом, продукты с высоким содержанием жира часто использовались в погребальном обряде аланской культуры. На уровне тенденции можно отметить, что особенно жирная пища содержалась в сосудах из детского и женского погребального инвентаря, а также в кувшинах, устанавливаемых во входных ямах и используемых в ритуальных целях.

Ключевые слова: почвы; курганы; ранний этап аланской археологической культуры; Северный Кавказ; ритуальные сосуды; погребальная пища; жиры; липолитические микроорганизмы; липазная активность.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191150-172>

Research paper

Natalia N. Kashirskaya,
Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher
Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science, Pushchino, Russia
nkashirskaya81@gmail.com

Elena V. Chernysheva,
Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher
Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science, Pushchino, Russia
e.chernyysheva@yandex.ru

Vladimir Yu. Malashev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
malashev@yandex.ru

A COMPREHENSIVE APPROACH TO IDENTIFICATION OF FATTY FOODS IN VESSELS FROM THE BURIALS OF THE EARLY STAGE OF ALANIAN CULTURE IN THE NORTH CAUCASUS

Abstract. The number of lipolytic microorganisms and lipase activity in soils can increase significantly in case of soil enrichment with fat. To identify the initial presence of fats in the composition of ritual food, an assessment of the number of lipolytic bacteria and the determination of lipase activity in soils from 60 vessels from the burials of the North Caucasus of the III-IV centuries AD (the early stage of the Alanian culture) was carried out. We found that in 85% of all vessels, the number of lipolytic bacteria in the bottom layer did not exceed the control level and was 4-20 times lower than in the control modern chernozem soil. In 15% of the vessel samples, where the number of lipolytic bacteria was an order of magnitude higher, extremely high values of palmitate-lipase activity C-16 and stearate-lipase activity C-18 were also detected. In 85% of all vessels, the microbial trace was practically not preserved, but an enzymatic trace remained. The cluster with the highest probability of animal fat content was 22% of all vessels and was characterized by the predominant activity of stearate lipase C-18. Two clusters with a high probability of presence of dairy and/or grain products accounted for 26% of all samples. The soil from the bottom of these vessels was characterized by the predominant activity of dodecanoate-lipase C-12. In 15% of ritual vessels with low numbers of lipolytics and lipase activity, the probability of isolation of lactic acid bacteria and yeast associated with food fermentation was shown. Only in 22% of the samples, all indicators were below the background level, which made it possible to identify ritual vessels as empty or containing water. Thus, products with a high fat content were often used in the funeral rite of the Alanian culture. At the level of the trend, it can be noted that especially fatty food was contained in vessels from children's and women's funerary goods, as well as in jugs installed in entrance pits and used for ritual purposes.

Keywords: kurgans; soils; early stage of the Alanian archaeological culture; North Caucasus; ritual vessels; funeral food; fats; lipolytic microorganisms; lipase activity.

Введение

Химические и микробиологические методы реконструкции жира в погребальных сосудах

Присутствие следов продуктов липидной природы в почвах и культурных слоях археологических памятников в первую очередь связано с пищей древнего населения. В ряде публикаций показана возможность с помощью аналитических методов органической химии с высокой точностью устанавливать тип пищи, которая исходно была помещена в сосуд, на основании исследования жирнокислотных профилей содержимого археологических сосудов [1]. Единственным фактором, сдерживающим массовое применение этого метода в практике археологических исследований, является сложность и высокая наукоемкость метода, а также возможность контаминации образца современными липидами при отборе, хранении и анализе. Это не позволяет выходить на уровень массовых определений и говорить о хроногеографических тенденциях изменений такого элемента погребальной обрядности, как жирсодержащая пища в сосудах. Очевидно, что сложные и дорогостоящие анализы не могут быть применены ко всей совокупности ритуальных сосудов даже в пределах одного могильника.

В этой связи возрастает роль доступных определений, позволяющих на качественном уровне выявлять присутствие тех или иных компонентов ритуальной пищи. В качестве наиболее быстрых методов, позволяющих выявлять исходное присутствие пищи, содержащей жиры, можно предложить учет липолитических микроорганизмов на твердых питательных средах и оценку липазной активности [2; 3].

Предлагаемый нами комплексный подход для реконструкции жирсодержащей пищи в погребальных сосудах лишен существенных ограничений, которые необходимо строго соблюдать, применяя для химического определения жирных кислот методы газовой хроматографии и масс-спектрометрии. При идентификации жиров с помощью этих методов, ни в коем случае нельзя допускать вероятность загрязнения образцов современными жирами и жироподобными соединениями. В процессе отбора образцов, источником контаминации могут быть естественные соединения липидной природы на руках человека, индивидуальные косметические средства, а также полиэтиленовые пакеты, которые могут использоваться для транспортировки и хранения образцов [4]. Известны случаи, когда олеамид современного происхождения был ошибочно интерпретирован как маркер оливкового масла в керамических сосудах из древних погребений [5], а присутствие эрукамида было принято, как доказательство исходного наличия злакового зерна в погребальных сосудах [6]. Кроме того, почвенно-микробиологические методы, как упоминалось нами ранее [2], позволяют раскрыть второй этап функционирования сосуда – ритуальный, тогда как жирно-кислотный анализ содержимого керамики позволяет раскрыть только первый, утилитарный, период существования сосуда, когда он использовался в качестве повседневной утвари для приготовления, хранения и транспортировки пищевых продуктов.

Ферментация жиросодержащих пищевых продуктов с помощью липаз

В молочной промышленности липазы широко используются для гидролиза молочного жира, приготовления масла, сливок и йогуртов, ускорения созревания и улучшения вкуса сыров. Воздействуя на молочный жир, липазы вырабатывают свободные жирные кислоты, что приводит к получению широкого спектра молочных продуктов с разнообразными вкусовыми характеристиками [7]. При производстве сыра, функционирование липаз приводит к образованию низкомолекулярных соединений, во многом определяющих вкусо-ароматические качества продукта, например, изо-валеральдегид, диацетил, 3-гидроксипутанон [8].

Исключительно высокое разнообразие продуктов ферментации молока в результате действия различных липаз обусловлено тем, что молочные жиры, которые могут содержать более 400 различных жирных кислот, относятся к наиболее сложным из всех жиров естественного происхождения [9]. В зависимости от высвобождаемых жирных кислот, гидролиз молочного жира может приводить к желательному (или нежелательному) качеству продукта ферментации. Короткоцепочечные жирные кислоты придают сыру сильный, пряный вкус; среднецепочечные играют большую роль в формировании мыльного аромата, а длинноцепочечные жирные кислоты вносят незначительный вклад в аромат [10; 11]. При переработке мясных и рыбных продуктов, липазы используются для придания вкуса и снижения жирности. Эти ферменты входят в состав мяса, рыбы, яиц, молока, злаков [7]. Кроме того, липазы применяются для улучшения качества продуктов хлебопекарной и пивоваренной промышленности, путем высвобождения короткоцепочечных жирных кислот при гидролизе жиров, входящих в состав злаков [7].

Особенности каталитического действия липаз

Липазы и эстеразы катализируют как гидролиз, так и синтез сложноэфирных связей [12]. Они могут участвовать в преобразовании широкого спектра субстратов, таких как триацилглицериды, сложные эфиры жирных кислот, липиды, синтетические и натуральные масла. Эти ферменты могут катализировать реакции на границе раздела органического растворителя и воды, или в растворителе без водной фазы, что делает их универсальным инструментом для масложировой, молочной, фармацевтической, хлебопекарной промышленности [12].

Липазы обладают исключительной селективностью. Выделяют три вида селективности липаз: селективность к субстрату, региоселективность (существует только один путь разрыва биомолекулы) и стереоселективность (разлагают только один стереоизомер) [13; 14]. Следовательно, можно с уверенностью говорить, что длинноцепочечные липазы, а именно додеканоат-липаза, миристинат-липаза, пальмитат-липаза и стеарат-липаза, участвуют в разложении материалов, содержащие остатки додекановой, миристиновой, пальмитиновой и стеариновой кислоты соответственно. Эти жирные кислоты входят в состав триглицеридов многих растительных и животных жиров. Таким образом, высокие значения активности вышеупомянутых липаз в грунте из ритуальных сосудов будут свидетельствовать о наличии жиров в составе ритуальной пищи.

Липолитические микроорганизмы пищевой промышленности

Липазы вырабатываются многими микроорганизмами – бактериями, актиномицетами и грибами, включая дрожжи [12]. Микробные липазы привлекают наибольшее внимание пищевой промышленности, благодаря своей каталитической универсальности, специфичности, стабильности и большей доступности по сравнению с липазами животного и растительного происхождения [7; 15]. Среди липолитических бактерий известны: *Bacillus subtilis*, *Pseudomonas fragi*, *Bacillus megaterium*, *Staphylococcus aureus*, *Burkholderia cepacia*, *Pseudomonas aeruginosa*, *Pseudomonas pseudoalcaligenes* [7], *Alcaligenes* sp., *Achromobacter* sp., *Arthrobacter* sp., *Chromobacterium* sp. [12]. Среди грибов липолитические виды были изучены значительно шире: *Helvina lanuginosa*, *Rhizopus delemar*, *Eurotrium herbanorium*, *Aspergillus niger*, *Mucor circinelloi* [7], *Candida cylindracea*, *Humicola lanuginosa*, *Mucor miehei*, *Rhizopus arrhizus*, *R. delemar*, *R. japonicus*, *R. niveus*, *R. oryza* [16]. Лучшим продуцентом липазы в ряду липолитических грибов, выделенных из семян масличных растений, был признан *Lasiodiplodia theobromae* [17].

По сравнению с липазами микроскопических грибов, липазы бактериального происхождения в меньшей степени исследовались вследствие низкой специфичности к субстрату и высокой температурной чувствительности, что создает сложности при их использовании в пищевой промышленности [12]. Кроме того, грибы более выгодны для промышленного производства липаз, поскольку их липазы являются внеклеточными по своей природе.

Среди актиномицетов также известны представители с высокой липазной активностью, например, *Streptomyces* sp., [18] или *Thermoactinomyces vulgaris*, чьи культуры используются в компостировании органических отходов с высоким содержанием жиров [19]. Известно, что в пищевых жирах, особенно в сливочном масле, актиномицеты содержатся в изобилии [18]. Хотя представители этой группы способны к олиготрофному типу питания [20; 21], они предпочитают богатые органическим веществом питательные среды, где развиваются активнее и проявляют способность к пигментации [20].

Липолитические микроорганизмы в почвах и их сохранность на протяжении длительных периодов времени

Хотя липолитические микроорганизмы достаточно широко распространены в естественных местообитаниях, в незагрязненной жирами сельскохозяйственной почве лишь небольшой процент бактерий, выявленных с использованием селективных сред на основе ТВИН 80, был зарегистрирован на фоне более высокой численности актиномицетов и грибов [22]. При этом в экспериментальных образцах почвы, обогащенных различными видами растительного масла, большинство микроорганизмов относилось к бактериальным видам, а среди грибов был обнаружен только *Candida parapsilosis* [23]. В другой работе по исследованию почвы, загрязненной отходами производства растительного масла, соотношение бактериальных и

грибных штаммов составляло 38:14 [24]. Таким образом, повышенная численность липолитических бактерий в почве, по-видимому, может указывать на внесение липидного субстрата антропогенного происхождения. Однако актиномицеты и грибы также необходимо принимать во внимание, поскольку эти микроорганизмы в изобилии входят в состав пищевых продуктов, содержащих жиры [17; 18].

В условиях погребения микробные сообщества сохраняются в течение неопределенно долгого времени, за счет перехода клеток в покоящееся состояние [25]. При этом значительную долю в погребенных почвах составляют достаточно устойчивые группы микроорганизмов, связанные с деятельностью человека [26].

Мы полагаем, что липолитические бактерии, актиномицеты и грибы, средой обитания которых являются жиросодержащие пищевые продукты, способны сохраняться в почве, в условиях длительного погребения. Кроме того, смешивание пищевого продукта с почвой в процессе заполнения сосуда, может стимулировать развитие липолитического микробного комплекса почвы, вырабатывающего липазы для утилизации жиросодержащих органических субстратов [27]. Таким образом, высокие значения численности липолитических микроорганизмов и активности липаз, преобразующих длинноцепочечные жирные кислоты, позволят нам отделить сосуды с исходным присутствием пищи, содержащей жиры, от пустых или содержащих низкокалорийные пищевые продукты сосудов. Этот комплексный биохимический подход для реконструкции исходного присутствия жиросодержащих продуктов в различных археологических контекстах, уже был опробован и подтвердил свою эффективность в модельном эксперименте [3].

Целью данной работы было выделение группы ритуальных сосудов с исходным присутствием жиров, с помощью комплекса методов микробиологии и энзимологии.

Объекты исследования

Для выявления исходного присутствия пищевых продуктов жировой природы исследовались образцы грунта со дна 60 ритуальных сосудов раннего этапа аланской культуры (III–IV вв.). Были исследованы 29 сосудов из погребений курганного могильника Братские 1-е курганы (Надтеречный район Чеченской Республики) и 31 сосуд из курганного могильника Октябрьский I (Моздокский район РСО-Алания). Охранно-спасательные исследования курганных могильников в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок-Грозный» проводили ООО НПЦ «ДАРС» и Институт археологии РАН, совместно с Институтом гуманитарных исследований АН ЧР [28; 29].

Насыпи почти всех курганов были уничтожены распашкой. Большинство погребений совершено в Т-образных катакомбах (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы), диагностических для аланской культуры. Ориентировка погребенных в катакомбах – в южном секторе. Особенностью группы памятников Среднего Терека является широтная ориентировка входных ям, что отличает их от некрополей городищ равнинно-предгорной полосы, где доминирует меридиональная ориентировка [30; 31].

Большая часть аланских керамических сосудов имеют характерные признаки. Отдельные, наиболее показательные формы, представлены далее.

Миски с загнутым внутрь бортиком являются наиболее распространенной формой посуды в погребальных комплексах аланской культуры со второй половины II по первую половину V в. н.э. Кувшинчики с ручкой, расположенной на плечиках или в месте максимального расширения тулова, со схематизированным зооморфным оформлением верхнего прилепа в виде высокого выступа, представлены двумя вариантами – узкие высокие формы первой половины III – начала IV в. н.э. и низкие, более широкодонные – IV в. н.э. Низкие кружки с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику и возвышающейся над его плоскостью, характерны для более поздних захоронений (IV – первой половины V в. н.э.). Такие кружки орнаментированы по тулову широкими неглубокими вертикальными каннелюрами и имеют зооморфное оформление верхнего прилепа ручки [32].

Образцы грунта отбирались из верхнего слоя заполнения внутри сосуда, толщиной не более 1-2 см, и придонного слоя заполнения аналогичной толщины. Масса образцов, в зависимости от диаметра дна сосуда, варьировала от 5 до 100 г. Средняя часть заполнения, как правило, не используется в массовых анализах, поэтому в каждом из сосудов рассматриваемой большой выборки исследовались не более двух слоев. Пробы отбирались археологами в полевых условиях, с соблюдением стерильности при отборе. В лабораторию они были доставлены в пластиковых пакетах и хранились при комнатной температуре.

Контрольный образец грунта отбирался из верхней части каждого сосуда, поскольку уровень исходной численности липолитических бактерий в заполнявших сосуды грунтах, а также условия, от которых зависит сохранность микроорганизмов на протяжении длительного времени, в отдельных захоронениях могли существенно различаться. В верхней части сосуда, при прочих равных условиях, предполагается минимальное влияние исходного содержимого на микробное сообщество почвы, по сравнению с придонной частью, где наличие пищевого субстрата может привести к значительному росту численности микроорганизмов, ответственных за его разложение [33].

Методы исследования

Для учета липолитических бактерий в почвенных образцах из придонных и верхних слоев погребальных сосудов, а также в образцах модельного эксперимента, взятых для анализа спустя 14 месяцев после начала инкубации, использовалась твердая питательная среда следующего состава (г/л): твин-80 – 10, мясной пептон – 10, хлорид натрия – 5, хлорид кальция – 0.01, агар – 20. Питательная среда и растворы для разведения почвы стерилизовались в автоклаве при 121 °C в течение 30 минут. После стерилизации среда разливалась в чашки Петри, с толщиной слоя 3-5 мм.

Для получения первого десятикратного разведения, навески почвы 1 г. помещали в стерильные пластиковые флаконы и заливали 10 мл 0.5% раствора пирофосфата натрия, используемого для разрушения почвенных микроагрегатов. Почвенную суспензию гомогенизировали ультразвуком, используя дезинтегратор «Qsonica» CL-188, при 0.33 полной мощности прибора, в течение 15 с. Для получения второго разведения

1 мл суспензии первого разведения вносили в пробирку с 9 мл стерильной водопроводной воды. Каплю суспензии 50 мкл из второго разведения наносили на поверхность питательной среды в чашке Петри и растирали шпателем до полного впитывания.

Счет КОЕ (колониеобразующих единиц) липолитических бактерий проводили спустя 4-6 дней инкубации в термостате при 26 °С, после формирования полноценных колоний с ореолами из кальциевых солей жирных кислот в виде поверхностных пленок и/или пузырьков в толще агара. Численность КОЕ липолитических бактерий (тыс. / г почвы) определяли по формуле: $N = a \times 20 \times 100 / 1000$, где a – число колоний липолитических бактерий на поверхности среды, 20 – число капель по 50 мкл в 1 мл почвенной суспензии, 100 – второе разведение почвенной суспензии.

Эксперименты проводились в трех повторностях. Статистическую обработку данных проводили с помощью построения box plot диаграмм [34] и кластеризованных тепловых карт [35].

Полученные данные сравнивали с результатами модельного эксперимента, который проходит в лаборатории археологического почвоведения ИФХиБПП РАН с 2020 г. В образцы черноземной пахотной почвы, отобранные из верхнего слоя 0-25 см, массой 1 кг, вносили следующие субстраты: оливковое масло, сливочное масло, говяжий жир, бараний жир. Количество вносимого субстрата было уравновешено по содержанию стеариновой кислоты [3]. Стерилизация субстратов не проводилась, поскольку целью модельного эксперимента была оценка общего увеличения численности липолитических бактерий в черноземной почве – как за счет групп, характерных для самой почвы, так и за счет микрофлоры, характерной для того или иного жирового субстрата. Перед внесением в почву сливочное масло, бараний и говяжий жир были гомогенизированы путем плавления на водяной бане. Оливковое масло вносили без предварительной обработки. В контрольный образец вносили только воду. После тщательного перемешивания образцы в полиэтиленовых боксах инкубировали в термостате при 25 °С, контролируя влажность.

Липазную активность определяли микропланшетным методом с использованием процедуры гетеромолекулярного обмена [36; 37]. В работе проведено исследование шести липаз, гидролизующих субстраты с различной длиной углеродной цепи: бутират-эстераза C4 (субстрат 4-нитрофенил бутират), октаноат-липаза C8 (субстрат 4-нитрофенил октаноат), додеканоат-липаза C12 (субстрат 4-нитрофенил додеканоат), миристан-липаза C14 (субстрат 4-нитрофенил миристан), пальмитат-липаза C16 (субстрат 4-нитрофенил пальмитат) и стеарат-липаза C18 (субстрат 4-нитрофенил стеарат). Исходя из классификации, ферменты, разрушающие субстраты, состоящие из низших жирных кислот (меньше шести атомов углерода) относятся к эстеразам, тогда как к «истинным» липазам (специфические виды эстераз) относятся ферменты, гидролизующие водно-нерастворимые субстраты, такие как триглицериды (жиры), состоящие из длинноцепочечных высших жирных кислот [13].

Результаты и обсуждение

На рисунке 1 представлены результаты изменения численности липолитических микроорганизмов при внесении в почву жиров в условиях модельного эксперимента.

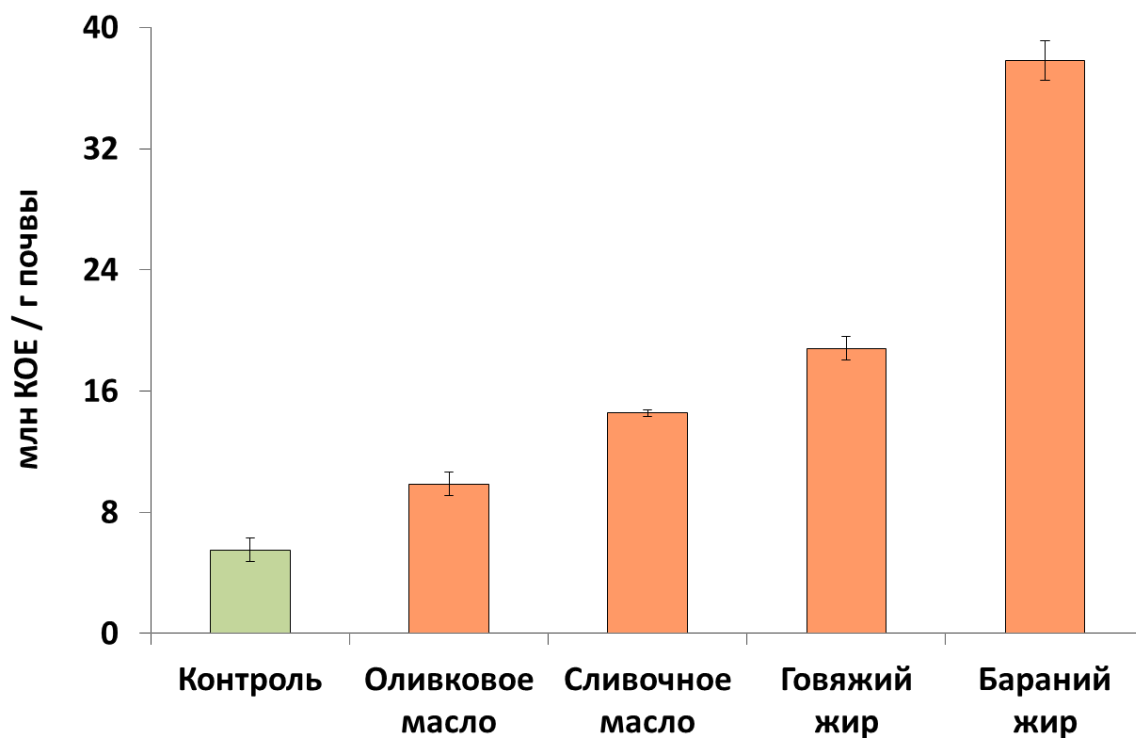

Рис. 1. Численность липолитических микроорганизмов, растущих на твердой питательной среде с Твин-80, в образцах чернозема, инкубированного при комнатной температуре в течение 1 года, после внесения жиров растительного и животного происхождения

Fig. 1. The number of lipolytic microorganisms growing on a solid nutrient medium with Tween-80 in samples of Chernozem soil incubated at room temperature for 1 year after the adding of vegetable and animal fats

Численность липолитических микроорганизмов возрастала в ряду «оливковое масло» – «сливочное масло» – «говяжий жир» – «бараний жир». В варианте с бараньим жиром количество колониеобразующих единиц (КОЕ) достигало 40 млн /г почвы, что в семь раз превышало показатели контрольного варианта. Эти данные подтверждают, что в случае с присутствием бараньего жира в сосудах (как наиболее вероятного источника липидов в диете средневекового населения), мы можем ожидать достоверного возрастания численности колоний липолитиков.

Результаты микробиологических посевов грунта из сосудов позволили выявить следующие закономерности. В 51 образце грунта из ритуальных сосудов раннеаланского времени (рис. 2 А) численность липолитических микроорганизмов в придонном слое заполнения варьировала 0.003 до 1.35 млн. КОЕ / г почвы – на уровне контрольных значений, характерных для верхнего слоя заполнения. Данная группа, составляющая 85% от общего количества проанализированных нами ритуальных сосудов, характеризовалась отсутствием микробиологических следов пищи, содержащей жиры.

В 9 сосудах (рис. 2 Б), где численность липолитических бактерий в придонном слое была высока, в отдельных случаях было отмечено существенное возрастание их

численности также и в верхнем слое, по сравнению с подавляющим большинством аналогичных образцов. Это может быть связано с частичным проникновением питательного субстрата в верхнюю часть сосуда в процессе заполнения его почвой, либо в результате перемешивания грунта почвенной мезофауной. Значения численности липолитических бактерий в придонном слое сосудов из аланских погребений с предполагаемым исходным содержанием пищи достигали 7.1 млн / г почвы и, в целом, были на порядок выше, чем в контрольных образцах. По всей видимости, при наличии жиросодержащего субстрата, имеет место резкое возрастание численности микроорганизмов, ответственных за его разложение, достаточное, чтобы микробиологический след исходного присутствия жира сохранялся на протяжении сотен лет в условиях погребения.

В отличие от численности липолитических бактерий, значения которой в 85% случаев не превышали фоновый уровень, высокая липазная активность выявлялась во многих образцах придонного грунта. При этом синхронное увеличение активности всех липолитических ферментов от С-4 до С-18 показывали только некоторые образцы.

Модельный эксперимент (рисунок 3) показал, что в контрольном варианте не обогащенного жирами современного чернозема активность истинных липаз С-16 и С-18 была в 3 – 10 раз меньше активности эстераз и липолитических ферментов, предпочитающих среднюю длину жирнокислотных цепей. Обогащение этой почвы жирами животного и растительного происхождения стимулировало, прежде всего, активность истинных пальмитат и стеарат-липазы, расщепляющих жирные кислоты с длиной углеродной цепи 16 и 18.

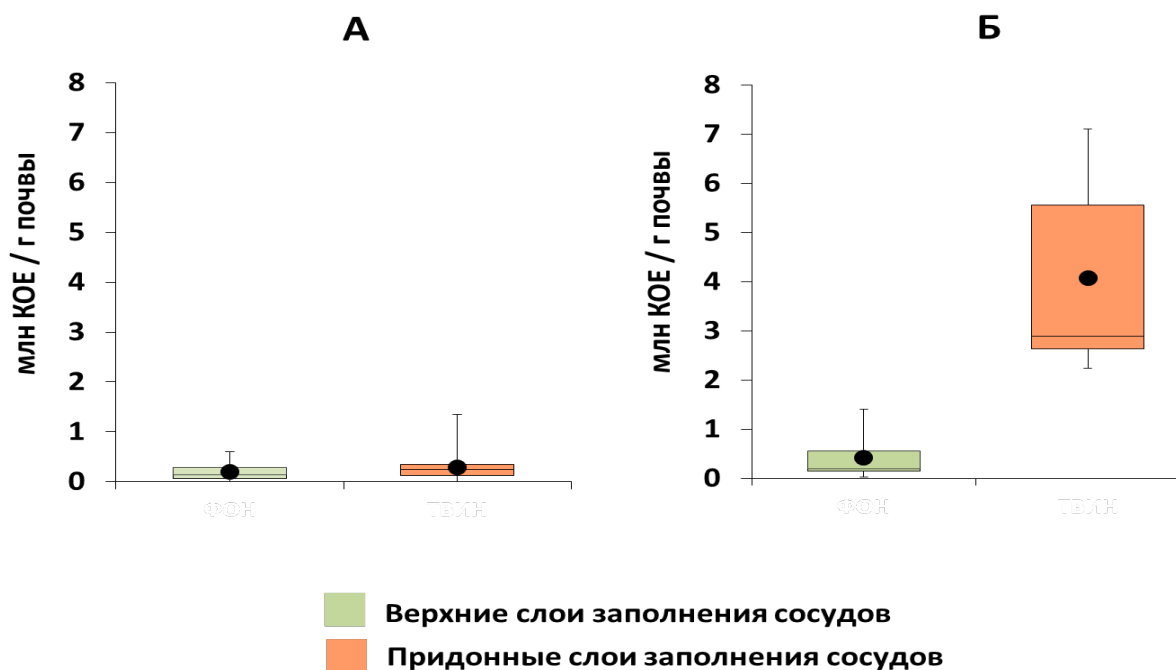

Рис. 2. Численность липолитических микроорганизмов, растущих на твердой питательной среде с Твин-80, в грунтах из 51 пустого сосуда (А) и 9 сосудов с предполагаемым присутствием пищи, содержащей жиры (Б)

Fig. 2. The number of lipolytic microorganisms growing on a solid nutrient medium with Twin-80 in soils of 51 empty vessels (A) and 9 vessels with the presumed presence of food containing fats (B)

Активность миристет-липазы С-14 и додеканоеат-липазы С-12 в варианте с растительным маслом оставалась на уровне контроля, а бутират-эстераза С-4 и октаноеат-липаза С-8, в целом, давали минимальные отклики, которые были заметны только в варианте с бараньим жиром.

Известно, что активность пальмитат и стеарат-липазы являются основными индикаторами присутствия животных жиров с высоким содержанием пальмитиновой и стеариновой кислоты. Миристет-липаза С-14 может выступать как дополнительный индикатор присутствия бараньего жира, который характеризуется повышенным содержанием миристиновой кислоты по сравнению с другими животными жирами [38]. Кроме того, энзиматические следы миристиновой кислоты могут указывать на жиросодержащий молочный продукт (сыр или сливочное масло) или редкие растительные и животные жиры: кокосовое, арахисовое и мускатное масло, рыбий жир или жир печени [39]. Додеканоеат-липаза расщепляет жирную кислоту С-12, входящую в состав молочного жира, пальмового, кокосового и лаврового масла, по названию которого она известна как лауриновая кислота. Хотя вероятность использования редких растительных жиров в погребальном обряде степных скотоводческих культур достаточно низкая, однако продукты переработки молока, особенно сыры, теоретически, должны быть представлены не в меньшей степени, чем варианты с жирами животных.

Липолитический фермент	C4	C8	C12	C14	C16	C18
Контрольный уровень (нмоль 4-НФ/ г почвы час)	44	69	59	88	15	8
Увеличение относительно контрольного уровня (разы)						
Сливочное масло	1	1	2	2	5	6
Говяжий жир	1	1	5	5	15	14
Бараний жир	2	2	5	6	14	14
Оливковое масло	1	1	1	1	3	6

Рис. 3. Активность липолитических ферментов в модельном эксперименте

Fig. 3. Activity of lipolytic enzymes in a model experiment

Об этом свидетельствовали нередкие случаи обнаружения молочнокислых бактерий в грунте со дна сосудов рассматриваемой нами выборки. Однако поиск энзиматических следов молочного жира, к числу которых можно отнести и октаноеат-липазу (С-8), усложняется в связи с тем, что липолитические ферменты, способные к расщеплению жирнокислотных цепей средней длины, в большинстве случаев проявляют более широкую субстратную специфичность, занимая промежуточное положение между эстеразами и истинными липазами [40]. Некоторые из них относят к эстеразам, если они способны проявлять активность по отношению к коротким жирнокислотным последовательностям. Поэтому не исключено, что повышенная активность октаноеат-липазы С-8 будет связана с ростом концентрации масляной кислоты С-4, которая всегда образуется при порче пищевых продуктов, содержащих жиры, и может расщепляться не только бутират-эстеразой С-4, но и другими эстеразами,

способными к преобразованию различных жирнокислотных цепей, в ограниченном диапазоне их длины. В целом, по результатам модельного эксперимента можно сделать вывод, что для реконструкции содержимого погребальных сосудов наибольший интерес представляют липолитические ферменты с предпочитаемой длиной субстрата более 12 атомов углерода.

На рисунке 4 представлена липазная активность в грунтах со дна аланских погребальных сосудов, в сопоставлении с данными модельного эксперимента, полученными для контрольного варианта современного чернозема, не обогащенного жирами. Липазная активность варьировала от 0 до 100 нмоль 4-НФ / г почвы час. Для истинных липаз С-16 и С-18 было выявлено много низких значений – до 25%, а также экстремально высоких значений – до 15% в пределах выборки, что косвенно свидетельствует о низком фоновом уровне этих ферментов в почве, а также о прямой взаимосвязи их выработки микроорганизмами с поступлением в почву жиросодержащих субстратов. Особенно хорошо проявляется эта закономерность при сопоставлении уровня липазной активности в грунте со дна сосудов и контрольного уровня из модельного эксперимента. Для короткоцепочечных липаз С-4 и С-8 было выявлено близкое соответствие максимальных величин активности с контрольными значениями, без достоверных различий. Для липаз С-12 и С-14 сохранялась высокая степень корреляции максимальных величин с уровнем контроля. И только для истинных липаз 25 и 50% выборки располагались выше контрольного уровня, что свидетельствует об исключительной способности этих ферментов сохраняться в погребальном грунте на протяжении веков, особенно если принять во внимание, что биологическая активность контрольной современной почвы значительно выше, чем в грунтах из погребений.

Активность стеарат-липазы С-18 заметно отличалась от всех остальных случаев. Даже без учета выбросов, ее распределение не было равномерным: средняя величина сдвигалась к максимуму, а значение медианы соответствовало контрольному значению модельного эксперимента. Среди остальных липолитических ферментов, уровень медианы снижался по мере роста углеродной цепи, хотя максимальное значение этого показателя было отмечено для октаноат-липазы С-8. Снижение медианных величин активности липолитических ферментов по мере роста углеродной цепи было плавным, если сравнить его с резким падением контрольных значений в модельном эксперименте. Это может свидетельствовать о сбалансированном фоновом уровне активности липолитических ферментов в грунте на дне сосудов, в отличие от современной почвы с высокой активностью эстераз.

Сопоставление численности липолитических микроорганизмов и активности липолитических ферментов выявило не более 15% сосудов различного типа и происхождения с синхронным увеличением этих показателей. В остальных случаях, когда значения численности липолитиков были низкими, а активность одного или нескольких липолитических ферментов – высокой, наблюдалось разделение всех вариантов на две разнородные группы, одна из которых включала большую часть сосудов из курганного могильника Октябрьский I, а вторая – из Братских 1-х курганов. Такая картина свидетельствует, как мы полагаем, о влиянии условий внутри погребения на общий фон липазной активности, в пределах каждого могильника. При этом никак

не проявляло себя влияние условий погребения на фоновую численность липолитических микроорганизмов. Среднее значение этого показателя в верхних слоях заполнения сосудов из могильника Братские 1-е курганы достоверно не отличалось от аналогичной величины в образцах из могильника Октябрьский I. Не различался средний уровень обилия липолитиков также и в придонных слоях, поскольку выборка оказалась сбалансированной, и доля сосудов с пищей среди пустых сосудов была сходной в обоих могильниках. Такую же закономерность, на уровне могильников, проявляла активность липаз С-12 и С-14. Однако средний уровень бутират-эстеразы С-4, октаноат-липазы С-8 и истинных липаз С-16 и С-18 в сосудах из могильника Братские 1-е курганы был в 2 раза выше, чем в сосудах из могильника Октябрьский I. Как показано на рисунке 4, число экстремально высоких значений липазной активности в грунте со дна сосудов курганного могильника Братские 1-е курганы было в 8 раз выше, по сравнению с могильником Октябрьский I. Максимумы активности всех липолитических ферментов принадлежали сосудам из могильника Братские 1-е курганы. Половина всей выборки выше медианы для вариантов С-4, С-8, С-16 и С-18 также принадлежала преимущественно образцам из этого могильника.

Предполагая наличие фоновых показателей липазной активности в грунте со дна погребальных сосудов, мы, в качестве допущения, рассматривали их как медианные значения активности для каждого из липолитических ферментов. Для проведения итоговой кластеризации, фоновые значения численности липолитиков и активности липаз С-12, С-14, С-16 и С-18, рассчитанные отдельно для групп Братские 1-е курганы и Октябрьский I, вычитались из абсолютных величин всех показателей, при этом отрицательные значения рассматривались как нулевые. Оставшиеся максимумы принимались за 100%, после чего были рассчитаны относительные величины, чтобы избежать искажений вследствие значительных различий в единицах измерения численности липолитических микроорганизмов и липазной активности.

На последнем этапе расчетов, относительные значения численности липолитических бактерий были умножены на коэффициент 2.5. Этот коэффициент был установлен в ходе кластеризации путем подбора, таким образом, чтобы численность микроорганизмов и активность ферментов – показатели, полученные двумя различными методами – были разделены на первом этапе кластеризации. При этом общее число кластеров снижалось, а их размер увеличивался, что позволяло проводить более обобщенный обзор полученных данных. Такой подход не повлиял на соотношение показателей, полученных с помощью одного метода, и в некоторой мере позволил учесть фактор низкой сохранности микроорганизмов в погребениях.

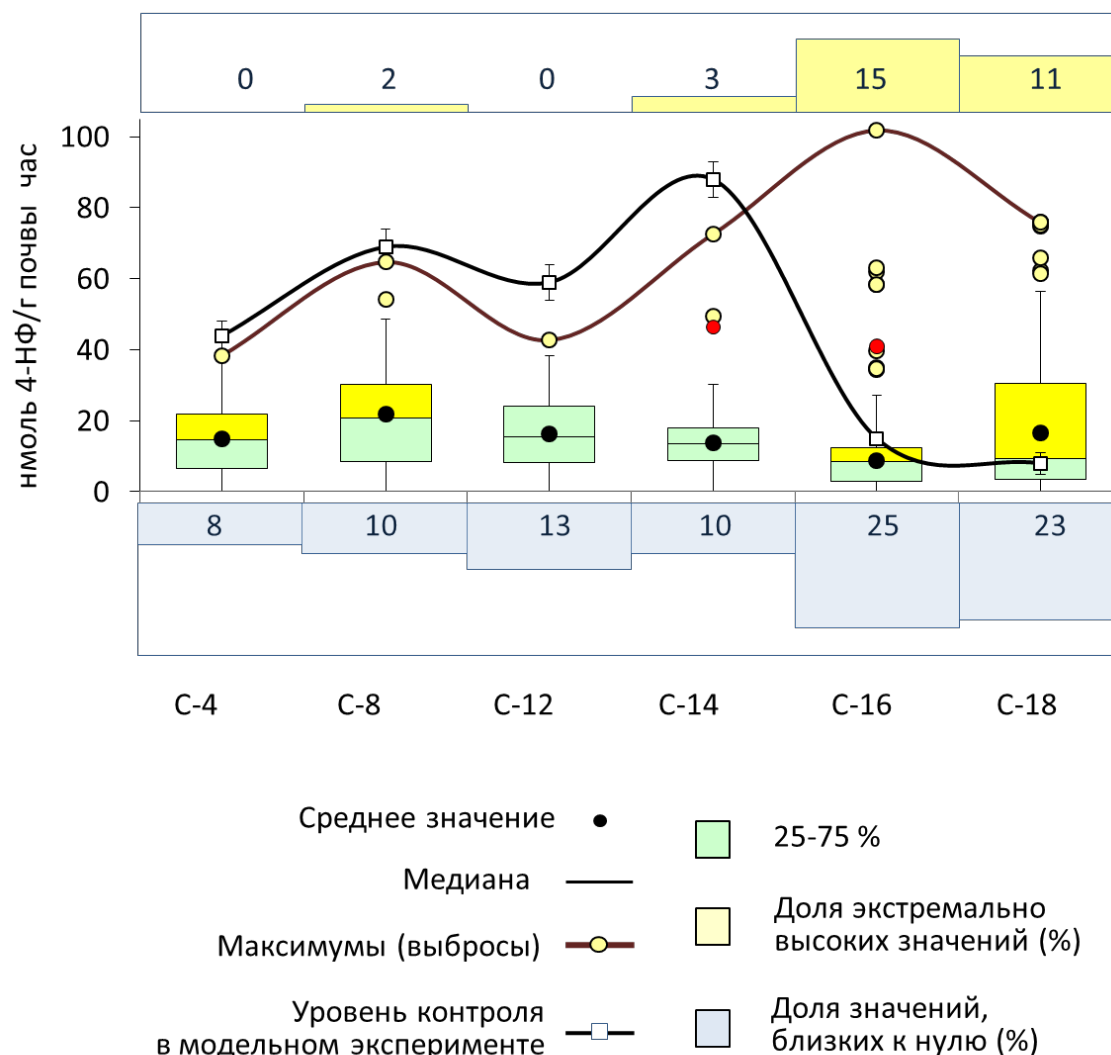

Рис. 4. Активность липолитических ферментов в нижних слоях заполнения погребальных сосудов аланской культуры. Желтым цветом отмечена часть выборки, преимущественно включающая образцы из курганного могильника Братские 1-е курганы, красными точками – отдельные образцы из курганного могильника Октябрьский I.

В подписях к рисунку указано: число атомов углерода – липолитический фермент – жирная кислота с наиболее высоким сродством к ферменту (общепотребительное название жирной кислоты)

C-4 – бутират-эстераза – бутановая (масляная), C-8 – октаноат-липаза – октановая (каприловая), C-12 – додеканоат-липаза – додекановая (лауриновая), C-14 – мирилат-липаза – тетрадекановая (миристиновая), C-16 – пальмитат-липаза – гексадекановая (пальмитиновая), C-18 – стеарат-липаза – октадекановая (стеариновая)

Fig. 4. The activity of lipolytic enzymes in the lower layers of the filling from the burial vessels of the Alan culture. Yellow color marks the part of the sample, mainly including samples from the burial mound Bratskie 1-e kurgani, red points mark individual samples from the burial mound Oktyabr'skij I.

The captions to the figure indicate: the number of carbon atoms – lipolytic enzyme – fatty acid with the highest affinity for the enzyme (commonly used name of fatty acid).

C-4 – butyrate-esterase – butane (oil), C-8 – octanoate-lipase – octane (caprylic), C-12 dodecanoate-lipase dodecane (lauric), C-14 – myristate-lipase – tetradecane (myristic), C-16 – palmitate-lipase – hexadecane (palmitic), C-18 – stearate-lipase – octadecane (stearic)

Итоговая кластеризованная тепловая карта представлена на рисунке 4. Отдельной группой были выделены сосуды с наибольшими значениями численности липолитических бактерий и липазной активности C-18. Это были две кружки, одна из которых была найдена в детском погребении 814 курганного могильника

Октябрьский I, а вторая входила в состав женского погребального инвентаря из кургана 1452 могильника Братские 1-е курганы, (рис. 5, № 1, 2). В грунте со дна этой кружки были отмечены максимальные значения активности липаз С-14 и С-16, а также максимальная скорость роста выделенной из почвы смешанной культуры молочнокислых бактерий и дрожжей.

Следующая группа (рис. 5, № 3-7) включала 5 сосудов различного типа из погребений обоих курганных могильников. В пределах могильника Октябрьский I это были кувшин из кургана 837, а также кувшинчик и миска из кургана 14. Грунт на дне этих сосудов отличался, по сравнению с предыдущей группой, заметным снижением интенсивности всех липидных маркеров, особенно – в миске, где активность липазы С-14 и С-16 практически не отличалась от фонового уровня. Существенное увеличение активности всех липолитических ферментов (кроме активности липазы С-12, не превышавшей уровень фона в пределах рассматриваемого кластера) было отмечено в грунте со дна кувшина из кургана 1452 могильника Братские 1-е курганы. Кувшин стоял во входной яме и использовался в ритуальных целях. Здесь был выявлен активный рост чистой культуры молочнокислых бактерий и их высокая способность к сбраживанию сахаров. Замыкающая кластер миска из кургана 1355 могильника Братские 1-е курганы отличалась синхронным увеличением численности липолитических бактерий и активности пальмитат-липазы С-16. В целом, рассматриваемый кластер погребальных сосудов с пищей составлял 12% выборки. Выделение молочнокислых бактерий из некоторых сосудов, на фоне высокой активности липаз и численности липолитических бактерий, свидетельствует о продуктах ферментации молока с высоким содержанием жира.

Следующий крупный кластер, охватывающий несколько групп, включающих преимущественно сосуды из погребений курганного могильника Братские 1-е курганы, характеризовался высокой активностью стеарат-липазы С-18, при исчезающе малых значениях численности липолитических бактерий. В первой группе (рис. 5, № 8-10) сохранялась активность пальмитат-липазы С-16, и, в отдельных случаях, проявлялась активность липаз С-14 и С-12. В эту группу входили кувшин из кургана 1469, горшок из кургана 1457 и кружка из кургана 1383. В следующей группе, включающей кувшинчик и миску из курганов 1374 и 1373, обнаруживался слабый микробный след (рис. 5, № 11, 12). В трех подгруппах, расположенных ниже, последовательно проявлялась активность липаз С-14, С-16 и С-12 (рис. 5, № 13-20).

Высокие значения численности липолитических бактерий и липазной активности С-16, при снижении активности липазы С-18 до фонового уровня, были выявлены в отдельной группе, включающей кувшин, стоявший во входной яме и используемый для ритуальных целей, из кургана 1443 (рис. 5, № 21) и кружку из мужского погребального инвентаря в кургане 1425 (рис. 5, № 22).

Следующий кластер, где энзиматический след преимущественно был представлен активностью додеканоат-липазы С-12, включал 8 сосудов (рис. 5, № 23-30). Эта группа включала кувшинчики, кувшины и кружки – по одному экземпляру от каждого могильника, а также миску из кургана 1395 могильника Братские 1-е курганы (рис. 5, № 30) и корчагу, входящую в состав женского погребального инвентаря из кургана 815 курганного могильника Октябрьский I (рис. 5, № 29). В грунте из корчаги все показатели снижались до фонового уровня, кроме активности додеканоат-липазы С-12, которую можно рассматривать как показатель присутствия молочного жира. С другой стороны, из грунта на дне корчаги без активации высевались амилолитические бактерии, потребляющие крахмал, а интенсивность роста выделенных отсюда

молочнокислых бактерий была низкой, по сравнению с сосудами, рассмотренными выше. Это может свидетельствовать о том, что в корчаге находился зерновой продукт, стимулировавший в почве развитие микроорганизмов, использующих крахмал в качестве источника питания. В целом, биологическая активность в грунте из этого сосуда была на порядок ниже, чем в рассмотренных выше вариантах с синхронным увеличением численности липолитиков и истинных липаз. Сохранность амилолитических и молочнокислых бактерий здесь может свидетельствовать о наличии растительной пищи или алкогольного продукта, изготовленного на основе зерна. Это предположение можно отнести ко всем сосудам кластера, поскольку их типы – кувшины, кувшинчики и кружки – не исключают возможность содержания пива. Характерно, что миска из кургана 1395 могильника Братские 1-е курганы была помещена в отдельную подгруппу (рис. 5, № 30), поскольку, наряду с активностью липазы С-12, здесь повышалась активность липаз С-14 и С-16, свидетельствуя о наличии жиров животного происхождения.

В корчаге, найденной в кургане 784 (рис. 5, № 31) а также в кувшинчике из мужского погребального инвентаря в кургане 802 могильника Октябрьский I (рис. 5, № 32) выявлялось слабое увеличение активности миристан-липазы С-14. Из грунта со дна кувшинчика были выделены молочнокислые бактерии, тогда как амилолитические микроорганизмы здесь не были обнаружены.

Следующие тринадцать сосудов, с показателями на уровне или ниже уровня фона (рис. 5, № 33-45), составляющие 22% выборки, были пустыми или содержали воду. В этот кластер входили четыре кувшина и четыре кувшинчика из погребений курганного могильника Октябрьский I, а также кувшин, кувшинчик и три кружки из погребений курганного могильника Братские 1-е курганы.

Оставшиеся сосуды составляли три кластера, первый из которых характеризовался низкими микробиологическими и энзиматическими показателями (рис. 5, № 46-52). В этой группе выделялся кувшин из мужского погребального инвентаря в кургане 1452 курганного могильника Братские 1-е курганы (рис. 5, № 52). В грунте со дна этого кувшина синхронно увеличивались значения активности липаз С-18 и С-16, тогда как остальные липазы активности не проявляли. Активность бутират-эстеразы С-4 и октаноат-липазы С-8, не представленные на данной карте, здесь также не превышали фонового уровня, что представляло достаточно редкий случай для сосудов с высокой активностью истинных липаз. Рассматриваемый кувшин был найден в парном погребении. Кружка в составе женского инвентаря этого погребения, а также кувшин, стоявший во входной яме и используемый в ритуальных целях, общий для всего погребального комплекса, отличались максимальными значениями липазной активности С-14 и С-16, занимая вторую и шестую позиции тепловой карты. Однако и мужской кувшин не был пустым, поскольку из грунта с его дна удалось выделить смешанные культуры молочнокислых бактерий и дрожжей, сохранившихся в почве и проявивших достаточно высокую активность роста, хотя и меньшую, чем в кружке и кувшине. Все эти культуры оказались способны к сбраживанию сахаров. Мы полагаем, что отсутствие заметных признаков жира в кувшине из того же самого погребения, где другие два сосуда характеризовались экстремальным уровнем большинства показателей, может свидетельствовать об использовании алкогольного напитка, например, пива. Вероятно, семья из кургана 1452 курганного могильника Братские 1-е курганы, имела достаточно высокий общественный статус, что отражается в размерах ровика и погребального сооружения, а также в характере инвентаря.

Следующая группа погребальных сосудов отличалась максимальными величинами активности додеканоат-липазы С-12 на фоне низкой активности миристан-липазы С-14 и С-16 (рис. 5, № 53-55), что свидетельствует о большой вероятности исходного присутствия молочного жира. Однако в кружке 1474 (рис. 5, № 55), близкой по показателям к корчаге из кургана 815 курганного могильника Октябрьский I (рис. 5, № 29) не исключено присутствие зернового продукта.

В сосудах последней группы, с синхронным увеличением активности липаз С-12 и С-18 (рис. 5, № 56-60), скорее всего, присутствовали животные жиры. В этих группах практически все ритуальные сосуды – кувшины, кувшинчики и кружки – предполагают использование, как мясного бульона, так и молока.

Таким образом, из 60 сосудов раннего этапа аланской культуры, 38 (63.3% выборки) содержали высококалорийные продукты питания. Среди них было выявлено 9 сосудов с синхронным увеличением численности липолитических микроорганизмов и липазной активности (15% выборки) и 13 сосудов с преобладающей активностью липазы С-18, как показателя наличия животных жиров (22% выборки).

Два кластера ритуальных сосудов, где предполагается присутствие молочного жира и /или зернового растительного продукта, включали 16 сосудов и составляли 26%. Они характеризовались преобладающей активностью додеканоат-липазы С-12. По типу сосудов, молочная каша могла присутствовать в мисках из кургана 1395 курганного могильника Братские 1-е курганы (рис. 5, № 30) и кургана 817 могильника Октябрьский I (рис. 5, № 60). В корчаге из кургана 815 могло содержаться пиво.

В 9 сосудах, составляющих 15% выборки и характеризующихся низкими, но превышающими уровень контроля величинами численности липолитических бактерий и липазной активности, остается вероятность выделения молочнокислых бактерий и дрожжей, связанных с ферментацией молока и алкогольных напитков. К настоящему времени, это установлено для сосудов из мужского погребального инвентаря – кувшина из кургана 1452 курганного могильника Братские 1-е курганы и кувшинчика из кургана 802 могильника Октябрьский I.

Доля сосудов, которые по данным комплексного микробиологического и энзимологического анализа оказались пустыми или содержали воду, составляла 22% и была представлена преимущественно кувшинами и кувшинчиками.

На уровне тенденции можно отметить, что наиболее жирная пища содержалась в сосудах из детского и женского погребального инвентаря, а также в кувшинах, стоявших во входных ямах и используемых в ритуальных целях.

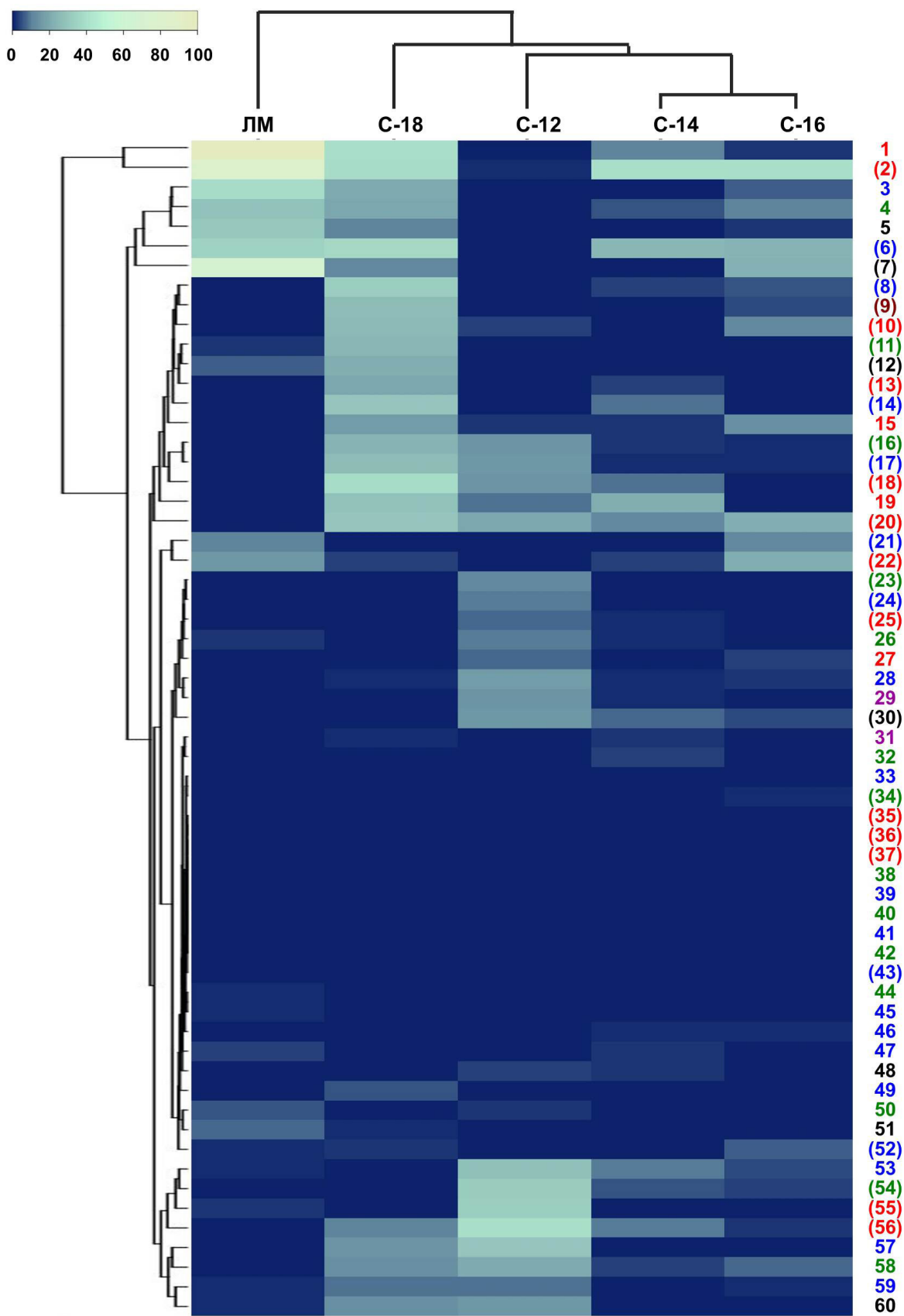

Рис. 5. Кластеризованная тепловая карта численности липолитических микроорганизмов и липазной активности в сосудах из погребений аланской культуры

ЛМ – липолитические микроорганизмы, **С-18** – стеарат-липаза, **С-12** додеканоеат-липаза, **С-14** – миристат-липаза **С-16** – пальмитат-липаза.

Миски на рисунке обозначены черным цветом, кружки – красным, кувшины – синим, кувшинчики – зеленым, корчаги – фиолетовым, горшок – коричневым. В скобках отмечены сосуды из курганного могильника Братские курганы.

В подписях к рисунку сосуды обозначены следующим образом: **№ на рисунке**, № кургана и/или погребения, тип сосуда (номер сосуда в погребении).

Могильник Октябрьский I:

1 – К. 814, кружка (1); **3** – К. 837, кувшин (2); **4** – К. 14, кувшинчик (2); **5** – К. 14, миска (8); **15** – К. 14, кружка (9); **19** – К. 810, двуручная кружка (12); **26** – К. 815, кувшинчик (2); **27** – К. 793, кружка (8); **28** – К. 828, кувшин (1); **29** – К. 815, корчага (5); **31** – К. 784, корчага (1); **32** – К. 802, кувшинчик (3); **33** – К. 849, кувшин (1); **38** – К. 768, кувшинчик (3); **39** – К. 838, П. 1, кувшин (1); **40** – К. 838, П. 1, кувшинчик (2); **41** – К. 848, кувшин (1); **42** – К. 849, кувшинчик (2); **44** – К. 842, кувшинчик (14); **45** – К. 837, П. 1 кувшин (1); **46** – К. 829, кувшин (1); **47** – К. 842, кувшин (15); **48** – К.863, миска (1); **49** – К. 826, кувшин (1); **50** – К. 861, кувшинчик (1); **51** – К. 857, миска (1); **53** – К. 831, двуручный кувшин (1); **57** – К. 832, кувшин (3); **58** – К. 805, кувшинчик (3); **59** – К. 822, кувшин (1); **60** – К. 817, миска (1).

Могильник Братские 1-е Курганы-1:

2 – К. 1452, кружка (28); **6** – К. 1452, кувшин (1); **7** – К. 1355, миска; **8** – К. 1469, кувшин (2); **9** – К. 1457, горшок (5); **10** – К. 1383, кружка (3); **11** – К. 1374, кувшинчик (1); **12** – К. 1373, миска (2); **13** – К. 1458, кружка (10); **14** – К. 12, П. 1, двуручный кувшин (1); **16** – К. 1378, кувшинчик (2); **17** – К. 1374, кувшин (3, повреждён); **18** – К. 1383, кружка (2); **20** – К. 1412, кружка (6); **21** – К. 1443, кувшин (1); **22** – К. 1425, кружка (2); **23** – К. 1389, кувшинчик (1); **24** – К. 1402, кувшин (4); **25** – К. 1401, кружка (1); **30** – К. 1395, миска (2); **34** – К. 1373, кувшинчик (1); **35** – К. 60, кружка (2); **36** – К. 1432, кружка (6); **37** – К. 1371, кружка (1); **43** – К. 1413, кувшин (1); **52** – К. 1452, кувшин (25); **54** – К. 60, кувшинчик (1); **55** – К. 1474, кружка (1); **56** – К. 1456, кружка (2).

Fig. 5. Clustered heat map of the number of lipolytic microorganisms and lipase activity in vessels from burials of the Alanian culture.

ЛМ – lipolytic microorganisms, **С-18** – stearate-lipase, **С-12** dodecanoate-lipase,

С-14 – myristate-lipase, **С-16** – palmitate-lipase.

The bowls in the drawing are indicated in black, the mugs are red, the jugs are blue, the small jugs are green, the korchags are violet, the pot is brown. Vessels from the Kurgan cemetery Bratskie 1-e kurgani are marked in parentheses.

In the captions to the drawing, the vessels are indicated as follows: **No. in the figure**, No. of the kurgan, type of vessel (number of vessel in the burial).

Kurgan cemetery Oktyabr'skij I

1 – К. 814, mug (1); **3** – К. 837, small jug (2); **4** – К. 14, jug (2); **5** – К. 14, bowl (8); **15** – К. 14, mug (9); **19** – К. 810, two-handed mug (12); **26** – К. 815, small jug (2); **27** – К. 793, mug (8); **28** – К. 828, jug (1); **29** – К. 815, korchaga (5); **31** – К. 784, korchaga (1); **32** – К. 802, small jug (3); **33** – К. 849, jug (1); **38** – К. 768, small jug (3); **39** – К. 838, item 1, jug (1); **40** – К. 838, burial 1, small jug (2); **41** – К. 848, jug (1); **42** – К. 849, small jug (2); **44** – К. 842, small jug (14); **45** – К. 837, burial 1, jug (1); **46** – К. 829, jug (1); **47** – К. 842, jug (15); **48** – К.863, bowl (1); **49** – К. 826, jug (1); **50** – К. 861, small jug (1); **51** – К. 857, bowl (1); **53** – К. 831, two-handed jug (1); **57** – К. 832, jug (3); **58** – К. 805, small jug (3); **59** – К. 822, jug (1); **60** – К. 817, bowl (1).

Kurgan cemetery Bratskie 1-e kurgani

2 – К. 1452, mug (28); **6** – К. 1452, jug (1); **7** – К. 1355, bowl; **8** – К. 1469, jug (2); **9** – К. 1457, pot (5); **10** – К. 1383, mug (3); **11** – К. 1374, small jug (1); **12** – К. 1373, bowl (2); **13** – К. 1458, mug (10); **14** – К. 12, burial 1, two-handed jug (1); **16** – К. 1378, small jug (2); **17** – К. 1374, jug (3, damaged); **18** – К. 1383, mug (2); **20** – К. 1412, mug (6); **21** – К. 1443, jug (1); **22** – К. 1425, mug (2); **23** – К. 1389, small jug (1); **24** – К. 1402, jug (4); **25** – К. 1401, mug (1); **30** – К. 1395, bowl (2); **34** – К. 1373, small jug (1); **35** – К. 60, mug (2); **36** – К. 1432, mug (6); **37** – К. 1371, mug (1); **43** – К. 1413, jug (1); **52** – К. 1452, jug (25); **54** – К. 60, small jug (1); **55** – К. 1474, mug (1); **56** – К. 1456, mug (2).

Заключение

Исследования 60 сосудов из погребений раннего этапа аланской культуры выявили синергетический эффект при использовании методов оценки численности липолитических бактерий и активности ряда липолитических ферментов. Число сосудов, где в придонном грунте сохранились липолитические микроорганизмы, составляло 15% выборки. Здесь наблюдалось синхронное увеличение их численности и липазной активности. В остальных сосудах микробный след практически не сохранялся, однако оставался энзиматический след. Кластер с наибольшей вероятностью содержания животных жиров составлял 22 % всех сосудов и отличался преобладающей активностью стеарат-липазы C-18. Два кластера, где предполагались молочный жир и/или зерновой растительный продукт, составляли 26% выборки. Грунт со дна этих сосудов характеризовался преобладающей активностью додеканоат липазы C-12. В 15% ритуальных сосудов с низкими микробиологическими и энзиматическими показателями, могут, как показано для некоторых из них, сохраняться молочнокислые бактерии и дрожжи, связанные с ферментацией пищевых продуктов. Только в 22% выборки все показатели были ниже фонового уровня, что позволило идентифицировать эти сосуды как пустые или содержащие воду.

Таким образом, можно заключить, что продукты с высоким содержанием жира широко использовались в погребальном обряде раннего этапа аланской культуры.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант 22-28-01725. Авторы выражают благодарности археологам Р.Г. Магомедову, М.В. Кривошееву, Ф.С. Дзутцеву, Х.М. Мамаеву, З.П. Кадзаевой, М.В. Сайпудинову за консультации и содействие в проведении исследований.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of RSF foundation, grant project 22-28-01725. The authors would like to express their gratitude to the archeologists R.G. Magomedov, M.V. Krivosheev, F.S. Dzutsev, H.M. Mamaev, Z.P. Kadzaev, M.V. Saipudinov for their consultations and cooperation in conducting the research.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пожидаев В.М., Сергеева Я.Э., Зайцева И.Е., Яцишина Е.Б. Идентификация остатков погребальной пищи в глиняных лепных сосудах методами газовой хроматографии и масс-спектрометрии // Бутлеровские сообщения. 2019. Т. 58. № 4. С. 146-155.
2. Чернышева Е.В., Борисов А.В., Малашев В.Ю. Микробиологический подход к реконструкции исходного присутствия жиров в сосудах из погребений аланской культуры // Краткие сообщения Института археологии. 2021. №. 263. С. 105–116. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.263.105-116
3. Чернышева Е.В., Каширская Н.Н., Душанова К.С. Почвенные биохимические индикаторы присутствия жира в различных археологических контекстах // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. (в печати).
4. Whelton H.L., Hammann S., Cramp L.J.E., Dunne J., Roffet-Salque M., Evershed R.P. A call for caution in the analysis of lipids and other small biomolecules from

REFERENCES

1. Pozhidaev VM., Sergeeva YaE., Zajtseva IE., Yatsishina EB. Identification of remains of burial food in clay molded vessels by GC-MS method. *Butlerov's reports*. 2019, 58: 146-155. (In Russ.)
2. Chernysheva EV., Borisov AV., Malashev VYu. Microbiological approach to the reconstruction of the initial presence of fats in vessels from the burials of the Alanian culture. *Brief reports of the Institute of Archaeology*. 2021, 263: 105-116. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.263.105-116. (In Russ.)
3. Chernysheva E.V., Kashirskaya N.N., Dushchanova K.S. Soil biochemical indicators of fat in various archeological contexts. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2023, in press. (In Russ.)
4. Whelton HL., Hammann S., Cramp L.J.E., Dunne J., Roffet-Salque M., Evershed RP. A call for caution in the analysis of lipids and other small biomolecules from archaeological contexts. *Journal of Archaeological Science*. 2021, 132: 105397. DOI: 10.1016/j.jas.2021.105397

archaeological contexts // *Journal of Archaeological Science*. 2021. V. 132. P. 105397. DOI: 10.1016/j.jas.2021.105397

5. Qanbari-Taheri N., Karimy A.H., Holakooei P., Kobarfard F. Organic residue analysis of Iron Age ceramics from the archaeological site of Kanizirin, western Iran // *Archaeometry*. 2020. V. 62. P. 612-625. DOI: 10.1111/arc.12541

6. Manzano E., García A., Cantarero S., García D., Morgado A., Vilchez J.L. Molecular and isotopic analyses on prehistoric pottery from the Virués-Martínez cave (Granada, Spain) // *Journal of Archaeological Science: Report*. 2019. V. 27. P. 101929. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.101929

7. Sachan S., Singh A. Lipase enzyme and its diverse role in food processing industry // *Everyman's Science*. 2015. V. 4. P. 214-218.

8. Xiao F., Li Z., Pan L. Application of microbial lipase and its research progress // *Progress in Applied Microbiology*. 2018. V. 1. №. 1.

9. Lopez C., Briard-Bion V., Ménard O., Beaucher E., Rousseau F., Fauquant J., Leconte N., Robert B. Fat globules selected from whole milk according to their size: Different compositions and structure of the biomembrane, revealing sphingomyelin-rich domains // *Food Chemistry*. 2011. №. 2. V. 125. P. 355-368. 10.1016/j.foodchem.2010.09.005

10. Deeth H. C. Enzymes exogenous to milk in dairy technology: Lipases // *Encyclopedia of Dairy Sciences*. 2022. P. 640 – 647. 10.1016/B978-0-12-818766-1.00225-7

11. Gupta R., Rath P., Bradoo S. Lipase mediated upgradation of dietary fats and oils // *Critical reviews in food science and nutrition*. 2003. №. 6. V. 43. P. 635-644. 10.1080/10408690390251147

12. Negi S. Lipases: A promising tool for food industry // *Green Bio-processes*. – Springer, Singapore. 2019. P. 181-198.

13. Casas-Godoy L., Duquesne S., Bordes F., Sandoval G., Marty A. Lipases: an overview // *Methods of molecular biology*. 2012. V. 861. P. 3-30. DOI: 10.1007/978-1-61779-600-5_1

14. Verma S., Meghwanshi G. K., Kumar R. Current perspectives for microbial lipases from extremophiles and metagenomics // *Biochimie*. 2021. V. 182. P. 23-36. 10.1016/j.biochi.2020.12.027

15. Chandra, P., Singh, R., Arora, P. K. Microbial lipases and their industrial applications: a comprehensive review // *Microbial Cell Factories*. 2020. V. 19. №. 1. P. 1-42. 10.1186/s12934-020-01428-8

16. Godtfredsen S. E. Microbial lipases // *Microbial enzymes and biotechnology*. Springer, Dordrecht, 1990. P. 255-274.

17. Venkatesagowda, B., Ponugupaty, E., Barbosa, A. M., Dekker, R. F. Diversity of plant oil seed-associated fungi isolated from seven oil-bearing seeds and their potential for the production of lipolytic enzymes // *World Journal of Microbiology and Biotechnology*. 2012. №. 1. V. 28. P. 71-80. <https://doi.org/10.1007/s11274-011-0793-4>

18. Sztajer H., Maliszewska I., Wiczorek J. Production of exogenous lipases by bacteria, fungi, and actinomycetes // *Enzyme and Microbial Technology*. 1988. №. 8. V. 10. P. 492-497.

19. Ke, G. R., Lai, C. M., Liu, Y. Y., & Yang, S. S. Inoculation of food waste with the thermo-tolerant

5. Qanbari-Taheri N., Karimy A.H., Holakooei P., Kobarfard F. Organic residue analysis of Iron Age ceramics from the archaeological site of Kanizirin, western Iran. *Archaeometry*. 2020, 62:612-625. DOI: 10.1111/arc.12541

6. Manzano E., García A., Cantarero S., García D., Morgado A., Vilchez J.L. Molecular and isotopic analyses on prehistoric pottery from the Virués-Martínez cave (Granada, Spain). *Journal of Archaeological Science: Report*. 2019, 27:101929. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.101929

7. Sachan S, Singh A. Lipase enzyme and its diverse role in food processing industry. *Everyman's Science*. 2015, 4:214-218.

8. Xiao F., Li Z., Pan L. Application of microbial lipase and its research progress. *Progress in Applied Microbiology*. 2018, 1:1.

9. Lopez C., Briard-Bion V., Ménard O., Beaucher E., Rousseau F., Fauquant J., Leconte N., Robert B. Fat globules selected from whole milk according to their size: Different compositions and structure of the biomembrane, revealing sphingomyelin-rich domains. *Food Chemistry*. 2011, 125: 355-368. 10.1016/j.foodchem.2010.09.005

10. Deeth HC. Enzymes exogenous to milk in dairy technology: Lipases. *Encyclopedia of Dairy Sciences*. 2022: 640-647. 10.1016/B978-0-12-818766-1.00225-7

11. Gupta R., Rath P., Bradoo S. Lipase mediated upgradation of dietary fats and oils. *Critical reviews in food science and nutrition*. 2003, 43: 635-644. 10.1080/10408690390251147

12. Negi S. Lipases: A promising tool for food industry. *Green Bio-processes*. Springer, Singapore, 2019: 181-198.

13. Casas-Godoy L., Duquesne S., Bordes F., Sandoval G., Marty A. Lipases: an overview. *Methods of molecular biology*. 2012, 861: 3-30. DOI: 10.1007/978-1-61779-600-5_1

14. Verma S., Meghwanshi G. K., Kumar R. Current perspectives for microbial lipases from extremophiles and metagenomics. *Biochimie*. 2021, 182: 23-36. 10.1016/j.biochi.2020.12.027

15. Chandra P., Singh R., Arora PK. Microbial lipases and their industrial applications: a comprehensive review. *Microbial Cell Factories*. 2020, 19: 1-42. 10.1186/s12934-020-01428-8

16. Godtfredsen SE. Microbial lipases. *Microbial enzymes and biotechnology*. Springer, Dordrecht, 1990: 255-274.

17. Venkatesagowda B, Ponugupaty E., Barbosa AM, Dekker RF. Diversity of plant oil seed-associated fungi isolated from seven oil-bearing seeds and their potential for the production of lipolytic enzymes. *World Journal of Microbiology and Biotechnology*. 2012, 28: 71-80. <https://doi.org/10.1007/s11274-011-0793-4>

18. Sztajer H, Maliszewska I, Wiczorek J. Production of exogenous lipases by bacteria, fungi, and actinomycetes. *Enzyme and Microbial Technology*. 1988, 10: 492-497.

19. Ke GR., Lai CM., Liu YY. & Yang SS. Inoculation of food waste with the thermo-tolerant lipolytic actinomycete *Thermoactinomyces vulgaris* A31 and maturity evaluation of the compost. *Bioresource technology*. 2010, 101: 7424-7431.

20. Reddy GSN., Potrafka RM, Garcia-Pichel F. *Modestobacter versicolor* sp. nov., an actinobacterium from biological soil crusts that produces melanins under oligot-

lipolytic actinomycete *Thermoactinomyces vulgaris* A31 and maturity evaluation of the compost // *Bioresource technology*. 2010. № 19. V. 101. P. 7424-7431

20. Reddy G. S. N., Potrafka R. M., Garcia-Pichel F. *Modestobacter versicolor* sp. nov., an actinobacterium from biological soil crusts that produces melanins under oligotrophy, with emended descriptions of the genus *Modestobacter* and *Modestobacter multiseptatus* Mevs et al. 2000 // *International journal of systematic and evolutionary microbiology*. 2007. № 9. V. 57. P. 2014-2020.

21. Fu, Y., Luo, Y., Auwal, M., Singh, B. P., Van Zwieten, L., Xu, J. Biochar accelerates soil organic carbon mineralization via rhizodeposit-activated Actinobacteria // *Biology and Fertility of Soils*. 2022. № 5. V. 58. P. 565-577.

22. Ko. W.H., Wang I.T., Ann P.J. A simple method for detection of lipolytic microorganisms in soils // *Soil Biology and Biochemistry*. 2005. V. 37. I.3. P. 597-599. <https://doi.org/10.1016/j.soilbio.2004.09.006>

23. Popoola B.M., Onilude A. A. Microorganisms Associated with Vegetable Oil Polluted Soil // *Advances in Microbiology*. 2017. V.7 №5. P. 377-386. doi: 10.4236/aim.2017.75031.

24. Lechuga E.G.O., Zapata I.Q., Niño K.A. Detection of extracellular enzymatic activity in microorganisms isolated from waste vegetable oil contaminated soil using plate methodologies // *African Journal of Biotechnology*. 2016. V. 15 № 11. P. 408-416. DOI: 10.5897/AJB2015.14991

25. Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Борисов А.В., Шишлина Н.И. Состояние микробных сообществ подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны эпохи средней бронзы (XXVII–XXVI вв. до н. э.) в связи с динамикой увлажнения климата // *Почвоведение*. 2017. № 2. С. 239-248. DOI: 10.7868/S0032180X1702006X

26. Khomutova T.E., Borisov A.V. Estimation of microbial diversity in the desert steppe surface soil and buried palaeosol (IV mil. BC) using the TRFLP method // *Journal of Arid Environments*. 2019. V. 171. P. 104004. DOI: 10.1016/j.jaridenv.2019.104004

27. Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э., Дуцанова К.С., Потапова А.В., Борисов А.В. Археологическая микробиология: теоретические основы, методы и результаты // *Российская археология*. 2021. № 2. С. 7-18. DOI: 10.31857/So86960630010975-1

28. Малашев В.Ю. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы №№ 410, 411) // *Архив ИА РАН*. Р-1. 2018. № 64940-64949.

29. Малашев В.Ю., 2019. Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников «Октябрьский I» и «Киевский I» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок–Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. (Открытые листы №№ 2739, 2740) // *Архив ИА РАН*. Р-1. 2019. № 69231-69240.

30. Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзугцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кривошеев М.В. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. № 4. Т. 14. С. 195-206. DOI: 10.32653/CH144195-206

rophy, with emended descriptions of the genus *Modestobacter* and *Modestobacter multiseptatus* Mevs et al. 2000. *International journal of systematic and evolutionary microbiology*. 2007, 57: 2014-2020.

21. Fu Y, Luo Y, Auwal M, Singh BP., Van Zwieten L, Xu J. Biochar accelerates soil organic carbon mineralization via rhizodeposit-activated Actinobacteria. *Biology and Fertility of Soils*. 2022, 58: 565-577.

22. Ko WH., Wang IT., Ann PJ. A simple method for detection of lipolytic microorganisms in soils. *Soil Biology and Biochemistry*. 2005, 37:597-599. <https://doi.org/10.1016/j.soilbio.2004.09.006>

23. Popoola BM. Onilude AA. Microorganisms Associated with Vegetable Oil Polluted Soil. *Advances in Microbiology*. 2017, 7: 377-386. doi: 10.4236/aim.2017.75031.

24. Lechuga EGO., Zapata IQ, Niño KA. Detection of extracellular enzymatic activity in microorganisms isolated from waste vegetable oil contaminated soil using plate methodologies. *African Journal of Biotechnology*. 2016, 15: 408-416. DOI: 10.5897/AJB2015.14991

25. Khomutova TE., Demkina TS., Borisov AV., Shishlina NI. State of microbial communities in paleosols buried under kurgans of the desert-steppe zone in the middle Bronze Age (27th – 26th centuries BC) in relation to the dynamics of climate humidity. *Eurasian soil science*. 2017, 50: 229-238. DOI: 10.1134/S1064229317020065

26. Khomutova TE., Borisov AV. Estimation of microbial diversity in the desert steppe surface soil and buried palaeosol (IV mil. BC) using the TRFLP method. *Journal of Arid Environments*. 2019, 171: 104004. DOI: 10.1016/j.jaridenv.2019.104004

27. Kashirskaya NN., Chernysheva EV., Khomutova TE., Dushchanova KS., Potapova AV., Borisov AV. [Archeologicheskaya mikrobiologiya: teoreticheskie osnovy, metody i rezul'taty]. *Russian archaeology*. 2021, 2: 7-18. DOI: 10.31857/So86960630010975-1 (In Russ.)

28. Malashev VYu. Open sheets №№ 410, 411 [Otkrytye listy №№ 410, 411]. *Archive IA RAN*. R-1. 2018. № 64940-64949. (In Russ.)

29. Malashev VYu. Open sheets №№ 2739, 2740 [Otkrytye listy №№ 2739, 2740]. *Archive IA RAN*. R-1. 2019. № 69231-69240. (In Russ.)

30. Malashev VU, Magomedov RG, Dzutsev FS, Mamaev HM, Krivosheev MV. Security and rescue research of the burial ground "Brotherly 1st barrows" on the territory of the Chechen Republic in 2018. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018;14(4):195-206. doi: 10.32653/CH144195-206 (In Russ.)

31. Malashev V.Y., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., et al. Secure-and-preserve research of the Oktyabrskiy I and Kievskiy I Burial Grounds of Early Alanian culture at the Middle Terek in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania In 2019. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020. 16(2): 439-460. doi: 10.32653/CH162439-460 (In Russ.)

32. Korobov DS., Malashev VYu., Faßbinder J. The Comprehensive Study of the Early Alan Burials of the Fourth Century in North Ossetia *Brief reports of the Institute of Archaeology*. 2020, 260: 441-458. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.260.441-458 (In Russ.)

33. Demkin VA., Demkina TS., Udaltsov SN. Reconstruction of burial food in clay vessels from the kurgan

31. Малашев В.Ю., Магомедов Р.Г., Дзуцев Ф.С., Мамаев Х.М., Кадаева З.П. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. № 2. Т. 16. С. 439-460. DOI: 10.32653/CH162439-460
32. Коробов, Д. С., Малашев, В. Ю., Фассбиндер, Й. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV в. н. э. в Северной Осетии. Краткие сообщения Института археологии. 2020. № 260. С. 441-458. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.260.441-458
33. Демкин В.А., Демкина Т.С., Удальцов С.Н. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологического методов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. Т. 25. С. 148-159.
34. Krzywinski, M. & Altman, N. Visualizing samples with box plots. // Nature methods. 2014. № 11. P. 119-120. doi:10.1038/nmeth.2813
35. Zhao, S., Guo, Y., Sheng, Q., Shyr, Y. Advanced heat map and clustering analysis using heatmap3 // BioMed research international. 2014. V. 2014. https://doi.org/10.1155/2014/986048
36. Cowie A., Lonergan, V.E., Rabbi F.S.M., Fornasier F., Macdonald C., Harden S., Kawasaki A., Brajesh K., Singh B.K. The impact of carbon farming practices on soil carbon in northern New South Wales // Soil Research. 2013. V. 51. P. 707-718. DOI: 10.1071/SR13043.
37. Margenot A.J., Nakayama Y., Parikh S.J. Methodological recommendations for optimizing assays of enzyme activities in soil samples // Soil biology & biochemistry. 2018. V. 125. P. 350-360. DOI: 10.1016/j.soilbio.2017.11.006
38. Игнатовец О.С., Лазарева О.Г., Леонтьев В.Н. Идентификация животного жира по жирнокислотному составу // Труды Белорусского государственного университета. Серия: Физиологические, биохимические и молекулярные основы функционирования биосистем. 2006. № 1. Т. 1. С. 257-260.
39. Касторных М., Кузьмина В., Пучкова Ю. Товароведение и экспертиза пищевых жиров, молока и молочных продуктов. Litres: 2022. 327 с.
40. Akram, F., Mir, A. S., Roohi, A. An Appraisal on Prominent Industrial and Biotechnological Applications of Bacterial Lipases // Molecular Biotechnology. 2022. C. 1-23. https://doi.org/10.1007/s12033-022-00592-z
- burials with use of phosphate and microbiological methods. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2014, 25: 148-159. (In Russ.)
34. Krzywinski M. & Altman N. Visualizing samples with box plots. *Nature methods*. 2014, 11: 119-120. doi:10.1038/nmeth.2813
35. Zhao S., Guo Y., Sheng Q., Shyr Y. Advanced heat map and clustering analysis using heatmap3. *BioMed research international*. 2014, 5: 427-438 https://doi.org/10.1155/2014/986048
36. Cowie A., Lonergan, V.E., Rabbi F.S.M., Fornasier F., Macdonald C., Harden S., Kawasaki A., Brajesh K., Singh B.K. The impact of carbon farming practices on soil carbon in northern New South Wales. *Soil Research*. 2013, 51: 707-718. DOI: 10.1071/SR13043.
37. Margenot A.J., Nakayama Y., Parikh S.J. Methodological recommendations for optimizing assays of enzyme activities in soil samples. *Soil biology & biochemistry*. 2018, 125: 350-360. DOI: 10.1016/j.soilbio.2017.11.00638. Ignatovets O.S., Lazareva O.G., Leontyev V.N. Identification of animal fat by fatty acid composition. *Proceedings of the Belarusian State University. Series: Physiological, biochemical and molecular basis of functioning of biosystems*. 2006, 1: 257-260. (In Russ.)
39. Kastornyh M., Kuzmina V., Puchkova Yu. *Commodity research and examination of edible fats, milk and dairy products*. Litres: 2022. (In Russ.)
40. Akram F., Mir A.S., Roohi A. An Appraisal on Prominent Industrial and Biotechnological Applications of Bacterial Lipases. *Molecular Biotechnology*. 2022, C. 1-23. https://doi.org/10.1007/s12033-022-00592-z

Поступила в редакцию 31.10.2022

Принята в печать 05.02.2023

Опубликована 30.03.2023

Resieved 31.10.2022

Accepted 105.02.2023

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191173-187>

Исследовательская статья

Гаджиев Муртазали Серажутдинович,
д.и.н, проф., зав. отделом археологии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Дунцов Алексей Николаевич
аспирант,
Институт классического Востока и античности;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
bar.iheremias@gmail.com

НОВООТКРЫТЫЕ СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ АМАРГАРА ДАРИУША В ДЕРБЕНТЕ

Аннотация. До недавнего времени были известны 32 среднеперсидские надписи, документирующие строительство Дербентского оборонительного комплекса и датируемые самым концом 560-х гг. Ныне корпус среднеперсидских надписей Дербента пополнился еще тремя надписями – №№ 33-35, открытыми авторами, соответственно, в 2016, 2021 и 2022 гг. *Надпись № 33* расположена между башнями № 18 и № 19 северной городской оборонительной стены в центральной части куртины. Она имеет плохую сохранность. Но, тем не менее, текст ее восстанавливается по сохранившимся фрагментам букв и по аналогии с другими аналогичными по содержанию надписями. Надпись трехстрочная, вертикальная. Реконструируемый текст: *[Da]r[iuš ī Ādurbādagān] ām[ārgar]*. *Надпись № 34* расположена между башнями № 14 и № 15 северной стены. Надпись вертикальная, трехстрочная, сохранились отдельные буквы и части букв, но текст ее реконструируется по сохранившимся литерам и по аналогии с другими надписями. Текст ее гласит: *Dari[u]š ī [Ādurbāda]gān ām[ā]rgar*. *Надпись № 35* расположена на башне № 36 северной стены. Надпись также вертикальная, трехстрочная, имеет удовлетворительную сохранность и аналогичное содержание. Надписи составлены от имени амаргара – высокого должностного лица, главного финансиста и налогового инспектора обширной области Адурбадаган, в которую в период правления шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) входили не только собственно Адурбадаган, но и все кавказские владения сасанидского Ирана вплоть до Дербента. Новооткрытые надписи относятся к подгруппе б группы 1 среднеперсидских надписей Дербента, составленных от имени амаргара Дариуша. Ныне известно уже 20 (из 35) его надписей, и все они высечены на северной стене города, где всего расположено 25 надписей.

Ключевые слова: Дербент; Сасанидский Иран; среднеперсидские надписи; Дариуш; амаргар; Адурбадаган.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191173-187>

Research paper

Murtazali S. Gadjeiev,
Dr. Sci. (History), Prof., Head of Dept. of Archeology
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Alexey N. Duntsov,
postgraduate student,
Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia
bar.iheremias@gmail.com

NEWLY FOUND MIDDLE PERSIAN INSCRIPTIONS OF ĀMĀRGAR DARIUŠ IN DERBENT

Abstract. Until recently, 32 Middle Persian inscriptions documenting the construction of the Derbent defensive complex and dating from the very end of the 560s. AD were known. Now the corpus of the Middle Persian inscriptions of Derbent has been replenished with three more *inscriptions* – No. 33, 34 and 35, opened by the authors in 2016, 2021 and 2022, respectively. Inscription No. 33 is located between towers No. 18 and No. 19 of the northern city defensive wall in the central part of the curtain. It has poor preservation. But, nevertheless, its text is restored from the preserved fragments of letters and by analogy with other inscriptions similar in content. The inscription is three-line, vertical. Reconstructible text: *[Da]r[iuš ī] Ā[durbādagān] ām[ārgar]*. Inscription No. 34 is located between towers No. 14 and No. 15 of the northern wall. The inscription is vertical, three-line, separate letters and parts of letters are preserved, and its text is reconstructed according to the surviving letters and analogies with other inscriptions. Its text reads: *Dari[u]š ī [Ādurbādag]ān ām[ā]rgar*. Inscription No. 35 is located on tower No. 36 of the north wall. The inscription is also vertical, three-line, and has satisfactory preservation and similar content. The inscriptions are composed on behalf of *āmārgar* – a high official, chief financier and tax inspector of the vast Adurbadagan area, which during the reign of shahanshah Khosrow I Anushirvan (531-579) included not only Adurbadagan proper, but all the Caucasian possessions of Sasanian Iran up to Derbent. The newly discovered inscriptions belong to the group 1, subgroup *b* of the Middle Persian inscriptions of Derbent, which represents the inscriptions of *āmārgar* Dariuš. Now 20 (out of 35) inscriptions compiled on his behalf are already known, and all of them are carved on the northern wall of the city, where a total of 25 inscriptions are located.

Keywords: Derbent; Sasanian Iran; Middle Persian inscriptions; Dariuš; *āmārgar*; *Ādurbādagān*

For citation: C

300 лет назад, в конце августа 1722 г. князь Дм. Кантемир, будучи участником Персидского похода, возглавлявшим походную канцелярию императора Петра I, положил начало изучению эпиграфики Дербента. Проявляя интерес к дербентским древностям, он обнаружил наряду с серией арабских надписей и первую среднеперсидскую надпись на оборонительной стене Дербента, которую, правда, не идентифицировал, как среднеперсидскую [1, р.13; см.: 2, с. 42-53]. Эта надпись впоследствии получила обозначение № 7 [3, с. 16]. Спустя три столетия открытия памятников среднеперсидской эпиграфики Дербента, представляющих достаточно крупный и своеобразный анклавы памятников письменности Сасанидского Ирана и важный исторический источник, продолжают. До недавнего времени были известны 32 среднеперсидские надписи, документирующие строительство Дербентского оборонительного комплекса и датируемые самым концом 560-х гг. [4]. Ныне корпус среднеперсидской эпиграфики Дербента пополнился еще тремя надписями – № 33, № 34 и № 35, открытыми авторами, соответственно, в 2016, 2021 и 2022 гг. Ниже приводится их характеристика.

Надпись среднеперсидская № 33 (рис. 1) расположена между башнями № 18 и № 19 северной городской оборонительной стены (по нумерации Е.А. Пахомова; по нумерации М.С. Гаджиева – башни № 43 и № 44) в центральной части куртины, на расстоянии 29 м от башни 19, в четвертом ряду на высоте 1,5 м от современной дневной поверхности на панцирном ложковом блоке размером 94×49 см, на его правой половине. На этой же куртине расположены среднеперсидские надписи № 1 и № 2: первая – ближе к башне 19 (в 14,3 м от нее), вторая – рядом с башней 18 (в 4 м от нее). Надпись № 33, как и все среднеперсидские надписи Дербента, вертикальная. Она плохой сохранности, камень, на который она нанесена, дефектный, имеет глубокие, широкие выщерблины. Но, тем не менее, текст ее восстанавливается по сохранившимся фрагментам букв и по аналогии с другими аналогичными по содержанию надписями. Надпись была трехстрочная, сохранилась только часть литеры *lamedth* (*l/r*) в первой строке, начальная черточка первой буквы *āleph* (*ā*) второй строки и первые две литеры третьей строки – *ām*. Реконструируемый текст надписи:

(1) [d]l[ywš ZY]	[Da]r[iuš ī]
(2) '[twrp'tk'n]	Ā[durbādagān]
(3) 'm['lkl]	ām[ārgar]

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Обращает внимание, что на участке местонахождения надписи № 33, на куртине между башнями 18 и 19, кроме упомянутых надписей № 1 и № 2, расположены также 18 знаков строителей Дербента (№№ 175–192), которые объединяются в 4-5 групп, вероятно, отражающих определенные группы (бригады) строителей [5, S. 367-368. Abb. 9, 184, 185; 6, р. 147–178; см. также: 7, с. 81–114]. Непосредственно рядом с надписью № 33, в том же ряду кладки через тычковый блок облицовки, на той же высоте (1,5 м от современной дневной поверхности), что и надпись, на ложковом блоке высечены однотипные Т-образные знаки 184 и 185. Возможно, надпись и знаки строителей каким-то образом взаимосвязаны.

Надпись среднеперсидская № 34 (рис. 2, 3) расположена между башнями 14 и 15, в 10,75 м к СВ от угла полуразрушенной башни № 15 (по нумерации Е.А. Пахомова; по нумерации М.С. Гаджиева – башня № 47), в 5-м ряду, на высоте 2,15–2,6 м от современной дневной поверхности, на панцирном ложковом блоке размером 83×55 см, на его правой половине. Надпись также имеет неудовлетворительную сохранность,

но лучшую, чем у надписи № 33; камень, на который она нанесена, имеет следы старой побелки, отдельные выщерблины. Надпись вертикальная, трехстрочная, сохранились отдельные буквы и части букв, но текст ее реконструируется по сохранившимся литерам и по аналогии с другими надписями, в т.ч. по близ находящейся надписи № 27 с таким же содержанием (рис. 4), расположенной на соседней куртине между башнями 15 и 16. Текст надписи:

(1) dly[w]š ZY	Dari[u]š ī
(2) [ʔ]wr[p]ʔtkʔn	[Ād]ur[b]ādagān
(3) ʔm[ʔ]lkl	ām[ā]rgar

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Надпись *среднеперсидская № 35* (рис. 5, 7) была обнаружена в октябре 2022 г., когда настоящая статья уже была сдана в редакцию и рекомендована к печати. Она была выявлена в ходе археологических наблюдений за земляными работами на территории ландшафтного парка, создаваемого вдоль верхнего (юго-западного) участка северной городской стены Дербента от ворот Джарчи-капы до ворот Кырхляр-капы. Надпись расположена на западной боковой грани башни № 36 (по нумерации Е.А. Пахомова; по нумерации М.С. Гаджиева – башня № 26), в 4-м видимом (на лицевой грани) ряду кладки, в центре панцирного ложкового блока размером 83×54 см, в 1,9 м от западного угла башни и в 3,0 м от стыка башни с прилегающей куртеной. Следует отметить, что на этой же башне представлена *среднеперсидская надпись № 26* (рис. 6), расположенная рядом, ниже, на лицевой грани, и содержащая только одно слово – личное имя Дариуш [4, с. 75–76, рис. 33], а также два строительных знака: прямой крест – на боковой восточной грани башни, и косой крест – на боковой западной грани выше надписи № 35 [5, S. 365–366, Abb. 7, No. 115, 116].

Надпись № 35 имеет относительно удовлетворительную сохранность, за исключением отдельных стертых и слабо различимых букв (рис. 7). Надпись вертикальная, трехстрочная, отличается своеобразным угловатым характером букв. Текст надписи гласит:

(1) dl[yw]š ZY	Dar[iu]š ī
(2) [ʔ]twrpʔtkʔn	[Ādurbāda]gān
(3) ʔmʔlkl	āmārgar

«Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Все три обнаруженные надписи №№ 33–35 составлены от имени *амаргара* (о титуле см.: [8, с. 163–174; см. также: 9, S. 124–132; 10, p. 925–926]) – высокого должностного лица, главного финансового и налогового инспектора обширной области Адурбадаган, в которую в период правления шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) входили не только собственно Адурбадаган (историческая провинция на северо-западе Ирана между реками Сефид-руд, Аракс и оз. Урмия), но и все кавказские владения сасанидского Ирана вплоть до Дербента (см.: [11, p. 69–80]).

Упоминание в дербентских надписях амаргара области Адурбадаган, под которой подразумевалась не провинция (ср.-перс. *šahr*), а крупная административно-территориальная единица (ср.-перс. *kust*, *kustag*), именовавшаяся ср.-перс. *kust ī Ādurbādagān* и возглавляемая *спахбедом Адурбадагана* (ср.-перс. *kust ī Ādurbādagān spāhbed*) (о титуле *спахбед* см.: [12]; см. также: [8, с. 195–205; 9, S. 147–154]), указывает на время составления надписей в правление Хосрова I Ануширвана (531–579) [11, p. 71]. Куст

Адурбадаган был образован в результате административно-территориальных реформ Хосрова I, в результате которых Иранская держава (ср.-перс. *Ērānšahr*) была разделена по странам света на четыре крупные военно-административные области/округа во главе со спахбедами: Восточный куст (ср.-перс. *kust ī Xwarāsān*), Западный куст (ср.-перс. *kust ī Xwarārān*), Южный куст (ср.-перс. *kust ī Nēmrōz*) и куст Адурбадаган, под которым понимался Северный куст (ср.-перс. *abāxtar*). Это подтверждается и данными письменных источников (*Шахристаниха-и Еран*, *Ашхарацуйи*, ат-Табари, ад-Динавари, ал-Хорезми и др.), и находками булл с оттисками печатей военачальников-спахбедов, в том числе и датируемые временем правления Хосрова Ануширвана (и, возможно Хормизда IV, 571–590 гг.) печати спахбедов Адурбадагана – Горгона (*Gōrgōn*), Сед-хоша (*Sed-hoš*) и -Хосрова (...-Husraw) (рис. 8) – представителей самого знатного и влиятельного парфянского аристократического рода (ср.-перс. *wuzurgān* – «великие»), одного из Семи великих домов Ирана Мехран/Михран (см.: [12, р. 35–46; 13, р. 272–277; 14, р. 31, 253, 439; 15. Р. 1–15]; см. также: [16; 17]).

Печати спахбедов Адурбадагана, как видится, свидетельствуют о преемственном и традиционном военно-административном управлении областью Адурбадаган представителями дома Михран и объясняют приход Михранидов к власти в Кавказской Албании после неудачного восстания Бахрама Чубина (590–591), также являвшегося представителем рода Михран.

Амаргар куста Адурбадаган от лица шаханшаха Хосрова I и спахбеда финансировал и контролировал строительство колоссального Дербентского оборонительного комплекса по крайней мере на первом этапе работ – возведении северной городской оборонительной стены Дербента и цитадели (о времени их сооружения см.: [18, с. 77–94; 19, р. 1–15]). Напомним, что правильное чтение имени амаргара Дариуша стало возможным благодаря открытию надписи № 29 [2, с. 119–122, рис. 4; 4, с. 78–81, рис. 36], и заметим, что среди памятников сасанидской глиптики известен оттиск геммы-печати, принадлежавшей амаргару Адурбадагана [13, р. 42, 132; 14, р. 31, 253, 439] (рис. 9).

Деятельность Дариуша в Дербенте нашла отражение в многочисленных надписях, расположенных на внешней стороне северной городской стены (за исключением утерянных надписей №№ 8, 9, располагавшихся, соответственно, на правой и левой сторонах внутренней грани полый башни № 9 в верхних рядах кладки, см.: [4, с. 55–59, рис. 15, 16]).

Новооткрытые надписи №№ 33–35 имеют идентичный по содержанию текст и относятся к подгруппе б группы 1 среднеперсидских надписей Дербента, составленных от имени амаргара Дариуша [4, с. 89]. Ныне известно уже 20 (из 35) его надписей, и все они высечены на северной стене города, где всего расположено 25 надписей (рис. 10). Данная подгруппа б включает 9 надписей Дариуша (из 20 с его именем: надписи №№ 7, 10, 24, 27–29, 33–35), содержащих имя и титул (должность).

Большинство надписей с именем Дариуша, судя по их начертанию, вырезано разными мастерами. Одним резчиком, вероятно, выполнены надписи №№ 3, 5 и 11, расположенные на одной куртине – в написании отдельных букв, лигатур, слов прослеживается один графический стиль. Близки по почерку между собой и надписи №№ 1 и 2, также расположенные на одном участке, хотя имеются и различия в написании литеры š (*šīn*) в имени *Dariuš* и некоторое отличие в начертании слова *āmārgar* [4, с. 89–91]. В расположенных рядом на башне № 36 надписях № 26 и № 35 (см. выше) его имя также имеет близкое начертание, что предполагает изготовление их одним резчиком.

Как отмечалось, новооткрытая надпись № 33 расположена на той же куртине, что и среднеперсидские надписи № 1 и № 2 (рис. 10). Это второй случай, когда на одной куртине между башнями были нанесены три надписи. Три надписи нанесены и на стену между башнями № 9 и № 10. Это надписи №№ 3, 5, 11, также составленные от имени Дариуша, но представляющие различные подгруппы, а именно подгруппы *а* (надпись № 11 – имя), *в* (надпись № 5 – строительные данные, имя и титул), *г* (надпись № 3 – строительные данные, дата, имя и титул) [4, с. 89–90]. Что касается надписи № 33, то она относится, как указывалось, к подгруппе *б*, тогда как надписи № 1 и № 2, между которыми находится надпись № 33, относятся к подгруппе *в*, хотя и несколько различаются по своему содержанию – надпись № 1 гласит: «Это и от этого вверх Дариуш, амаргар Адурбадагана (сделал)», а надпись № 2: «Это и от этого вверх, ширина четыре (локтя), [...] Дариуш, амаргар Адурбадагана (сделал)» [4, с. 35–45].

Такая концентрация надписей на данных участках оборонительной стены, протяженностью около 60 м каждый, не совсем ясна. Тем более, что надписи располагаются на относительно близкой высоте, документируя их установку при возведении стены примерно в один и тот же строительно-временной диапазон, на что указывает и характер неперебивающейся кладки: группа надписей №№ 1, 2, 33 расположена на высоте в диапазоне 0,5–1,7 м, группа надписей №№ 3, 5, 11 – на высоте 0,3–1,2 м от современной дневной поверхности.

Судя по результатам раскопок, проведенных в зоне расположения надписей (шурф 26 у башни № 3, раскоп XXII у башни № 12 и раскоп XXIX у башни № 19) [20, с. 25, 37, рис. 7; 21, с. 11–13], дневная поверхность времени строительства северной городской стены на данных участках расположена на 1,4–1,5 м (раскоп XXIX) и 2,5–2,6 м (шурф 26, раскоп XXII) ниже современной с постепенным увеличением мощности накрывающих слоев в северо-восточном направлении (в сторону моря). Блоки с высеченными на них надписями №№ 3, 5, 11 устанавливались на высоте около 1,7–2,7 м от дневной поверхности времени сооружения стены, а блоки с надписями №№ 1, 2, 33 – на высоте около 3,1–4,4 м.

Вместе с тем, надписи Дариуша расположены на северной городской стене на всем ее протяжении от ее начала (надписи №№ 30 и 31, расположенные, соответственно, в 6,3 м и 5,5 м от стыка стены с северо-восточной угловой башней цитадели) и до приморской части (надпись № 10 – рядом с башней № 2). К тому же, они установлены на фиксируемой ныне высоте от 0,3–0,6 м до 3,3–3,4 м от современной дневной поверхности и их высотная позиция в системе кладки документирует осуществлявшийся амаргаром Адурбадагана Дариушем контроль за строительством северной городской оборонительной стены Дербента (а, очевидно, и цитадели, учитывая, что северная оборонительная стена и цитадель имеют конструктивную перевязку, указывающую на их единовременное сооружение [22, с. 103; 23, с. 126]) от времени начала ее сооружения до завершения.

С другой стороны, на северной оборонительной стене Дербента наблюдаются значительные по протяженности участки, на которых отсутствуют среднеперсидские надписи. Это участки между башнями №№ 2–8, 11–15, 22–33, 36–40 (рис. 10). Данный факт, учитывая, что северная стена в значительной степени накрыта мощными (до 3–5 м толщиной) прилегающими культурными наслоениями средневекового и Нового времени, оставляет надежду на открытие новых среднеперсидских надписей при проведении раскопок вдоль оборонительной стены и вскрытии ныне скрытых грунтом нижних частей северной оборонительной стены.

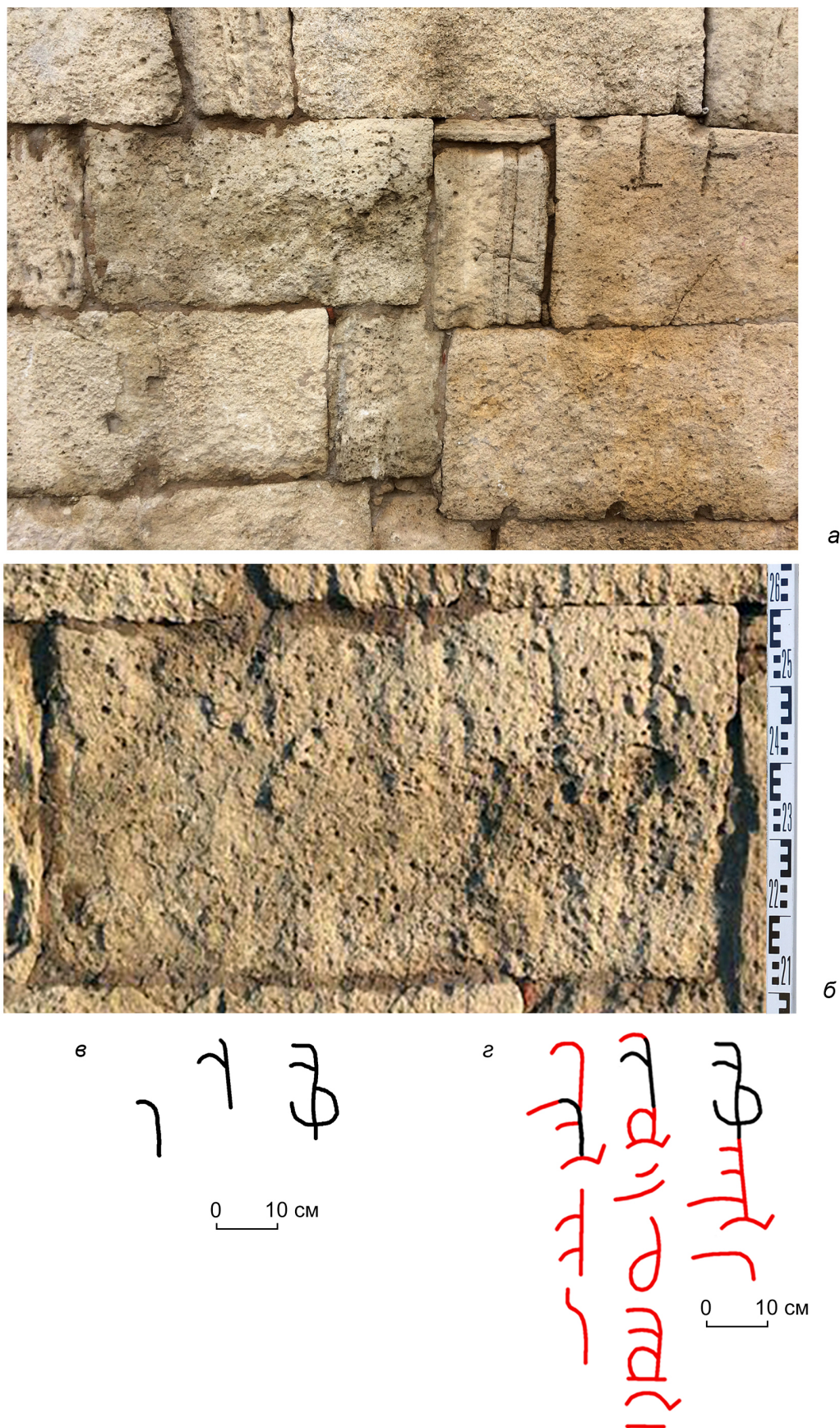

Рис. 1. Дербент. Среднеперсидская надпись № 33: фото (а, б), прорисовка (в) и реконструкция (з)

Fig. 1. Derbent. Middle Persian inscription No. 33: photos (a, b), drawing (v) and reconstruction (z)

а

б

Рис. 2. Среднеперсидская надпись № 34

Fig. 2. Derbent. Middle Persian inscription No. 34

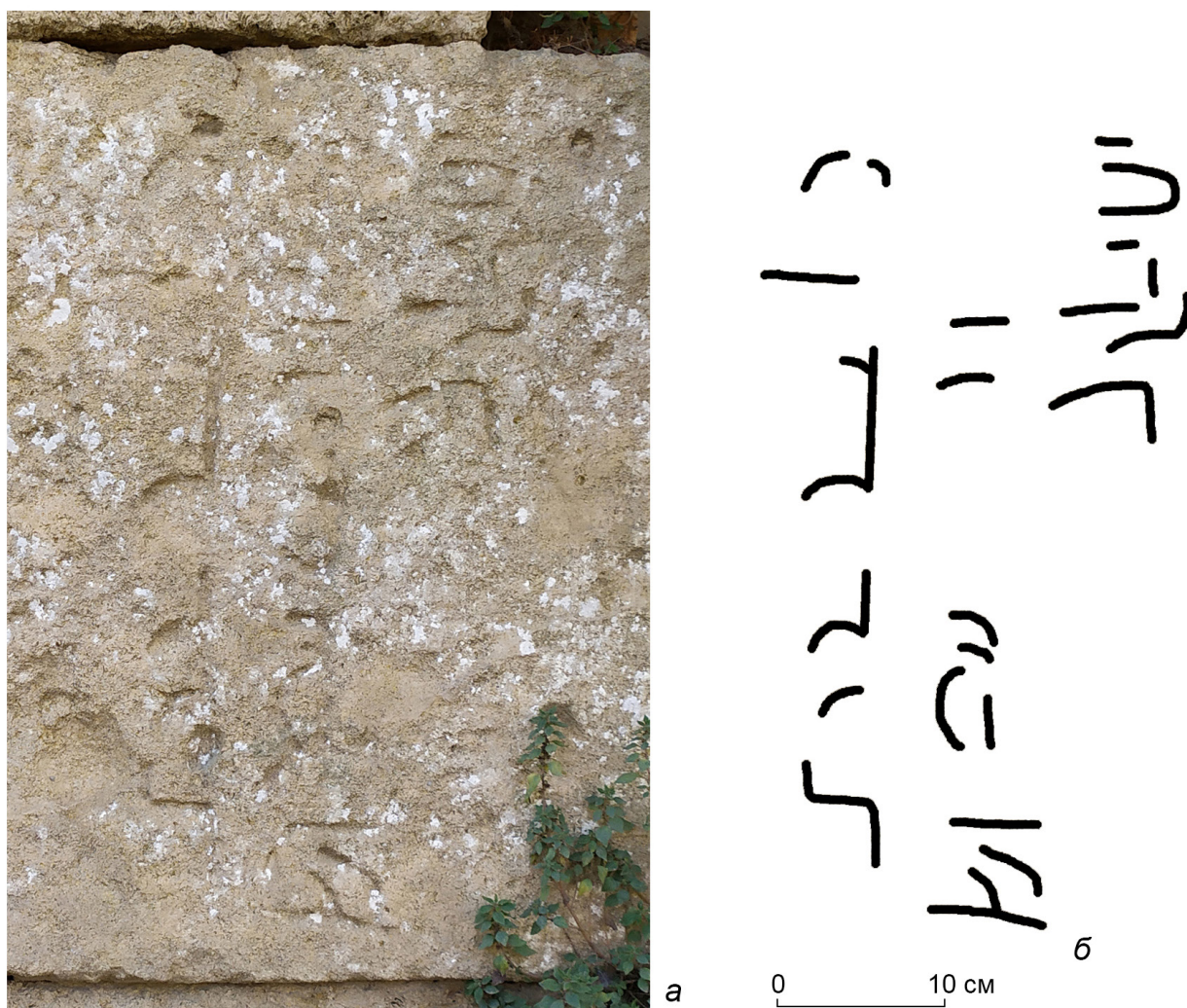

Рис. 3. Среднеперсидская надпись № 34

Fig. 3. Derbent. Middle Persian inscription No. 34

Рис. 4. Среднеперсидская надпись № 27

Fig. 4. Derbent. Middle Persian inscription No. 27

Рис. 5. Местоположение среднеперсидских надписей № 26 и № 35 на башне № 36 северной городской оборонительной стене Дербента

Fig. 5. Location of Middle Persian inscriptions No. 26 and No. 35 on the tower No. 36 of the northern city defensive wall of Derbent

Рис. 6. Среднеперсидская надпись № 26

Fig. 6. Derbent. Middle Persian inscription No. 26

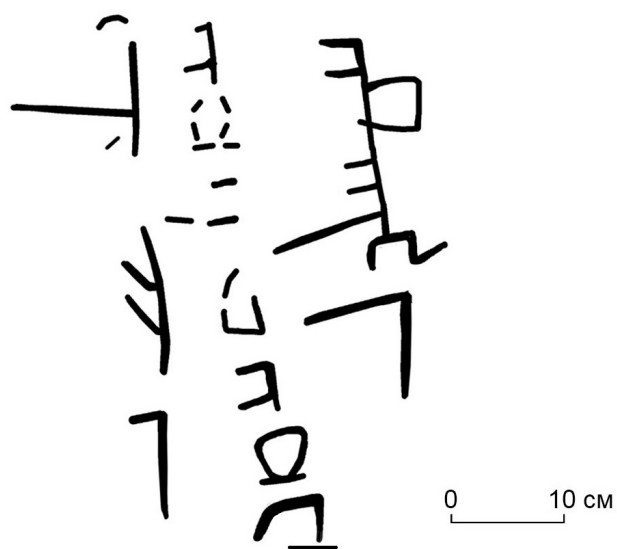

Рис. 7. Среднеперсидская надпись № 35

Fig. 7. Derbent. Middle Persian inscription No. 35

Рис. 8. Оттиски печатей спахбедов Адурбадагана [Gyselen 2019, p. 270]

Fig. 8. Seal impressions of *spāhbeds* of Ādurbādagān [Gyselen 2019, p. 270]

Рис. 9. Оттиск печати амаргара Адурбадагана [Gyselen 2019, p. 31]

Fig. 9. Seal impression of *āmārgar* of Ādurbādagān [Gyselen 2019, p. 31]

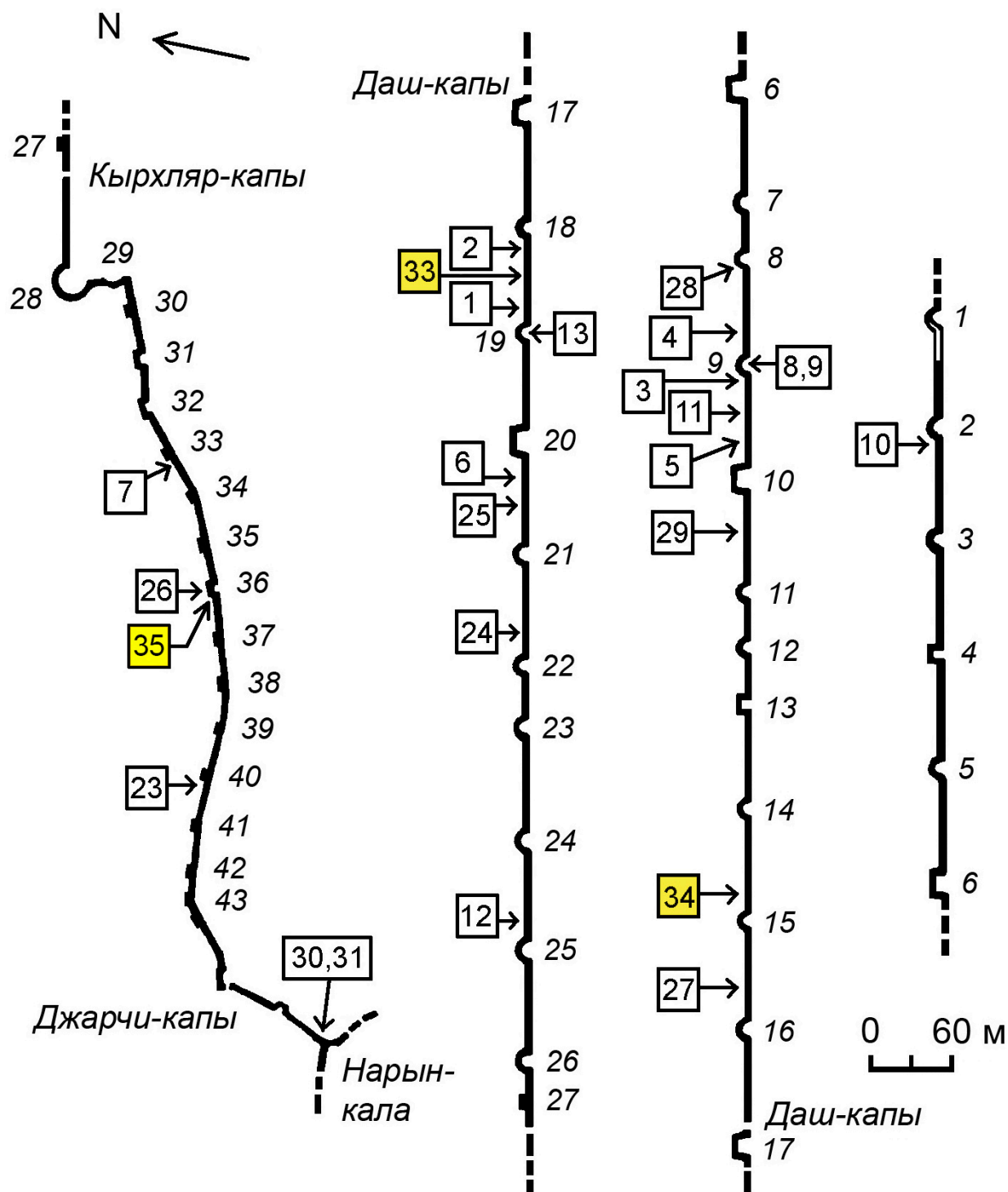

Рис. 10. Местоположение среднеперсидских надписей на северной городской оборонительной стене Дербента

Fig. 10. Location of Middle Persian inscriptions on the northern city defensive wall of Derbent

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cantemir D. Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscripts) // Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana. T. VI. Bucuresti: Typografia Curtii, 1883. 492 p.*
2. *Гаджиев М.С. Новые находки и топография среднеперсидских надписей Дербента // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 116-129.*
3. *Пахомов Е.А. Пехлевийские надписи Дербента // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. V. С. 3-25.*
4. *Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Восточная литература, 2006. 128 с.*
5. *Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. In Darband // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 33. Berlin: Reimer Verlag, 2001. S. 357-390.*
6. *Gadjiev M.S. On Interpretation of Derbent's Mason Marks // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. Ed. by Joam Evans Pim; Sergey A. Yatsenko and Oliver Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 147-178.*
7. *Гаджиев М.С. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. М.: Издательство «Авторская книга», 2016. С. 81-114.*
8. *Хуршудян Э.И. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. III в. до н.э. – VII в. н.э. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2015, 400 с.*
9. *Khurshudian E. Die Parthischen und Sasanidischen Verwaltungsinstitutionen: nach den literarischen und epigraphischen Quellen. 3 Jh. v. Chr. – 7. Jh. n. Chr. Jerewan: Verlag des Kaukasischen Zentrums für Iranische Forschungen, 1998. 324 S.*
10. *MacKenzie D.N., Chaumont M.L. Āmārgar // Encyclopædia Iranica, I/9, London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986. pp. 925-926. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/amargar>. Accessed on 30 December 2012. Дата обращения: 08.09.2022.*
11. *Ghodrat-Dizaji M. Ādurbādagān during the Late Sasanian period: A Study in Administrative Geography // Iran. Vol. 48. 2010. Pp. 69-80.*
12. *Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. [Conferenze. 14]. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001. 53 p.*
13. *Gyselen R. Sasanian Seals and Sealings in the A. Saeedi Collection [Acta Iranica. 44]. Louvain: Peeters 2007. xviii, 407 p.*
14. *Gyselen R. La géographie administrative de l'empire sassanide: Les témoignages épigraphiques en moyen-perse. [Res Orientales. XXV]. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient. Leuven: Peeters, 2019. xxxviii, 462 p.*
15. *Daryaei T., Safdari K. Spāhbed Bullae: The Barakat Collection // e-Sasanica. 7. 2010. P. 1-15. URL: <https://cpb-us-e2.wpmucdn.com/sites.uci.edu/dist/c/347/files/2020/01/e-sasanika7-Safdari-Daryaei.pdf>. Дата обращения: 08.09.2022.*
16. *Daryaei T. Šahrestaniha i Eranšahr. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic and History.*

REFERENCES

1. *Cantemir D. Collectanea Orientalia (III. Ex eiusdem Demetrii Cantemiri schedis Manuscripts). Operele principelui Demetriu Cantemiru publicate de Academia Romana. T. VI. Bucuresti: Typografia Curtii, 1883. 492 p.*
2. *Gadžiev MS. New findings and topography of Middle Persian inscriptions of Derbent. Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]. 2000. 2: 116-129. (In Rus.).*
3. *Pahomov EA. Pehlevi inscriptions of Derbent. News of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan. 8. V. Baku, 1929: 3-25. (In Rus.).*
4. *Gadžiev MS, Kasumova SYu. Middle Persian inscriptions of Derbent of the VIth century. Moscow: «Vostochnaya Literatura» Publisher, 2006. 128 p. (In Rus.).*
5. *Gadžiev MS, Kudrjavcev AA. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. In Darband. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 33. Berlin: Reimer Verlag, 2001: 357-390.*
6. *Gadjiev MS. On Interpretation of Derbent's Mason Marks. In: J.E. Pim, S.A. Yatsenko and O. Perrin (eds.). Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. London; Dover: Dunkling Books, 2010: 147-178.*
7. *Gadžiev MS. Experience in interpreting builders' signs of Derbent. In: Kyzlasov I.L. (ed.) Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection of memory of S.A. Pletneva. Moscow: «Avtorskaya kniga» Publishing House, 2016: 81-114. (In Rus.).*
8. *Khurshudian ESh. State institutions of the Parthian and Sasanian Iran. III^d c. BC – VIIth c. AD. Almaty: Institute of Asian Studies, 2015. 400 p. (In Rus.).*
9. *Khurshudian E. Die Parthischen und Sasanidischen Verwaltungsinstitutionen: nach den literarischen und epigraphischen Quellen. 3 Jh. v. Chr. – 7. Jh. n. Chr. Jerewan: Verlag des Kaukasischen Zentrums für Iranische Forschungen, 1998. 324 S.*
10. *MacKenzie DN, Chaumont ML. Āmārgar. Encyclopædia Iranica, I/9, London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986. pp. 925-926. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/amargar>. Accessed on 30 December 2012. Date of access: 08.09.2022.*
11. *Ghodrat-Dizaji M. Ādurbādagān during the Late Sasanian period: A Study in Administrative Geography. Iran. 48. 2010: 69-80.*
12. *Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. [Conferenze. 14]. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001. 53 p.*
13. *Gyselen R. Sasanian Seals and Sealings in the A. Saeedi Collection. [Acta Iranica. 44]. Louvain: Peeters 2007. xviii, 407 p.*
14. *Gyselen R. La géographie administrative de l'empire sassanide: Les témoignages épigraphiques en moyen-perse. [Res Orientales. XXV]. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient. Leuven: Peeters, 2019. xxxviii, 462 p.*
15. *Daryaei T., Safdari K. Spāhbed Bullae: The Barakat Collection. e-Sasanica. 7. 2010: 1-15. URL: <https://cpb-us-e2.wpmucdn.com/sites.uci.edu/dist/c/347/files/2020/01/e-sasanika7-Safdari-Daryaei.pdf>. Date of access: 08.09.2022.*
16. *Daryaei T. Šahrestaniha i Eranšahr. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic and History.*

With English and Persian Translations and Commentary. Costa Mesa: Mazda Pub., 2002. 90 p.

17. Maksymiuk K.I. The Pahlav-Mehrān Family Faithful Allies of Xusrō I Anōšīrvān // *Метаморфозы истории*. 6. 2015: 163-180.

18. Гаджиев М.С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудов затрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2006. № 1: 77-94.

19. Gadjeiev M.S. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // *Iran and the Caucasus*. Vol. 12. No. 1. 2008: 1-15.

20. Гаджиев М.С. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // *Дагестан и мусульманский Восток*. Сб. статей в честь профессора А.Р. Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010. С.20-37.

21. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. № 3. 2015. С. 183-195.

22. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982. 174 с.

23. Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г., Салимов С.Б., Хазанов А.М. Исследования в Дербенте // *Археологические открытия 1977 г.* М.: Наука, 1978: 125-126.

With English and Persian Translations and Commentary. Costa Mesa: Mazda Pub., 2002. 90 p.

17. Maksymiuk K.I. The Pahlav-Mehrān Family Faithful Allies of Xusrō I Anōšīrvān. *Metamorfozy istorii*. 6. 2015: 163-180.

18. Gadzhiev MS. Determination the absolute date of construction of the citadel and the northern city wall of Derbent and the production labor costs (interpretation of the Middle Persian inscription No. 30). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 1. 2006: 77-94. (In Rus.).

19. Gadjeiev MS. On Interpretation of Derbent's Mason Marks. In: *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. Ed. by Joam Evans Pim; Sergey A. Yatsenko and Oliver Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010: 147-178.

20. Gadjeiev MS. Bab al-Qiyama – A medieval Muslim cult cite In Derbent. In: Alikberov AK, Bobrovnikov VO (eds.). *Dagestan and the Muslim East. Collection of articles in honor of Prof. A.R. Shikhsaidov*. Moscow: Marjani Publishing house, 2010: 20-37. (In Rus.).

21. Gadjeiev MS., Taimazov AI, Budaichiev AL, Abiev AK, Magomedov YuA. Prospecting archaeological work at the northern defensive wall in the seaside part of Derbent. *Bulletin of Kemerovo State University*. 1. 2019: 10-19. (In Rus.)

22. Kudryavtsev AA. *Ancient Derbent*. Moscow: Nauka 1982. 174 p. (In Rus.).

22. Kudryavtsev AA, Gadzhiev MS, Gamzatov GG, Salimov SB, Khazanov AM. Researches in Derbent. In: *Archaeological discoveries of 1977*. Moscow: Nauka, 1978: 125-126. (In Rus.).

Поступила в редакцию 27.09.2022

Принята в печать 19.10.2022

Опубликована 30.03.2023

Resieved 27.09.2022

Accepted 19.10.2022

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191188-206>

Исследовательская статья

Фризен Сергей Юрьевич
к.и.н., научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
Центр физической антропологии (Москва)
frizents@gmail.com

Крутоголоvenко Константин Александрович
специалист-археолог
Краснодарское краевое отделение
Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
cost-85@mail.ru

Сальникова Анна Дмитриевна
научный сотрудник
Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова
anna1996tam@gmail.com

НУЗАЛЬСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК (АЛАГИРСКОЕ УЩЕЛЬЕ, СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ): ИТОГИ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье обсуждаются итоги исследования краниологических материалов из Нузальского средневекового грунтового могильника, расположенного в Алагирском ущелье Республики Северная Осетия-Алания и полностью раскопанного в 2020 г. Были изучены 213 индивидов, краниологическая серия составила 18 мужских и 9 женских черепов, индивидуальные данные которых приводятся в таблицах. Серию нельзя назвать однородной, но выделить в ней какие-либо определенные морфологические варианты не представляется возможным. Для межгруппового сопоставления были привлечены серии из могильников ранней и средневековой аланской культуры, средневекового населения из склепов горной Ингушетии и могильника Цой-Педе, а также сборные серии иронцев, дигорцев и туалъцев. По итогам межгруппового сопоставления делается вывод о формировании изучаемого населения на основе аланского и горного компонентов. Также нами были собраны материалы для исследования палеодНК. В дальнейшем результаты исследования предполагается сравнить с результатами полногеномного секвенирования образцов из целого ряда памятников, что позволит методами ДНК оценить соотношение вклада горного и аланского населения в генофонд населения Нузала.

Ключевые слова: Кавказ; РСО-Алания; Средневековье; археология; палеоантропология; краниология; палеодНК; полногеномное секвенирование.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191186-204>

Research paper

Sergey Yu. Frizen,
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
frizents@gmail.com

Konstantin A. Krutogolovenko
Archaeologist
Krasnodar Regional Branch
All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments
cost-85@mail.ru

Anna D. Salnikova
Researcher
Academician N.P. Bochkov Medical Genetic Research Center
anna1996mam@gmail.com

NUZAL MEDIEVAL BURIAL (ALAGIR GORGE, NORTH OSSETIA): RESULTS OF CRANIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The article discusses the results of the study of craniological materials from the Nuzal medieval soil burial ground, located in the Alagir Gorge of the Republic of North Ossetia-Alania and fully excavated in 2020. 213 individuals were studied, the craniological series included 18 male and 9 female skulls, the individual data of which are given in the tables. The series cannot be considered homogeneous, however, it is impossible to single out any definite morphological variants in it. For intergroup comparison, series from the burial grounds of the early and medieval Alanian culture, the medieval population from the crypts of the mountainous Ingushetia and the Tsoi-Pede burial ground, as well as the combined series of the Irons, Digors and Tuals were involved. Based on the results of the intergroup comparison, we came to the conclusion about the formation of the studied population on the basis of the Alanian and mountainous components. We also collected materials for the study of paleoDNA. In the future, the results of the study are expected to be compared with the results of whole genome sequencing of samples from a number of sites, which will allow DNA methods to assess the ratio of the contribution of the mountain and Alan populations to the gene pool of the Nuzal population.

Keywords: Caucasus; North Ossetia-Alania; Middle Ages; archeology; paleoanthropology; craniology; paleoDNA; whole genome sequencing.

Введение

В 2020 г., согласно Государственному контракту № 1705/12-20 Министерства культуры РФ, заключённому с ООО «Скифос-РСК», экспедицией ООО «Археос» проведены раскопки на Нузальском средневековом грунтовом могильнике с каменными ящиками, расположенном в п. Нузал Алагирского района Республики Северная Осетия-Алания (рис. 1-2), между р. Ардон и подножием горы Садонавцаг¹. Этим раскопкам предшествовала длинная история.

В поселке Нузал находится знаменитый своими уникальными фресками храм (в разных трактовках – часовня или церковь). К северу от часовни находится огороженное современное кладбище, часть которого состоит на государственной охране, как объект культурного наследия «Комплекс надмогильных сооружений и склепов XIX века».

Начиная со второй половины XIX в. погребально-культовые постройки Нузала осматривали ученые и путешественники, оставившие свои заметки об архитектурных сооружениях, их описания, сохранность и т.п. (В.Б. Пфаф, П.С. Уварова, А.А. Миллер, Е.А. Клетнова, Г.А. Кокиев и др.). В 1960-е гг. профессор Б.А. Алборов составил перечень наземных сооружений, утраченных на Нузальском могильнике, среди которых особо следует выделить: каменные ящики, оказавшиеся под жилыми постройками; захоронения под громадными валунами; захоронения в ямах, выложенных шифером² [1].

В 1946 г. Е.Г. Пчелиной в земляном полу Нузальской церкви были проведены раскопки каменного ящика, содержащего мужское погребение в вытянутом положении, ориентированном головой на ЮЮЗ. Захоронение было датировано исследовательницей концом XII – нач. XIII вв. и идентифицировано, как погребение Давида Сослана, аланского царевича, мужа и соправителя царицы Грузии Тамары [2, с. 116–117]. Эта версия оспаривалась некоторыми учеными, но долгое время была основной [3]. Последующими изысканиями Нузальская церковь и погребение в ней были датированы XIV в. [4, с. 52], а само захоронение было интерпретировано как могила легендарного аланского правителя Ос-Багатара, жизнь которого предположительно оборвалась в начале XIV в. [5, с. 54 и сл.].

В ходе инженерно-геологических изысканий 2016 г., связанных с реставрацией Нузальской церкви, рядом с ней на небольшой глубине были обнаружены отдельные сланцевые плиты, которые могли быть перекрытиями погребений в каменных ящиках. Работы по реставрации были остановлены. В 2017-2018 гг. В.С. Санаковым и М.М. Кануковой возле Нузальской часовни были исследованы три средневековых погребения в каменных ящиках, ориентированные в западный сектор. Данные захоронения подтвердили наличие средневекового некрополя в п. Нузал.

В настоящий момент на территории могильника расположены современные жилые и бытовые строения, огороды и приусадебные участки, проходят проселочные дороги, в западном секторе – асфальтовая дорога. Средневековые погребения перекрыты двумя делювиальными сходами зацементированной каменной крошки, а также

1. Крутоголовенко К.А. Раскопки средневекового могильника в поселке Нузал // Археологические открытия 2020 года (в печати).

2. Очевидно, Б.А. Алборов под шифером подразумевал шиферный сланец.

мусорными слоями и бетонными конструкциями прошлого столетия, разрушившими несколько погребений, в том числе в южном секторе раскопа.

В результате раскопок 2020 г. было исследовано 796 кв. м. средневекового некрополя. Раскоп примыкал к Нузальской церкви с западной стороны, вследствие расположения участка строительных работ для отведения сточных и грунтовых вод, угрожающих разрушением уникальному памятнику архитектуры, и последующего благоустройства примыкающей территории. Исследования 2020 г. показали, что вода, вероятно неоднократно, заполняла каменные ящики могильника. На некоторых скелетах и вещах отмечен серый «илистый» налет, иногда с трещинами, характерными для резкого испарения влаги (рис. 3, А).

В раскопе 2020 г. выделяются два разновременных, граничащих средневековых могильника, расположенных соответственно в восточной и западной половинах раскопа. Общими характерными чертами выявленных захоронений являются тип погребальных конструкций – удлиненные прямоугольные каменные ящики (цисты), расположение погребенных вытянуто на спине (рис. 3), руки – вдоль тела, кисти – с внешней стороны таза, иногда одна либо обе ладони располагались на тазовых костях.

На восточной половине раскопа погребенные обращены головой в южный и юго-западный секторы. Сопроводительный инвентарь немногочислен. Наиболее массовыми находками являются: калачевидные кресала, ножи бытовые и боевые, бронзовые и серебряные височные подвески, а также серьги в виде знака вопроса, бусы. В этой части могильника исследовано погребение 12, датируемое серебряной монетой середины XIV в. (1347/48 г.) хана Золотой Орды, султана Махмуда Джанибека³.

Второй могильник с преобладанием ориентировки на запад и северо-запад (т.е. перпендикулярно вышеописанному блоку погребений) возник позже, при возведении части его погребальных конструкций повреждены или перекрыты каменные ящики, обращенные в южный сектор. Предварительная датировка захоронений в западной части раскопа – XVI–XVII вв.

Наиболее поздними (вторая половина XIX – начало XX вв.) являются 8 младенческих захоронений в деревянных гробах, помещенных в каменный ящик, обнаруженные непосредственно возле Нузальской церкви.

Материалы и методы

В целом нами были исследованы 213 индивидов из 206 погребений. Материалы исследовались по стандартным краниологической и остеологической методикам, принятым в отечественной палеоантропологии. Внутригрупповое сопоставление проводилось с использованием метода главных компонент, а межгрупповое – с использованием канонического анализа.

Распределение индивидов по полу и возрасту представлено в таблице 1. Необходимо отметить достаточно высокий уровень детской смертности, причем наибольший процент (37,5%) приходится на возраст 1–7 лет. В мужской и женской выборке наибольший процент смертности приходится на возраст 45–55 лет. До старости доживали 11,5% мужчин и 16,3% женщин. Боевые травмы нами были зафиксированы только в одном случае (погребение 53), в другом случае был расчищен скелет без черепа, что указывает на вероятность захоронения с отсеченной головой, однако плохая

3. Выражаем благодарность И.В. Волкову (ГИМ) за определение монеты.

сохранность шейных позвонков не позволяет утверждать это однозначно. Популяцию в целом, видимо, можно считать достаточно благополучной, а ее валеологическое состояние находилось в пределах нормы для того времени.

Сохранность материала разная – от практически идеальной (восточная часть раскопа) до неопределимых фрагментов (преимущественно западная часть исследований 2022 г.). По краниологической программе полностью или частично удалось измерить 18 мужских и 9 женских черепов из восточной части могильника (индивидуальные данные представлены в таблицах 2 и 3). Все эти погребения ориентированы головой на ЮЮЗ, т.е. также как исследованное Е.Г. Пчелиной захоронение в наосе Нузальской церкви [4, с. 30, сн. 28]. Датируются они по монетной находке (см. выше) и вещевому набору XIV–XV вв.

Серию нельзя назвать однородной, но выделить в ней какие-либо определенные морфологические варианты не представляется возможным. Анализ среднеквадратических отклонений демонстрирует высокие, по большинству признаков, значения в мужской выборке (таб. 2) и низкие, также по большинству признаков, в женской (таб. 3). Высокие значения среднеквадратического отклонения в мужской выборке, на наш взгляд, вполне закономерны, более низкие значения в женской части серии могут быть как следствием ее малочисленности, так и относительно более высокой однородности. Особенностью серии является, в большинстве случаев, значительная разница величины назо-малярного (77) и зигма-максиллярного (Zm) углов, т.е. лицевой скелет на верхнем уровне более уплощен, чем на среднем. Объяснить причину этого вряд ли возможно, поэтому отметим данный факт как особенность данной выборки.

Для мужской выборки нами был проведен внутригрупповой анализ с использованием метода главных компонент (пакет программ Б.А. Козинцева 1991 г.). Для анализа были привлечены 14 черепов, которые сопоставлялись по 11 признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 77, Zm, 75(1), 54:55, 52:51). Главные компоненты I и II описывают более 43% внутригрупповой изменчивости – здесь и далее наиболее значимые признаки указаны на графике (рис. 4), видна только общая неоднородность серии, без каких-либо скоплений, вероятно, в силу малочисленности выборки. Так как женская выборка еще малочисленнее, внутригрупповой компонентный анализ провести не представляется возможным.

Для межгруппового сопоставления были привлечены: серии из следующих могильников ранней и средневековой аланской культуры – Бесланский и объединенные в общую серию (на графике обозначены как «Б.К.О.») Октябрьский I, Братские 1-е курганы и Киевский I [6], Садонский [7], Дуба-Юрт [8], Змейский [Фризен, неопubl.]; серии средневекового населения горных районов из склепов горной Ингушетии [9, Фризен, неопubl.] и склепов Цой-Педе [9]; сборные серии иронцев, дигорцев и туалъцев [8]. Канонический анализ (пакет программ Б.А. Козинцева 1991 г.) проводился с использованием стандартного набора признаков (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, Zm, SS:SC, 75(1)).

В пространстве I и II канонических векторов, в левой части графика (рис. 5) располагаются серии из могильников раннего и средневекового этапа аланской культуры и ближе к центру – серии из Садонского и Змейского могильников, которые также соотносятся с аланской культурой и сборными сериями иронцев и дигорцев. Изучаемая серия из Нузальского могильника располагается в правой части графика и наиболее близкими к ней являются, с одной стороны, серии из Садонского и Змейского средневековых могильников, с другой стороны – серии из склепов Цой-Педе и горной Ингушетии, а также сборная серия осетин-туалъцев.

Анализируя расположение изучаемой выборки, необходимо отметить, что ее близость к серии из Садонского могильника, на наш взгляд, является вполне закономерной в связи, как с географическим расположением (по прямой линии расстояние между памятниками составляет около 4 км), так и значительным морфологическим сходством, отмеченным нами при визуальном исследовании. Внутренним является хронологический разрыв между этими двумя могильниками, составляющий более 500 лет – верхняя дата Садонских катакомб определяется первой четвертью VIII в. [11, с. 157]. Ранее отмечалось сходство садонской серии с материалами из Бесланского и Змейского могильников [7], вероятно, свидетельствующее о связи «предок – потомок», и это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о вкладе средневековых алан в формирование населения, оставившего Нузальский могильник. Близость к сериям из склепов Цой-Педе и горной Ингушетии, в свою очередь, говорит о возможном участии предков горного (не аланского) населения в формировании антропологического облика захороненных в изучаемом могильнике (а также, вероятно, осетин-туальцев).

В случае, если наши выводы верны, примечательным и показательным становится факт перехода от катакомбной погребальной традиции (Садонский, Бесланский, Змейский могильники) к захоронениям в каменных ящиках и к другим типам погребальных сооружений в Позднем Средневековье [12, с. 138–139], также раскрывающий новые аспекты и стороны средневекового алано-нахского этнокультурного взаимодействия.

График по результатам межгруппового анализа женской выборки (рис. 6) демонстрирует сходную картину с той разницей, что выборка из Нузальского могильника располагается ближе к сборным сериям дигорцев и иронцев, а серии из склепов Цой-Педе и горной Ингушетии находятся в относительном отдалении. Видимо, это свидетельствует о том, что часть мужской выборки является носителями горного (нахского) – не аланского – облика, в то время как женская часть серии представляет население, в большей степени связанное с аланами. Данный вывод подтверждается приведенными выше результатами анализа среднеквадратических отклонений, который демонстрирует гораздо более высокую однородность женской выборки.

Для анализа древней ДНК были отобраны образцы (зубы) из 14 мужских захоронений, исследованных в Нузале в 2020 г.: погребения 10, 59, 65, 84 (парное/двойное погребение), 85, 86, 100, 103, 108, 137 (парное/двойное погребение), 138, 152. За исключением погребений 84 и 152, все образцы относятся к более ранней группе захоронений, происходящей из восточной части раскопа. Однако тестовое секвенирование показало, что 9 образцов из этой серии полностью не соответствуют критерию замен С/Т (цитозина на тимин), который показывает отсутствие древней ДНК в этих образцах. Возможно, что именно длительное пребывание в воде привело к разрушению структуры ДНК. Из остальных пяти образцов наиболее перспективными для дальнейшего анализа ДНК оказались образцы из погребений 86 и 108.

Доля эндогенной ДНК составила в них соответственно 28% и 18%, а частота замен цитозина на тимин находится в интервале от 10% до 15%. Эти высокие для древней ДНК показатели позволяют провести их полногеномное секвенирование. Его результаты будут сравниваться с результатами полногеномного секвенирования образцов палеоДНК кобанской культуры (могильник Гастон Уота), населения сарматского времени степей Предкавказья (конец IV в. до н.э. – I в. н.э.), памятников типа Чегем-Манаскент (III в. до н.э. – первая половина II в. н.э.), образцами из некрополей раннего этапа аланской культуры – Бесланского могильника (III в. н.э.), Братских 1-х курганов (III – пер. пол V в. н.э.), могильника Киевский I (III – первая половина V в. н.э.),

а также носителей раннесредневековой аланской культуры из Садона (VII–VIII в. н.э.), Даргавса (VII–X вв. н.э.) и Хода (IX–XIII вв. н.э.). Такой сравнительный анализ позволит методами ДНК оценить соотношение вклада горного и аланского населения в генофонд населения Нузала.

Выводы

Таким образом, подводя итоги исследования краниологических материалов из Нузальского могильника можно сделать следующие выводы:

1. Мужская часть серии весьма неоднородна, в его формировании принимало участие как автохтонное горское население, так и носители аланской культуры.
2. Женская выборка гораздо более однородна и представлена в основном потомками алан.
3. Результаты исследования являются подтверждением тезиса М.М. Герасимовой о формировании современного населения Осетии на основе аланского и горного компонентов [13].

Финансирование. Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект 20-29-01037 «Древняя ДНК»; гос. контракт № 1705/12-20 МК РФ.

Supporting Agencies. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 20-29-01037 "Ancient DNA"; state Contract No. 1705/12-20 of the RF MC.

Таблица 1. Нузальский средневековый могильник. Данные по половозрастному составу /

Table 1. Nuzal medieval burial ground. Age and sex data.

Дети и подростки 88 (44,4%) / Children and adolescent 88 (44,4%)		
<1 года / <1 year old	18 (20,5%)	
1-7 лет / 1-7 year old	33 (37,5%)	
7-12 лет / 7-12 year old	18 (20,5%)	
12-18 лет / 12-18 year old	15 (17,0%)	
Дети, возраст не определен / Children, age undefined	4 (4,5% из детских/ of children's 2,0% из общего количества/ of the total)	
	♂ 61 (30,8%)	♀ 43 (21,7%)
18-35 лет / 18-35 year old	13 (21,3%)	10 (23,3%)
35-45 лет / 35-45 year old	13 (21,3%)	6 (14,0%)
45-55 лет / 45-55 year old	19 (31,1%)	15 (34,9%)
>55 лет / >55 year old	7 (11,5%)	7 (16,3%)
Возраст не определен	9 (14,8%)	5 (11,6%)
Взрослые, пол не определен / Age undefined	15 (14,4% из взрослых / of adults, 7,6% из общего количества / of the total)	
Неопределимые фрагменты / Adults, sex undefined	6 (3,0% из общего количества / of the total)	

Таблица 2. Нузальский средневековый могильник. Индивидуальные данные мужских черепов / Table 1. Nuzal medieval burial ground. Individual data of male skulls.

№	10	10/2	53	59	62	64	69	86	87	116	117
<i>1</i>		184,0	190,0	175,0		176,0	177,0	183,0	179,0	174,0	179,0
<i>8</i>		148,0		139,0		131,0	145,0	144,0	148,0	135,0	142,0
<i>17</i>		135,0	140,0			134,0	138,0	128,0	137,0	136,0	139,0
<i>5</i>		101,0	106,0			100,0	103,0	96,0	104,0	90,0	106,0
<i>10</i>		131,0	125,0	118,0		117,0	123,0	122,0	125,0	116,0	122,0
<i>9</i>	97,0	103,0	100,0	95,0		94,0	95,0	94,0	94,0	99,0	100,0
<i>40</i>		95,0	98,0			92,0	90,0	95,0	97,0	85,0	96,0
<i>11</i>		126,0	126,0	123,0		117,0	120,0	121,0	121,0	109,0	124,0
<i>12</i>		112,0	110,0	108,0		106,0	109,0	115,0	108,0	102,0	106,0
<i>20</i>		122,8	114,9	112,3		110,5	115,3	108,2	112,8	111,4	117,7
<i>45</i>			141,0	131,0		131,0	132,0	127,0		125,0	143,0
<i>48</i>		72,0	75,0	72,0		68,0	72,0	68,0	70,0	60,0	69,0
<i>47</i>			123,0	117,0		115,0	123,0	116,0	118,0		
<i>46</i>			108,0	103,0		106,0	104,0	102,0	98,0	103,0	104,0
<i>43</i>			104,0	99,0		97,0	98,0	92,0	89,0	86,0	101,0
<i>54</i>	23,0		26,0	24,0	24,0	25,0	25,0	24,0	24,0	21,0	24,0
<i>55</i>	50,5		57,0	53,0	55,0	54,0	54,0	53,0	48,0	47,0	51,0
<i>51</i>			48,0	42,0	41,0	43,0	45,0	42,0	39,0	41,0	42,0
<i>51a</i>			43,0	40,0	38,0		42,0		38,0	39,0	40,0
<i>52</i>			36,0	33,0	36,0	37,0	33,0	34,0	33,0	32,0	31,0
<i>SC</i>	9,5		7,5	10,5	13,0	7,5	11,0	9,5	10,5	10,5	11,0
<i>SS</i>	6,0		5,0	5,5	5,0	5,0	5,5	5,0	5,5	4,5	6,5
<i>MC</i>	19,0		18,0	20,5	23,0		17,0		18,5	17,0	19,5
<i>MS</i>	10,5		8,5	7,5	8,5		8,0		8,0	5,5	9,5
<i>DC</i>			21,5	23,5	25,0		18,5		20,5	20,0	20,5
<i>DS</i>			10,0	11,5	11,5		10,5		10,5	7,5	11,5
<i>77</i>			137,0	135,0		144,0	140,0	144,0	131,0	143,0	137,0
<i>Zm</i>			127,0	129,0		123,0	130,0	118,0	118,0	137,0	128,0
<i>ВИЛ</i>			27,5	21,5		23,5	25,0	23,0	28,0	26,0	
<i>ВИЗ</i>			27,0	24,0		27,0	22,0	27,5	27,5	28,0	25,5
<i>32</i>			78,0	78,0		80,0	80,0	72,0	88,0	85,0	

<i>32a</i>			68,0	71,0		70,0	73,0	65,0	82,0	82,0	
<i>72</i>			85,0	88,0		85,0	86,0	81,0	87,0	87,0	90,0
<i>73</i>			88,0	92,0		91,0	93,0	85,0	90,0	91,0	92,0
<i>74</i>			77,0	81,0		76,0	68,0	73,0	80,0	73,0	83,0
<i>75</i>			48,0	58,0		45,0	64,0		50,0	60,0	57,0
<i>75(1)</i>			37,0	30,0		40,0	22,0		37,0	27,0	33,0
<i>65</i>						118,0	119,0	112,0	122,0		127,0
<i>66</i>	109,0		120,0	111,0		111,0	98,0	109,0	97,0	88,0	98,0
<i>71a</i>	32,0		31,0	34,0		33,0	31,0	28,0	29,0	33,0	35,0
<i>69/3</i>	11,0		13,0	13,0		10,0	10,0	9,0	13,0	11,0	13,0
<i>67</i>	41,0		48,0	48,0		46,0	45,0	44,0	47,0	43,0	42,0
<i>8:1</i>		80,4		79,4		74,4	81,9	78,7	82,7	77,6	79,3
<i>48:45</i>			53,2	55,0		51,9	54,5	53,5		48,0	48,3
<i>48:17</i>		53,3	53,6			50,7	52,2	53,1	51,1	34,1	49,6
<i>40:5</i>		94,1	92,5			92,0	87,4	99,0	93,3	94,4	90,6
<i>54:55</i>	45,5		45,6	45,3	43,6	46,3	46,3	45,3	50,0	44,7	47,1
<i>52:51</i>			75,0	78,6	87,8	86,0	73,3	81,0	84,6	78,0	73,8
<i>SS:SC</i>	63,2		66,7	52,4	38,5	66,7	50,0	52,6	52,4	42,9	59,1
<i>DS:DC</i>			46,5	48,9	46,0		56,8		51,2	37,5	56,1

Таблица 2. Окончание / Table 2. Continuation.

№	127	137	138	139	187	201	n	x	min	max	s
<i>1</i>	184,0	183,0	165,0	169,0	171,0	178,0	15	177,8	165,0	190,0	6,5
<i>8</i>	138,0	146,0	148,0	141,0	152,0	141,0	14	142,7	131,0	152,0	5,7
<i>17</i>	134,0	134,0	135,0	135,0	134,0	135,0	14	135,3	128,0	140,0	2,9
<i>5</i>	106,0	101,0	94,0	100,0	97,0	106,0	14	100,7	90,0	106,0	5,0
<i>10</i>	139,0	119,0	128,0	124,0	135,0	126,0	15	124,7	116,0	139,0	6,5
<i>9</i>	99,0	99,0	95,0	99,0	100,0	98,0	16	97,6	94,0	103,0	2,8
<i>40</i>	103,0	99,0	99,0	97,0	87,0	96,0	14	94,9	85,0	103,0	4,9
<i>11</i>	119,0	124,0	121,0	117,0	120,0	120,0	15	120,5	109,0	126,0	4,2
<i>12</i>	106,0	122,0	105,0		110,0	111,0	14	109,3	102,0	122,0	4,9
<i>20</i>	116,7	117,7	116,2	110,5	119,8	114,2	15	114,7	108,2	122,8	3,9
<i>45</i>	138,0	125,0	136,0	133,0	134,0	133,0	13	133,0	125,0	143,0	5,6
<i>48</i>	74,0	76,0	70,0	66,0	64,0	76,0	15	70,1	60,0	76,0	4,5

47	127,0	127,0	114,0	110,0		120,0	11	119,1	110,0	127,0	5,4
46	108,0	105,0	105,0	106,0	104,0	106,0	14	104,4	98,0	108,0	2,6
43	101,0	101,0	96,0	101,0	100,0	98,0	14	97,4	86,0	104,0	5,1
54	27,0	25,0	24,0	25,0	23,0	22,0	16	24,1	21,0	27,0	1,5
55	53,0	55,0	54,0	50,0	50,0	59,0	16	52,7	47,0	59,0	3,2
51	42,0	44,0	43,0	46,0	41,0	41,0	15	42,7	39,0	48,0	2,3
51a	40,0	39,0	40,0	42,0	39,0	39,0	13	39,9	38,0	43,0	1,6
52	37,0	31,0	32,0	33,0	33,0	34,0	15	33,7	31,0	37,0	2,0
SC	11,5	10,0	8,0	7,5	6,5	12,5	16	9,8	6,5	13,0	1,9
SS	6,5	6,0	3,0	3,0	2,5	5,0	16	5,0	2,5	6,5	1,2
MC	21,5	16,5	17,5	16,5	19,5	22,5	14	19,0	16,5	23,0	2,2
MS	8,0	8,0	5,0	5,5	6,0	7,5	14	7,6	5,0	10,5	1,6
DC	24,5	20,0	19,5	20,5	22,5	26,5	13	21,8	18,5	26,5	2,4
DS	10,5	11,0	6,5	8,5	9,0	11,0	13	10,0	6,5	11,5	1,6
77	136,0	140,0	149,0	141,0	141,0	131,0	14	139,2	131,0	149,0	5,1
Zm	124,0	127,0	129,0	118,0	134,0	127,0	14	126,4	118,0	137,0	5,7
ВИЛ	25,0	27,0	25,5	24,5	28,0	20,0	13	25,0	20,0	28,0	2,5
ВИЗ	29,5	29,0	21,0		25,5	24,0	13	26,0	21,0	29,5	2,6
32	75,0	82,0	89,0	82,0	85,0	75,0	13	80,7	72,0	89,0	5,2
32a	68,0	75,0	85,0	77,0	77,0	71,0	13	74,2	65,0	85,0	6,2
72	82,0	88,0	83,0	81,0	90,0	90,0	14	85,9	81,0	90,0	3,2
73	86,0	90,0	86,0	84,0	91,0	92,0	14	89,4	84,0	93,0	3,0
74	75,0	85,0	76,0	83,0	87,0	84,0	14	78,6	68,0	87,0	5,5
75	48,0	59,0		39,0	54,0	53,0	12	52,9	39,0	64,0	7,2
75(1)	34,0	29,0		42,0	36,0	37,0	12	33,7	22,0	42,0	5,8
65	120,0	127,0			126,0		8	121,4	112,0	127,0	5,2
66	122,0	105,0	116,0	101,0	110,0	103,0	15	106,5	88,0	122,0	9,3
71a	32,0	36,0	36,0	30,0	30,0	31,0	15	32,1	28,0	36,0	2,4
69/3	13,0	12,0	15,0	13,0	11,0	12,0	15	11,9	9,0	15,0	1,6
67	40,0	47,0	52,0	44,0	43,0	46,0	15	45,1	40,0	52,0	3,1
8:1	75,0	79,8	89,7	83,4	88,9	79,2	14	80,7	74,4	89,7	4,4
48:45	53,6	60,8	51,5	49,6	47,8	57,1	13	52,7	47,8	60,8	3,8
48:17	55,2	56,7	51,9	48,9	47,8	56,3	14	51,0	34,1	56,7	5,5
40:5	97,2	98,0	105,3	97,0	89,7	90,6	14	94,4	87,4	105,3	4,6

<i>54:55</i>	50,9	45,5	44,4	50,0	46,0	37,3	16	45,9	37,3	50,9	3,1
<i>52:51</i>	88,1	70,5	74,4	71,7	80,5	82,9	15	79,1	70,5	88,1	5,9
<i>SS:SC</i>	56,5	60,0	37,5	40,0	38,5	40,0	16	51,1	37,5	66,7	10,4
<i>DS:DC</i>	42,9	55,0	33,3	41,5	40,0	41,5	13	45,9	33,3	56,8	7,4

Таблица 3. Нузальский средневековый могильник. Индивидуальные данные женских черепов / Table 3. Nuzal medieval burial ground. Individual data of female skulls.

№	43	71	101	124	156	175	176
<i>1</i>		179,0	174,0	179,0	174,0		174,0
<i>8</i>	136,0	136,0		131,0	139,0		133,0
<i>17</i>	123,0	131,0		130,0			129,0
<i>5</i>		104,0		99,0		97,0	97,0
<i>10</i>		119,0		116,0	119,0		114,0
<i>9</i>		101,0	105,0	94,0	94,0	95,0	88,0
<i>40</i>	91,0	101,0		97,0		95,0	92,0
<i>11</i>	110,0	115,0	111,0	112,0	117,0	111,0	113,0
<i>12</i>	101,0	100,0	100,0	105,0	110,0	96,0	105,0
<i>20</i>	106,7	109,9	118,7	110,6	109,3		117,1
<i>45</i>	126,0	130,0	128,0	128,0		122,0	126,0
<i>48</i>	64,0	63,0	70,0	65,0	65,0	67,0	69,0
<i>47</i>	107,0	108,0			107,0	111,0	111,0
<i>46</i>		103,0	109,0	103,0	100,0	102,0	96,0
<i>43</i>	98,0	92,0	94,0	99,0	94,0	91,0	89,0
<i>54</i>	24,0	26,0	25,0	25,0	23,0	25,0	21,0
<i>55</i>	50,0	51,0	52,0	47,0	48,0	48,0	48,0
<i>51</i>	40,5	41,0	42,0	41,5	40,5	41,0	39,0
<i>51a</i>	37,0	40,0	40,0	40,5	38,0	38,0	38,0
<i>52</i>	35,0	33,0	33,0	32,0	34,0	31,0	33,0
<i>SC</i>	12,5	12,5	13,5	7,5		8,5	7,5
<i>SS</i>	4,0	8,0	4,5	3,0		3,0	3,5
<i>MC</i>	21,5	17,5	24,5	19,0		16,5	15,0
<i>MS</i>	6,0	9,5	5,5	5,5		6,5	6,5
<i>DC</i>	25,0		26,5	22,0		21,0	16,0
<i>DS</i>	9,5		7,5	17,5		11,5	7,5
<i>77</i>		134,0	133,0	141,0	137,0	143,0	143,0

<i>Zm</i>	128,0	114,0	122,0	129,0	123,0	122,0	123,0
<i>ВИЛ</i>		26,0	28,0	25,0	28,5		25,5
<i>ВИЗ</i>	29,0	30,0					28,5
<i>32</i>		80,0	88,0	87,0		90,0	81,0
<i>32a</i>		79,0	85,0	80,0		81,0	75,0
<i>72</i>	86,0	79,0	88,0	86,0		83,0	82,0
<i>73</i>	90,0	85,0	92,0	91,0		87,0	88,0
<i>74</i>	79,0	68,0	82,0	76,0		73,0	73,0
<i>75</i>	53,0	49,0	60,0	64,0		50,0	60,0
<i>75(1)</i>	33,0	30,0	28,0	22,0		33,0	22,0
<i>65</i>	113,0	122,0				118,0	112,0
<i>66</i>	93,0	98,0		89,0		90,0	93,0
<i>71a</i>	29,0	31,0		28,0	30,0	30,0	30,0
<i>69/3</i>	12,0	10,0	11,0	11,0	15,0	11,0	11,0
<i>67</i>	46,0	47,0	44,0	43,0	44,0	40,0	41,0
<i>8:1</i>		76,0		73,2	79,9		76,4
<i>48:45</i>	50,8	48,5	54,7	50,8		54,9	54,8
<i>48:17</i>	52,0	48,1		50,0			53,5
<i>40:5</i>		97,1		98,0		97,9	94,8
<i>54:55</i>	48,0	51,0	48,1	53,2	47,9	52,1	43,8
<i>52:51</i>	86,4	80,5	78,6	77,1	84,0	75,6	84,6
<i>SS:SC</i>	32,0	64,0	33,3	40,0		35,3	46,7
<i>DS:DC</i>	38,0		28,3	79,5		54,8	46,9

Таблица 3. Окончание / Table 3. Continuation.

№	179*	180*	n	x	min	max	s
<i>1</i>		174,0	6	175,7	174,0	179,0	2,6
<i>8</i>			5	135,0	131,0	139,0	3,1
<i>17</i>		130,0	5	128,6	123,0	131,0	3,2
<i>5</i>		96,0	5	98,6	97,0	104,0	3,2
<i>10</i>	119,0		5	117,4	114,0	119,0	2,3
<i>9</i>	94,0		7	95,9	88,0	105,0	5,5
<i>40</i>		97,0	6	95,5	91,0	101,0	3,7
<i>11</i>	112,0	123,0	9	113,8	110,0	123,0	4,1

12		114,0	8	103,9	96,0	114,0	5,9
20	119,5	111,1	8	112,9	106,7	119,5	4,8
45	126,0	133,0	8	127,4	122,0	133,0	3,2
48	64,0	72,0	9	66,6	63,0	72,0	3,1
47		115,0	6	109,8	107,0	115,0	3,1
46			6	102,2	96,0	109,0	4,3
43	91,0	100,0	9	94,2	89,0	100,0	3,9
54	25,0	25,0	9	24,3	21,0	26,0	1,5
55	52,0	49,0	9	49,4	47,0	52,0	1,9
51	44,0	42,0	9	41,3	39,0	44,0	1,4
51a	41,0	39,0	9	39,1	37,0	41,0	1,4
52	34,0	34,0	9	33,2	31,0	35,0	1,2
SC	10,5	8,0	8	10,1	7,5	13,5	2,5
SS	4,5	2,5	8	4,1	3,0	8,0	1,7
MC	20,0	18,5	8	19,1	15,0	24,5	3,0
MS	8,0	6,0	8	6,7	5,5	9,5	1,4
DC		21,5	6	22,0	16,0	26,5	3,6
DS		8,0	6	10,3	7,5	17,5	3,9
77			6	138,5	133,0	143,0	4,5
Zm	123,0	133,0	9	124,1	114,0	133,0	5,4
ВИЛ	23,0		6	26,0	23,0	28,5	2,0
ВИЗ		28,0	4	28,9	28,5	30,0	0,9
32	81,0		6	84,5	80,0	90,0	4,3
32a	73,0		6	78,8	73,0	85,0	4,3
72	85,0	80,0	8	83,6	79,0	88,0	3,2
73	89,0	84,0	8	88,3	85,0	92,0	2,8
74	86,0	69,0	8	75,8	68,0	86,0	6,3
75	58,0	59,0	8	56,6	49,0	64,0	5,3
75(1)	27,0	21,0	8	27,0	22,0	33,0	4,9
65		123,0	5	117,6	112,0	123,0	5,0
66		108,0	6	95,2	89,0	108,0	7,0
71a		35,0	7	30,4	28,0	35,0	2,2
69/3		14,0	8	11,9	10,0	15,0	1,7
67		44,0	8	43,6	40,0	47,0	2,3

8:1			4	76,4	73,2	79,9	2,7
48:45	50,8	54,1	8	52,4	48,5	54,9	2,5
48:17		55,4	5	51,8	48,1	55,4	2,9
40:5		101,0	5	97,8	94,8	101,0	2,2
54:55	48,1	51,0	9	49,2	43,8	53,2	2,9
52:51	77,3	81,0	9	80,6	75,6	86,4	3,8
SS:SC	42,9	31,3	8	40,7	32,0	64,0	10,9
DS:DC		37,2	6	47,5	28,3	79,5	18,1
*- пол определен по сопровождающему инвентарю / sex defined by accompanying grave goods							

Рис. 1. Расположение Нузальского средневекового могильника в каменных ящиках на карте РСО-А

Fig. 1. Location of the Nuzal medieval burial ground in stone boxes on the map of North Ossetia-Alania

Рис. 2. Нузальский средневековый могильник в каменных ящиках на космоснимке

Fig. 2. Figure 2. Nuzal medieval burial ground in stone boxes on a satellite image

А

Б

В

Рис. 3. Погребения Нузальского средневекового могильника в каменных ящиках. А – погребение 91; Б – погребение 53; В – погребение 59

Fig. 3. Burials of the Nuzal medieval burial ground in stone boxes. А – Burial 91; Б – Burial 53; В – Burial 59

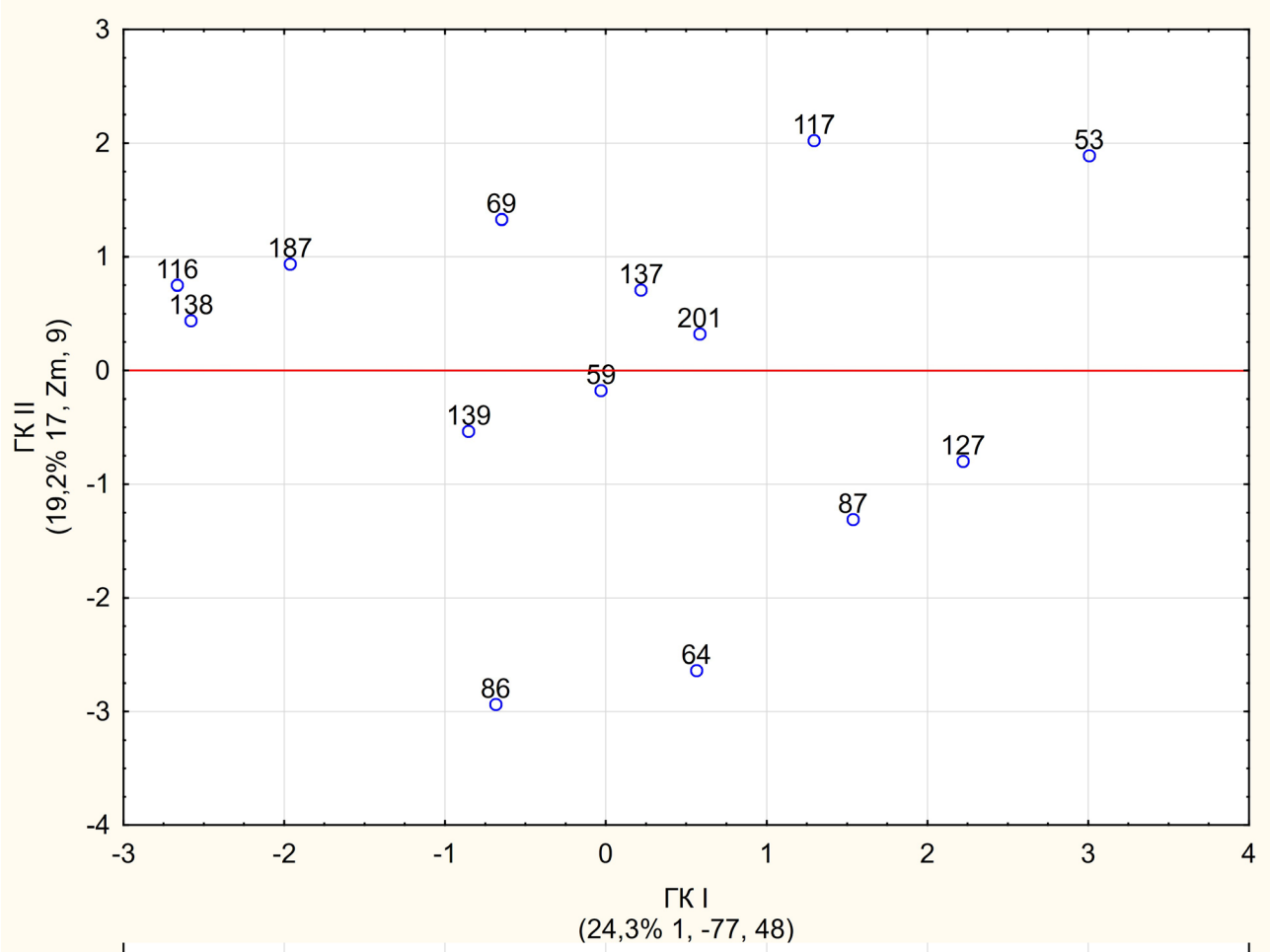

Рис. 4. Мужские черепа из Нузальского могильника в пространстве I и II Главных Компонент
Fig. 4. Male skulls from the Nuzal burial ground in space I and II of the Principal Component

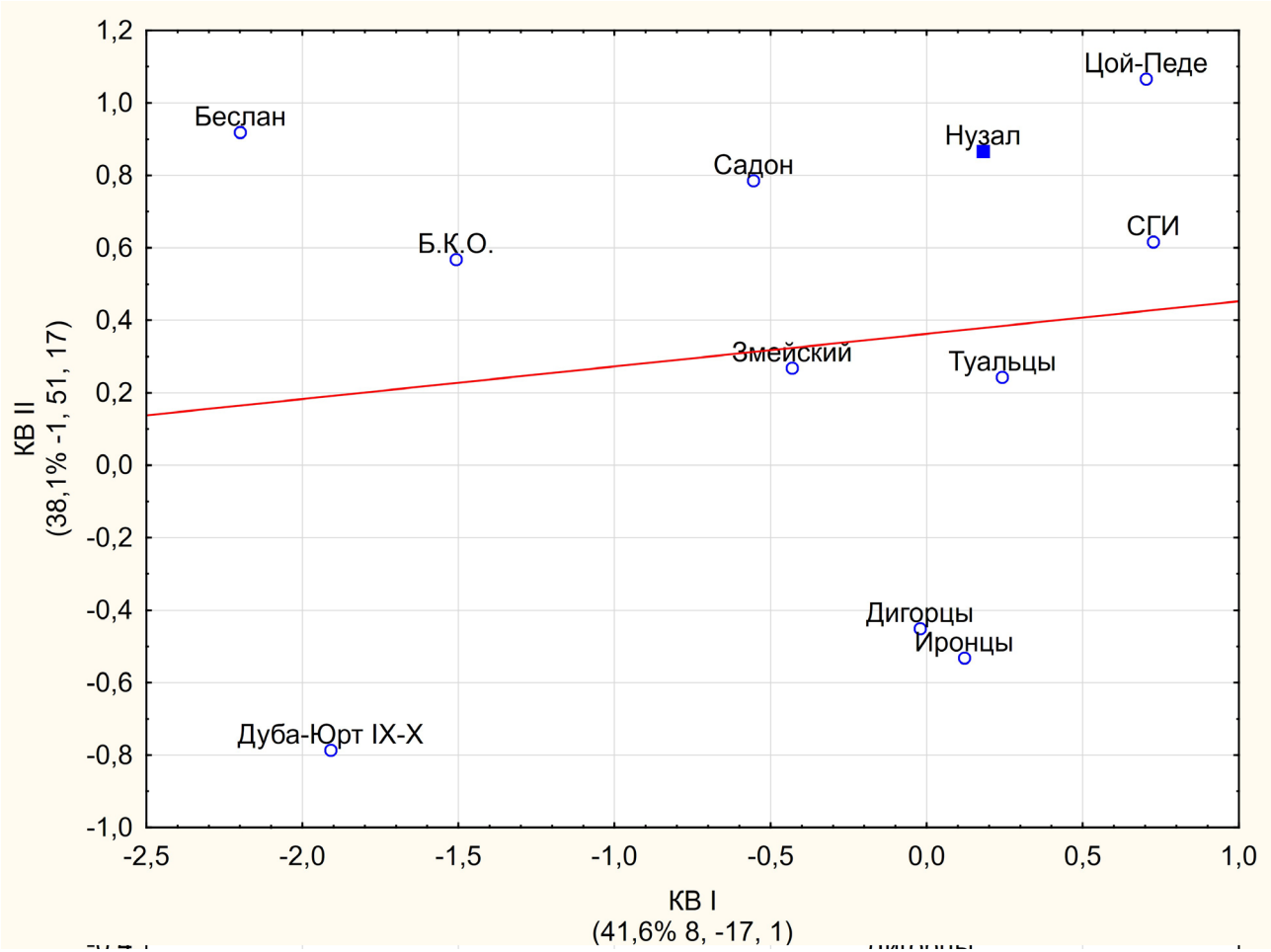

Рис. 5. Мужские серии в пространстве I и II Канонических векторов
Fig. 5. Male series in the space of I and II of the Canonical vectors

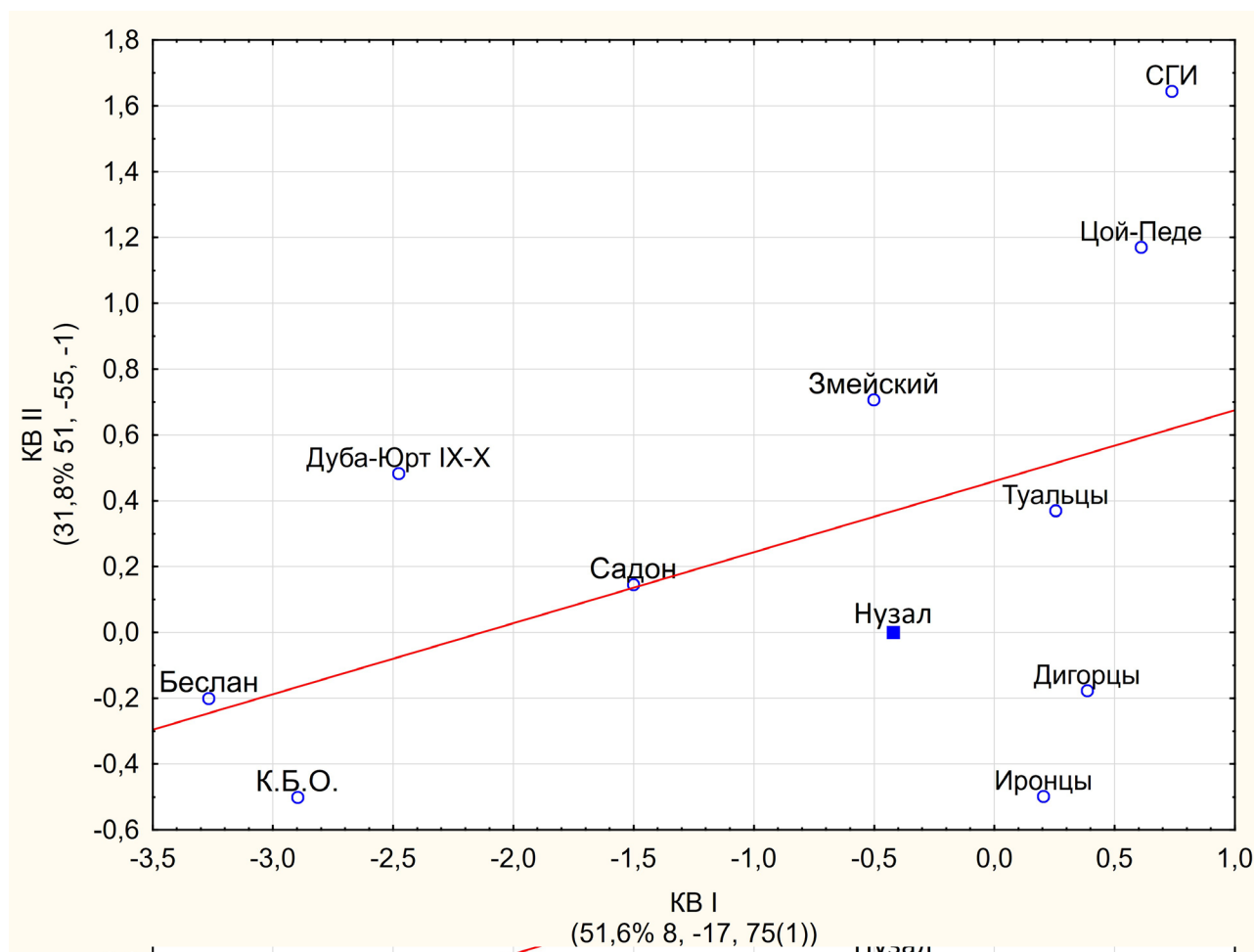

Рис. 6. Женские серии в пространстве I и II Канонических векторов

Fig. 6. Female series in the space of I and II of the Canonical vectors

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Габоева Л.Р. Нузальский грунтовый могильник // Аланское православие: история и культура Сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ. Аланская библиотека, 2017. С. 88–102.
2. Блашко А.В. О публикации материалов Е.Г. Пчелиной по исследованию Нузальской часовни // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е.Г. Пчелиной. Сборник статей по материалам научных чтений. 17-18 октября 2019 г., Санкт-Петербург. (Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 16). СПб.: Реноме, 2019. С. 114–142.
3. Мамукаев Т.Б. Тайна Нузальской часовни: Принадлежат ли исследуемые останки Давиду Сослану. Ордзоникидзе. Издательство «Ир», 1969. 124 с.
4. Белецкий Д.С. Заметки о Нузальском храме // Историко-филологический архив. Вып. 2. Владикавказ, 2004. С. 22–57.
5. Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Издательство «Ир», 1990. 192 с.

1. Gaboeva LR. Nuzal soil burial ground. Alanian Orthodoxy: history and culture. *Collection of materials of the VI St. George Readings "Orthodoxy. Ethnos. Culture"*. Vladikavkaz: Alan Library, 2017: 88–102. (In Russ.)
2. Blazhko AV. On the publication of materials by E.G. Pchelina on the study of the Nuzal chapel. *Archeology, ethnography and languages of the Caucasus in the documentary scientific heritage of E.G. Pchelina. Collection of articles based on the materials of scientific readings. October 17-18, 2019, St. Petersburg. (Series "Ad fontes. Materials and research on the history of science". Issue 16)*. Saint- Petersburg: Renome, 2019: 114–142. (In Russ.)
3. Mamukaev TB. *The Mystery of the Nuzal Chapel: Do the Examined Remains Belong to David Soslan?* Ordzhonikidze: Ir Publ., 1969. (In Russ.)
4. Beletsky DS. Notes on the Nuzal Temple. *Historical and Philological Archives*. Issue 2. Vladikavkaz, 2004: 22–57. (In Russ.)
5. Kuznetsov VA. *Rekom, Nuzal and Tzarazonta*. Vladikavkaz: Ir Publ., 1990.

6. Малашев В.Ю., Фризен С.Ю. Краниологические материалы из могильников аланской культуры Северного Кавказа III – первой половины V в. н.э. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 260. 2020. С. 459-481.

7. Фризен С.Ю., Кадзаева З.П. Краниологические материалы аланской культуры эпохи раннего средневековья из Садонского могильника (Республика Северная Осетия – Алания) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 16. 2016. С. 125-139.

8. Алексеев В.П. Избранное. Т. 5. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 2009. 379 с.

9. Фризен С.Ю., Гадиев У.Б. Краниологические материалы из склепов горной Ингушетии. (Предварительные итоги исследования) // Вестник антропологии. № 4(48). 2019. С. 210-234.

10. Фризен С.Ю., Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х. Краниологические материалы из склепов Цой-Педе (Горная Чечня) // Вестник антропологии. № 3(51). 2020. С. 242-260.

11. Кадзаева З.П. Садонский раннесредневековый катакомбный могильник в Северной Осетии. Некоторые итоги // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас: ООО «Пилигрим», 2010. С. 156-158.

12. Коробов Д.С. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб.: Нестор-история. 2019. 156 с.

13. Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. № 3. 1994. С. 51-62.

6. Malashev VYu, Friesen SYu. Craniological materials from the cemeteries of the Alanian culture of the North Caucasus of the 3rd – first half of the 5th c. AD. *Brief reports of the Institute of Archeology*. 2020, 260: 459-481. (In Russ.)

7. Frizen SYu, Kadzaeva ZP. Craniological materials of the Alanian culture of the early Middle Ages from the Sadon burial ground (Republic of North Ossetia-Alania). *Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. 2016, 16: 125-139. (In Russ.)

8. Alekseev VP. *Selected works. Vol. 5. The origin of the peoples of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 2009. (In Russ.)

9. Frizen SYu, Gadiev GB. Craniological materials from the crypts of mountainous Ingushetia (Preliminary results of the study). *Bulletin of Anthropology*. 2019, 4(48): 210-234. (In Russ.)

10. Frizen SYu, Mamaev KhM, Mamaev RKH. Craniological materials from the crypts of Tsoi-Pede (Mountain Chechnya). *Bulletin of Anthropology*. 2020, 3(51): 242-260. (In Russ.)

11. Kadzaeva ZP. Sadonsky early medieval catacomb burial ground in North Ossetia. Some results. *Problems of chronology and periodization of archaeological monuments and cultures of the North Caucasus. XXVI "Krupnov Readings" on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports of the international scientific conference*. Magas: Pilgrim LLC, 2010: 156-158. (In Russ.)

12. Korobov DS. *Alans of the North Caucasus: ethnos, archeology, paleogenetics*. Saint-Petersburg: Nestor-history, 2019.

13. Gerasimova MM. Paleoanthropology of North Ossetia in connection with the problem of the origin of Ossetians. *Ethnographic Review*. 1994, 3: 51-62. (In Russ.)

Поступила в редакцию 24.09.2022

Принята в печать 21.10.2022

Опубликована 30.03.2023

Resieved 24.09.2022

Accepted 21.10.2022

Published 30.03.2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191207-220>

Исследовательская статья

Требелева Галина Викторовна,
к.и.н., научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия,
rgv@mail.ru

Сакания Сурам Михайлович,
старший научный сотрудник отдела археологии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, Сухум, Абхазия,
suram_sakania@mail.ru

Кизилов Андрей Сергеевич,
к.пед.н., научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
kiziloff2014@mail.ru

Глазов Константин Анатольевич,
научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия,
paradoxsochi@yandex.ru

О ЛОКАЛИЗАЦИИ КРЕПОСТИ ТЦАХАР В ПСКАЛЬСКОМ УКРЕПЛЕНИИ И ДАТИРОВКЕ ПСКАЛЬСКОГО ХРАМА

Аннотация. Вопрос локализации того или иного топонима, известного по нарративным источникам, часто является неоднозначным и вызывает дискуссии в научном сообществе. В данной статье авторы ставят своей целью на основе комплексного анализа (нарративные источники, ГИС-анализ, данные археологии) проанализировать введенную в научный оборот Ю.Н. Вороновым и устоявшуюся идентификацию известного памятника на левобережье Кодора – Пскальского укрепления с крепостью Тцахар, описанной Агафием Миринейским. Пскальское укрепление представляет собой христианский храм, обнесенный крепостной стеной, общей площадью 1100 м². Авторами статьи был проведен подробный анализ географического положения укрепления, произведен натурный осмотр, созданы фотограмметрические модели ландшафта и самого храма. Географическое положение памятника показало, что Пскальское укрепление связано с районом левобережья р. Кодор, а не с Цебельдинской долиной и мисимианами, которых описывает Агафий Миринейский и которые располагались на правом берегу данной реки. Отсутствие описания переправы через реку и несоответствие площади укрепления, описанного в источнике, крепости Тцахар позволяет говорить, что идентификация Пскальской крепости с Тцахаром является преждевременной и крайне спорной. Анализ конструктивных особенностей храма позволил найти ряд аналогий среди других памятников региона, в том числе изученных археологически, благодаря чему можно констатировать: памятники подобного типа – малые храмы с вписанной в общий прямоугольный абрис полукруглой апсидой с двумя полукруглыми нишами по обеим сторонам апсидного полукружия – не могли быть построены позднее XII в., но и не являются памятниками цебельдинской эпохи. Их можно отнести к эпохе возникновения единого Абхазского царства. Таким образом, укрепление на горе Пскал являет собой не древнюю мисимианскую крепость Тцахар эпохи поздней античности, а памятник средневекового Абхазского царства, который еще требует своего детального изучения.

Ключевые слова: Абхазия; Абхазское царство; мисимиане; крепость Тцахар; река Кодор; Пскальский храм.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191207-220>

Research paper

Galina V. Trebeleva,
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archaeology of the RAS, Moscow, Russia,
trgv@mail.ru

Suram M. Sakania,
Senior Researcher
D.I. Gulia Abkhazian Institute for Humanitarian Studies, Sukhum, Abkhazia
suram_sakania@mail.ru

Andrey S. Kizilov,
Cand. Sci. (Pedagogy), Researcher
Subtropical Scientific Center of the RAS, Sochi, Russia
kiziloff2014@mail.ru

Konstantin A. Glazov,
Researcher
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia
paradoxsochi@yandex.ru

ON LOCALIZATION OF TSAKHAR FORTRESS IN THE PSKAL FORTIFICATION AND DATING OF PSKAL CHURCH

Abstract. The issue of localization of one or another toponym known from narrative sources is often ambiguous and causes disputes in the scientific community. In this article, the authors attempt to analyze, on the basis of a comprehensive analysis (narrative sources, GIS analysis, archaeological data), the introduced by Yu.N. Voronov identification of the famous monument on the left bank of the Kodori River – Psikal fortification – with the Tsakhar fortress described by Agathias of Myrina. The Psikal fortification is a Christian temple surrounded by a defensive wall with a total area of 1100 m². The authors of the article carried out a detailed analysis of the geographical location of the fortification, made a full-scale examination, created photogrammetric models of the landscape and the temple itself. The geographical location of the monument showed that the Psikal fortification was connected with the region of the left bank of the Kodori River, and not with the Tsebelda valley and the Misimians, which Agathias describes, and which were located on the right bank of this river. The absence of a description of the crossing over the river and the inconsistency of the fortification's area described in the source regarding the Tsakhar fortress allows us to suggest that the identification of the Psikal fortress with Tsakhar is premature and extremely controversial. An analysis of the design features of the temple made it possible to find a number of analogies among other monuments of the region, including those studied archaeologically, thanks to which we can state: monuments of this type – small temples with a semicircular apse inscribed in a common rectangular outline, with two semicircular niches on both sides of the apse semicircle could not have been built later than the 12th century, neither they are monuments of the Tsebelda era. They can be attributed to the era of the emergence of a single Abkhazian kingdom. Thus, the fortification on Mount Psikal is not the ancient Misimian fortress Tsakhar of the Late Antiquity, but a monument of the medieval Abkhazian kingdom, which still requires further detailed study.

Keywords. Abkhazia; Abkhaz kingdom; Misimians; Tsakhar fortress; Kodori River; Psikal temple; rectangular apse.

Введение

Расположение античных и средневековых крепостей и городов постоянно вызывало дискуссии, связанные с вопросом их локализации: всегда заманчиво соотнести известные по нарративным источникам пункты с реальными археологическими памятниками. В ходе работ по составлению каталога позднеантичных и средневековых храмов Республики Абхазия Маркульской археологической экспедицией был осмотрен и Пскальский храм в сел. Джгерда Очамчирского района. Этот памятник особенно интересен тем, что в абхазской исторической литературе [1, с. 111–114] устоялась идентификация данного объекта (храм, окруженный крепостной стеной) с крепостью Тцахар, описанной Агафием Миринейским (536–582) в связи с восстанием в 555–556 гг. против византийцев мисимиян, вступивших в союз с персами [2, с. 16]. Позднее А.Ю. Виноградовым была высказана иная трактовка данной крепости. Она рассматривается в качестве возможного места первого заточения прп. Анастасия Диякона – Скотория [3, с. 237]. Но данная идентификация не бесспорна и вызвала сомнения даже у самого автора [4, с. 227]. Поэтому в данной статье мы ее рассматривать не будем. Основной целью работы мы видим всестороннее, как с точки зрения анализа литературных источников, так и на основании пространственного анализа в ГИС, и имеющихся данных археологии, рассмотреть соответствие идентификации Пскальского храма с крепостной стеной вокруг него, с известной по нарративным источникам крепостью Тцахар.

Материалы и методы

Вопрос идентификации тех или иных топонимов, упомянутых в письменных источниках, по существу, относится к области исторической географии, которая конкретизирует представления о пространственной стороне исторического процесса и связывает его с конкретными территориями. Поэтому в качестве основного пути проверки верности или ошибочности локализации на местности топонима, идентификации уже известного археологического объекта с упомянутым топонимом в источниках нами был выбран картографический метод. Реализован он был с помощью методов ГИС: использование географических подоснов, включающих данные рельефа и гидрологии в качестве отдельных слоев, и локализация археологических памятников на местности в ходе разведок.

Важным моментом при анализе любого письменного источника является внимательное его прочтение с анализом деталей. Агафий Миринейский оставил детальное описание событий с описанием местности, указанием численности войск и т.д. Поэтому тщательный осмотр предполагаемого объекта идентификации и определение соответствия его описанному в источнике есть важнейший элемент исследования. Необходимо не просто осмотреть памятник, но и вписать его в микроландшафт, получить его топографический план. Поскольку памятник никогда не раскапывался и планов его не существует, было принято решение получить первичный план с помощью фотограмметрии. С учетом того, что памятник расположен в субтропическом лесу, поднять БПЛА возможности не было, поэтому съемка производилась с земли.

Пскальское укрепление расположено на краю гребня одного из отрогов горного хребта на высоте 576 м над уровнем моря (рис. 1). Оно представляет собой небольшой зальный храм с прямоугольной снаружи апсидой, окруженный по периметру каменной оградой, интерпретируемой как крепостная, оборонительная стена (рис. 2, 3, 4). Длина храма – 6,45 м, ширина – 4,4 м. Толщина стен – 85–88 см, что не исключает в момент возведения постройки наличие каменного свода, но и не подтверждает этого однозначно. Дверной проем – один, в западной стене, его ширина – 80 см. Ограда храмовой территории, расположенная по краю вершины отрога, достаточно массивна, толщина стен – более 1 м, в кладке использованы крупные каменные тесаные блоки.

Обсуждение и результаты

Агафий Миринейский так описывает место расположения крепости Тцахар: «Есть в этой стране гора, привлекающая внимание, не слишком высокая и возвышающаяся ненамного над местностью, но чрезвычайно крутая, перпендикулярно поднимающаяся вверх, со скалами, обрывающимися во все стороны» [2, с. 16]. Сравним это описание с реальным орографическим местоположением Пскальского укрепления (рис. 1, 1).

Мы обнаружим, что укрепление расположено не на горе, а на одном из отрогов хребта, и крутой склон отмечается лишь с запада и юга, а с севера к вершине ведет достаточно проходима тропа. Более того, внимательный осмотр укрепления позволяет выявить, что ворота в крепость расположены со стороны крутого южного склона. Следовательно, в период функционирования крепости со стороны этого крутого склона должна была быть дорога, а никак не обрывающаяся скала. Отсутствие этой дороги сейчас можно объяснить процессами природной абразии склонов, выходящих к руслу реки Кодор. Таковые мы наблюдаем на расположенной южнее Кодорской крепости в сел. Отара Абхазская, да и в других районах Абхазии, где процессы естественной абразии и разрушения склонов холмов – явление достаточно частое. Таким образом, геоморфологическая ситуация Пскальского укрепления не соответствует описанию местоположения крепости Тцахар Агафием Миринейским.

Рассмотрим площади, занимаемые Пскальским укреплением и крепостью Тцахар. По информации византийского историка, все мисимиане собрались в одном укреплении. На отряд римлян отсюда напали «600 воинов пеших и конных» [2, с. 16], кроме этого, в крепости находились еще женщины, дети и старики – «все мисимиане». Следовательно, численность присутствующих в крепости мисимиан, как минимум, была в два раза больше, чем состав их воинского отряда (допустимо, что и в четыре раза больше), т.е. там находилось не менее 1200 чел. Площадь же Пскальского укрепления, как отмечалось, составляет, всего 1100 м². Произведенные расчеты ясно показывают, что в данном случае на каждого из присутствующих на территории укрепления приходилось бы жизненное пространство размером менее 1 м², что явно не соотносится с реальностью.

Но даже если допустить, что указанные Агафием цифры существенно завышены (что нередко для нарративных источников), остается открытым вопрос с одним очень важным географическим фактором, а именно – с переправой через р. Кодор. Основные памятники (крепости, могильники) той эпохи сосредоточены в данном регионе в Цебельдинской долине (рис. 1, 2), которая располагается на правом берегу р. Кодор, тогда как Пскальское укрепление расположено на левом берегу Кодора. Более того, поскольку Кодор является по полноводью самой крупной рекой в Абхазии

и на участке близ Пскальской крепости отличается крутизной берегов и быстрым течением, переправа была бы делом крайне сложным и трудоемким, требующим немалых инженерных и временных затрат. Стремительное бегство мисимиан на левый берег реки, где нет большого числа крепостей и поселений, выглядит крайне странным. Река Кодор является естественной природной границей. К тому же на правом берегу есть множество скальных массивов и укреплений, в которых можно было бы организовать оборону. Сама организация таковой переправы для «всего народа» – весьма затруднительный процесс, несущий в себе угрозу легкого уничтожения убегающих врагами.

Таким образом, сомнительна сама логичность того, что мисимиане с правого берега реки Кодор спешно, с женщинами, детьми и стариками переправились на левый берег. Но что нам говорит сам источник? Описание Агафием исторических событий изобилует множеством деталей, но вот описание переправы через реку в труде историка отсутствует. То, что историк не удостоил вниманием непростой процесс переправы римского войска через бурную реку, если бы он происходил, представляется сомнительным. А значит, можно с большой долей уверенности утверждать, что переправы не было.

Приведенные доводы ясно противоречат мнению Ю.Н. Воронова, что укрепление Пскал это и есть упомянутый Агафием Тцахар, с которым невозможно согласиться. Так что же это за памятник?

Как отмечалось, центральным элементом Пскальского укрепленного комплекса выступает расположенный в его восточной части, у крутого склона, христианский храм. И датировка данного объекта также может быть существенным доводом в вопросе идентификации укрепления Пскал с крепостью Тцахар.

Важной архитектурной составляющей Пскальского храма являются полукруглые ниши в апсиде. Подобного рода архитектурный элемент – полукруглые ниши в сочетании с апсидой, вписанной в прямоугольный абрис храма – мы встречаем в Абхазии (рис. 4) на достаточно узком в географическом плане участке [5, с. 491–492]. Это храм в сел. Яштвух (Рис. 3, 5, 4), храм № 1 в сел. Кутол (рис. 3, 2, 4) и д храм в Пскальском укреплении (Рис. 3, 4; 4). Еще два храма, Нижняя Дранда (Рис. 4, 1, 5) и Мармал-Абаа (Рис. 4, 4, 5), крупнее и отличаются наличием пилястр, но в целом близки по типу: прямоугольный абрис храма с востока и полукруглая внутри апсида с двумя полукруглыми нишами.

Столь территориально узкое и однотипное применение подобного архитектурного элемента свидетельствует о том, что, скорее всего, данные храмы относятся к одному временному диапазону и построены, возможно, даже одной строительной артелью. Во всех этих храмах применена смешанная техника кладки, сочетающая в себе использование окатанного речного булыжника и блоков из ноздреватого туфа.

Проведенный анализ связующего раствора на примесь песка на данных памятниках показал очень близкие результаты: Яштвух – 11%, Пскал – 8%; Мармал-абаа – 10%, Нижняя Дранда – 10%, Кутол № 1 – 9%. Следовательно, можно сделать вывод, что и по технологии приготовления раствора, использованного при строительстве, данные храмы очень близки.

Важно обратиться к результатам раскопок храма № 1 в сел. Кутол (рис. 3, 2, 4) – единственного храма данного типа, который подвергнулся археологическому изучению. Исследовательские работы здесь проводились Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. Гулиа АН Абхазии под руководством одного из авторов данной статьи (С.М. Сакания) в 2013-2014 гг. и еще не опубликованы. Объект был вскрыт до уровня пола.

Памятник представляет собой архитектурные остатки храмового комплекса, включающего центральную зальную церковь и пристроенные к ней встык без перевязи с севера и юга помещения. Центральная часть возведена из блоков ноздреватого туфа, длина блоков – 40 см, высота рядов – 27–30 см, толщина швов – 3–5 мм. Обе пристройки – и с севера, и с юга – возведены из блоков белого известняка. Кладка регулярная, размер блоков – 25×30 см, толщина швов – 3–6 мм. Учитывая, что центральная часть отличается от пристроенных помещений техникой кладки, формой, конструкцией, строительным материалом, можно сделать вывод, что они не синхронны. Из трех построек комплекса центральная церковь по времени возведения – более древняя. Поэтому мы предполагаем, что обнаруженный известковый пол, который сплошным полотном идет из основного храма в южный притвор, относится ко второму строительному периоду. Проем между этими частями очень широкий – 171 см, скорее всего, он был расширен из более раннего проема (рис. 5).

Основной храм представляет собой прямоугольное сооружение с полукруглой апсидой, вписанной в общий прямоугольник абриса объекта на востоке, с тремя дверными проемами, расположенными в западной и продольных его стенах. В церкви сохранилась алтарная часть с престолом. По сторонам алтарного полукружья расположено по одной нише полукруглой формы в плане. В строительстве храма применена смешанная техника. С наружной стороны в кладке использованы хорошо обработанные блоки ноздреватого туфа. Горизонтальные ряды кладок в сохранившихся местах четко читаются. Внутри церкви этот же материал применен в углах строения и в других узловых местах – в дверных проемах и в углах ниш. В продольных стенах, как и в алтарном полукружии, в кладке использованы речные, окатанные, предположительно диоритовые булыжники. Эти камни не обработаны, но при этом каждый из них имеет щёки с достаточно ровной поверхностью.

Из-за руинированности церкви трудно представить, как выглядело её покрытие. В процессе расчистки были обнаружены фрагменты каменных блоков изогнутой формы, которые дают возможность предположить наличие каменного свода из туфа. Черепица не была обнаружена, и это подводит нас к мысли, что храм был покрыт дранкой.

Церковь изначально была оштукатурена изнутри и снаружи и расписана. Об этом свидетельствуют найденные во время расчистки завала многочисленные фрагменты штукатурки с росписью геометрическим орнаментом. В южной части западной стены храма в нижних рядах блоков сохранились следы штукатурки со следами краски красного цвета.

Главный дверной проем располагался с западной стороны, два других – на южной и северной сторонах: они служили для литургических служб. Позже, когда к церкви с обеих сторон пристроили помещения, дверные проемы в продольных стенах превратились в объединяющий элемент всего внутреннего пространства храмового комплекса.

Северная пристройка главной церкви оказалась, как выяснилось в процессе археологических расчисток, также зальным храмом со своим алтарным полукружьем. Он сообщался дверным проемом с центральной церковью. Южная пристройка имела прямоугольную форму и могла служить для литургических действий. Северная и южная пристройки, вероятно, были возведены в одно время.

В этих пристройках в кладке стен применены каменные блоки известняка, обработанные технологически одинаковым способом. Скреплены они также известковым раствором одинаковой фактуры и состава, о чем свидетельствуют данные анализа: примесь песка в растворе составляет 17%.

Наружные размеры всего комплекса: длина – 5,2 м, ширина – 9,6 м. Наружные размеры основной церкви: длина – 5,2 м, ширина – 3,8 м, толщина стен – 60 см, ширина

западного дверного проема – 86 см, северного – 95 см, ширина южного проема не поддается фиксации.

Во время расчисток на слое разрушений южной стены южной пристройки был обнаружен обломок круглого медальона – двуцветной сланцевой пластины, на которой показано поясное изображение архангела в рельефе, вероятно, архангела Михаила (рис. 6, 1).

Архангел изображен в лоратном одеянии: далматике (узкая длинная одежда с широкими рукавами, вышитым оплечьем и подолом) и лоре (широкая длинная полоса ткани, украшенная жемчугом и драгоценными камнями; часть одеяния византийских императоров). В правой руке у архангела находится лабарум (древко с полотнищем) – боевой штандарт императора, символ властных полномочий.

Такой тип изображения архангела известен с VII в. до XIII в. Прямых аналогов этого медальона в музеях Кавказа, музеях Стамбула, Анкары и Анталы на этот период не обнаружено. Поэтому велика вероятность того, что Кутольский медальон – это оригинальное изделие, возможно, единственное в своем роде. В тоже время можно отметить очень близкое сходство в стиле изображения с работами мастеров Опизской школы XII в. [6; 7]. В частности, изображение обоих архангелов на окладе иконы Анчийского Спаса работы Бека Опизари [8] (рис. 6, 2, 3) по стилю почти полностью совпадает с изображением архангела «Михаила Кутольского» (рис. 6, 1).

Поэтому мы считаем возможным отнести найденный медальон к работам мастеров данной школы и датировать его примерно XII в. С датировкой медальона связано и наше предположение о том, что примерно к этому периоду могут относиться и сами пристройки к храму. Но основной храм построен, несомненно, ранее.

В заключении коснемся географической ситуации, характеризующей положение интересующих нас Пскальского укрепления с храмом. Если взглянуть в цепочку памятников вдоль русла р. Кодор (рис. 4), обращает внимание то, что здесь располагается удобная гавань для малогабаритных судов. Именно здесь, на левом берегу р. Кодор, а не в Сухуме, по мнению ряда ученых как XIX в., так и современных, и должна локализоваться Диоскурия [9, с. 145; 10, с. 326; 11]. И хотя явных признаков присутствия ее пока не обнаружено, но следы античного поселения, существовавшего здесь с конца VII – начала VI в. до н.э., судя по обнаруженной греческой керамике, явно присутствуют. В верхних слоях встречается керамика и римского, и средневекового времени.

Также относительно недалеко от места предполагаемой Диоскурии находится средневековый храм Мармал-абаа (рис. 4), а выше по течению Кодора, в сел. Отара Абхазская, расположена хорошей сохранности средневековая крепость, именуемая Кодорской (или Отарской). Сохранившаяся высота ее стен превышает 7 м, фиксируются башни и ворота. Еще выше по течению реки находится Пскальское укрепление с храмом. Интересен тот факт, что расстояние между храмом Мармал-Абаа и Кодорской крепостью составляет около 10 км, и также около 10 км разделяют Кодорскую крепость и Пскальское укрепление храм, т.е. они расположены на дистанции ком-фортного перехода в течение дня от одного пункта ко второму и третьему.

Далее по гребню холмов, к востоку от Пскальского храма, дорога ведет к знаменитому Кячскому храму Архангела Михаила – величественному и уникальному сооружению, полностью сооруженному из ноздреватого туфа. Сооружение этой церкви датируется разными исследователями [12, с. 90–93; 13, с. 16–17; 14, с. 156] в диапазоне от VII до X в., и она явно играла роль главного культового памятника в данном районе. Таким образом, мы видим, что Пскальское укрепление географически связано с левобережьем реки Кодор, а не с Цебельдинской долиной и мисимианами.

Заключение

Проведенный анализ географического и орографического положения Пскальского укрепления на соответствие тексту письменного источника позволяет сделать вывод, что данное укрепление не могло быть упомянутой Агафием Миринейским крепостью Тцахар. Центральным сооружением в данном укреплении является храм, и поэтому следует говорить не столько об укреплении, сколько о памятнике церковной архитектуры – храме с его оградой стеной. Расположенный здесь доминантный объект – Пскальский храм – находит себе аналогии среди других памятников региона.

В Абхазии выделяется несколько этапов церковного строительства. Первые церкви в Абхазии возникают еще в IV в., но это единичные храмы простой формы: зальные храмы с полукруглой выступающей апсидой, изначально – без заплечиков, позже – с небольшими заплечиками и простыми пилястрами внутри. В VI в., в Юстиниановскую эпоху, после официального принятия христианства начинается сооружение большого количества храмов более сложной формы: апсида становится граненой, появляются сложные формы пилястр.

Следующий этап храмового строительства связан с возникновением единого Абхазского государства в конце VIII в., с его развитием, которое и дало экономическую базу для данного процесса. Именно в период VIII–XII вв. и возникает большое количество храмов с прямоугольной снаружи апсидой. Хотя отдельные храмы такого типа встречаются и раньше, массовое распространение они получают именно в это время. Начиная с XIII в., церковное строительство на территории Абхазии затухает.

По нашему мнению, именно с эпохой возникновения единого Абхазского царства связано появление малых храмов с полукруглой, вписанной в прямоугольный абрис апсидой, с двумя полукруглыми нишами по обеим сторонам апсидного полукружия, к каковым относятся храмы Кутол № 1 и Пскальский. Так как пристройки к Кутольскому храму датируются не позднее XII в., то можно предположить, что центральный храм Кутол мог быть возведен в период VIII–X вв. Соответственно, к этому периоду, очевидно, относится и Пскальский храм.

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют сделать вывод об ошибочности идентификации данного памятника с крепостью Тцахар, но не позволяют пока идентифицировать его с иными топонимами, фигурирующими в письменных источниках. Возможно, будущие раскопки на данном памятнике предоставят новую информацию о его датировке. Пока же мы можем с уверенностью говорить лишь то, что данный храм является памятником средневековой истории Абхазского царства, который еще требует своего детального изучения.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке РНФ проект № 22-18-00466 «Северо-Восточное Причерноморье в античное и средневековое время: историческое моделирование на основе ГИС-технологий, геоархеологии и археометрии».

Acknowledgements. The study is conducted with the financial support of the Russian Scientific Foundation, project No. 22-18-00466 “North-Eastern Circum-Pontic region in ancient and medieval eras: historical modeling based on GIS technologies, geoarchaeology and archeometry”.

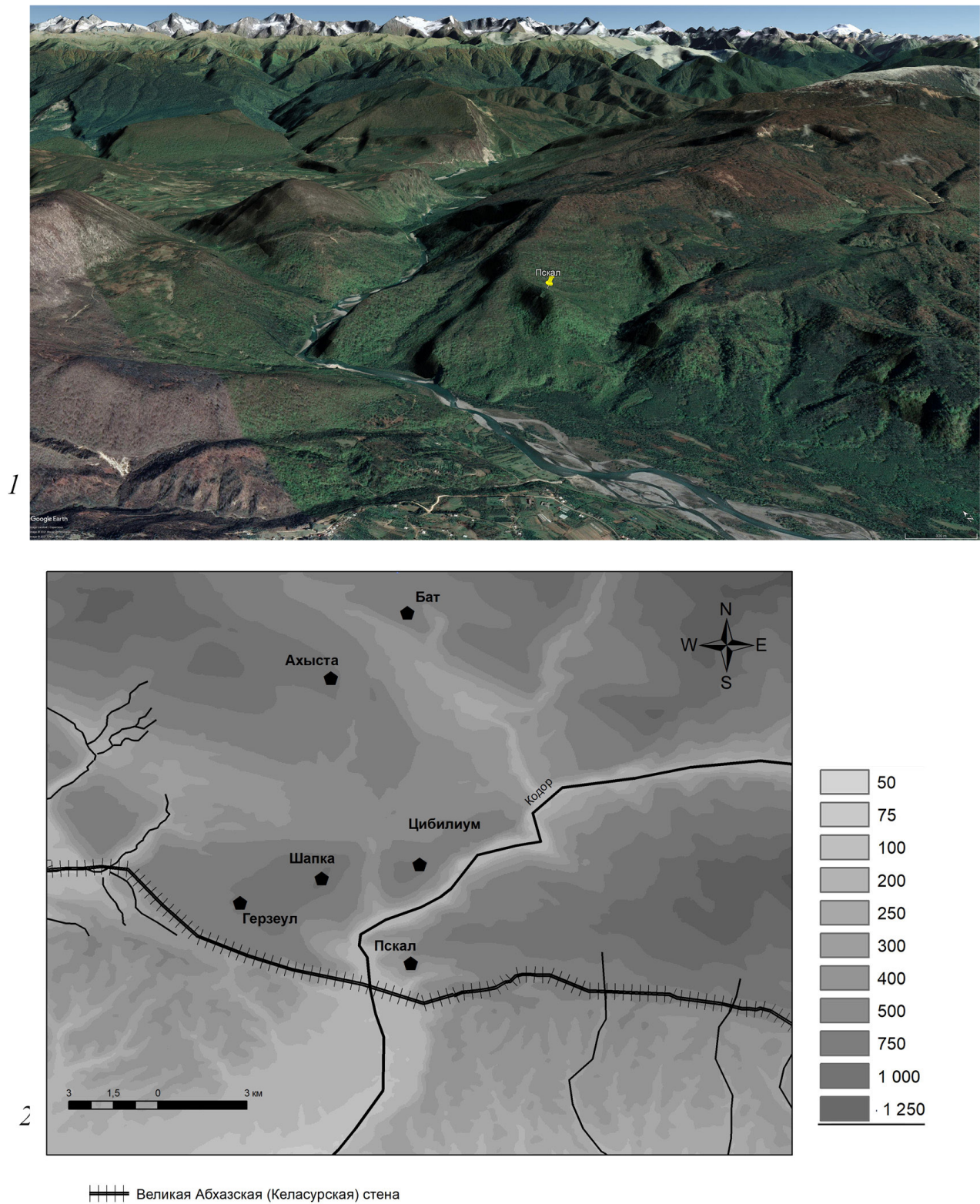

Рис. 1. Карта района распространения малых храмов с полукруглыми нишами и укреплений Цебельдинской долины

Fig. 1. Map of the location of small temples with semicircular niches and fortifications of the Tsebel'da valley

Рис. 2. План крепости и храма Пскал на основе фотограмметрической съемки

Fig. 2. Plan of fortresses and the Pskal temple according to photogrammetry

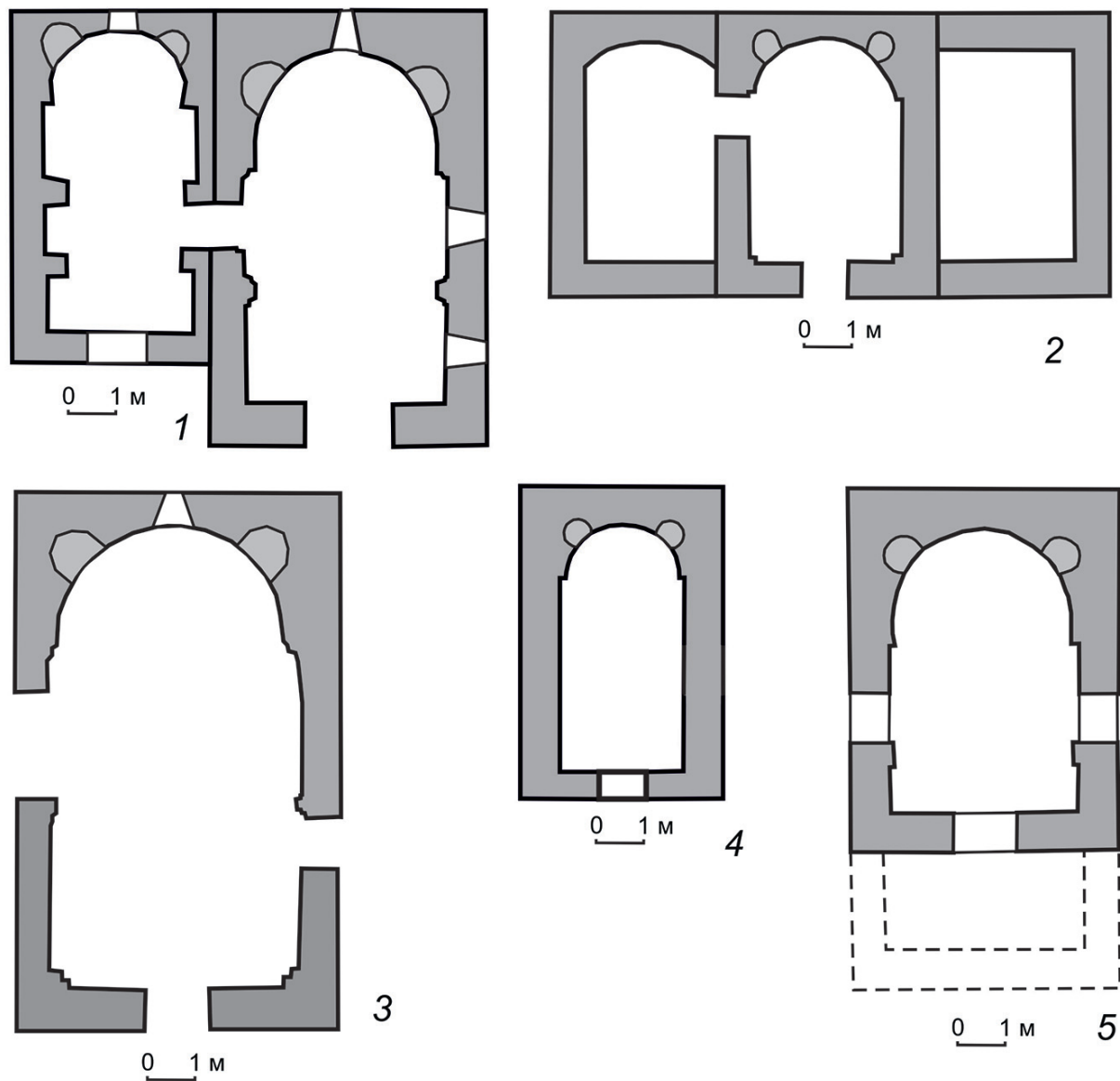

Рис. 3. Планы храмов: 1 – Нижняя Дранда, 2 – Кутольский храм № 1, 3 – Мармал-Абаа, 4 – Пскальский храм, 5 – храм Яштвух

Fig. 3. Temple plans: 1 – Lower Dranda temple; 2 – Kutol temple 1; 3 – Marmal-Abaa; 4 – Pskal temple; 5 – Yashtukh temple

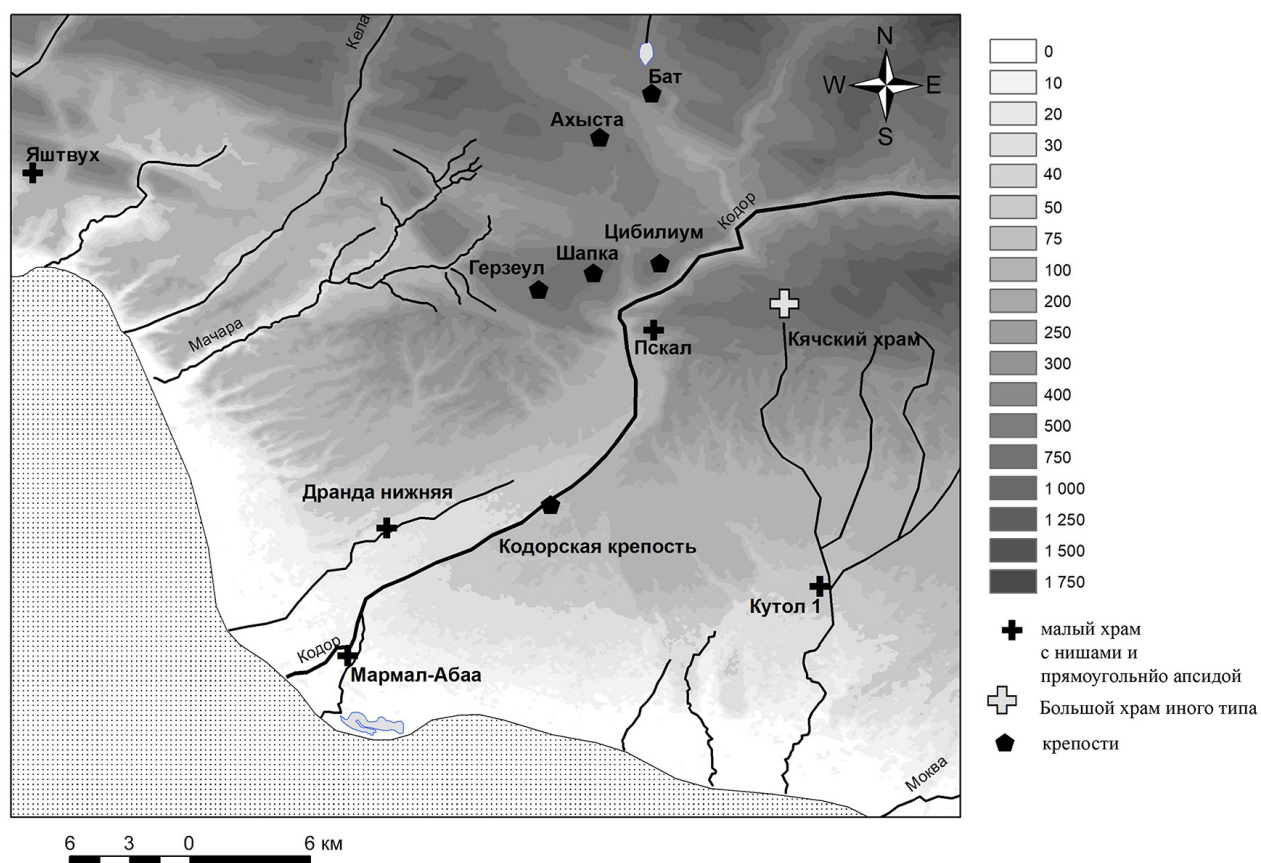

Fig. 4. The location of small temples with a niche and a rectangular apse

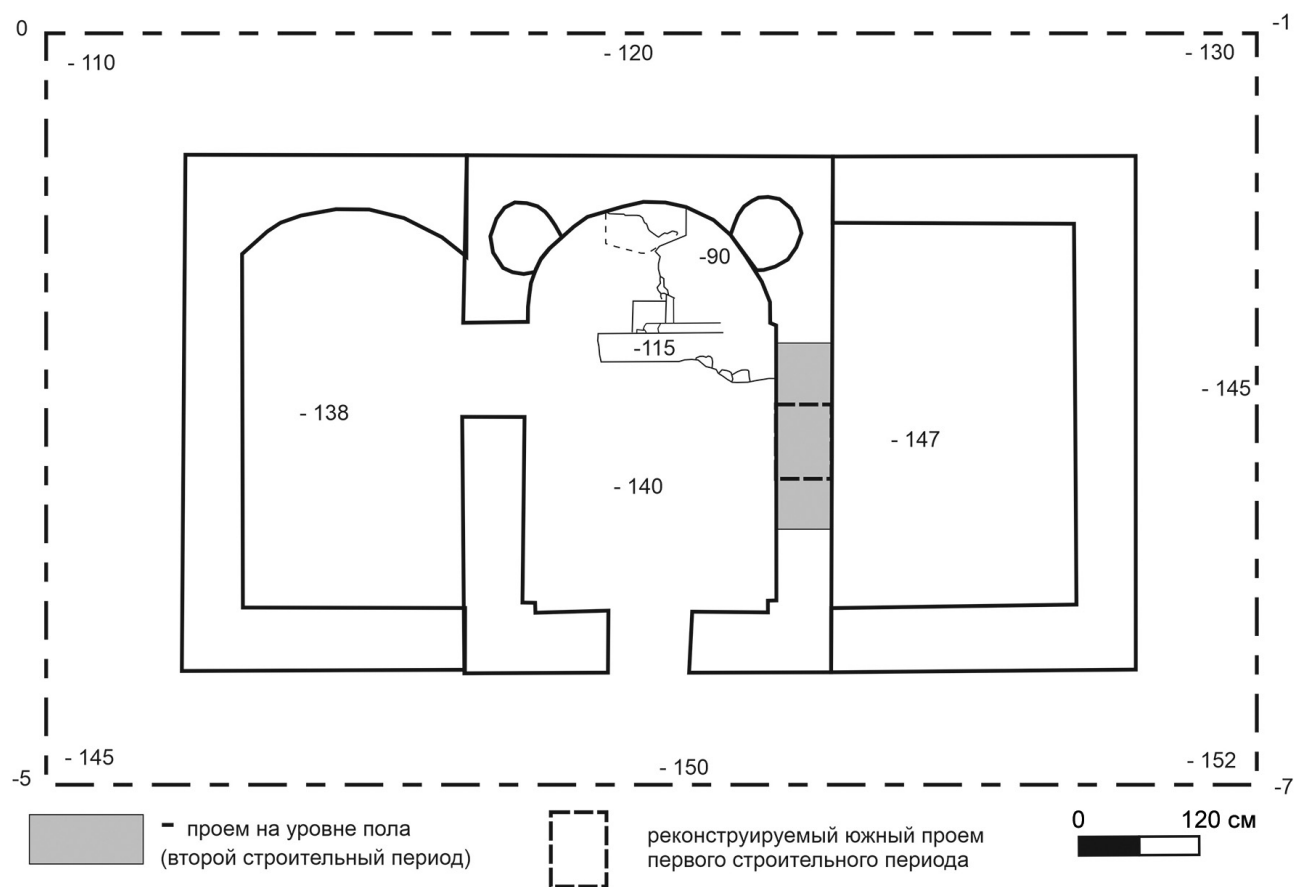

Fig. 5. The plan of the Kutol temple based on the results of archaeological excavations

Рис. 6. Медальон с изображением Архангела из Кутольского храма № 1 (фото С.М. Сакания) (1) и изображения архангелов Михаила (2) и Гавриила (3) на окладе Анчисхатского Спаса работы Беки Опизари (из работы Хускивадзе Л. 2002)

Fig. 6. Medallion with the image of the Archangel from the Kutol temple 1 (photo by Sakania S.M.) (1) and images of the archangels Michael (2) and Gabriel (3) on the frame of the Anchiskhat Savior by Beki Opizari (according to Huskivadze L. 2002)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.: Искусство, 1978. – 172 с.
2. Агафий Миринийский. О царствовании Юстиниана. Пер. М.В. Левченко. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 224 с.
3. Виноградов А.Ю. Еще раз к вопросу о месте ссылки, смерти и погребения прп. Максима Исповедника // Богословские труды. 2013. № 45. С. 219–237.
4. Виноградов А.Ю. К локализации византийских крепостей в Апсилии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. С. 226–228.

REFERENCES

1. Voronov YuN. *In the world of architectural monuments of Abkhazia*. Moscow: Iskusstvo, 1978. (In Russ.)
2. Agathias of Myrina. *On the reign of Justinian*. M.V. Levchenko (transl.). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1953. (In Russ.)
3. Vinogradov AYu. Once again to the question of the place of exile, death and burial of the Rev. Maxim of the Confessor. *Bogoslovskie trudy*. 2013, 45: 219-237. (In Russ.)
4. Vinogradov AYu. On localization of Byzantine fortresses in Apsilia. *E.I. Krupnov and the development of archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnov readings. Proceedings of the international scientific conference*. Moscow, April 21-25, 2014: 226-228. (In Russ.)

5. Сакания С.М. Малые церкви с ритуальными нишами в алтаре // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. – С. 491–492.

6. Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство в 2-х томах. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси: Сабхота Сакартвело, 1959. Т. 1: Текст XXXV, 690 с.; Т. 2: Иллюстрации – XVII, 394 с.

7. Амиранашвили Ш.Я. Бэка Опизари. Тбилиси. Отдел охраны памятников культуры Грузии, 1939. – 50 с.

8. Хускивадзе Л. Анчисхатский Спас // Бека Опизари – златоваятель средневековой Грузии – 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://revaz2002.narod.ru/opizari/anchiskhati.htm> Дата обращения: 01.10.2022

9. Монпере, Фредерик Дюбуа де. Путешествие вокруг Кавказа: у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Сухуми: АбГИЗ, 1937. – 180 с.

10. Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. 6. История Абхазии. Этнография. Сухуми: Алашара, 1986. – 350 с.

11. Белинский А.Б., Иванчик А.И. К вопросу о греческой колонизации Северной Колхиды и локализации Диоскуриады в архаический и классический периоды // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 159–160.

12. Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми: АбГИЗ, 1958. – 155 с.

13. Сакания С.М. Кячский храм // Тезисы докладов научной сессии Абхазского государственного музея. Министерство культуры Абхазской АССР. Абхазский Государственный музей. Сухуми, 1988. С. 16–17.

14. Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X веков. М.: Индрик, 2015. – 371 с.

5. Sakania SM. Small churches with ritual niches in the altar. *Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus*. *Proceedings of the International Scientific Conference*. U.Y. Kochkarov (ed.). Karachayevsk, April 22-29, 2018: 491-492. (In Russ.)

6. Chubinashvili GN. *Georgian chased art in 2 volumes. Research on the history of Georgian medieval art*. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1959. Vol. 1: Text – XXXV, 690 p.; Vol. 2: Illustratiuons – XVII, 394 p. (In Russ.)

7. Amiranashvili ShYa. *Beka Opizari*. Tbilisi. Department of Protection of Cultural Monuments of Georgia, 1939. (In Russ.)

8. Huskivadze L. *Anchiskhatsky Spas. Beka Opizari – the Golden-hearted medieval Georgia* – 2002. Available at: <http://revaz2002.narod.ru/opizari/anchiskhati.htm>

9. Montpere, Frederic Dubois de. *Travel around the Caucasus: Circassians and Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia and Crimea*. Sukhumi: AbGIZ, 1937.

10. Gulia DI. *Collected works. Vol. 6. History of Abkhazia. Ethnography*. Sukhumi: Alashara, 1986.

11. Belinsky AB, Ivanchik AI. On the question of the Greek colonization of Northern Colchis and the localization of the Dioscuriad in the archaic and classical periods. *Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX Krupnov readings. Proceedings of the International Scientific Conference*. Karachayevsk, 2018: 159-160. (In Russ.)

12. Adzinba IE. *Architectural monuments of Abkhazia*. Sukhumi: AbGIZ, 1958. (In Russ.)

13. Sakania SM. Kyachsky temple. *Abstracts of the scientific session of the Abkhazian State Museum*. Ministry of Culture of the Abkhazian ASSR. The Abkhazian State Museum. Sukhumi, 1988: 16-17. (In Russ.)

14. Vinogradov AYU, Beletsky DV. *Church architecture of Abkhazia in the era of the Abkhazian Kingdom. The end of the VIII–X centuries*. Moscow: Indrik, 2015. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.11.2022

Принята в печать 21.01.2023

Опубликована 30.03.2023

Resieved 01.11.2022

Accepted 21.01.2023

Published 30.03.2023

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191221-240>

Исследовательская статья

Сампиев Исрапил Магометович,
д. полит. н., проф., зав. кафедрой социологии и политологии
Ингушский государственный университет, Магас, Россия
israpil@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ БОЕВЫХ БАШЕН ИНГУШЕТИИ

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы, помимо ее гносеологического интереса, обусловлена и ее практической значимостью. Большое количество средневековых археолого-исторических памятников горной Ингушетии исчезает, разрушается на глазах, находится в полуразрушенном состоянии. Государство, провозгласив эти объекты культурного наследия ингушей своей собственностью, мало заботится об их сохранности, практически не выделяет средств на их консервацию и тем более реставрацию. Местным тейповым сообществам предлагается самим финансировать эти работы. Однако даже единичные случаи реставрационных работ за счет спонсоров вызывают множество споров и вопросов. В частности, одним из таких острых вопросов является вопрос о реставрации боевых башен по тому или иному их типу, поскольку они различаются своими конструктивными деталями, особенно в их кровельной части, наиболее подверженной разрушениям. Такие спорные ситуации возникли, например, при недавней реставрации боевых башен в поселках Харп и Бишт Джейрахского района Республики Ингушетия. В основе данной проблемной ситуации, как представляется, лежит несовершенство существующих классификаций ингушских боевых башен. Целью статьи является критический анализ основных принципов (оснований) классификации боевых башен и оценка их пригодности для реконструкции облика последних. Для достижения указанной цели предполагается проанализировать и сравнить имеющиеся в литературе классификации (включающие типы и виды боевых башен и их отличительные признаки), выявить их слабые и сильные стороны, а также оценить пригодность существующих классификаций как возможной научно-теоретической основы при реставрации ингушских боевых башен. В качестве методологической основы исследования в данной статье используется сравнительный анализ основных классификаций боевых ингушских башен, выявление возможных принципов классификации и их оценка с точки зрения пригодности для целей реконструкции внешнего вида кровель боевых башен, а также контент-анализ литературного реестра средневековых башенных сооружений Ингушетии. Результаты данного исследования могут способствовать выработке объективного подхода к реставрации ингушских боевых башен, у которых имеются объемные разрушения именно верхней части, в связи с чем в основном и возникают трудности в их классификации.

Ключевые слова: Ингушетия; Средневековье; башенная архитектура; боевые башни; ступенчато-пирамидальные и плоские кровли; классификация; реконструкция.

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191221-240>

Research paper

Israpil M. Sampiev,
Dr. Sci. (Politics), Prof., Head of Dept. of Sociology and Political Science
Ingush State University, Magas, Russia
israpil@yandex.ru

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF MILITARY TOWERS OF INGUSHETIA

Abstract. The relevance of the issue under consideration, in addition to its epistemological interest, also lies in its practical significance. A large number of medieval archaeological and historical monuments of mountainous Ingushetia are disappearing, being destroyed before our eyes, and are in a dilapidated state. The government, having proclaimed these Ingush cultural heritage sites as its property, cares little about their safety, practically does not allocate funds for their conservation, let alone restoration. Local teip communities are invited to finance these works themselves. However, even isolated cases of restoration work at the expense of sponsors cause a lot of controversy and questions. In particular, one of such acute issues is the question of the restoration of military towers according to one or another of their types, since they differ in their structural features, especially in the roofing, which is most susceptible to destruction. Such controversial issues arose, for example, during the recent restoration of military towers in the villages of Kharp and Bisht, Dzheyrazhsky district of the Republic of Ingushetia. At the heart of this problematic situation, it seems, lies the imperfection of the existing classifications of Ingush military towers. The author attempts to conduct a critical analysis of the basic principles (foundations) of the classification of military towers and an assessment of their suitability for their reconstruction. To achieve this goal, we analyze and compare the classifications available in the literature (including types and kinds of military towers and their distinctive features), to identify their strengths and weaknesses, and to assess the suitability of existing classifications as a possible scientific and theoretical basis for the restoration of Ingush military towers. As a methodological basis for the study, this author uses a comparative analysis of the main classifications of Ingush towers, identification of possible classification principles and their assessment in terms of suitability for the reconstruction of the roofs of military towers, as well as a content analysis of the literary register of medieval tower structures of Ingushetia. The results of this study can contribute to the development of an objective approach to the restoration of the Ingush military towers, which have volumetric destruction of the upper part, being the main reason for the difficulties in their classification.

Keywords: Ingushetia; Middle Ages; tower architecture; military towers; stepped-pyramid and flat roofs.

Введение

Попытки классификации ингушских боевых средневековых башен по их кровле предпринимались с начала XX в. В описании Л.П. Семенова кратко сказано: «Кровля их различного рода – у жилых, более низких, плоская, у боевых, высота которых достигает 25 метров, троякого рода: плоская с барьером, плоская с зубцами на углах, увенчанных иногда конусообразными камнями (Цори), пирамидальная ступенчатая с конусообразным ...; обычное число ступеней кровли башен – 13... Нередко верхние окна башен бывают защищены навесными балкончиками (машикули)» [1, с. 10]. Никаких подробностей, кроме отнесения некоторых башен к тому или иному типу по их внешнему облику, автор не приводит.

Более подробная классификация боевых средневековых башен по их кровле дана в работе И.П. Щеблыкина. «В горной Ингушетии существует три вида древних крепостных сооружений: боевые башни, жилые башни и замки. Сторожевых башен, в полном значении этого понятия, здесь не встречается. Боевые башни делятся на два вида: с пирамидальной крышей и плоской; в свою очередь, башни с плоской кровлей бывают нескольких видов» [2, с. 3].

Отметим, что относительно сторожевых башен И.П. Щеблыкин ошибается, вероятно, участники экспедиций 1925–32 гг. не проникали в такие башни. А они, несомненно, были и еще некоторые до сих пор имеются, например: Кур-гГала, Гир-чоожский замок, Девичья башня, Зем-гГала, Пхагал-бяри гГала и др).

Значительное внимание И.П. Щеблыкиным уделено боевым башням: описан внешний вид, материалы, функциональное назначение, элементы декора, внутреннее поэтажное устройство и т.п. Весьма ценными являются сделанные им обмеры отдельных башен, поэтажные планы и чертеж разреза классической ингушской боевой башни со ступенчато-пирамидальной кровлей [2, с. 5, 8–9].

И.П. Щеблыкин дает такую классификацию плоскокровельных боевых башен: «Помимо башен с пирамидальными крышами, встречаются еще несколько типов башен. Один тип – с плоской кровлей. Выше кровли камни сложены без всякой заливки, служат как бы бруствером и материалом для защиты от нападающих. Основание подобных башен не всегда бывает квадратным. Другой тип, башни с плоской кровлей. Имеет подобие амбразуры без верхнего перекрытия. Амбразуры обычно заполнялись камнями. Такой тип башни мы наблюдали в Мецхале в замке Точиева. И, наконец, последний тип – башни с амбразурами, защищенными машикулями, с плоской кровлей и с оригинальными, высеченными из цельного камня, фигурными столбиками по всем четырем углам. Подобную башню наблюдали в ауле Цори. Некоторые из этого вида башен встречаются в пять этажей, иные же бывают в четыре этажа. Второй этаж имеет сводчатое перекрытие» [2, с. 11].

Проф. Е.И. Крупнов, в свою очередь, классифицировал завершения боевых башен следующим образом: «Крыши башен бывают нескольких видов: 1) плоская, с барьером; 2) плоская, с зубцами на углах, увенчанная камнями конической формы; 3) пирамидальная, ступенчатая, с коническим замковым камнем» [3, с. 88].

Как видно, на первоначальном этапе изучения ингушских боевых башен выделяются два их типа (со ступенчато-пирамидальной и плоской кровлей) и две-три разновидности плоскокровельных. Хотя все три вышеуказанных автора собирали фактический материал в одних и тех же экспедициях в 1925–1932 гг., тем не менее, в их

классификациях имеются разночтения в терминологии касательно плоскокровельных завершений боевых башен.

Из общего ряда выпадает выделенный И.П. Щеблыкиным тип плоскокровельных башен, у которых есть бруствер из камней безо всякой заливки для защиты от нападающих. Существование такого вида плоскокровельных башен вызывает сомнение. Во-первых, наличие такого вида боевых башен не могли не заметить Л.П. Семенов и Е.И. Крупнов, а впоследствии в своей классификации и проф. М.Б. Мужухоев. Во-вторых, практическая ценность такого бруствера была бы ничтожна, поскольку он не позволил бы стрелять, будь то из лука или огнестрельного оружия, в рост. Практически невозможно было бы использование такого бруствера не только для стрельбы по противнику, подошедшему на близкое расстояние к башне, но и для сбрасывания на него камней, поскольку защитник сам оказывался бы уязвимым для обстрела. Кроме того, не скрепленные в кладке камни могли слететь при штормовом ветре, сильном дожде или землетрясении и создать угрозу жизни людей и разрушения жилых и хозяйственных построек.

Если обратиться к материалам соседних регионов, где имеются в основном плоскокровельные боевые башни, то такого рода завершений нет ни у осетинских, ни у горногрузинских башен, поскольку «завершающая часть осетинских башен, как и абсолютного большинства грузинских, устраивалась в виде открытой террасы, где стены играли роль заградительного парапета, высота которого зависела от роста человека» [4, с. 77]. Но бруствер из наваленных камней – вовсе не заградительный парапет.

Возможно, для жилых и полубоевых башен, которые предназначались для защиты от неожиданных ночных нападений мелких шаек разбойников, такая система защиты могла иметь место, но для противостояния приближающемуся воинскому отряду, о котором сигнализировалось заранее с других боевых или сторожевых башен, метод сбрасывания камней вряд ли мог быть эффективным, во всяком случае, после появления огнестрельного оружия.

На основе изложенного, представляется, что вид плоскокровельных башен «с бруствером» выделен И.П. Щеблыкиным ошибочно и речь идет о башнях, которые изначально были либо пирамидально-ступенчатыми, либо плоскокровельными. Имея разрушения верхнего этажа, и те, и другие внешне выглядят как плоскокровельные, но без барьера (или в иных терминах, парапета). Верхние ряды кладки таких башен, как и жилых, из-за выщелачивания раствора, выглядят как изначально «не залитые», что могло ввести в заблуждение Щеблыкина. Похоже, в дальнейшем другие авторы машинально воспроизводили этот умозрительный «тип» кровли, фиксируя по внешнему виду сохранившихся нижних частей, изначально разных по виду боевых башен.

Из литературных описаний, с учетом приведенных классификаций, ингушские плоскокровельные боевые башни можно классифицировать на следующие виды: 1) с амбразурами без верхнего перекрытия, каменным сводом второго этажа, входом на втором этаже и без машикулей (как в Мецхале); 2) без каменного свода второго этажа (со сквозной камерой), с входом на первом этаже, с зубцами на углах и с машикулями (как в Цори или в башнях Двух соперниц), или то же самое без машикулей (как в Вовнушки), увенчанная камнями конической формы. Был ли последний элемент обязательным или факультативным, пока не установлено.

Основными конструктивными элементами, по которым можно различать эти два вида плоскокровельных башен, выступает наличие каменного свода второго этажа и расположение входного проема. М.Б. Мужухоевым тип II боевых башен описан так: «Боевые башни с плоской крышей в свою очередь могут быть подразделены на два

вида. Первый вид. Башни зубчатые. Они имеют плоское покрытие и надкровельное продолжение стен с устройством четырехсторонних прямоугольных бойниц без верхнего перекрытия. По всем углам (зубцам) устанавливались фигурные столбы конической формы из белого камня. Второй вид близок первому. Он отличается наличием по верхнему этажу четырехсторонних боевых окон стрельчатой формы с «машикулями» [5, с. 23]. Общий вид плоскокровельной боевой башни представлен на рис. 1а. На рис. 1б представлен второй вид плоскокровельных боевых башен Ингушетии.

В последующие десятилетия различным аспектам средневековой ингушской архитектуры, в т.ч. боевым башням, посвятили свои работы такие авторы, как В.Н. Басилов и В.П. Кобычев [6], М.Б. Мужухоев [5], В.Б. Виноградов и В.И. Марковин [7], Д.Ю. Чахкиев [8], А.И. Робакидзе [9], А.Ф. Гольдштейн [10] и др. Однако большинство из них написаны в рамках исследования более обобщенных историко-археологических и архитектурных проблем, а специальных работ, посвященных проблеме классификации боевых башен, с выявлением четких признаков, позволявших реконструировать их облик, не было предложено, за исключением раздела в работе М.Б. Мужухоева, который мы проанализируем ниже.

По существу, работа шла в направлении усовершенствования и уточнения выработанной в 20-е годы XX в. классификации. Конечно, когда мы имеем дело с сохранившимися в целом башнями, проблем с реставрацией или реконструкцией не возникает, остается просто отнести исследуемую башню к определенному типу или виду. Но дело в том, что большинство боевых башен в очень плохой сохранности, и отсутствуют именно верхние ярусы, поэтому просто идентифицировать их видовую принадлежность не удастся. Иногда в этом вопросе могут помочь фольклорно-этнографические данные. К сожалению, они по определению субъективны, а зачастую искажены и интервьюерами в угоду идеологических установок, а посему не могут служить надежной основой для классификации. Таким образом, для башен с разрушениями верхних ярусов, при отсутствии их старых фотографий или рисунков (а многие из них были в разрушенном состоянии задолго до появления фотографии или исследователей), сделать это по существующей описательной классификации на практике затруднительно.

В целом при классификации боевых башен обычно брался за основу какой-либо один принцип или основание классификации, дополняемый иными, чаще всего умозрительными, аргументами. В качестве таких оснований для классификации боевых башен в литературе можно выделить следующие принципы: социально-классовый; территориальный или субэтнический; хронологический; конструктивно-функциональный. Рассмотрим эти принципы с точки зрения их возможностей для реконструкции облика боевых башен, имеющих разрушения верхнего яруса или больше.

Социально-классовый принцип

В советский период все ученые вынуждены были в той или иной мере руководствоваться (или делать вид, что руководствуются) марксистско-ленинским учением как универсальным философско-мировоззренческим основанием для исследований в самых различных областях познания. Но особенно пристально соблюдалась идеологическая чистота в гуманитарных науках, прежде всего в исторических исследованиях. Поскольку положения марксизма, как правило, не могли быть напрямую применены к предмету исследования, ученые зачастую просто делали ритуальные «реверансы»

положениям этой идеологии и имели возможность заниматься своим делом, исходя из соображений формальной логики, наличия эмпирического материала и с применением доступных научных методов.

Попытки обоснования феодального строя в средневековой Ингушетии [11; 12, с. 118–159], подверглись справедливой критике и не получили своего полного развития [13, с. 15–142]. Но марксистская установка должна была быть обязательно реализована, и авторы, каждый по-своему, пытались учесть ее требования. Характеристику этой ситуации дал в одной из своих работ В.Б. Виноградов: «В советской историографии отвергнуты унаследованные от дворянско-буржуазной науки представления о том, что горцы Кавказа вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции находились на доклассовой, патриархально-родовой ступени развития. Не получил в ней признания и тезис о рабовладельческом характере их древнейших классовых обществ. В противовес названным версиям сложилась и стала фактически общепризнанной концепция развития классового общества у населения горного Кавказа по пути разложения общинного быта и формирования раннефеодальных отношений. Однако среди большинства ее сторонников нет единомыслия: они либо принижают уровень социальной организации горцев, акцентируя внимание на пережитках первобытно-родового строя в ущерб оценке феодализирующегося характера местных обществ, либо допускают преувеличение степени развития у них феодальных отношений, либо уклоняются от конкретизации своих взглядов, ограничиваясь нечеткими суждениями общего плана» [14, с. 35].

Согласовывать установки классовой теории с наличным историко-этнографическим материалом было непросто, и поэтому известные кавказоведы были вынуждены констатировать: «...социальное расслоение в период возникновения башенных селений у ингушей зашло далеко. В дальнейшем этот процесс по неясным пока для нас причинам приостановился, и возможно именно поэтому мы так и не находим в горах Ингушетии даже следов феодальных укреплений владетеля, господствовавшего над целой округой, или, наоборот, - незащищенных поселений зависевшего от него крестьянства» [6, с. 129].

В конечном итоге, для разрешения этого неявного диссонанса, исследователям пришлось подвергнуть «ревизии» классическую марксистскую теорию и изобрести особенный «горский феодализм» [15, с. 15–24], концепция которого позволяла, с одной стороны, удовлетворять условию «классовости» в исследованиях, с другой – избегать неизбежных «суждений общего плана» и рассуждений хотя и о «военной», но все-таки «демократии».

В целом для целей нашего исследования можно констатировать, что хотя социальная дифференциация в средневековой Ингушетии, как и в любом обществе, имела место, она не воплотилась в какие-либо выраженные и устойчивые институциональные формы, т.е. объективно не могла сформироваться в собственно классовые отношения, а потому не могли найти отчетливое отражение в таких объектах материальной культуры, как боевые башни и замки. Поэтому социально-классовый подход в решении проблемы реконструкции разрушенного облика ингушских боевых башен объективно малопродуктивен, что не исключает наличия пережитков его редуцированных положений в сознании некоторых ученых и чиновников. Однако сами фактические материалы по количеству и концентрации боевых башен, как в горной Ингушетии, так и в соседних регионах, позволяют исключить классификацию ингушских боевых башен по социально-классовому принципу.

Например, об обратной связи концентрации боевых башен Ингушетии, Северной Осетии и Чечни с социально-классовой дифференциацией Гольдштейн А.Ф. писал: «Представляется маловероятным, чтобы боевые башни в глубинных районах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в средние века строились лишь привилегированными семьями, как и то, что они «служили средством защиты в случае нападения соседних феодалов и иноземных захватчиков». Иноземные захватчики не проникали в высокогорный район Чечено-Ингушетии. Феодалов здесь тоже не было. Как раз в восточной части Чечни, по отношению к которой в первую очередь можно говорить о классовой дифференциации в период Позднего Средневековья, башни единичны, а на значительном пространстве их вообще не было, тогда как в глухих отдаленных ущельях Внутренней Чечни они буквально на каждом шагу» [10, с. 33].

Аргументированное суждение по этому поводу высказал, опираясь на наблюдения Р.Г. Дзаттиати, и известный осетинский археолог В.Х. Тменов: «... количество башен находилось в обратной зависимости от уровня развития феодальных отношений в различных осетинских обществах. Так, в Дигории и Тагаурии, где феодализм в силу сложившихся исторических условий получил большее развитие, боевых башен было меньше, что, собственно, неудивительно, поскольку социальные верхи не были заинтересованы в усилении военной мощи крестьянских масс [4, с. 75].

Из изложенного ясно, что социально-классовый признак не может служить основанием для классификации ингушских боевых башен и никоим образом не позволяет реконструировать их изначальный облик. Но поскольку социально-классовую дифференциацию пытались реализовать через территориально-субэтническую модель, то рассмотрим и ее.

Территориальный или субэтнический принцип

Если говорить о конструкции и внешнем облике кавказских боевых башен, то большинство исследователей отмечали сходство их архитектурных форм, связанное в первую очередь со схожими географическими и социально-историческими условиями их генезиса и функционирования. В то же время различные регионы Центрального Кавказа (Горная Грузия, Осетия, Ингушетия и Чечня) имеют свои региональные особенности. В целом район распространения боевых башен имеет схожие социокультурные, природно-климатические, физико-географические и топографические условия, что и предопределяет их схожесть. Определенная соотнесенность концентрации башен с социально-классовым аспектом с известной локализацией последнего, наблюдается, как видно из упомянутых цитат В.Х. Тменова и А.Ф. Гольдштейна, в отношении горных районов Северной Осетии и Чечни.

Такое гипотетическое соотнесение отдельные авторы пытались декларировать в рамках общей теории социально-классовой дифференциации и в отношении средневековой Ингушетии. Однако, за неимением фактического материала эта работа свелась, по существу, к попытке внедрения в марксизм диковинной для него модели «коллективного феодала». В качестве такового выдвигалась территориально-родовая группа «Кхакхале», или как его пафосно обозначали «феодальное гнездо Галгайче». Подробно эта концепция была критически проанализирована Ш. Э. Дахкильговым, аргументированно и убедительно доказавшим ее антинаучный статус [13, с. 15–142], что избавляет нас от необходимости отвлекаться на подобный разбор.

Вместе с тем, учитывая, что хотя и в неявной форме в этой концепции «коллективного феодала» присутствует попытка привязать к нему один тип боевых башен (а именно со ступенчато-пирамидальной крышей), полезно верифицировать данную концепцию и воплощенный в ней «социально-классовый принцип» с «территориальным» на фактическом ингушском материале.

Воспользуемся для анализа реестром известных на сегодня боевых башен Ингушетии, содержащемся в обобщающем труде археолога Д.Ю. Чахкиева [8; 16], с целью выявления тенденции их локального распределения и концентрации. Описание идет последовательно с запада на восток по отдельным ущельям. Всего в двух томах «Древностей горной Ингушетии» описано 147 боевых башен, из которых 69 со ступенчато-пирамидальной крышей, 42 – с плоской крышей и парапетом, 36 с зубчатым завершением.

В Армхинском ущелье 26 боевых башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 19 – с плоской крышей и парапетом, 17 с зубчатым завершением, итого 53 башни. В Чулхойском ущелье 9 башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 0 – с плоской крышей и парапетом, 6 с зубчатым завершением, итого 15 башен. В Галгаевском ущелье 15 со ступенчато-пирамидальной крышей, 4 – с плоской крышей и парапетом, 0 с зубчатым завершением, итого 19 башен. В Ассинской котловине 6 башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 11 – с плоской крышей и парапетом, 0 с зубчатым завершением, итого 17 башен. На Цорей-ламском горном перевале 10 боевых башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 3 – с плоской крышей и парапетом, 2 с зубчатым завершением, итого 15 башен. В Гулохойском ущелье 3 со ступенчато-пирамидальной крышей, 5 – с плоской крышей и парапетом, 10 с зубчатым завершением, итого 18 башен. И в Нелхском ущелье 1 башня с зубчатым завершением.

Если считать по двум традиционным шахарам – Кистинском и Галгаевском, по их границам, бытовавшим накануне включения Ингушетии в состав Российской империи, то на их долю приходится, приблизительно (поскольку есть небольшие расхождения о принадлежности того или иного ущелья или населенного пункта к тому или иному шахару): в Кистинском шахаре, включая Армхинское и Чулхойское ущелье: 35 башен со ступенчато-пирамидальной крышей, 19 – с плоской крышей и парапетом, 23 – с зубчатым завершением, итого 77 боевых башен. В Галгаевском шахаре, более многочисленном и включавшем Галгаевское ущелье, Ассинскую котловину, Цорей-ламский горный перевал, Гулойхийское и Нелхское ущелье: 34 башни со ступенчато-пирамидальной крышей, 23 – с плоской крышей и парапетом, 13 – с зубчатым завершением, итого 70 боевых башен.

Проведенный контент-анализ выявленных и учтенных боевых башен в горной зоне Ингушетии показывает равномерное распределение по шахарам башен по типам их кровли: в Кистинском обществе 35 башен со ступенчато-пирамидальной крышей и 42 плоскокровельных, в Галгаевском обществе 34 башни со ступенчато-пирамидальной крышей и 36 плоскокровельных. В целом можно говорить о равномерном распределении боевых башен всех типов по шахарам, что свидетельствует о явной ошибочности попыток увязать «социально-классовое разделение» с территориальным распределением боевых башен и их концентрации в условиях средневековой Ингушетии.

С точки зрения цели нашего исследования это означает, что установка на реконструкцию полуразрушенных башенных построек, исходя из мифологической социально-классовой дифференциации и якобы доминирования того или иного типа боевых башен в определенном районе Ингушетии, научно несостоятельна.

Хронологический принцип

Достаточно обстоятельный обзор существующих в литературе разных точек зрения на хронологию северокавказских башенных построек сделал в своей работе проф. В.Х. Тменов, который отмечал: «...клубок хронологических проблем, усугубленный пресловутой (но признаваемой и нами) архаичностью большей части исследуемых объектов Северной Осетии и сопредельных территорий, достаточно запутан, о чем можно судить и по противоречивости высказанных по данному вопросу мнений» [4, с. 99–105].

Указывая, что Г.А. Кокиев и Е.И. Крупнов датировали осетинские и вайнахские башни с плоскими перекрытиями XIV–XV вв., отметив при этом их архаичность по отношению к постройкам с пирамидально-ступенчатой кровлей, В.Х. Тменов резюмирует: «В целом тезис о большей древности плоскокровельных башен общепризнан, но пока не накоплен достаточный объем датирующего археологического материала, к нему все же следует относиться с осторожностью, ибо развитие средневековой архитектуры, как и всего общества, сложный и противоречивый процесс» [4, с. 99–105].

Последнее может пониматься в том смысле, что речь идет о большей древности плоскокровельных башен именно как типа по сравнению со ступенчато-пирамидальными, а не об априорной древности конкретной плоскокровельной башни или их группы. Датировка башен носит дискуссионный характер, поэтому определять облик реконструируемого башенного объекта на основе хронологического принципа на практике затруднительно. Иногда, правда, мы имеем информацию о заказчике или строителе башни, и можно приблизительно, по количеству поколений в родословной, рассчитать время постройки боевой башни. Но этот метод не всегда применим и в целом не носит универсальный характер.

В последние годы в регионе предприняты попытки решить проблему датировки ингушских башен и иных произведений архитектуры методом радиоуглеродного анализа [17; 18; 19]. Однако пока получены датировки всего по пяти боевым и двум полубоевым башням. Этих материалов, конечно, очень мало для требуемой систематизации и выведения каких-либо закономерностей. Здесь предстоит огромная работа по полной датировке всех выявленных памятников, систематизации, сопоставлении с датировками, полученных чисто археологическими методами, и выявление определенных закономерностей. Но нужно признать, что такая база позволит определять нижний диапазон бытования того или иного типа и вида боевых башен, но не даст надежной информации в отношении облика башен моложе этой границы.

Это обстоятельство поднимает вопросы, без решения которых хронологический принцип сам по себе мало что дает для реконструкции облика боевых башен. Во-первых, башни разного типа и вида могли строиться синхронно, не существенно по какой причине (разнице в затратах, традиционный или религиозный канон и т.п.). И во-вторых, если рассмотреть конструкцию башен, которые Д.Ю. Чахкиевым определены в «Древностях горной Ингушетии» как плоскокровельные со сводом второго этажа, с машикулями или без таковых, то окажется, что они отличаются от башен со ступенчато-пирамидальной кровлей только отсутствием стрельчатых окон и собственно ступенчато-пирамидального завершения. И здесь возникает резонный вопрос: что или кто мешал владельцам такой башни просто достроить ее, ведь содержание башни с

открытой плоской кровлей, не защищающей от дождей и снега, требует значительного внимания.

То же самое можно сказать и о башнях без внутреннего свода второго этажа, но с амбразурами и машикулями. Да и в отношении любого вида плоскокровельных башен возникает тот же вопрос: почему нельзя было достроить башню со ступенчато-пирамидальной кровлей, пусть и без машикулей (технически и их соорудить не сложно). Пока ответов на эти вопросы нет. Архитектором Гольдштейном высказывалось мнение, что, возможно, у плоскокровельных боевых башен могли быть шатровые деревянные кровли, что было бы вполне логично. Но пока не найдено этому археологическое подтверждение, это предположение не отвечает на поставленный вопрос.

Еще одним важным дополнительным аргументом по датировкам может служить наличие в некрополе склепов с пирамидально-ступенчатым завершением (рис. 2). Как отмечал М.Б. Мужухоев, «распространение боевых пирамидальных башен повлекло за собой строительство нового, не известного ранее типа погребальных построек – башнеобразных склепов, которым по времени предшествуют надземные усыпальницы с вытянуто-прямоугольным основанием и двускатным верхом. Это положение признается всеми без исключения исследователями вайнахских средневековых памятников» [5, с. 39].

В целом, без аргументированного и убедительного ответа на поставленные вопросы, попытки классифицировать башни, исходя из хронологического принципа или исключительно по их современному внешнему виду, не могут быть признаны годными для реставрационных целей.

Конструктивно-функциональный принцип

Почти все авторы, писавшие о боевых кавказских башнях, в большей или меньшей степени затрагивали вопросы их функционального назначения и связанных с ними конструктивных особенностей. Можно сказать, что у специалистов сложился консенсус по поводу основной функции боевых башен – оборонительной (защитной). Вместе с тем, специальной системной классификации, охватывающей все аспекты функционально-конструктивного принципа, которая позволила бы надежно реконструировать их облик, разработано не было. В этом плане привлекает внимание классификация, разработанная проф. М.Б. Мужухоевым [5], которая в целом нацелена на реализацию конструктивно-функционального принципа. Но каковы возможности классификации М.Б. Мужухоева с точки зрения ее возможностей реконструкции внешнего облика ингушских боевых башен в тех случаях, когда верхний (верхние) ярусы разрушены, что, собственно, и является основной проблемой при реставрации ингушских боевых башен?

М.Б. Мужухоев относил к типу I боевые «пирамидальные башни», т.е. башни с пирамидально-ступенчатым завершением. Как отмечал проф. А.И. Робакидзе, «...наиболее оригинальным в башенной культуре Ингушетии является верхнее перекрытие башни. Оно складывается из плитняка или шифера в виде ступенчато-пирамидальной крыши, причем число не часто и ненамного отклоняется от тринадцати. Такого рода крыша, именуемая *чIерх*, заканчивается вертикально поставленным камнем высотой около 30–40 см, чем и заканчивается башня» [9, с. 65]. Устройство и разрез башни с пирамидально-ступенчатой кровлей представлены на чертеже И.П. Щеблыкина [2, с. 29] (рис. 2).

По описанию М.Б. Мужухоева, башни со ступенчато-пирамидальной кровлей в плане почти всегда квадратные с размерами у основания от 4×4 м до 7×7 м. В то же время, судя по литературным данным (здесь и дальше мы будем использовать работу Д.Ю. Чакхиева «Древности Горной Ингушетии»), некоторые плоскокровельные башни также в плане почти квадратные, квадратный план отмечается на таких башнях плоскокровельного типа как: Мяшхи (5×4,95 м), Мецхал (4,45×4,45 м), Бялган (5,10×5,05 м).

Следующий признак, выделенный М.Б. Мужухоевым для ступенчато-пирамидальных башен (башен типа I) – это их общая высота, которая колеблется между 20–30 м, при этом нередко угол сужения (наклона) стен достигает 11°.

Возможно, что это не исключительный признак, поскольку в литературе такие параметры обнаруживаются у плоскокровельных башен Мяшхи (26 м), Цори (23–24 м), Бархане (две башни по 24 и 25 м соответственно). Угол наклона стен 10°–11° фиксируется в литературе также у плоскокровельных построек на территории архитектурных комплексов Кяхк, Евлой, Верхний Пялинг, Вовнушки.

Проф. Мужухоев отмечал также, что первый этаж всех осмотренных им «пирамидальных башен» является глухим, что усиливало прочность основания башни; в полу устраивались глубокие каменные колодцы. Сообщение со вторым и последующим этажами внутри башни осуществлялось через лазы, оставленные в межэтажных перекрытиях. Сами межэтажные перекрытия боевой башни, в отличие от перекрытий жилой башни, были двух форм. Второй и пятый этажи «пирамидальных башен» всегда заканчиваются каменными сводами, причем первый из них, как правило, укреплен крестообразно выступающими камнями (гуртами) (рис. 3). Второй этаж пирамидальной башни, как и три верхних, снабжен боевыми нишами, световыми окнами, а также единственной во всей постройке дверью-лазом [5, с. 22].

Вместе с тем, единственная дверь-лаз на втором ярусе присутствует также в некоторых башнях, которые в литературе определяются как плоскокровельные: например, в боевых башнях Дудара, Харпе, Мелере, Биште, Гадаборш, Бархане, где описан единственный входной проем на уровне второго этажа, как и в башнях с пирамидально-ступенчатым венчанием.

Следующий элемент башен – каменные своды второго этажа. М.Б. Мужухоев вполне логично и убедительно обосновал их функциональное назначение: «...Как нам представляется, свод из камней был необходим для укрепления обороны верхних этажей башни. Если противник, скажем, проникал внутрь постройки через дверной лаз второго этажа, то защитники ее могли продолжать сопротивление только при наличии свода из камня. При достаточном запасе боеприпасов и питания оборона могла быть продолжена. Если же перекрытие было деревянным, то при отказе капитуляции нападающим достаточно было бы развести большой костер, чтобы сжечь ближайшее перекрытие и заполнить все помещение дымом, в котором задохнулись бы все, находящиеся на верхних этажах» [5, с. 30]. Оборонительную функцию каменного свода подчеркивает и В.К. Афанасьева относительно древних башенных сооружений Месопотамии [20, с. 64].

Некоторые авторы подвергают сомнению оборонительное назначение каменных сводов второго этажа, исходя только из их значения как элемента укрепления конструкции. Но, во-первых, этот вопрос дискуссионный [6, с. 125–127], а во-вторых, одно назначение другому никак не мешает. И в-третьих, нужно учитывать и еще такое немаловажное обстоятельство, что на втором этаже устраивался очаг, и была высокая вероятность возникновения пожара, при котором выгорела бы вся башня. Хотя в жилых башнях и встречаются дымоходы для очага наподобие камина, и теоретически

исключить такую конструкцию для боевых башен, особенно поздних, нельзя, тем не менее, большинство обследованных боевых башен не имело дымоходов и, как отмечал И.П. Щеблыкин, «во всех наблюдаемых башнях потолок, настил, балки второго этажа, – все густо закопчено и покрыто окаменевшей копотью, затвердевшей настолько, что куски ее с трудом отбиваются железным наконечником палки. В других этажах не наблюдается такой закопченности стен и потолков; следовательно, очаг был только во втором этаже» [2, с. 7].

Отметим, что каменные своды второго этажа с выступающими гуртами отмечены также и в определяемых в литературе как плоскокровельные башнях в Мецхале, Харпе, в замке Дударова, Мелере, Кошке, Биште. С учетом этого, можно только констатировать, что в литературе башни со ступенчато-пирамидальной крышей и отсутствием каменного свода второго этажа обнаружить не удалось.

Далее М.Б. Мужухоев отмечал, что боевые башни первого типа, как правило, «входят в состав крупных и малых средневековых поселений, расположенных в местах легкодоступных, подход к которым не был естественно укреплен. Понятно, что здесь должен был выработаться свой особый тип крепостных построек, вполне надежных и устойчивых в смысле обороны. Боевая башня с пирамидальным перекрытием как раз и представляет собой подобный тип. Здесь, на наш взгляд, все учтено, исходя из возможности противника, хотя и под огнем, вплотную подойти к стенам.

Во-первых, вход боевой башни сравнительно высоко поднят над землей – в данном типе башен он всегда только один, и всегда на уровне второго этажа. Это, естественно, затрудняет проникновение вовнутрь. Во-вторых, вторая камера имеет как неременную конструктивную деталь каменное сводчатое перекрытие с перекрещивающимися в центре двумя гуртами, в то же время все другие этажи образованы балочными деревянными настилами горизонтальными перегородками...» [5, с. 30].

Схожие, но несколько иные соображения по поводу основных двух типов боевых башен Ингушетии привел архитектор А.Ф. Гольдштейн: «Классические вайнахские боевые башни высятся главным образом в селениях, расположенных в долине или на пологом склоне. Причина этого, с одной стороны, в том, что лишь владельцы хороших земель были достаточно состоятельны для строительства башни, а с другой – в том, что эти участки были легко доступны, и жилища на них требовали усиленной фортификации на случай необходимости обороны. На той же территории Ингушетии и Чечни, где имеются башни с пирамидальным венчанием, есть башни и другого типа: с плоской земляной крышей, возведенные технически менее совершенно. Они расположены на более труднодоступных и, что то же самое, более бедных земельных участках» [10, с. 240].

Правда, А.Ф. Гольдштейн также писал, что «башни с пирамидальными крышами встречаются не только на легкодоступных участках, но и на возгорьях. Например, в Ингушетии, против селения Тумгой, виднеется такая башня, находящаяся на высокой горе, местные жители говорят, что это самое высокорасположенное селение района» [10, с. 42]. Вопрос в целом дискуссионный, все зависит от трактовки выражения проф. Мужухоева «местами легкодоступными, подход к которым не был естественно укреплен». Дело ведь не в том, на какой высоте над уровнем моря находится башенный объект, или высота его локации относительно других, а именно в степени доступности подхода непосредственно к башне, т.е. под доступностью понимается не оценка расположения башни по относительной высоте местности, а именно рельеф непосредственно вокруг башни, естественные трудности подхода к ней (обрывы, утесы, крутизна доступа), что на примере башен Вовнушки вполне аргументировано проф.

Мужухоевым. Но для окончательного ответа на этот вопрос необходимо сделать статистический анализ по всему массиву боевых башен.

При этом важно отметить, что наличие машикулей (или их отсутствие) не может служить существенным отличительным признаком для отнесения башен к тому или иному типу. Например, у плоскокровельных «Башен двух соперниц» (инг. Шин энгара *gIala*) и башен сел. Цори машикули есть, а у такого же типа башен средневекового башенного комплекса Вовнушки их нет. И для боевых башен типа I наличие машикулей распространено, но не строго обязательно (например, Ананурская башня в Дарьяльском ущелье). Очевидно, все зависит от рельефа соответствующей местности и особенностей самой постройки, трудностью подхода к входу и т.п.

Таким образом, попытка реализовать комплексный конструктивно-функциональный принцип в классификации проф. М.Б. Мужухоева, основанная на убедительных, но немногочисленных примерах, не учитывает всего массива эмпирического материала и, как следствие, может быть поставлена под сомнение по причине узости доказательной базы и недоучета наличного на сегодняшний день материала по описанным боевым башням. Но положение даже несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Оказалось, что и сама критика положений классификации М.Б. Мужухоева страдает рядом недостатков, а именно: она не основывается на сплошном статистическом анализе, что не позволяет разграничить те фактические примеры, которые противоречат установленным закономерностям, от неизбежных исключений из них. Во-вторых, она не носит системный характер, т.е. не предлагает альтернативную классификацию, включающую такие индикаторы, которые позволили бы воссоздать облик разрушенных боевых башен по их конструктивным особенностям или иным показателям. И в-третьих, она основывается на литературных примерах, которые зачастую носят бездоказательный характер, декларативно относят даже руины башен к тому или иному типу или виду без всякой серьезной аргументации. В итоге получается, что то, что само подлежит идентификации, выдвигается как аргумент, что методологически неверно и непродуктивно.

Заключение

Существующие классификации типов и видов боевых ингушских башен, основанных на таких принципах, как: описательный, социально-классовый, территориально-субэтнический и хронологический, не могут в целом удовлетворять требованиям реконструкции истинного внешнего облика руинированных или полуразрушенных боевых башен. Классификация, основанная на конструктивно-функциональном принципе, предлагаемая проф. М.Б. Мужухоевым, также не всегда применима по причине узости доказательной базы и недоучета наличного на сегодняшний день материала по описанным боевым башням. Вместе с тем, альтернативной системной модели классификации, которая позволила бы реконструировать облик средневековых башенных сооружений Ингушетии, пока не предложено.

Таким образом, важнейшей задачей на данном этапе является разработка такой конструктивно-функциональной или иной модели, которая учитывала бы весь наличный фактический материал и которая, вкупе с экспертными оценками со стороны специалистов – этнологов, археологов, архитекторов и историков архитектуры, обеспечивала бы научно обоснованный, объективный подход при реставрации боевых башен Горной Ингушетии.

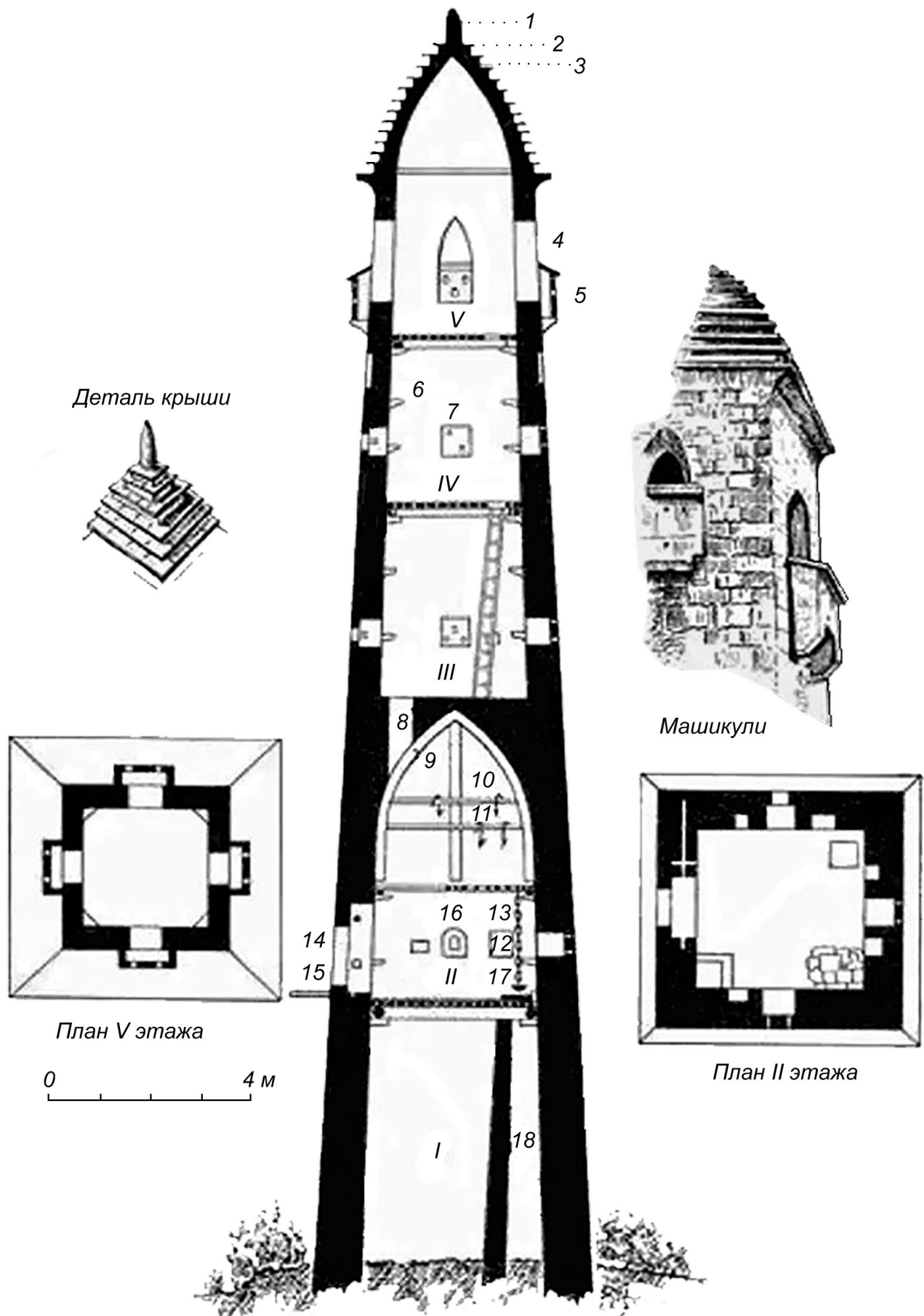

Рис. 1. Устройство и разрез ингушской боевой башни с пирамидально-ступенчатой кровлей.

Рис. П.И. Щеблыкина, 1928 г. (по: Щеблыкин, 1928. С. 8-9).

- I. Разрез боевой башни:* 1 – верхний камень, 2 – шиферная плитка, 3 – уступ крыши, 4 – наблюдательное окно, 5 – машикули, защитный балкончик, 6 – угловой камень, 7 – ниша с боевыми отверстиями, 8 – ход на третий этаж в своде, 9 – балки для подвешивания продуктов, 10 – крючья для мяса, 11 – глухая ниша, 12 – очажная цепь, 14 – лаз, 15 – балка для лестницы, 16 – слуховое окно, 17 – очаг, 18 – каменный мешок для зерна.
- II. План второго этажа:* 1 – лаз, 2 – канал для засова, 3 – угловой камень, 4 – слуховое окно, 5 – отверстие в первом этаже, 7 – ниша с боевыми отверстиями, 8 – плиты очага, 9 – каменный мешок.
- III. Обитатели башни:* I – пленники, II – стража и защитники, III – защитники и семьи, IV – защитники и семьи, V – наблюдатели и защитники

Fig. 1. Structure and section of an Ingush military tower with a stepped pyramidal roof. Fig. by P.I. Shcheblykin, 1928 (according to: Shcheblykin, 1928, p. 8-9).

- I. Section of the military tower:* 1 – top stone, 2 – slate tiles, 3 – roof ledge, 4 – observation window, 5 – machicolations, defensive balcony, 6 – corner stone, 7 – niche with combat holes, 8 – path to the third floor in the vault, 9 – beams for hanging products, 10 – hooks for meat, 11 – blind niche, 12 – hearth chain, 14 – manhole, 15 – beam for stairs, 16 – gable window, 17 – hearth, 18 – stone bag for grain.
- II. Plan of the second floor:* 1 – manhole, 2 – channel for a bolt, 3 – corner stone, 4 – gable window, 5 – hole in the first floor, 7 – niche with combat holes, 8 – hearth slabs, 9 – stone bag.
- III. The inhabitants of the tower:* I – captives, II – guards and defenders, III – defenders and families, IV – defenders and families, V – watchers and defenders

Рис. 2. Боевая башня Белган. Источник: <https://www.livemaster.ru/topic/3596126-blog-ingushetiya-strana-bashen>

Fig. 2. Military tower Belgan. Source: <https://www.livemaster.ru/topic/3596126-blog-ingushetiya-strana-bashen>

Рис. 3. Боевые башни «Две соперницы»: а – общий вид; б – вид внутри.
Фото Т. Агирова (<https://openkavkaz.com/ing/200/11/>)

Fig. 3. Military towers “Dve Sopertnitsy” (“Two Rivals”): а – general view; б – inside view.
Photo by T. Agirov (<https://openkavkaz.com/ing/200/11/>)

Рис. 4. Боевые башни Вовнушки. Фото Т. Агирова (<https://openkavkaz.com/ing/vovnushki>)

Fig. 4. Military towers Vovnushki. Photo by T. Agirov (<https://openkavkaz.com/ing/vovnushki>)

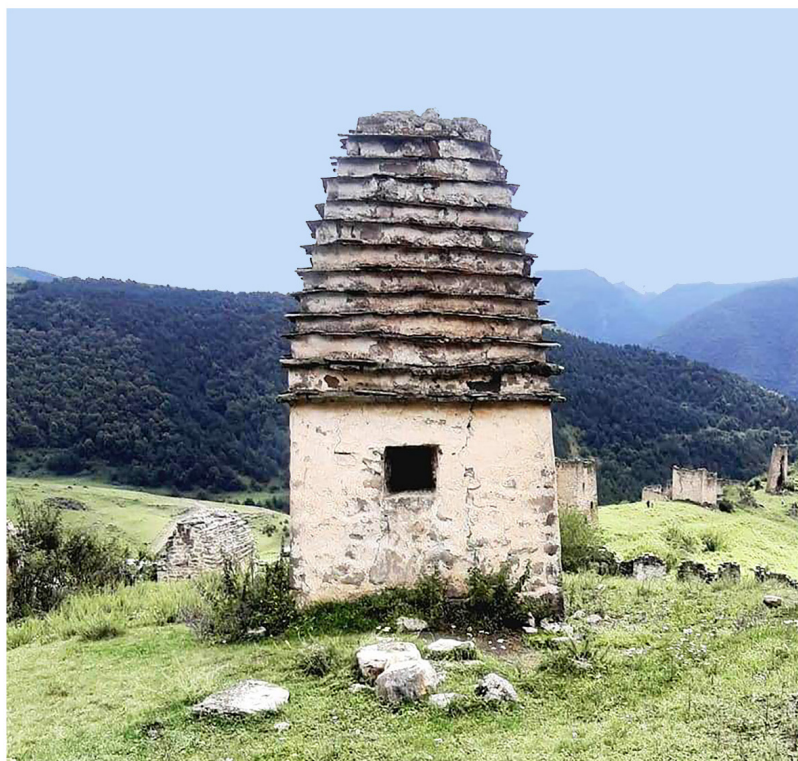

Рис. 5. Склеп Дзараха (Дзараха малхар каш) с пирамидально-ступенчатой кровлей в с. Фалхан. Фото автора

Fig. 5. Crypt of Dzarakha (Dzarakha malkhar kash) with a pyramidal-stepped roof in the village of Falkhan.
Photo of the author

а

б

Рис. 6. Боевые башни со ступенчато-пирамидальным завершением: а – общий вид башен с Эрзи. Фото Т. Агирова (<https://openkavkaz.com/ing/200/5/>); б – ступенчато-пирамидальная кровля и машикули (боевая башня Хутиевых, с. Ляжги) (<https://the-dark-spirit.livejournal.com/7677.html>)

Fig. 6. Military towers with a step-pyramidal roof: a – general view of the towers of Erzi. Photo by T. Agirov (<https://openkavkaz.com/ing/200/5/>); b – step-pyramidal roof and machicolations (military tower of the Khutiev, village of Lyazghi) (<https://the-dark-spirit.livejournal.com/7677.html>)

Рис. 7. Боевая башня комплекса замка Дзараха, с. Фалхан. Каменный свод второго яруса с гуртами. Фото автора.

Fig. 7. Military tower of the Dzaraha castle complex, Falkhan village. Stone vault of the second tier with reinforcing ribs. Photo of the author

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в горной Ингушетии в 1925-1932 годах. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 162с.
2. Щерблякин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ. Владикавказ: ИНГИК, 1928. – 30с.
3. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. 2-е изд. Магас: изд-во «Сердало», 2008. – 256с.
4. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1995. – 437с.
5. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977. – 179 с.
6. Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галгай – страна башен // Этнографическое обозрение. 1971. №1. С. 120-135.
7. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушетии (материалы к археологической карте). Грозный: ЧИКИ, 1966. – 151 с.
8. Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Т. I. Назрань, 2003. – 143 с.

REFERENCES

1. Semenov LP. *Archaeological and ethnographic research in mountainous Ingushetia in 1925-1932*. Nazran: LLC "Pilgrim", 2010. (In Russ.)
2. Shchablykin IP. *Architecture of ancient Ingush sanctuaries*. Vladikavkaz: INGIK, 1928. (In Russ.)
3. Krupnov EI. *Medieval Ingushetia*. 2nd ed. Magas: Serdalo Publ., 2008. (In Russ.)
4. Tmenov VKh. *The architecture of medieval Ossetia*. Vladikavkaz: RIPP after V.A. Gassiev, 1995. (In Russ.)
5. Muzhukhoviev MB. *Medieval material culture of mountainous Ingushetia (XIII-XVII centuries)*. Grozny: Chechen-Ingush book publ., 1977. (In Russ.)
6. Basilov VN, Kobychiev VP. Galgai – the country of towers. *Ethnographic Review*. 1971, 1: 120-135. (In Russ.)
7. Vinogradov Vb, Markovin VI. *Archaeological monuments of Chechen-Ingushetia (materials for the archaeological map)*. Grozny: CHIKI, 1966. (In Russ.)
8. Chakhkiev DYU. *Antiquities of the mountainous Ingushetia*. Vol. I. Nazran, 2003. (In Russ.)
9. Robakidze AI. Dwellings and settlements of the mountain Ingush people. In: *Caucasian ethnographic collection*. Issue II. Tbilisi, 1968. (In Russ.)

9. *Робакидзе А.И.* Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. Тбилиси: [б. и.], 1968. – 268 с.
10. *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. – 175 с.
11. *Скитский Б.В.* К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИЯЛ. История. Грозный, 1959. Т. 1. С. 187-189.
12. *Гриценко Н.П.* Развитие феодальных отношений в Чечено-Ингушетии (XVI – первая половина XIX в. / Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Гл.IV. Грозный, 1967. – 316с.
13. *Дахкильгов Ш.Э.* К вопросу о социально-экономическом строе ингушей (XVIII – 70-е года XIX в. / Страницы истории Ингушетии. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. – 543 с.
14. *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на центральном Кавказе // Вопросы истории, 1981. № 1. С. 35-51.
15. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978. № 2. С. 15-24.
16. *Чакхчиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т. II. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2009. – 93 с.
17. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Дендрохронологические исследования в Ингушетии в 2014-2015 гг. / Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Сборник тезисов Международной конференции «XXIX Крупновские чтения». Грозный, 2016. С. 269-270.
18. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Датировки памятников архитектуры горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа / Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Сборник тезисов Международной конференции «XXX Крупновские чтения». Карачаевск, 2018. -524с.
19. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Новые результаты радиоуглеродных исследований памятников архитектуры горной Ингушетии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала, 2020. С. 318-319.
20. *Афанасьева В.К.* Архитектура стран Двуречья и Месопотамии // Всеобщая история архитектуры. М.: ВАА, 1970. Т.1. С. 196-211.
10. Goldstein AF. Medieval architecture of Chechen-Ingushetia and North Ossetia. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)
11. Skitsky BV. On the issue of feudal relations in the history of the Ingush people. *Izvestia CHIIIIYAL. History*. Grozny. 1959, 1: 187-189. (In Russ.)
12. Gritsenko NP. The development of feudal relations in Chechen-Ingushetia (16th – the first half of the 19th century). In: *Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR*. Vol. 1. Part IV. Grozny, 1967. (In Russ.)
13. Dakhkilgov ShE. On the issue of the socio-economic structure of the Ingush (XVIII - 70s of the XIX century). In: *Pages of the history of Ingushetia*. Nalchik: El-Fa Publ., 2005. (In Russ.)
14. Vinogradov VB. The Genesis of Feudalism in the Central Caucasus. *Voprosy Istorii*. 1981, 1: 35-51. (In Russ.)
15. Robakidze AI. Some features of mountain feudalism in the Caucasus. *Soviet ethnography*. 1978, 2: 15-24. (In Russ.)
16. Chakhkiev DYU. *Antiquities of the mountainous Ingushetia*. Vol. II. Nalchik: Republican Polygraph Plant named after Revolution of 1905, 2009. (In Russ.)
17. Gadiev UB, Matskovsky VV. Dendrochronological research in Ingushetia in 2014-2015. In: *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. Collection of abstracts of the “XXIX Krupnov Readings” International Conference*. Grozny, 2016: 269-270. (In Russ.)
18. Gadiev UB, Matskovsky VV. Dating of architectural monuments in mountainous Ingushetia by radiocarbon analysis. In: *The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Collection of abstracts of the “XXX Krupnov Readings” International Conference*. Karachayevsk, 2018: 429-431. (In Russ.)
19. Gadiev UB, Matskovsky VV. New results of radiocarbon studies of architectural monuments in mountainous Ingushetia. In: *Archaeological Heritage of the Caucasus: Actual Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings*. Makhachkala, 2020: 318-319. (In Russ.)
20. Afanasyeva VK. Architecture of Mesopotamia. In: *General History of Architecture*. Moscow: VAA, 1970. Vol. 1: 196-211. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.01.2023

Принята в печать 28.02.2023

Опубликована 30.03.2023

Recieved 30.01.2023

Accepted 28.02.2023

Published 30.03.2023

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191241-245>

Исследовательская статья

Гезалова Нигяр Ровшан гызы
д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт Истории НАНА, Баку, Азербайджан
nigar22@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу Джанет Афари и Камрана Афари
“МОЛЛА НАСРЕДДИН
СОЗДАНИЕ ТРИКСТЕРА НОВОГО ВРЕМЕНИ (1906–1911)”.
Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022

Аннотация. Легендарный сатирический журнал «Молла Насреддин» впервые был издан в 1906 г. на азербайджанском языке (арабским алфавитом) и издавался известным азербайджанским просветителем и писателем Джамилом Мамедгулузаде в Тбилиси, Тебризе и Баку вплоть до 1931 г. Эпоха, когда начал издаваться этот журнал, была новым временем не только на Кавказе, но и всем Востоке. В это время повсеместное распространение получили идеи национального освобождения, народного сознания. Реформирование, борьба с деспотизмом, борьба за гражданские и политические права женщин, вопросы образования – только небольшая часть проблем, поднимаемых в этом первом сатирическом журнале Ближнего Востока. Журнал, выполняя миссию поддержки и стимулирования этих идей, ставил целью открыть глаза всего мусульманско-тюркского народа на новый мир. Изучение и постижение исторического опыта литературного наследия, использование его достижений в развитии современной литературно-эстетической мысли составляют основу отношения к классическому наследию. Сатирический журнал «Молла Насреддин» постоянно находится в центре внимания литературоведов не только Азербайджана, но и Грузии, России, Ирана, Узбекистана. Неизменная актуальность темы «Молла Насреддина» вытекает из его монументальности и эпохальности как литературно-общественного явления. Предлагаемая читателям рецензия на исследование Джанет Афари и Камран Афари «Молла Насреддин создание трикстера Нового времени (1906–1911)» на примере азербайджанской сатирической прессы ставит целью показать ее влияние на общественно-политическую жизнь всего Ближнего Востока. Это исследование богатое не только фактами, но и идеями, поможет глубже и основательнее понять и оценить процесс и механизмы модернизации обществ на Ближнем Востоке в начале XX в.

Ключевые слова: Молла Насреддин; сатирический журнал; трикстер; Южный Кавказ; Иран.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191241-245>

Research paper

Nigar R. Gozalova,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher
Institute of History of ANAS, Baku, Azerbaijan
nigar22@gmail.com

REVIEW
of the book by Janet Afary and Kamran Afary
MOLLĀ NASREDDIN
THE MAKING OF A MODERN TRICKSTER (1906–1911).
Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022.

Abstract. The legendary satirical magazine “Molla Nasreddin” was first published in 1906 in the Azerbaijani language (in Arabic script) by the famous Azerbaijani enlightener and writer Jalil Mammadguluzadeh in Tbilisi, Tabriz and Baku until 1931. The era when the magazine started to be published was a new time not only in the Caucasus, but in the whole East. At that time the ideas of national liberation and national consciousness were widespread. Reforms, struggle against despotism, struggle for civil and political rights of women, questions of education were only some of the problems raised in that first satirical magazine of the Middle East. The magazine, in its mission to support and stimulate these ideas, aimed to open the eyes of the entire Muslim-Turkic people to the new world. The study and comprehension of the historical experience of literary heritage and the use of its achievements in the development of contemporary literary and aesthetic thought, form the basis of an attitude towards the classical heritage. The satirical magazine “Molla Nasreddin” is constantly in the focus of attention of literary critics not only in Azerbaijan, but also in Georgia, Russia, Iran, Uzbekistan, etc. This constant relevance of the theme of “Molla Nasreddin” stems from its monumental and epochal nature as a literary and social phenomenon. This book review by Janet Afary and Kamran Afary “MOLLĀ NASREDDIN The making of a modern trickster (1906–1911)” shows readers on the example of Azerbaijani satirical press its influence on social and political life in the entire Middle East. This study, rich not only in facts but also in ideas, will help to better understand and assess the process and mechanisms of modernization of societies in the Middle East in the early 20th century.

Keywords: Molla Nasreddin; satirical magazine; trickster; South Caucasus; Iran.

Легендарный сатирический журнал «Молла Насреддин» был основан известным азербайджанским просветителем и писателем Джалилом Мамедгулузаде в 1906 г. и за короткий срок стал значительным социальным и политическим событием в жизни стран мусульманского Востока. Острые сатирические стихи, статьи и карикатуры сделали журнал самым популярным изданием, повлияв на мышление целого поколения. Реформирование, борьба с деспотизмом, борьба за гражданские и политические права женщин, вопросы образования – только небольшая часть проблем, поднимаемых в нем. Журнал сыграл также не последнюю роль в том, что в 1919 г. Азербайджанская Демократическая Республика первая на всем мусульманском Востоке предоставила женщинам право участвовать в выборах. Несмотря на жесткую цензуру и запреты, журнал продолжал выпускаться вплоть до 1931 г.

Около двух десятилетий американские специалисты по Ближнему Востоку – Джанет Афари и Камран Афари – работали над созданием монографии, посвященной иллюстрированному сатирическому журналу «Молла Насреддин». Их исследование «Молла Насреддин создание трикстера Нового времени (1906–1911)» было опубликовано в 2022 г. в британском издательстве «Edinburgh University Press». Наследие журнала «Молла Насреддин» изучалось исследователями не только Азербайджана, но и Ирана, России и Центральной Азии [1-13]. Рецензируемая нами монография – это первая попытка столь комплексного исследования разнообразия жанровых форм и языковых средств, своеобразие тем и идейно-художественных особенностей еженедельного сатирического журнала «Молла Насреддин» в англоязычной литературе.

Книга состоит из трех глав. В первой главе авторы подробно освещают эпоху создания журнала «Молла Насреддин», тщательно стараясь избегать острых углов, связанных с общим историческим прошлым народов региона. Затем даются биографические сведения обо всех значимых фигурах, участвовавших непосредственно в публикации журнала или оказывающих помощь в этом вопросе. Подробно останавливаясь на вопросе публикации первых номеров журнала, авторы пытаются ответить на вопрос, почему именно в городе Тифлисе (Тбилиси с 1936 г.) началась публикация журнала. По мнению авторов исследования, просвещение, сатира, откровенная религиозная критика могли быть реализованы в начале XX в. только в таком относительно свободном от религиозных предрассудков и космополитичном городе Южного Кавказа как Тифлис. Вторая глава исследует литературное значение журнала и приемы, которыми редакторы журнала пытались воспроизвести современный образ фольклорного персонажа. Подробно рассматривая вопрос о формировании образа Молла Насреддина в фольклоре и его отражении в литературе народов Востока, авторы также поднимают вопросы, связанные с языком изложения историй фольклорного персонажа. Однако, почему-то внимание исследователей не привлек вопрос о влиянии этого первого печатного тюркского сатирического издания на развитие всей тюркоязычной сатирической прессы этого времени.

В то же время авторы исследования отмечают, что периодическое издание пропагандировало светское образование, семейные реформы и расширение прав женщин, всячески подчеркивая недопустимость бесправного, угнетенного положения мусульманских женщин. Авторы исследования, детально рассматривая гендерные вопросы, подвергают анализу совокупность методов, используемых редакторами и художниками журнала, которые иногда осмотрительно и осторожно, а порой и активно проталкивали идеи о равноправии, праве на образование и роли женщин в семье. Как несомненную заслугу журнала авторы отмечают тот факт, что на страницах издания велась оживленная критика не только гендерного неравенства, а также разоблачались

тайные сексуальные практики, детские браки и т.д. Интересно, что авторы называют журнал «чемпионом по правам женщин», тем самым утверждая, что ни одно периодическое издание до этого не поднимало эти вопросы столь настойчиво, последовательно и часто, как это делали редакторы журнала «Молла Насреддин».

Особое внимание авторы уделяют религиозной критике, прослеживаемой на страницах журнала. Они указывают на то, что редакторы журнала постоянно подвергали критике многие священные шиитские ритуалы, в том числе и самобичевание во время месяца мухаррам, при этом подчеркивая, что нельзя утверждать, что журнал имел антирелигиозный характер. Скорее, по мнению авторов, это была первая попытка переосмыслить религиозные догмы редакторами журнала в свете современных социальных норм, включая гендерное равенство. Рассматривая религиозные карикатуры журнала, можно с уверенностью сказать, что в это время ислам был гораздо более открыт, чем представляется сегодня.

Наконец, третья глава посвящена художественному вкладу журнала и тому, в какой степени на него повлияли европейские традиции карикатуры, в частности работы Франсиско Хосе де Гойя и Оноре Домье. Авторы подчеркивают, что благодаря многочисленным иллюстрациям журнал «Молла Насреддин» смог распространить прогрессивный дискурс о власти, религии, образовании и гендерные вопросы на Южном Кавказе, в Иране и в других соседних мусульманских странах. Карикатуры журнала отличались огромной силой воздействия. Воссоздавая убедительные жизненные ситуации, художники в ярких художественных образах затрагивают насущные проблемы эпохи. Авторы подчеркивают, что, несмотря на то, что формат иллюстрированного сатирического журнала был заимствован в основном из Европы и России, образ Моллы Насреддина, известного фольклорного персонажа, позволил редакторам издания выйти за общепринятые границы мышления и морали. Обнажив лицемерие существующей социальной действительности, посредством фольклорного персонажа представив свою критику как голос изнутри мусульманского общества, редакторы журнала значительно увеличили шансы на признание и успех у широкой прослойки общества.

Как становится ясно из введения, данное исследование только первая часть той колоссальной задачи, которую поставили перед собой авторы. Во второй части своего исследования авторы собираются отследить, как на страницах журнала отражались революционные процессы в Иране (1906-1911), а также как отмечают авторы, «влияние иранской культуры на азербайджанское периодическое издание». В начале XX в. на страницах журнала «Молла Насреддин» затрагивались процессы, происходящие в общественной, политической, социальной жизни не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока. Не отрицая взаимовлияние культур, мы все же считаем, что именно журнал «Молла Насреддин» заложил основу формирования новой общественно-литературной среды и оказал огромное влияние на развитие не только азербайджанской демократической печати, но и на общественно-политическую среду Ирана в это время. Так, спустя всего несколько месяцев после выпуска первого номера журнала «Молла Насреддин» в 1906 г. в Тебризе начинает печататься сатирический журнал «Азербайджан»; кроме того, в 1907-1908 гг. выходит в свет журнал «Сури-Исрафил» в Тегеране, а в 1907-1912 – «Насими-Шимал» в Реште и т.д.

Исследование авторов Джанет Афари и Камран Афари на примере азербайджанской сатирической прессы служит свидетельством ее влияния на литературу, культуру и печать всего Ближнего Востока. Это исследование, богатое не только фактами, но и идеями, поможет глубже и основательнее понять и оценить процесс и механизмы

модернизации общества на Ближнем Востоке в начале XX в. Можно с уверенностью сказать, что это исследование одно из самых фундаментальных и всесторонних монографий, опубликованных в англоязычной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Axundov Nazim. "Molla Nəsrəddin" jurnalının nəşri tarixi. Bakı: Azərənəşr, 1959.
2. Axundov Nazim. Azərbaycan satira jurnalları (1906-1920-ci illər). Bakı: Azərbaycan SSR EA, 1968.
3. Əziz Şərif. Molla Nəsrəddin necə yarandı. Bakı: Əcəmi, 2009. Hüseynov F. «Molla Nəsrəddin» və molla-nəsrəddinçilər. Bakı: Yazıçı, 1986.
4. Janet Afary, Kamran Afary. Mollā Nasreddin the making of a modern trickster (1906–1911). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022.
5. Hüseynov F. «Molla Nəsrəddin» və molla-nəsrəddinçilər. Bakı: Yazıçı, 1986.
6. Paşayev Ataxan. "Molla Nəsrəddin": dostları və düşmənləri. Bakı: Çəşioğlu, 1985.
7. Габиббейли И. Джалил Мамедкулизаде (Молла Насреддин). М.: Наука, 1999. (In Russ.)
8. Габиббейли И. Джалил Мамедкулизаде: среда и современники. Нахчыван: Аджеми, 2009.
9. Гумматова Х. Габдулла Тукай и «Молла Насреддин» // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая. -Казань: ИЯЛИ. -2016. С. 155-156.
10. Касумов М.Х. Боевой революционно-сатирический журнал «Молла Насреддин» и его общественно-политическое направление (1906-1931 гг.). Баку: Изд-во АН АзССР, 1966.
11. Казымова Ф.Р. Журнал «Молла Насреддин» и восточная печать // Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). Санкт-Петербург: Реноме. -2012. - с. 21-24.
12. Кляшторина В. Журнал «Молла Насреддин» и персидская политическая сатира периода революции 1905- 1911 гг. // Крат. сообщ. Ин-та востоковедения. М., 1958.
13. Тагирджанов А. Исторические корни персидской политической сатиры (о влиянии журнала «Молла Насреддин» на сатиру Деххода) // Вестник Ленинградского университета. Серия общественных наук. 1952. №8. С. 83-96.

REFERENCES

1. Akhundov Nazim. Publication date of "Molla Nasreddin" magazine. Bakı: Azernashr, 1959. (In Azerb.).
2. Akhundov Nazim. Azerbaijani satirical magazines (1906-1920 years). Bakı: Azerbaijan SSR EA, 1968. (In Azerb.).
3. Janet Afary and Kamran Afary. *Mollā Nasreddin the making of a modern trickster (1906–1911)*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022.
4. Aziz Sharif. How Molla Nasreddin was born. Bakı: Acami, 2009. (In Azerb.).
5. Huseynov F. "Molla Nasreddin" and Mollanesradin-chilar. Bakı: Yazichi, 1986. (In Azerb.).
6. Pashayev Atakhan. "Molla Nasreddin": friends and enemies. Bakı: Çashioğlu, 1985. (In Azerb.).
7. Gabibbeyli I. Jalil Mammadkulizade (Molla Nasreddin). Moscow: Nauka, 1999. (In Russ.)
8. Gabibbeyli I. *Jalil Mammadguluzadeh: environment and contemporaries [Dzhalil Mamedkulizade: sreda i sovremenniki]*. Nakhchivan: Ajami, 2009. (In Russ.)
9. Gummatova H. Gabdulla Tukay and "Molla Nasreddin". *Gabdulla Tukay and the Turkic world: materials of the International Conference dedicated to the 130th anniversary of the birth of G. Tukay*. Kazan: Iyali, 2016: 155-156. (In Russ.)
10. Kasumov MKh. Fighting revolutionary satirical magazine "Molla Nasreddin" and its social and political direction (1906-1931). Bakı: Publishing House of the Academy of Sciences of the AzSSR, 1966. (In Russ.)
11. Kazymova F.R. Journal "Molla Nasreddin" and the Eastern press. *Philological sciences in Russia and abroad: materials of the I International scientific conference*. (St. Petersburg, February 2012). Saint-Petersburg: Renome, 2012: 21-24. (In Russ.)
12. Klyashtorina V. Magazine "Molla Nasreddin" and Persian political satire of the period of the revolution of 1905-1911. *Brief reports of the Institute of Oriental Studies*. Moscow, 1958. (In Russ.)
13. Tagirjanov A. Historical roots of Persian political satire (on the influence of the magazine "Molla Nasreddin" on the satire of Dekhkhod). *Bulletin of the Leningrad University. A series of social sciences*. 1952, 8: 83-96. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.07.2022 г.
Принята в печать 09.08.2022 г.
Опубликована 31.03.2023.

Recieved 18.07.2022 г.
Accepted 09.08.2022
Published 30.03.2023

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191246-275>

Исследовательская статья

Бакушев Марат Артурович
к.и.н., археолог-специалист
ООО «Артефакт», Ростов-на-Дону, Россия
bakart@mail.ru

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ РЕКИ ПСЕНАФА БЛИЗ МАЙКОПА

Аннотация. В 2019 и 2020 годах в 5 км к северу от г. Майкопа в Республике Адыгея проводились охранно-спасательные раскопки курганов в связи со строительством автомобильной дороги в обход города Майкопа. Было исследовано семь курганов, шесть из которых располагались компактно в составе курганного могильника на низком, левом берегу верхнем реки Псенафа, а один курган находился в 1,5 км от курганного могильника, но культурно и хронологически относился к исследованным курганам. В ходе работ в трех курганах были выявлены каменные конструкции под насыпями, которые могут представлять собой ритуальные выкладки, использовавшиеся в поминальных целях. Найденные здесь же керамические фрагменты позволили датировать эту группу памятников. Четыре кургана содержали захоронения, что позволило провести половозрастной анализ, а полученные находки – датировать эти захоронения. По результатам работ был сделан вывод об использовании курганного поля дважды – племенами майкопско-новосвободненской общности и меотами. Цель статьи – введение в научный оборот материалов, полученных в ходе работ, предварительный анализ находок и интерпретация подкурганных конструкций.

Ключевые слова: курган; майкопско-новосвободненская общность; меоты; погребальный обряд; ритуальная площадка

EXPEDITIONS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH191246-275>

Research paper

Marat A. Bakushev,
Cand. Sci. (History), Archeologist-Specialist
LLC Artefakt, Rostov-On-Don, Russia
bakart@mail.ru

EXCAVATIONS OF KURGANS ON THE LEFT BANK OF THE PSENAFA RIVER NEAR MAYKOP

Abstract. In 2019 and 2020, rescue-and-preserve excavations of burial mounds were carried out 5 km north of the city of Maykop in the Republic of Adygea in connection with the construction of a road bypassing the city of Maykop. Seven kurgans were investigated, six of which were located compactly as part of the burial mound on the low, left bank of the upper reaches of the Psenafa River, and one kurgan was located 1.5 km from the kurgan, but culturally and chronologically belonged to the investigated kurgans. In the course of work, stone structures under the kurgans were revealed, which may represent ritual laying used for commemorative purposes. The pottery fragments found here allowed us to date this group of sites. Four kurgans contained burials, which made it possible to carry out a gender and age analysis, and the resulting finds to date these burials. Based on the results of the work, it was concluded that the kurgan field was used twice – by the tribes of the Maykop-Novosvobodnenskaya community and the Meots. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation the materials obtained during the work, a preliminary analysis of the finds and the interpretation of structures under the kurgans.

Keywords: kurgan; Maykop-Novosvobodnenskaya community; Meots; funeral rite; ritual site.

Введение

Весной 2018 г. экспедиция ООО «Культурное наследие» под руководством В.Р. Эрлиха, проводя археологические разведки по трассе проектируемой автодороги в объезд г. Майкопа, на низком левом берегу верховьев р. Псенафа, в 5 км к северу от Майкопа, открыла ряд одиночных курганов и курганный могильник, состоящий из не менее 22 курганов, из которых шесть попадали в створ проектируемого строительства объездной автодороги. В 2019 и 2020 гг. они были исследованы экспедицией ООО «Артефакт» под руководством М.А. Бакушева. Исследованные курганы расположены в 1 км к СЗ хут. Советский. Еще один курган («Советский 61») этой же экспедицией был раскопан в 1,5 км к ЮЗ от данного курганного могильника (рис. 1, 1, 2). Нумерация курганов предложена В.Р. Эрлихом.

В ходе работ 2019-2020 гг. были исследованы курганы «Советский 29», «Советский 30», «Советский 31», «Советский 32», «Советский 33», «Советский 34», «Советский 61». Первые три кургана располагались на первой пойменной террасе левого берега верховьев р. Псенафа, другие три – на второй надпойменной террасе реки (рис. 1, 2; 2, 1), а курган «Советский 61» и расположенный рядом курган «Советский 62», не исследовавшийся в рамках данных работ, располагались отдельно на небольшом возвышении, разделяющем две старицы Псенафы – ныне незначительные по глубине балки (рис. 2, 2). Первая речная терраса характеризуется неглубоким уровнем залегания речной гальки – от 0,5 м до 1,0 м от современной поверхности, при этом факт расположения здесь курганов эпохи ранней бронзы говорит о том, что уже в то время местность не заливалась водами реки даже в паводки. Уровень второй террасы, плавно поднимающейся от первой выше на 1 м, при том, что уровень речной гальки горизонтален, в результате чего уровень гальки на второй террасе фиксируется лишь с глубины от 1,5 м до 2 м. В этой связи, при раскопках не была обнаружена погребенная почва, обычно фиксируемая при раскопках курганов. Вероятнее всего, темно-коричневый суглинок, располагающийся сейчас в кровле всех разрезов в эпоху ранней бронзы, еще не сформировался, и насыпи сооружались из коричневой глины или темно-коричневого гумусированного суглинка, что не позволяет сейчас определить уровень древней дневной поверхности. Сейчас р. Псенафа, протекающая в 300–500 м к СВ от места проведения исследований, представляет собой небольшой ручей, берега которого густо поросли деревьями и кустарником. За рекой располагается правый высокий берег, возвышающийся примерно на 40 м над пойменной равнины. Территория курганного могильника и отдельно расположенного кургана «Советский 61» в наши дни активно распахивается и используется для выращивания сельхозкультур, за исключением курганов на первой террасе р. Псенафа.

Описание исследованных комплексов

Курган «Советский 29»

Насыпь кургана в течение нескольких лет до момента раскопок не подвергалась сельскохозяйственным работам, хотя располагается на пахотном поле (рис. 2, 1). За этот период по краям насыпи выросли невысокие деревья и кустарники. Диаметр

кургана – 40 м, высота – ок. 50 см. Стратиграфия пяти оставленных бровок на всей площади примерно одинакова (рис. 3, 3).

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок. Мощность на разных участках от 25 до 30 см. В южной части насыпи имеет максимальную толщину.

Слой 2. Темно-коричневый гумусированный суглинок, плотный, однородный. Слой является продолжением слоя 1, не затронутый распашкой. В слое незначительное содержание корней растений, встречаются отдельные небольшие камни (речная галька). Мощность слоя – 25–30 см.

Слой 3. Коричневая глина. С вышележащим слоем 2 имеет диффузировавшую границу. Переход четко не выделяется. Слой очень плотный, однородный, в нижней части постепенно светлеет. Мощность слоя от 45 до 58 см на разных участках.

Слой 4. Желто-коричневая материковая глина с включением речного гравия. Прослежена на глубину от 10 до 30 см на разных участках. Контакт со слоем 3 нечеткий, диффузированный.

Всего в кургане «Советский 29» было выявлено и исследовано четыре объекта, пять погребений и связанные с объектами отдельные фрагменты и развалы керамики (рис. 3, 1, 2, 4). Также в насыпи курганного могильника было найдено несколько фрагментов керамики, не относящихся к отдельным объектам или погребениям. Преимущественно, за исключением объекта 2, все указанные объекты и погребения располагались в центральной части насыпи. По всей видимости, они были связаны с истинной насыпью кургана, впоследствии расплывшейся и распаханной.

Объект 1 располагался в центральной части курганной насыпи с незначительным смещением к СЗ (рис. 3, 1, 2, 4). Он представляет собой выложенное из мелких и средних по размеру камней кольцо (кромлех), шириной с З на В 11,9 м, с С на Ю – 11 м. Кольцо выложено в один ряд камня. В отдельных случаях, на незначительных участках в северо-западной и восточной частях наблюдались два ряда камней. Между камнями юго-западной и северо-восточной частей конструкции имеются значительные (до 1 м) разрывы, визуально не нарушающие общую линию круга. В южной части кольцо имеет разрыв шириной 4,5 м. На этом участке отсутствуют и разрозненные камни, что позволяет говорить о разрыве как элементе первоначальной конструкции. Уровень расположения отдельных частей каменной кольцевой конструкции показывает, что ее западная часть ниже восточной примерно на 0,3 м, и ниже северо-западной – на 0,45 м. Эта разница показывает, что изначально для построения этой каменной конструкции была использована не горизонтальная площадка, а неподготовленный, слегка наклонный участок местности.

В северо-западной части кольца среди камней были найдены фрагменты развала керамического сосуда. Сосуд отреставрировать не удалось. Он имеет коричневый цвет поверхности. Обжиг не качественный, тесто без видимых примесей. В юго-восточной части кольца из камней у погребения 1 были найдены развалы сосудов 2-4 (рис. 3, 4; 4, 2-4).

В центральной части кольцевой конструкции располагался каменный наброс округлой формы, размерами 2,65×2,5 м, в один ряд камня. Толщина наброса – 5–12 см. Он несколько возвышался над каменным кольцом (рис. 3, 2, 4) и, вероятно, был приурочен к центральному погребению. Между камнями в северной части наброса был найден развал стенки крупного коричневоглиняного сосуда.

К западу от описанного каменного наброса, в центральной части кольца из камней располагался еще один наброс продолговатой формы, размерами 0,75×2 м, вытянутый с С на Ю. Он был плотно сложен из мелких и средних по размеру камней

в один-два ряда (рис. 3, 2, 4). Толщина второго каменного наброса – 10–16 см. Между камнями наброса, у его юго-восточной оконечности был обнаружен развал светло-коричневого сосуда 1 шаровидной формы (рис. 4, 1).

В центральной части каменного кольца, со смещением к С, в 90 см к С от описанного наброса камней округлой формы располагался еще один каменный наброс подтреугольной формы, размерами 1,55 м с С на Ю и 1,4 м с З на В, сложенный из мелких и средних по размеру камней в один ряд. Толщина выкладки – 10–18 см. На этой выкладке и рядом с ней к востоку располагались кости скелета погребения 3, которое, вероятно, являлось центральным погребением кургана (рис. 4, 10).

Объект 2 располагался в северо-восточной части курганный насыпи (рис. 3, 1; 5, 1, 2, 7). Он представлял плотную каменную выкладку округлой формы из мелкого и среднего по размеру камня в один ряд. Размеры выкладки: с С на Ю – 9,25 м; с З на В – 9,30 м. Толщина на разных участках колебалась от 10 до 22 см. В отдельных случаях в восточной половине наблюдался второй ряд камня (рис. 5, 1, 2). Среди камней были найдены два куса обожженной глины. Под камнями в центре каменного круга в 8 см под подошвой каменной выкладки был обнаружен развал коричневоглиняной миски (рис. 5, 3).

Объект 3 был обнаружен в южной части курганный насыпи (рис. 3, 1). Он представлял собой компактный наброс неправильной формы, размерами 0,84×0,81 м, из средних по размеру речных камней (рис. 5, 4, 5).

Объект 4 представлял компактное скопление костей человека и гальки с охристым налётом (рис. 5, 6). Размеры скопления 0,13×0,07 м. Здесь лежали два фрагмента свода черепа и головка бедренной кости взрослого человека (возможно, одного человека). Поверх скопления лежала мелкая галька (2×4 см) с охристым налётом.

Погребение 1 было найдено под каменным набросом у юго-восточной дуги каменного кольца в центральной части кургана (рис. 3, 1). Каменный наброс над погребением имел размеры 1,95×1,9 м и состоял из мелкого и среднего по размеру речного камня. По антропологическим определениям захоронение принадлежало женщине 25–35 лет (рис. 4, 5). По расположению костей можно полагать, что покойная была положена скорченно на левый бок головой на ЮЮЗ. У черепа были найдены два сосуда (рис. 4, 6, 7). В 0,44 м к С от костей ног погребенной было обнаружено еще два развала сосудов (рис. 4, 8, 9).

Погребение 2 было найдено в северо-восточной части кольцевой конструкции в 1 м к ЮЗ от северо-восточного края кольца (рис. 3, 1, 4; 4, 12). Оно представляло разрозненные мелкие отдельные фрагменты свода черепа ребенка 1-2 лет. Никаких находок здесь обнаружено не было.

Погребение 3 было обнаружено в центральной части кургана (рис. 3, 1, 4), на описанном подтреугольной формы каменном набросе и рядом с ним (рис. 4, 10). Впритык к этому набросу были найдены кости ног, отдельные кости рук и отдельные кости челюстей скелета 1. Судя по расположению найденных костей скелет 1, взрослый, мужчина (?), располагался в вытянутом положении на спине головой на Ю с незначительным смещением к В. Скелет 2 был найден в разрозненном состоянии поверх каменного наброса. Здесь были расчищены мелкие фрагменты свода черепа, фрагменты зубов, лучевых костей, кости таза плохой сохранности. Общая ориентация костей СЗ-ЮВ. Судя по расположению костей, скелет 2 был положен головой на ЮВ. Кости принадлежат взрослому человеку 35–45 лет. Представляется наиболее вероятным, что погребение 3 является центральным в кургане. Не исключено, что разрозненные кости скелетов 1 и 2 принадлежат одному человеку.

В месте отсутствующих костей ног скелета 2, в северо-западной части каменного наброса, поверх него было найдено скопление фрагментов керамического сосуда (рис. 4, 10, 11).

Погребение 4, обнаруженное в центральной части кургана, принадлежит взрослому человеку (рис. 3, 1; 4, 13). В погребении были найдены фрагменты обеих большеберцовых, пяточных и таранных костей, отдельные кости стоп. Берцовая кость располагалась к СВ от костей стопы, которые были направлены на СЗ. Никаких находок в погребении обнаружено не было.

В погребении 5, расположенном также в центральной части кургана, судя по расположению костей, погребенный был положен скорченно на левом боку, головой на ЮВ (рис. 3, 1; 4, 14). Кости ног были сильно согнуты так, что коленные суставы касались локтевых сочленений. Кисти рук покоились у лицевых костей. Антропологический анализ показал зубной камень и сколы эмали зубов. Скелет принадлежал мужчине (?) 35–45 лет. Находок в погребении обнаружено не было.

Курган «Советский 30»

Курган располагался в 50 м к В от описанного кургана «Советской 29» на первой речной террасе (рис. 1; 2, 1). Насыпь овальной формы размерам 20×24 м и высотой около 40 см. Стратиграфия насыпи в двух бровках, располагавшихся крест-накрест, примерно одинакова (рис. 6, 3).

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок. Мощность на разных участках от 25 до 30 см.

Слой 2. Слой светло-коричневого суглинка. На различных участках имеет мощность от 30 до 40 см.

Слой 3. Коричневый суглинок. В слое встречаются отдельные мелкие гальки. Слой плотный, природного происхождения, мощностью от 15 до 40 см.

Слой 4. Речная галька с серым речным песком. Материковый слой.

В ходе раскопок кургана был обнаружен крупный объект 1, располагавшийся в западной половине насыпи и пять развалов сосудов (рис. 6, 1, 2, 4).

Объект 1 представляет собой овальной формы выкладку размерами 12,8×9,7 м из средних и мелких по размеру речных камней в один-два ряда, ориентированную длинной осью по линии ЮЗ-СВ (рис. 6, 4). Камни были уложены на древнюю дневную поверхность, на естественной возвышенности, в верхней и центральной части слоя 2. В центре овальной каменной выкладки, со смещением к ЮЗ располагалась прямоугольная выкладка размерами 3,5×2,8 м. От нее к окружающей ее овальной выкладке тянутся две дорожки-перешейка длиной около 2 м и шириной 0,6–0,8 м. Юго-восточный перешеек стыкуется с каменным округлым набросом размерами 3,2×2,8 м. В северо-восточной части такой же каменный наброс, по всей видимости, был разрушен проходящей по диагонали через курган с СЗ на ЮВ современной траншеей. Ширина внешней овальной выкладки различна: в северо-восточной части она составляет ок. 1,8 м, в юго-западной – ок. 0,7 м. В северо-восточной части объекта 1, за пределами овального кольца, была зафиксирована однорядная кладка из камней, расположенная в 0,4–0,5 м от края овальной выкладки и следующая дугой (рис. 6, 4). Не исключено, что она представляет остатки обводного кольца, маркировавшего границу насыпи при её сооружении. Схожее обводное кольцо, также с западного и северо-западного направления было зафиксировано в кургане № 1 группы Занозина балка у Кисловодска, погребение 15, в котором, С.Н. Кореневский отнес к псекупскому варианту майкопско-новосвободненской общности [1, с. 61]. Объект 1 был сооружен одновременно и представляет

собой единую конструкцию, очевидно, отражающую определенные идеологические представления.

Помимо мелких отдельных керамических фрагментов (рис. 7, 2, 6) и кремневого скола (рис. 7, 1) среди камней объекта 1 было найдено пять развалов сосудов. Сосуд 1 был обнаружен в южной части прямоугольной выкладки в центральной части объекта 1 (рис. 6, 4); он представляет лепной красноглиняный круглодонный тонкостенный сосуд (рис. 7, 4). Сосуд 2 был найден в северной части объекта 1 за его пределами (рис. 6, 4); он представляет лепной коричневоглиняный круглодонный сосуд (рис. 7, 7). Фрагменты невосстанавливаемого сосуда 3 были найдены в северной части объекта 1 с внешней стороны каменного овала (рис. 6, 4); по всей видимости, он идентичен сосуду 2 (рис. 7, 5). Сосуд 4 был обнаружен в северо-восточной части объекта 1 с внешней стороны овала из камней, в ок. 2 м к ЮВ от сосуда 3 (рис. 6, 4); он представлял собой фрагмент стенки лепного коричневоглиняного сосуда. Сосуд 5 был обнаружен среди камней каменного круга в юго-восточной части объекта 1 (рис. 6, 4). По расположению керамических фрагментов под камнями установлено, что лепной темно-сероглиняный сосуд был положен сюда во время сооружения объекта 1 и намеренно раздавлен камнями (рис. 7, 3). Других находок, а также скелетов людей при раскопках кургана не обнаружено.

Курган «Советский 31»

Курган располагался в 87 м к В от описанного кургана «Советской 29» и в 16 м от кургана «Советский 30» на первой речной террасе (рис. 2, 1). Насыпь имела подовальную форму размерами 22×24 м и высоту ок. 40 см. Стратиграфия в двух бровках, располагавшихся крест-накрест – схожа (рис. 8, 3).

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок. Мощность на разных участках от 25 до 30 см.

Слой 2. Слой светло-коричневого суглинка. На различных участках имеет мощность от 30 до 40 см.

Слой 3. Коричневый суглинок. В слое встречаются отдельные мелкие гальки. Слой плотный, природного происхождения, мощностью от 15 до 40 см.

Слой 4. Речная галька с серым речным песком. Материковый слой. Слой расположен не в едином горизонте – наблюдаются всхолмления и понижения.

Как и в расположенном рядом кургане «Советский 30», под насыпью был обнаружен объект 1, смещенный от центра к ЮЗ (рис. 8, 1). Объект представляет собой кольцо диаметром 15 м (рис. 8, 4), сложенное из мелких и средних по размеру речных камней (кромлех). Камни накладывались без порядка; толщина каменного кольца около 25–30 см. Ширина кольца на разных участках составляет от 3 м до 3,5 м. В центральной части имелось свободное от камней пространство подквадратной формы с закругленными углами размерами ок. 9×9 м. Внутренняя часть каменного кольца образовывала горизонтальную площадку, от которой к внешнему периметру шло понижение с разницей высот ок. 40 см. В центральной части каменного кольца с незначительным смещением к ЮЗ был зафиксирован каменный наброс размерами 3,7×3,5 м, в один ряд мелких и средних речных камней.

Среди камней юго-западной части каменного кольца был найден терочник круглой формы (рис. 9, 1). Преимущественно в южной и западной частях каменного кольца среди камней были найдены отдельные фрагменты темно-сероглиняных и коричневоглиняных сосудов (рис. 9, 2–8), явно принесенных в виде фрагментов и уложенных в момент сооружения объекта 1. Из этой керамики выделим придонную часть плоскодонного лепного серо-глиняного сосуда (рис. 9, 4), отогнутые наружу и утоньшенные

к краю венчики темно-сероглиняных и коричневоглиняных лепных сосудов (рис. 9, 5, 6). В центральной части объекта 1 была найдена верхняя часть крупного гончарного красноглиняного сосуда с почти цилиндрическим горлом и резко отогнутым венчиком (рис. 8, 4; 9, 9), который, очевидно, был преднамеренно положен здесь в испорченном состоянии. Останков человека или костей животных обнаружено не было. Несомненно, объект 1 представляет собой единовременно возведенную культово-ритуальную конструкцию.

Курган «Советский 32»

Является самым западным в исследованной группе и наиболее крупным (рис. 2, 1). Насыпь имела диаметр 60 м и высоту 1 м (рис. 9, 10). Было оставлено семь продольных контрольных бровок, однако, стратиграфия наиболее показательна в центральном разрезе (рис. 9, 11).

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок. Мощность на разных участках от 25 до 45 см.

Слой 2. Темно-коричневый гумусированный суглинок. По составу имеет то же происхождение, что и слой 1, является его продолжением. Не подвергался распашке. Мощность на различных участках от 25 до 45 см. С уровня слоя 2 зафиксирована современная яма, прорезающая нижележащие слои, с заполнением темно-серо-коричневым суглинком, с фрагментами современных кирпичей и бетона.

Слой 3. Светло-коричневая глина, очень плотная, однородная. Мощность от 18 до 59 см.

Слой 4. Серо-коричневая глина – материк; слой – однородный, плотный, имеются отдельные норы грызунов. Мощность от 30 до 90 см.

Слой 5. Желтая глина – материк; однородная, сыпучая, при намокании – вязкая. Прослеженная мощность от 10 до 25 см.

В северо-восточной части насыпи на участке размерами 10×3 м были найдены фрагменты керамики. Они представляют собой фрагменты стенок красноглиняного гончарного сосуда, возможно, импортной амфоры (рис. 10, 1-3). В восточной части насыпи на площадке размерами 3,5×6 м были найдены другие керамические фрагменты (рис. 10, 5, 6), а также бронзовое кольцо (рис. 10, 4). Особый интерес представляет фрагмент красноглиняного сосуда с широкой невысокой раструбовидной горловиной (рис. 10, 5); цвет светло-бежевый, в изломе – темно-серая полоса слабого обжига, в тесте – примесь шамота и песка.

В центральной части насыпи было зафиксировано три объекта и два погребения.

Объект 1 (рис. 9, 10; 10, 7) представляет собой развал керамического сосуда. Керамические фрагменты располагались в слое 1 на участке размерами 0,5×0,58 м. Фрагменты являлись частями лепного горшка, с диаметром устья 27 см (рис. 10, 13).

Объект 2 (рис. 9, 10; 10, 8) представляет собой скопление на участке размером 0,35×0,5 м 16 фрагментов стенок коричневоглиняного лепного сосуда с темно-серым изломом (рис. 10, 9, 10). Форма сосуда не восстанавливается.

Объект 3 (рис. 9, 10; 10, 11) представлял собой компактно лежащие на участке размером 0,56×0,44 м, плохой сохранности кости (четыре кости конечностей и ребро) 8-12 месячной овцы. Очевидно, что объект 3 представляет собой остатки заупокойной тризны.

Погребение 1 (рис. 9, 10; 10, 14) было исследовано в центральной части кургана. Погребальное сооружение представляло собой грунтовую могилу подпрямоугольных очертаний, ориентированную длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Стенки могильной ямы

слегка сужались к низу. Зафиксированные размеры могилы по верху: 2,78×1,62 м. Зафиксированные размеры могилы по низу: 2,72×1,52 м.

Погребение 1 – парное. В центральной части насыпи на дне неглубокой трапециевидной могильной ямы лежали два скелета «валетом» – оба вытянуто на спине.

Скелет 1 принадлежал мужчине 45–55 лет. При погребении он был положен на спину, головой на ЮВ. Череп изначально лежал на затылочных костях. Черепная крышка была обнаружена у левой плечевой кости. Позвоночный столб слегка изогнут волной. Кости рук вытянуты вдоль костей туловища. Кости ног вытянуты. Кости стоп расположены параллельно в 5 см друг от друга. Левая бедренная кость сдвинута наружу на 10–12 см к ЮЗ. Антропологический анализ выявил зубной камень, артроз коленных и тазобедренных суставов. В 0,42 м к ЮВ от левой плечевой кости, на краю могильной ямы был найден развал лепного горшка (рис. 10, 12).

Скелет 2 был положен впритык к скелету 1 с СВ. Скелет принадлежал женщине (?) 35–45 лет. При погребении она была положена на спину, головой на СЗ. Череп лежал на затылочных костях. Кости правой руки не сохранились, но она, как и левая, были уложены изначально вдоль туловища. Кости ног вытянуты; кости стоп соприкасаются. Антропологический анализ выявил гипоплазию эмали зубов и дегенеративно-дистрофические изменения нижних отделов позвоночника. Инвентаря не обнаружено. Погребение 1 является основным в кургане «Советский 32».

Погребение 2 (рис. 9, 10; 10, 15) было выявлено в северо-восточной части кургана. На участке размером 1,1×0,8 м были найдены кости ребенка 5–7 лет. Кости разрозненные, труположение не определяется, но по размерам скопления костей можно предположить, что ребенок был похоронен скорченно головой на СЗ. В северо-западной части скопления костей, у места предполагаемого расположения черепа были найдены пять дисковидных бусин в виде компактного скопления размером 5×3 см (рис. 10, 16); бусы – бронзовые, литые, покрытые белым металлом (олово?), размерами 1,2×1,2×0,4 см.

Курган «Советский 33»

Курган располагался в 27 м к В от кургана «Советский 32» (рис. 2, 1). Насыпь имела диаметр 20 м и высоту 0,2 м. Стратиграфия в двух бровках, располагавшихся крест-накрест – невыразительна (рис. 11, 4).

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок, рыхлый, комковатый. Мощность на разных участках от 22 до 36 см.

Слой 2. Темно-коричневый гумуссированный суглинок. Является продолжением слоя 1. Мощность на различных участках от 12 до 20 см.

Слой 3. Слой коричневой глины с незначительным содержанием коричневого суглинка, плотный, однородный. Мощность на различных участках составляет от 26 м до 55 м. На уровне кровли этого слоя был зафиксирован выкид нижележащей желто-коричневой глины.

Слой 4. Представляет собой коричнево-желтую глину. Зафиксирован по всей длине разреза и является подстилающим для всех вышеописанных слоёв. Мощность слоя от 17 до 33 см.

При раскопках кургана «Советский 33» было обнаружено и исследовано два плохо сохранившихся погребения.

Погребение 1 (рис. 11, 1, 2) обнаружено в южном секторе кургана: на участке размером 1,08×0,56 м были найдены фрагменты трубчатых костей ног взрослого человека.

Погребение 2 (рис. 11, 1, 3) обнаружено в центре насыпи с небольшим смещением к СВ. Оно представляло скопление отдельных фрагментов свода черепа, длинных

трубчатых костей. Скелет, возможно, принадлежал женщине (?). Бедренная и берцовая кости левой ноги были найдены в сочленении. Исходя из этого, можно предположить, что погребенный человек при похоронах был положен на левый бок головой на СВ.

Курган «Советский 34»

Курган располагался в 10 м к Ю от кургана «Советский 33» (рис. 2, 1). Насыпь имела диаметр 35 м и высоту 0,4 м (рис. 16, 1). Стратиграфия в двух бровках, располагавшихся крест-накрест, не показательная и идентична во всех разрезах (рис. 11, 5, 7).

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок, рыхлый, комковатый. Мощность на разных участках от 25 до 33 см.

Слой 2. Темно-коричневый гумусированный суглинок. Является продолжением слоя 1. В отличие от слоя 1 не подвергался распашке. Мощность на различных участках от 19 до 28 см.

Слой 3. Слой коричневой глины, однородной, плотной, плавно осветленной к низу. Мощность на разных участках от 12 до 45 см.

Слой 4. Желто-коричневая глина – материк. Прослежен на различных участках глубину от 25 до 50 см.

При раскопках кургана было обнаружено и исследовано шесть объектов (рис. 11, 5). Пять из них располагались компактно в юго-западной части насыпи. Шестой объект был обнаружен и исследован в юго-восточной части курганной насыпи. Помимо этого, в месте расположения объектов 1-5 были найдены отдельные фрагменты керамики, из которых показательны часть венчика и горловины с переходом к плечу красноглиняного кружального сосуда (рис. 12, 1).

Объект 1 (рис. 11, 5; 12, 2) представлял собой развал на участке размером 0,66×0,46 м широкоустного плоскодонного горшка (рис. 12, 3).

Объект 2 (рис. 11, 5, 6; 12, 4) располагался в толще слоя 2 и частично заходил в слой 3. Он представлял собой ромбовидную в плане выкладку из мелких и средних камней, вытянутую по длинной оси с С на Ю, размерами с С на Ю – 2,66 м, с З на В – 2,02 м. От северной и южной вершин ее в северо-западном направлении тянутся два выступа, выложенные из таких же камней и выступающие продолжениями соответствующих сторон выкладки.

Между этими выступами были найдены фрагменты двух керамических сосудов. Сосуд 1 (рис. 12, 5) представляет собой стенку крупного округлобокого сосуда коричневого цвета. Сосуд 2 (рис. 12, 6) представляет коричневоглиняный плоскодонный горшок с вытянутым туловом и немного отогнутым наружу низким горлом с широким устьем.

Внутри овала, выложенного из камней, у восточной стенки впритык к ней был найден развал сосуда 3, представляющего небольшой горшочек со сферическим туловом и раструбовидным широкоустным горлом (рис. 12, 7). По всей поверхности сосуда наблюдаются выщерблины от прогоревшего органического вещества, замешанного при формовке в тесто сосуда.

У юго-западной стенки выкладки (объекта 2) был найден также фрагмент венчика и стенки красноглиняной миски (рис. 12, 8).

Объект 3 (рис. 11, 5; 12, 4) был обнаружен в 0,9 м к СЗ от северного края объекта 2. Не исключено, что объект 3 является разрушенным продолжением объекта 2. Он представляет собой небольшую (размеры с С на Ю – 0,78 м; с З на В – 0,82 м) каменную выкладку из мелкого и среднего по размерам речного камня в один ряд. Между объектами 2 и 3 имеется небольшой навал камней размером 0,35×0,44 м аморфной формы. Возможно, он также являлся частью общего объекта, впоследствии разрушенного.

Объект 4 (рис. 11, 5; 13, 1) представлял подпрямоугольную каменную выкладку из мелкого и среднего по размеру речного камня, ориентированную длинной осью по линии СЗ-ЮВ, размерами 4 по длинной оси – 1,42 м; по короткой (ЮЗ-СВ) – 0,94 м; толщина каменной выкладки – 0,1–0,18 м. Выкладка имеет общее понижение в северо-западном направлении в пределах 10–11 см.

Объект 5 (рис. 11, 5; 13, 2) представлял собой неглубокую (6–8 см) удлинённо-овальную яму, размерами 1,76×0,44 м, вытянутую по оси ССВ-ЮЮЗ, со слегка скошенными внутрь стенками. Верхний уровень заполнения ямы, толщиной 2 см, представлял собой прокал с большим содержанием угольков и прокаленной охристой глины. Нижний уровень заполнения, толщиной 5–6 см, представлял темно-коричневый суглинок с угольками. Никаких находок в яме обнаружено не было.

Объект 6 (рис. 11, 5; 13, 3) представлял собой выкладку из крупных, средних и мелких по размеру речных камней в один-два ряда. Размеры выкладки: с С на Ю – 1,88 м; с З на В – 1,76 м. Она имеет повышение в центральной части и понижение по краям в пределах 8–11 см.

Курган «Советский 61»

Памятник расположен в 3,9 км к северу от северной окраины г. Майкоп, в 2,2 км к западу от северо-западной окраины хут. Советский на оконечности второй надпойменной террасе левого пологого берега р. Псенафа. Курган вместе с расположенным рядом курганом «Советский 62» представляет собой, по-видимому, единый археологический комплекс (рис. 2, 2). Насыпь имела диаметр 30 м и высоту 0,1 м (рис. 13, 4, 6). Стратиграфия в двух бровках, располагавшихся крест-накрест, довольно проста. В качестве образца был взят восточный фас меридиональной бровки.

Слой 1. Пахотный слой. Темно-коричневый суглинок, рыхлый, комковатый. Мощность на разных участках от 25 до 31 см.

Слой 2. Коричневый суглинок с включением речной гальки, комковатый, неоднородный. Мощность на различных участках от 25 до 36 см.

Слой 3. Слой речной гальки вперемешку с коричневым песком. Прослеженная мощность от 18 до 43 см.

В ходе раскопок кургана было исследовано шесть объектов (включая объект 1а) и одно погребение. Все они располагались преимущественно в северо-восточной и восточной частях насыпи (рис. 13, 4, 5).

Объект 1 (рис. 13, 4; 14, 1, 2) представлял выкладку из средних и мелких по размеру камней в один-три ряда. Выкладка объекта 1 имеет аморфную форму и вытянута длинной стороной по оси ССЗ-ЮЮВ. Размеры выкладки: с С на Ю – 2,28 м; с З на В – 2,76 м. Максимальная толщина 0,13 м. В восточной части объекта 1, примыкая к нему был найден развал коричневоглиняной лепной округлобокой миски с загнутым венчиком (рис. 14, 3), поверхность ее заглажена, излом охристого цвета, в тесте примесь песка, шамота и слюды.

В 0,5 м к С от объекта 1 располагается объект 1а (рис. 13, 4; 14, 1). Он представлял выкладку в виде кольца с просветами, выложенную в один слой из небольших камней. Внешний диаметр кольца – 1,08×1,06 м. В центре его был найден мелкий фрагмент керамики.

Объект 2 (рис. 13, 4; 14, 5, 6) располагался у северной оконечности насыпи и представлял собой круглую выкладку диаметром 2,62–2,7 м из мелкого и среднего по размеру речного камня в один ряд. В центральной части круга, на уровне камней и между ними были обнаружены единичные фрагменты керамики, обожженной глины и часть стенки и округлого дна коричневоглиняного сосуда (рис. 14, 4).

С западной стороны выкладки в виде круга примыкала одним концом вымостка из камней в виде узкой длинной полосы, ориентированная по оси ЮЮВ-ССЗ.

Объект 3 (рис. 13, 4; 15, 1) представлял собой каменный наброс, к СВ от которого располагалась небольшая выкладка из камней. Общий размер – 1,3×2,38 м. Объекты покоились на материковом слое.

Объекты 4 и 5 (рис. 13, 4; 15, 7) занимали большую часть в северо-восточного сектора кургана.

Объект 4 представлял удлиненно-овальную выкладку из среднего и мелкого по размеру речного камня в один-два ряда, ориентированную длинной стороной по оси СЗЗ-ЮВВ. Размеры ее: с С на Ю – 2,96 м; с З на В – 4,24 м. Один из найденных здесь фрагментов керамики представляет собой часть стенки лепного сосуда (рис. 15, 5).

Объект 5 представлял собой выкладку дугообразной формы из средних и мелких речных камней, уложенных один-два ряда. Расстояние между концами дуги с ЮЗ на СВ – 7,95 м. Среди камней и над ними было найдено несколько кусочков обожженной глины и фрагментов керамики, в том числе обломок стенки темно-коричневого сосуда, с двухцветным изломом, с примесью песка и слюды в тесте (рис. 15, 6).

Погребение 1 (рис. 13, 4; 25, 2) было обнаружено в пространстве описанной дугообразной выкладки, между ее концами, и было впущено в материковый слой речной гальки с коричневым песком. Объект назван погребением условно, так как в нем не было обнаружено костей скелета. Он представлял собой овальную яму, размерами 0,91×1,3 м и глубиной 12–24 см, ориентированную длинной осью по линии З-В. Заполнение ямы представляло собой перемес темно-коричневого вышележащего суглинка (слой 2) и материкового галечного слоя. Стенки ямы слегка сужались ко дну. У северо-восточной стенки ямы был обнаружен глиняный лепной круглодонный сосуд светло-коричневого цвета, в изломе черного цвета (рис. 15, 4), лежавший на боку горловиной на восток и фрагмент другого лепного светло-серого сосуда (рис. 15, 3).

Заключение.

Каменные конструкции в виде вымосток, выкладок, набросов были присущи курганам майкопско-новосвободненской общности на протяжении довольно большого временного периода и различные по форме каменные подкурганные конструкции были зафиксированы на могильниках Западного и Центрального Предкавказья [2, с. 108; 3, с. 183]. Наиболее территориально близким аналогом кургана «Советский 29» является курган 1 курганного могильника Синюха, располагавшийся в 4,5 км в СЗЗ от исследованных нами курганов. На нем, под насыпью, был расчищен кромлех диаметром 17,5 м и шесть погребений майкопской культуры [4, с. 481]. В отличие от кургана «Советский 29», курган 1 могильника Синюха использовался для захоронений также и в эпоху раннего железа, а расположенный рядом курган 2 был сооружен уже во время существования северокавказской культурно-исторической общности [4, с. 482], что не наблюдалось на исследованном нами могильнике.

Сосуд, найденный рядом с погр. 1 в кургане «Советский 29», близок к сосуду из погребения в срубе курганного могильника Чернышев 2 и относится к варианту формы К-2 (по С.Н. Кореневскому) [6, с. 160, рис. 32, 15]. Шаровидный сосуд из каменного наброса того же кургана (рис. 4, 1) имеет аналог в погр. 3 кургана у сел. Красногвардейское и в кургане 11 G могильника Клады [6, с. 182, рис. 52, 3; 8, с. 34, рис. 6, 3]. Сосуд из прямоугольной выкладки в кургане «Советский 30» (рис. 7, 4) а также сосуд из погр. 1

кургана «Советский 29» (рис. 4, 6) имеют сходство с сосудом из курганов могильника Общественное 2 и могильника Клады [6, с. 192, рис. 63, 6; 7, с. 209, рис. 6, 7]. С.Н. Кореневский относит их к группе «неопределенно видовых закубанских комплексов» [6, с. 61]. Также в могильнике Клады были найдены двуручные сосуды, аналогичные сосудам 2 и 5 из кургана «Советский 30» (рис. 7, 3, 7) [7, с. 220, рис. 17, 3, 9], и сосуд, аналогичный сосуду из кургана «Советский 31» (рис. 9, 9) [8, с. 37, рис. 9]. Крупные сосуды 2 и 5 из кургана «Советский 31» (рис. 7, 3, 7) также имеют аналогии в Псекупском, Серегинском, Беляевском, Усть Джегутинском и Галюгаевском I поселениях [9, с. 96]. Форма сосуда из погр. 1 кургана «Советский 61» (рис. 15, 4) повторяет форму сосудов в курганном могильнике Союг Булаг, в кургане 11 Сунженского могильника [5, с. 237, рис. 107,3; 6, с. 157, рис. 29, 3]. Схожий по форме сосуд был найден и в Майкопском кургане [6, с. 174, рис. 44, 3].

Миска, найденная под круглым набросом объекта 2 в кургане «Советский 29» (рис. 5, 3), по форме венчика может быть отнесена к варианту 5а по А.Д. Резепкину и Г.Н. Поплевко [10, с. 82].

По указанным аналогиям все исследованные курганы, за исключением кургана «Советский 32», датируются в диапазоне XXXVI-XXX вв. до н.э. и относятся к майкопскому варианту майкопско-новосвободненской общности [11, с. 58; 5, с. 50].

Сосуд из погр. 1 кургана «Советский 32» (рис. 10, 12) по форме напоминает сосуды Крыма и Нижнего Дона скифского времени [12, с. 322, рис. 17], бытующих довольно долгое время, однако, орнамент в виде рядом врезных полос, образующих треугольники, появляющийся в VI в. до н.э., позволяет датировать это погребение VI–V вв. до н.э. и связать с меотской культурой. Бусы из погребения 2, ввиду уникальности, сложно культурно атрибутировать, поэтому время совершения этого захоронения не ясно.

Несомненно, что отсутствие погребений в курганах «Советский 30», «Советский 31», «Советский 34» и «Советский 61» не является следствием плохой сохранности остеологического материала, так как в расположенном здесь же кургане «Советский 29» были найдены кости погребенного человека, что позволяет говорить о возможности их сохранения в почве могильника. Вероятнее всего, каменные конструкции являются ритуальными выкладками, сооруженными для совершения каких-то обрядовых, возможно, поминальных действий. Косвенно на это указывают преднамеренно испорченные сосуды, обнаруженные как в центре каменных конструкций, так и среди камней. В частности, в центре кургана «Советский 31» располагалась верхняя половина крупного тарного сосуда, а среди камней кургана «Советский 30» – развалы крупных сосудов с отсутствующими венчиками или ручками. Также необходимо обратить внимание на фрагменты сосудов, найденные среди камней конструкций. Обряд порчи сосудов был широко распространен в погребальной практике майкопской культуры. С.И. Кореневский полагает, что этот обряд был связан с реинкарнацией души сородича [13, с. 895].

Примечательно, что курганы «Советский 30» и «Советский 31» располагались в непосредственной близости от кургана «Советский 29», в котором были найдены плохо сохранившиеся разрозненные погребения. Это позволяет, как представляется, предполагать, что выявленные в курганах каменные конструкции представляют ритуальные площадки, приуроченные к захоронениям этого кургана. Не исключено, что объект 2 кургана «Советский 29» также является ритуальной площадкой, связанной с этими же погребениями. В этом случае, мы, возможно, наблюдаем следы неоднократных поминальных действий, для каждого из которых сооружались новые

ритуальные площадки. Также, можно полагать, что это было связано обрядом погребения очередного покойного.

Как ритуальную площадку следует рассматривать и подкурганную конструкцию кургана «Советский 61», который также не содержал погребений, но имел в центральной части полукруглой выкладки условную могилу (кенотаф?) с размещенным в ней горшком. Не исключено, что эта ритуальная площадка была приурочена к расположенному рядом одиночному кургану «Советский 62», который пока не исследован. Курган «Советский 33», в котором были найдены разрозненные человеческие кости, вероятнее всего, судя по ситуации, является местом захоронения, к которому была приурочена ритуальная площадка под насыпью кургана «Советский 34».

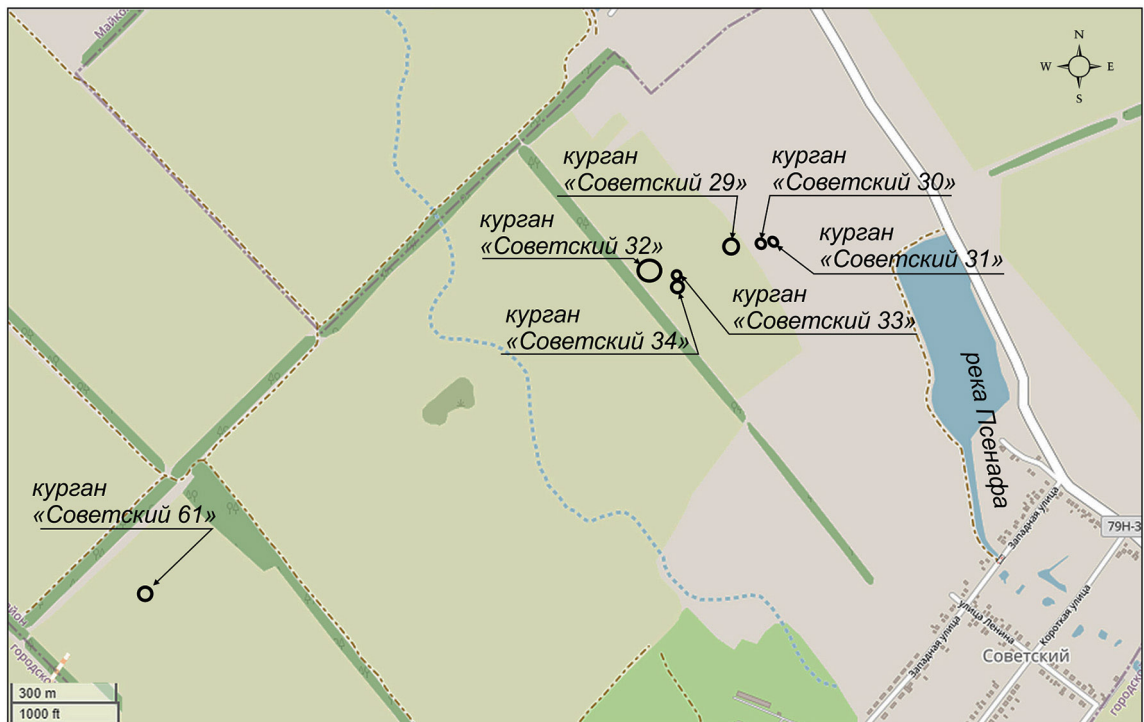
Все подкурганные каменные конструкции возводились одновременно, без каких-либо этапов и, скорее всего, перекрывались, после окончания ритуальных действий невысокой земляной насыпью. На это указывают хорошо сохранившиеся элементы каменных конструкций, а также сосуды, найденные в виде развалов в местах их размещения.

Территория курганного могильника использовалась дважды: в эпоху раннего бронзового века и в меотский период, в сер. I тыс. до н.э. По незначительной выборке исследованных курганов, по отношению к их количеству на курганном могильнике, можно сделать вывод, что курганы меотского времени более крупные по размеру и не содержат каменных конструкций. Отмечу, что на правом, высоком берегу р. Псенафа, напротив раскопанных курганов, расположены многочисленные курганы и курганные группы, тянущиеся цепочкой по гребню водораздела, которые содержат захоронения северокавказской культурно-исторической общности и катакомбной культуры, а также впускные погребения IV–V вв. н.э. [14, с. 66], которые не представлены в исследованных курганах низкого правого берега.

Исследованные курганы позволяют уже на данном этапе пополнить наши представления о погребальной обрядности и религиозно-идеологических воззрениях рядового населения майкопско-новосвободненской общности на территории Западного Кавказа.

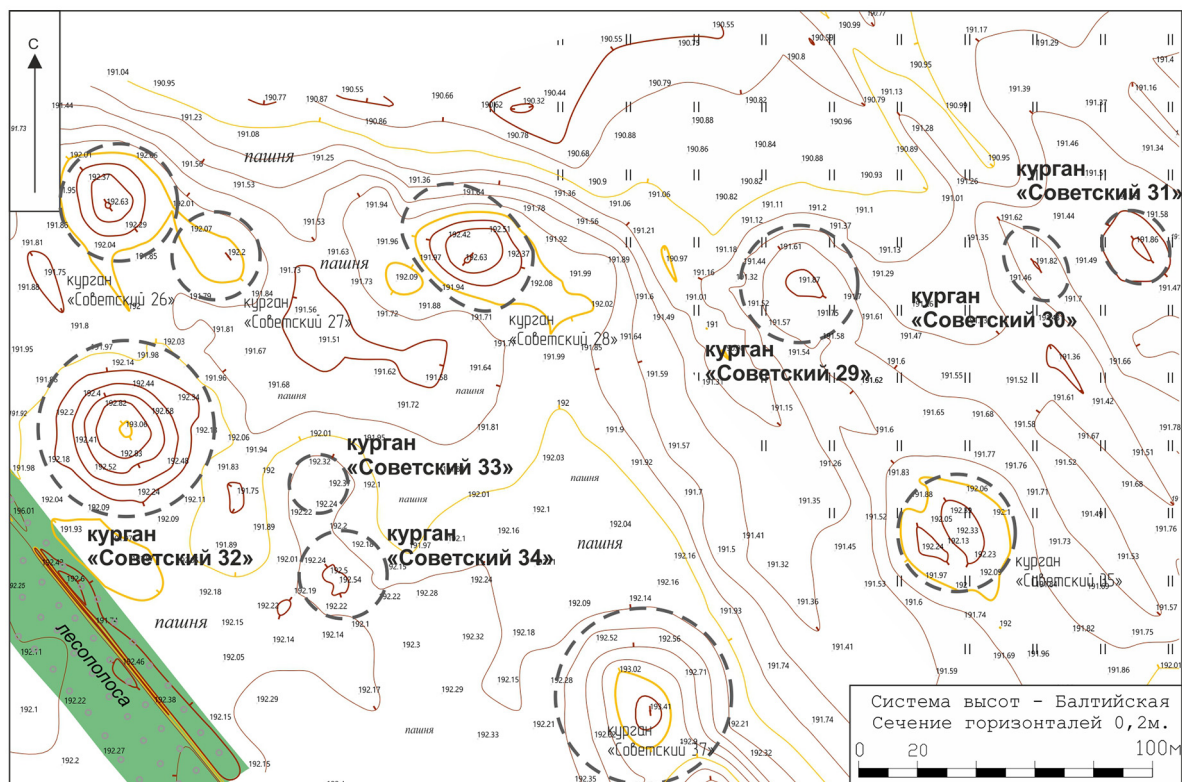
1

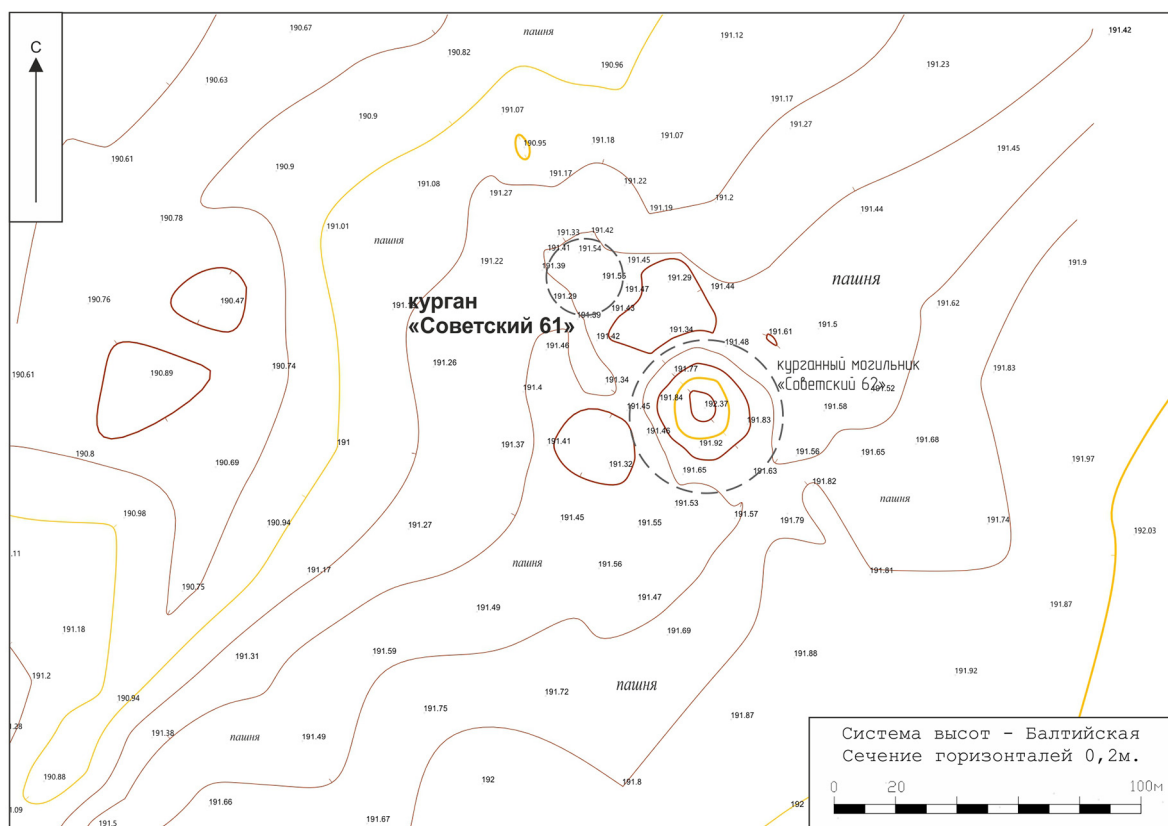
2

Рис. 1. Карты части Майкопского района с обозначением мест расположения исследованных курганов

Fig. 1. Maps of the part of the Maykop district with indication of the studied kurgans

1

2

Рис. 2. Топографические планы курганных могильников «Советские»: 1 – топографический план курганного могильника (исследованные курганы выделены жирным шрифтом); 2 – топографический план кургана «Советский 61»

Fig. 2. Topographic plans of the kurgans “Sovietsky”: 1 – topographic plan of the burial kurgans (the examined kurgans are highlighted in bold); 2 – topographic plan of the kurgans “Sovietsky 61” and “Sovietsky 62”

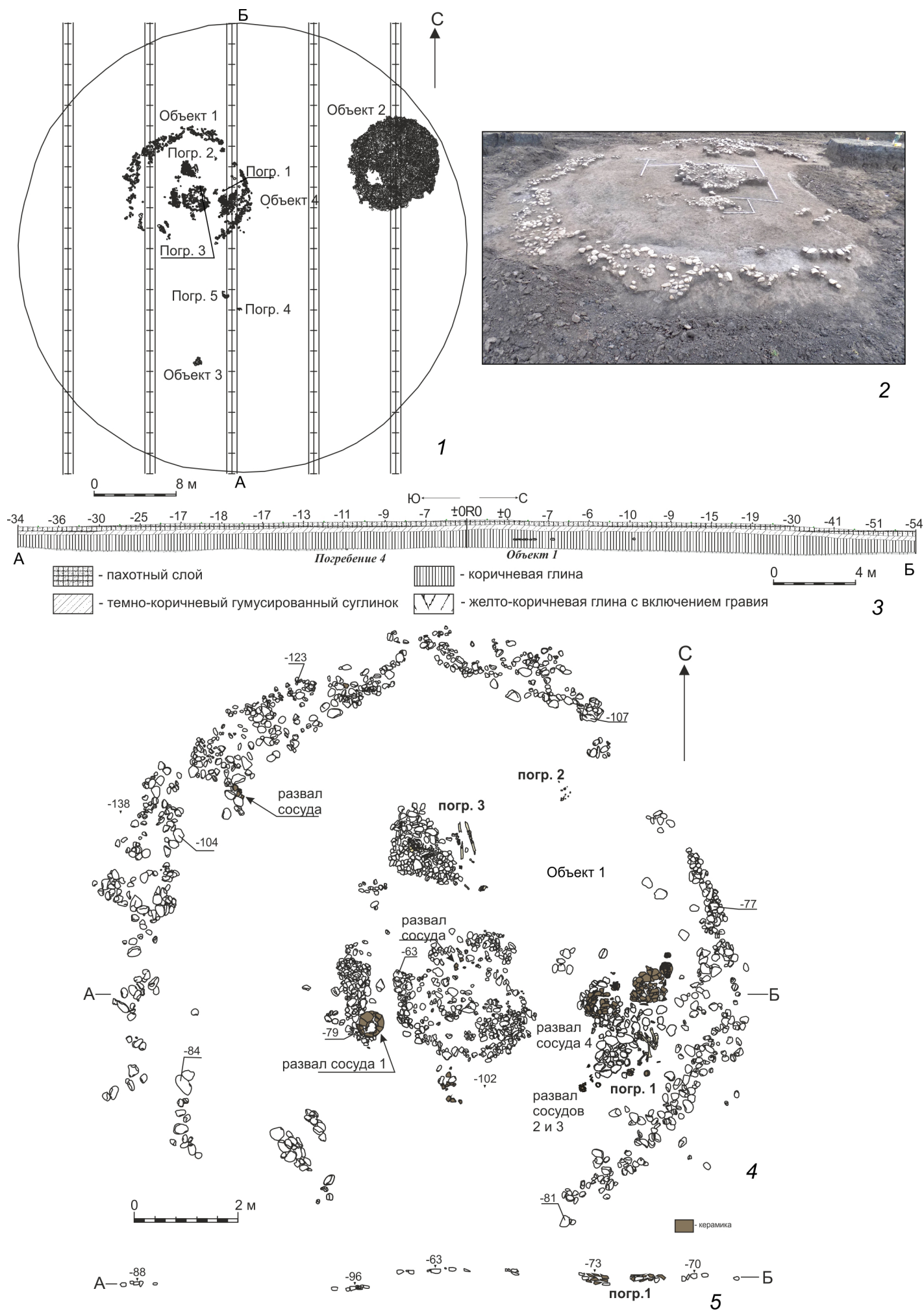

Рис. 3. Курган «Советский 29». План, разрез и объект 1. 1 – план кургана; 2 – фотография объекта 1, вид с 3; 3 – разрез А-Б; 4 – план объекта 1; 5 – разрез объекта 1

Fig. 3. Kurgan "Sovietsky 29". Plan, section and Object 1. 1 – plan of the kurgan; 2 – photo of Object 1, view from the west; 3 – section A-B; 4 – plan of Object 1. 5 – section of Object 1

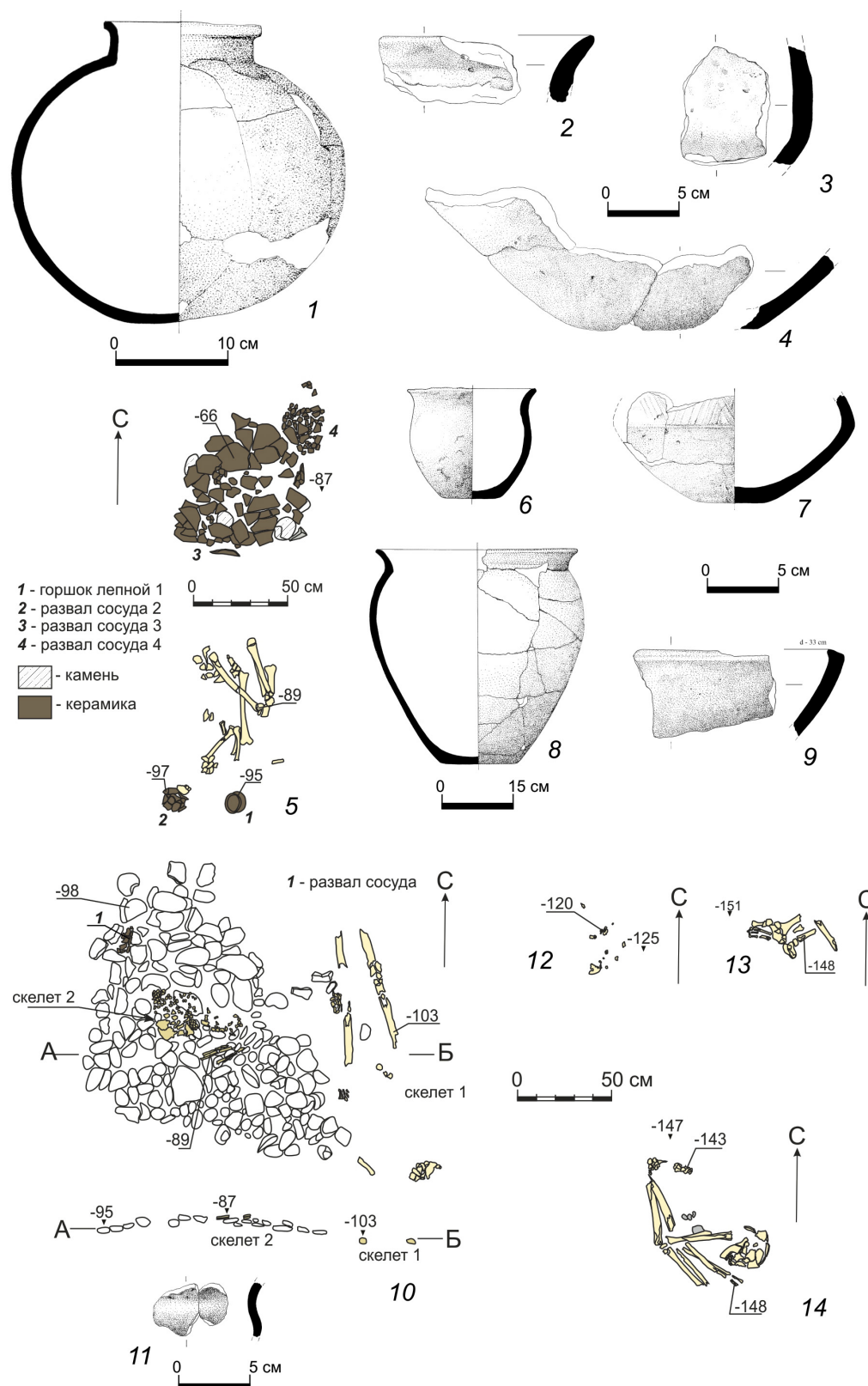

Рис. 4. Курган «Советский 29». Погребения и находки: 1 – развала сосуда 1; 2 – развал сосуда 2; 3 – развал сосуда 3; 4 – развал сосуда 4; 5 – погр. 1, план; 6 – погр. 1, сосуд 1; 7 – погр. 1, сосуд 2; 8 – погр. 1, сосуд 3; 9 – погр. 1, сосуд 4; 10 – погр. 3, план; 11 – погр. 3, венчик из развала сосуда; 12 – погр. 2, план; 13 – погр. 4, план; 14 – погр. 5, план

Fig. 4. Kurgan "Sovietsky 29". Burials and finds: 1 – vessel 1; 2 – vessel 2; 3 – vessel 3; 4 – vessel 4; 5 – burial 1, plan; 6 – burial 1, vessel 1; 7 – grave 1, vessel 2; 8 – burial 1, vessel 3; 9 – burial 1, vessel 4; 10 – burial 3, plan; 11 – burial 3, a corolla of a vessel; 12 – burial 2, plan; 13 – burial 4, plan; 14 – burial 5, plan

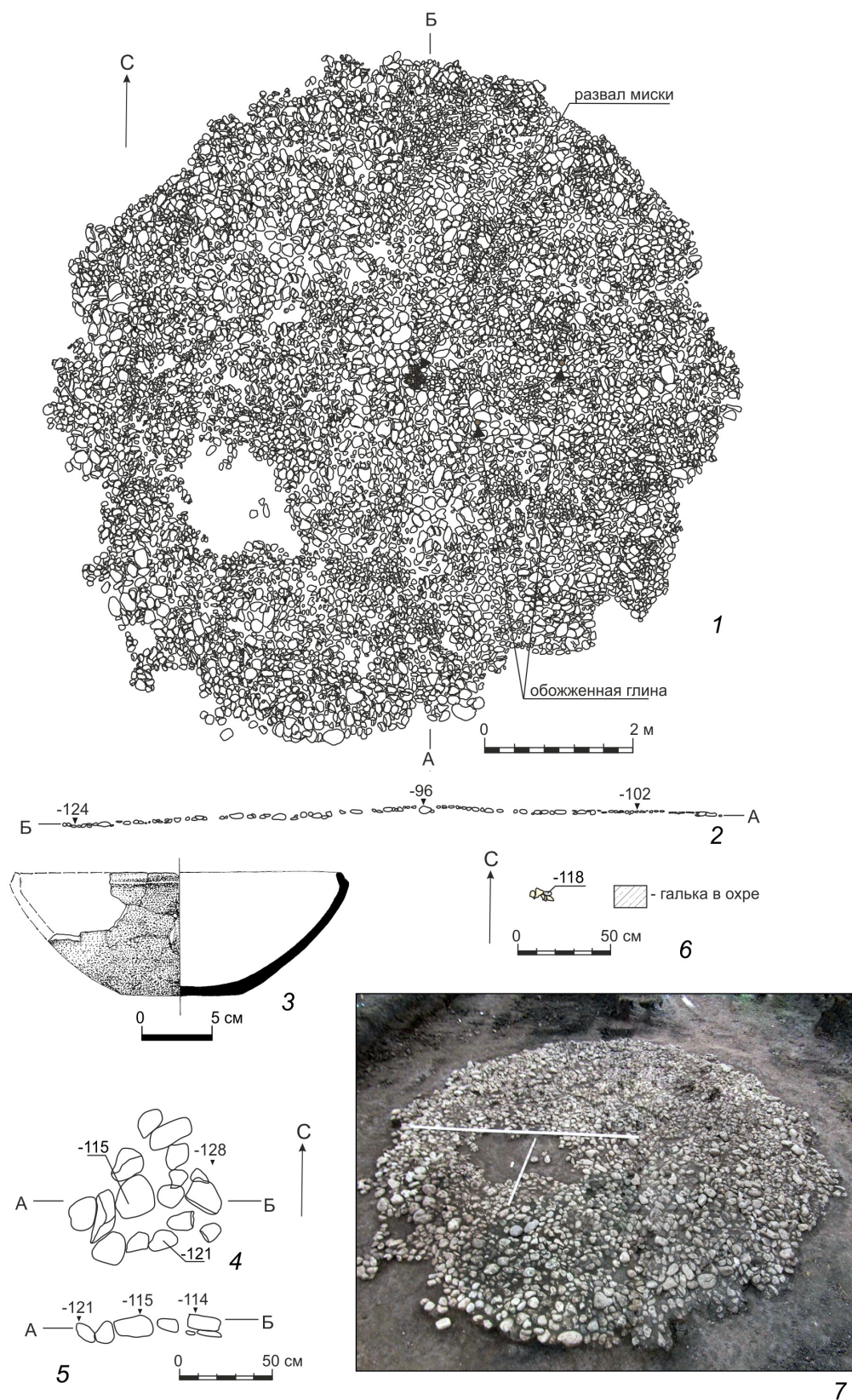
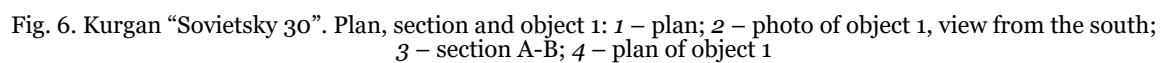

Рис. 5. Курган «Советский 29». Объекты 2 и 3: 1 – объект 2, план; 2 – объект 2, разрез по линии А-Б; 3 – миска под камнями объекта 2; 4 – объект 3, план; 5 – объект 3, разрез А-Б; 6 – объект 4, план; 7 – фото объекта 2, вид с Ю

Fig. 5. Kurgan "Sovietky 29". Objects 2 and 3: 1 – object 2, plan; 2 – object 2, section along line A-B; 3 – a bowl under the stones of object 2; 4 – object 3, plan; 5 – object 3, section A-B; 6 – object 4, plan; 7 – photo of the object 2, view from the south

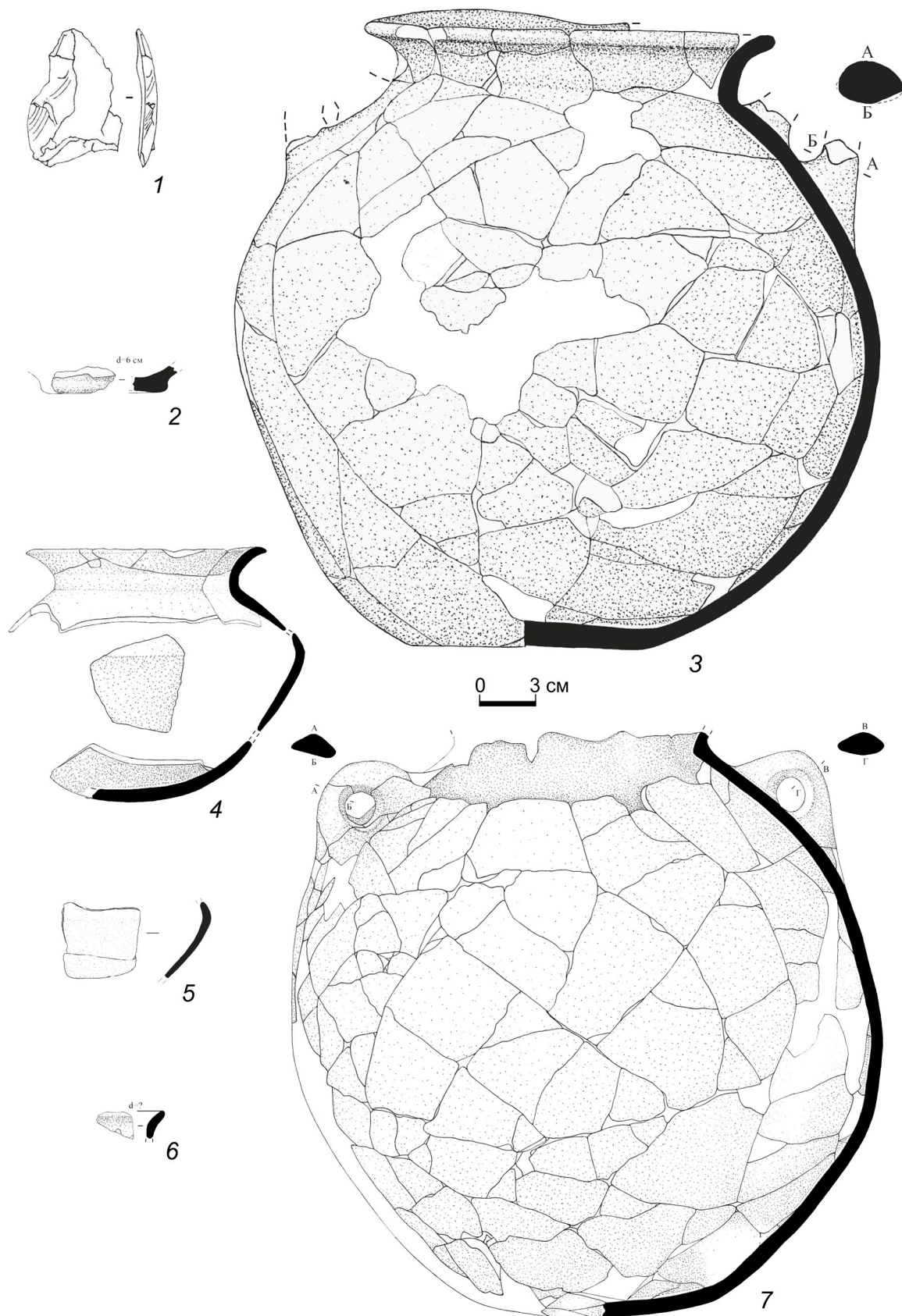

Рис. 7. Курган «Советский 30». Находки: 1 – кремль, находка в северо-восточном секторе. 2, 6 – находки из насыпи; 3 – сосуд 5; 4 – сосуд 1; 5 – сосуд 3; 7 – сосуд 2

Fig. 7. Kurgan "Sovetsky 30". Finds: 1 – flint, found in the northeast sector; 2, 6 – finds from the kurgan; 3 – vessel 5; 4 – vessel 1; 5 – vessel 3; 7 – vessel 2

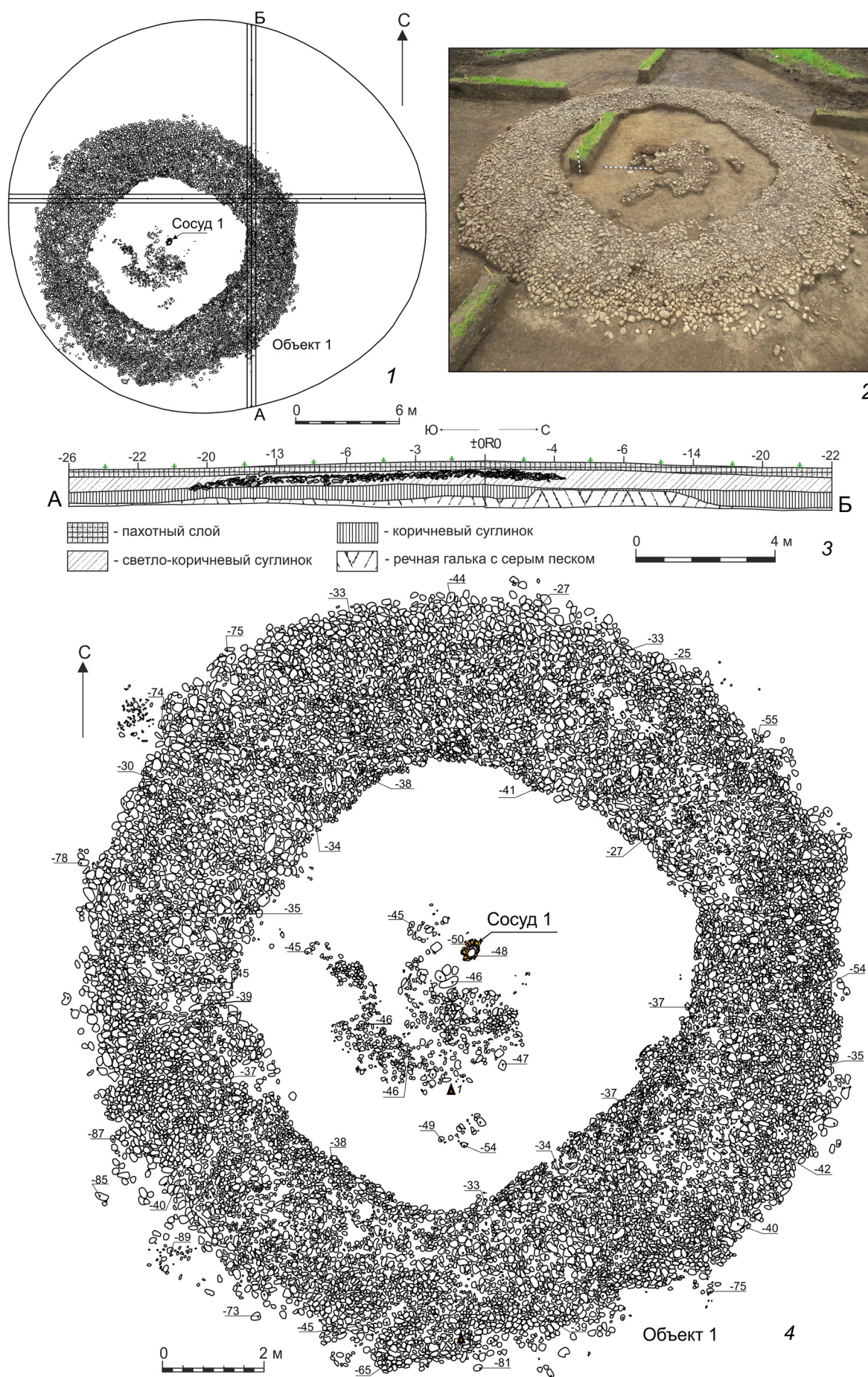

Рис. 8. Курган «Советский 31». План, разрез и объект 1. 1 – план; 2- фото объекта 1, вид с ЮЗЗ; 3 – разрез А-В; 4 – план объекта 1

Fig. 8. Kurgan "Sovietsky 31". Plan, section and object 1. 1 – plan; 2 – photo of object 1, view from the SWW; 3 – section A-B; 4 – plan of object 1

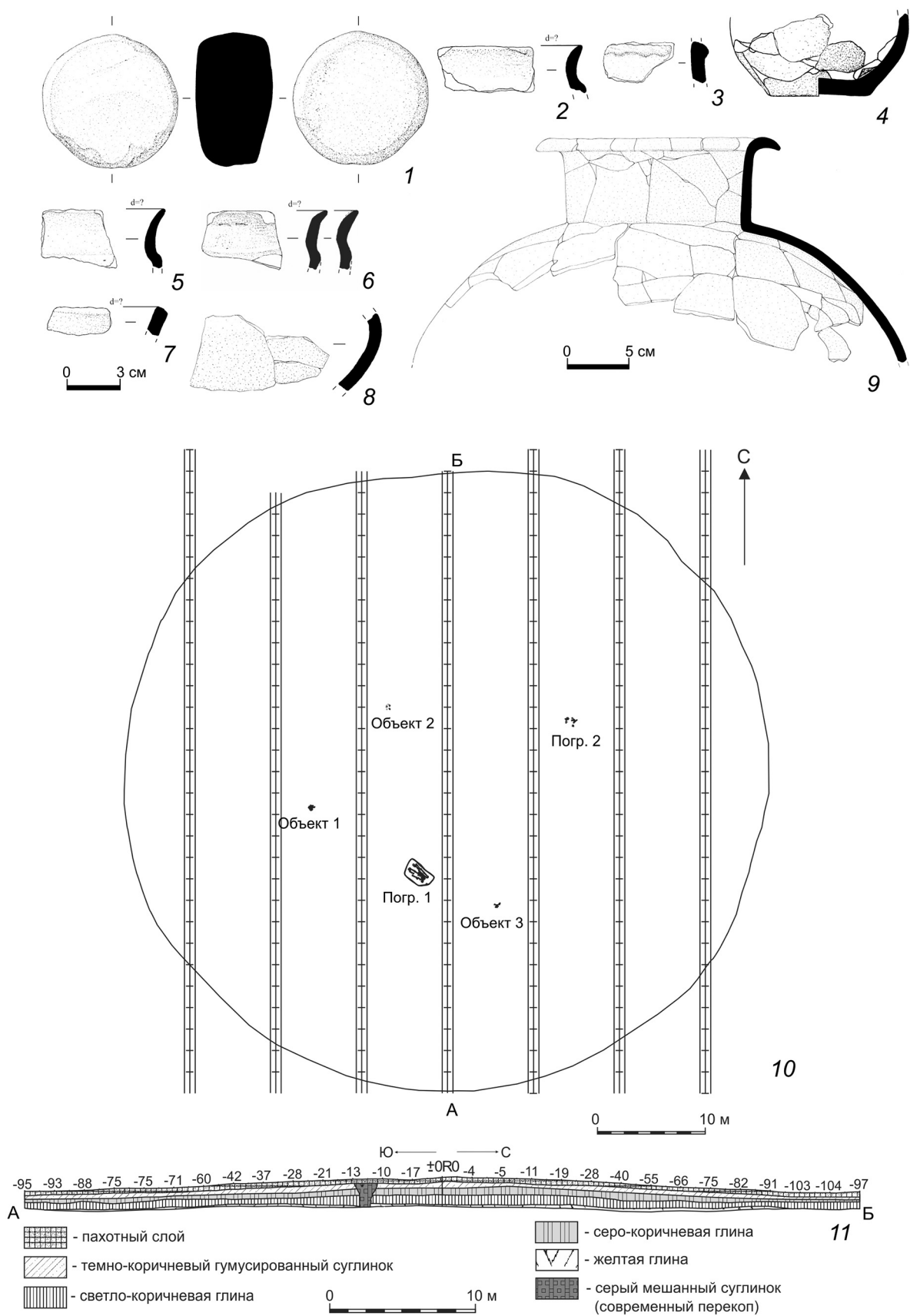

Рис. 9. Курганы «Советский 31» и «Советский 32». 1-9 – курган «Советский 31»: 1-8 – находки среди камней объекта 1; 1 – камень, 2-8 – керамика; 9- сосуд 1; 10,11 – курган «Советский 32»: 10 – план. 11 – разрез А-Б

Fig. 9. Kurgans "Sovietsky 31" and "Sovietsky 32". 1-9 – kurgan "Sovietsky 31": 1-8 – finds among the stones of object 1; 1 – stone, 2-8 – pottery, 9 – vessel 1; 10,11 – kurgan "Sovietsky 32": 10 – plan; 11 – section A-B

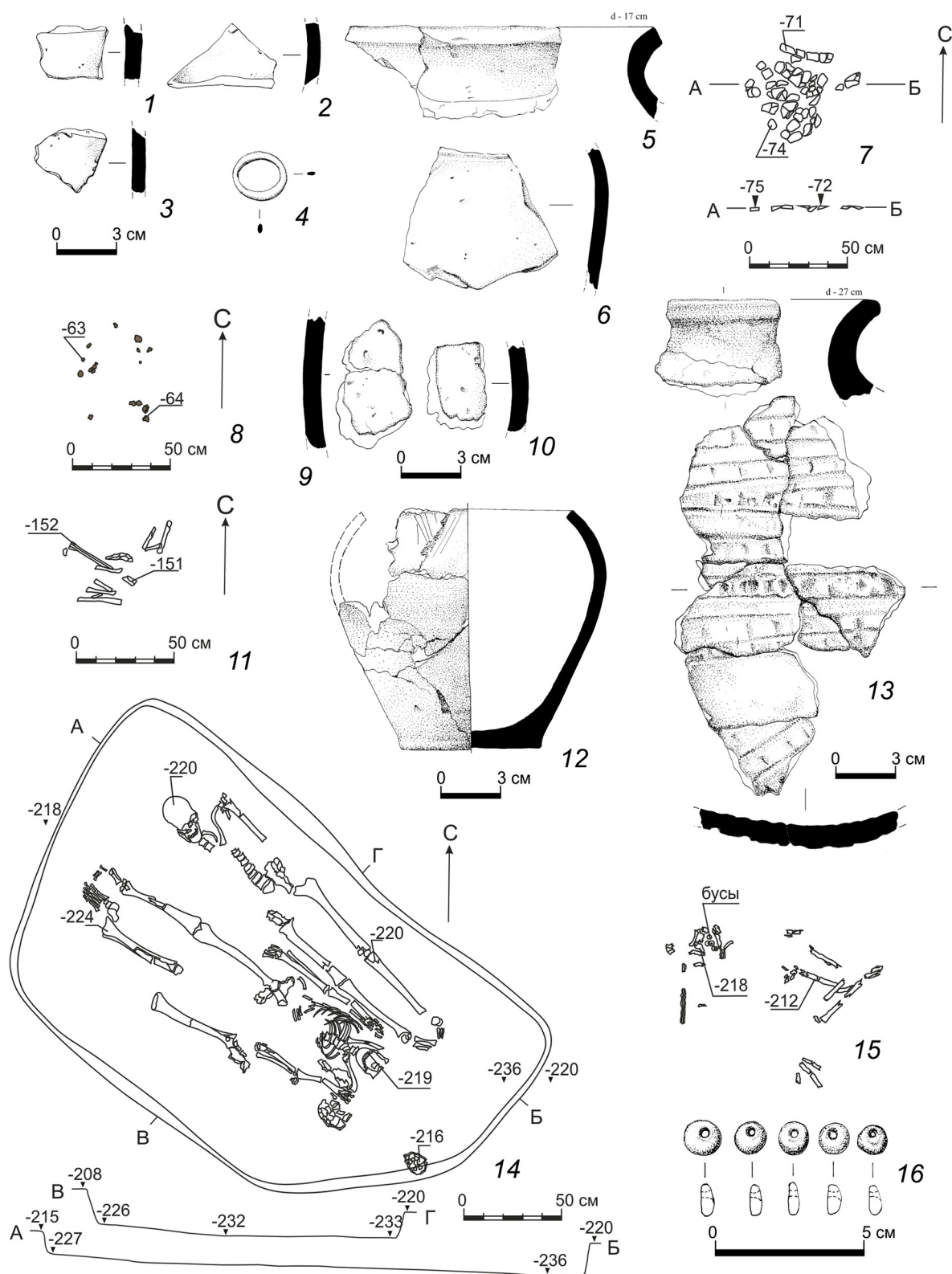

Рис. 10. Курган «Советский 32». Погребения и находки. 1-6 – находки из насыпи: 1-3, 5, 6 – керамика, 4 – бронза; 7 – объект 1, план и разрез по линии А-Б; 8 – объект 2, план; 9, 10 – объект 2, керамика; 11 – объект 3, план; 12 – погр. 1, керамика; 13 – объект 1, керамика; 14 – погр. 1, план и разрезы; 15 – погр. 2, план; 16 – погр. 2, бусы, бронза, олово

Fig. 10. Kurgan "Sovetsky 32". Burials and finds. 1-6 – finds from the kurgan: 1-3, 5, 6 – pottery, 4 – bronze. 7 – object 1, plan and section A-B; 8 – object 2, plan; 9, 10 – object 2, pottery; 11 – object 3, plan; 12 – burial 1, ceramics; 13 – object 1, ceramics; 14 – burial 1, plan and sections; 15 – burial 2, plan; 16 – burial 2, beads, bronze and tin

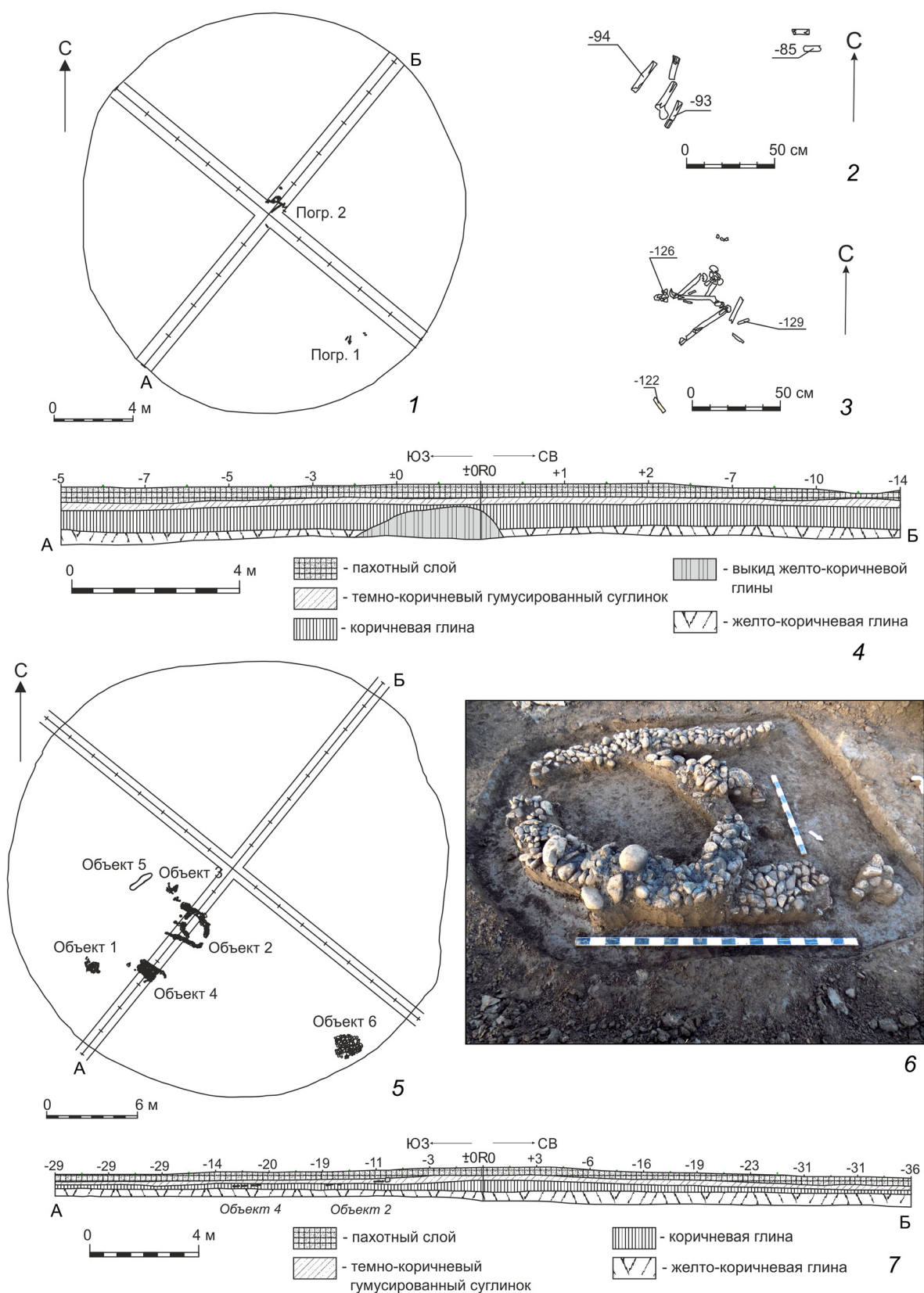

Рис. 11. Планы, разрезы и погребения курганов «Советский 33» и «Советский 34». 1-4 – курган «Советский 33»: 1 – план; 2 – погр. 1, план; 3 – погр. 2, план; 4 – разрез А-Б; 5-7 – курган «Советский 34»: 5 – план; 6 – фото объекта 2, вид с СВ; 7 – разрез А-Б

Fig. 11. Plans, sections and burials of the kurgans “Sovietky 33” and “Sovietky 34”. 1-4 – kurgan “Sovietky 33”: 1 – plan; 2 – burial 1, plan; 3 – burial 2, plan; 4 – section along the line A-B; 5-7 – kurgan “Sovietky 34”: 5 – plan; 6 – photo of the object 2, view from NE; 7 – section A-B

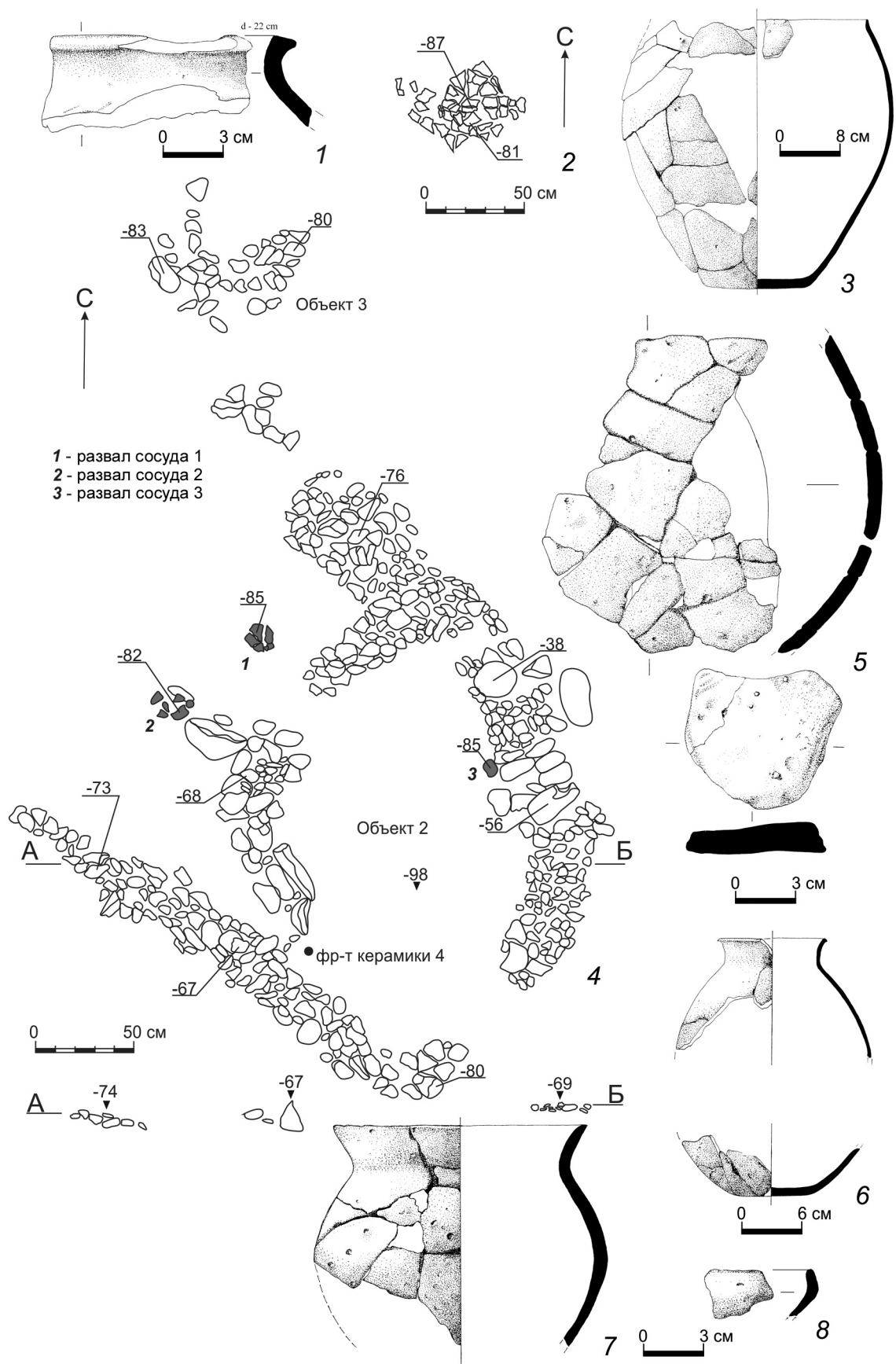

Рис. 12. Курган «Советский 34». Находки и объекты 1-3. 1 – фрагмент керамики из насыпи; 2 – объект 1, план; 3 – объект 1, сосуд; 4 – объекты 2 и 3, план и разрез А-Б; 5 – объект 2, сосуд 1; 6 – объект 2, сосуд 2; 7 – объект 2, сосуд 3; 8 – объект 2, фрагмент керамики

Fig. 12. Kurgan "Sovetskiy 34". Finds and objects 1-3. 1 – fragment of pottery from the kurgan; 2 – object 1, plan; 3 – object 1, vessel; 4 – objects 2 and 3, plan and section A-B; 5 – object 2, vessel 1; 6 – object 2, vessel 2; 7 – object 2, vessel 3; 8 – object 2, pottery fragment

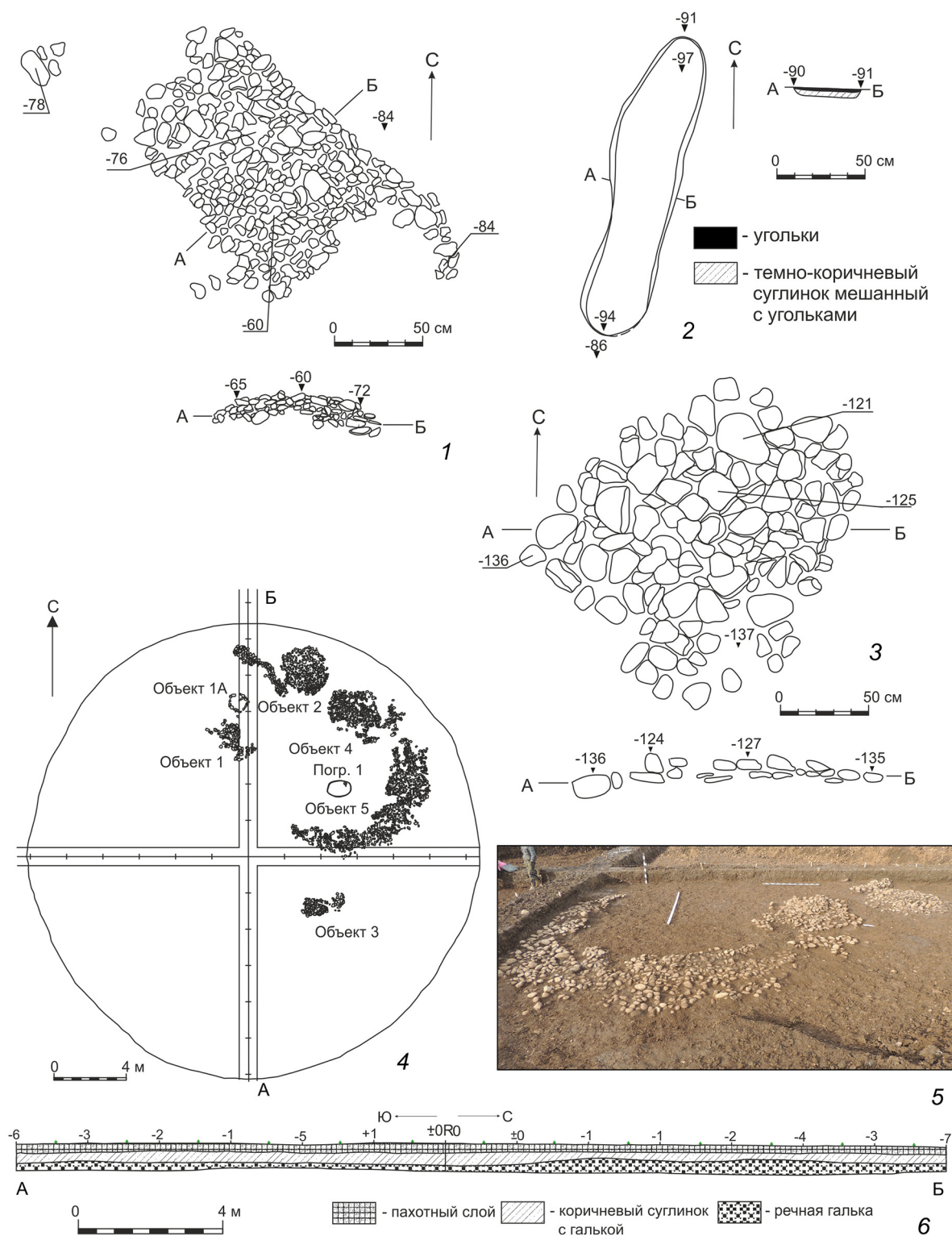

Рис. 13. Объекты 4-6 кургана «Советский 34», план и разрез кургана «Советский 61». 1-3 – курган «Советский 34»: 1 – объект 4, план и разрез А-Б; 2 – объект 5, план и разрез А-Б; 3 – объект 6, план и разрез А-Б; 4-6 – курган «Советский 61»: 4 – план; 5 – фотография каменных конструкций в северо-западном секторе, вид с СЗ; 6 – разрез А-Б

Fig. 13. Objects 4-6 of the kurgan "Sovietsky 34", plan and section of the kurgan "Sovietsky 61". 1-3 – kurgan "Sovietsky 34": 1 – object 4, plan and section A-B; 2 – object 5, plan and section A-B; 3 – object 6, plan and section A-B; 4-6 – kurgan "Sovietsky 61": 4 – plan; 5 – photo of stone structures in the north-western sector, view from NW; 6 – section along the line A-B

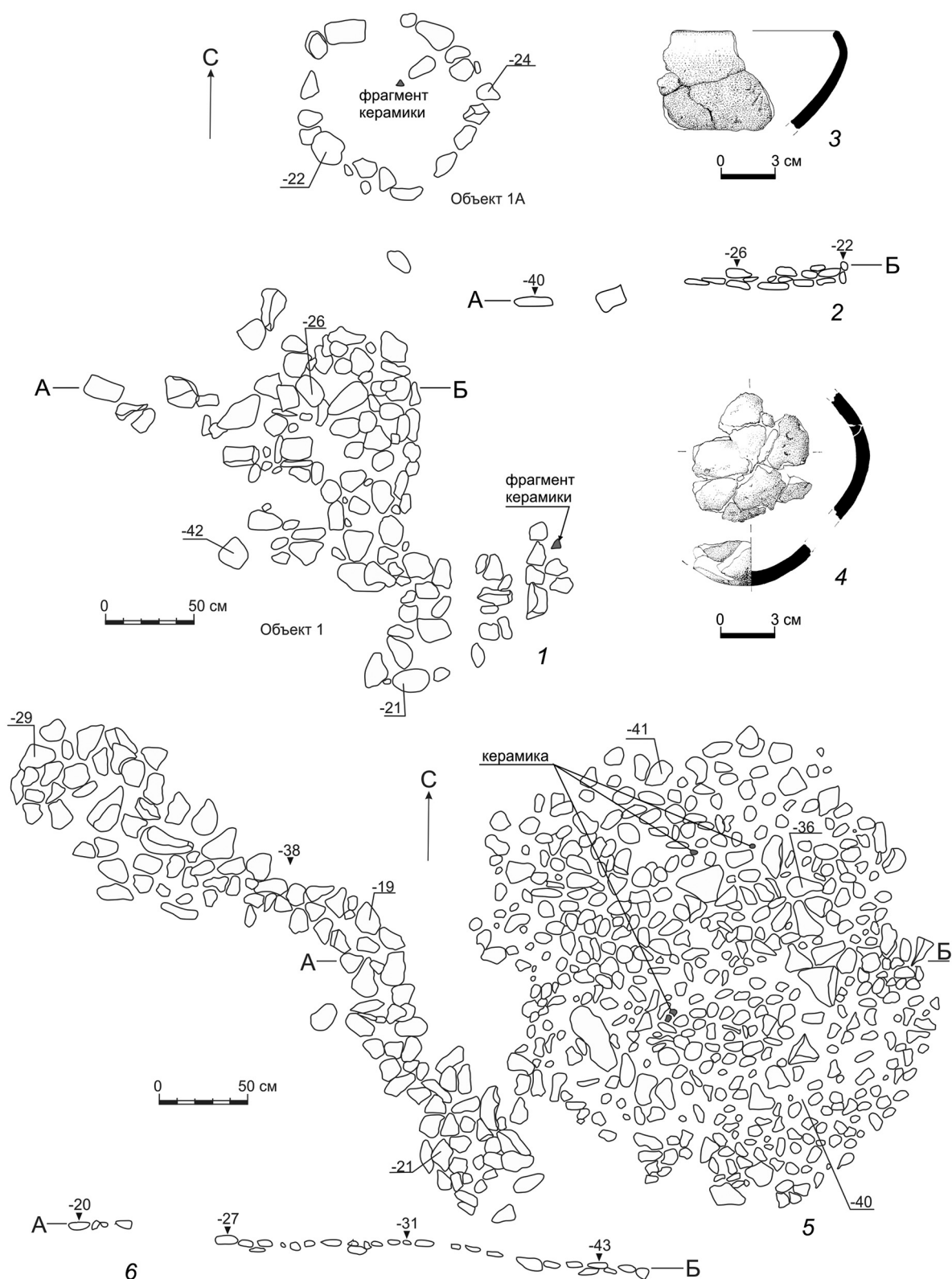

Рис. 14. Курган «Советский 61». Объекты 1, 2 и находки из них: 1 – объекты 1 и 1А, план; 2 – объект 1, разрез А-Б; 3 – объект 1, фрагмент керамики; 4 – объект 2, фрагмент керамики; 5 – объект 2, план; 6 – объект 2, разрез А-Б

Fig. 14. Kurgan "Sovietsky 61". Objects 1, 2 and finds from them: 1 – objects 1 and 1A, plan; 2 – object 1, section A-B; 3 – object 1, pottery fragment; 4 – object 2; pottery fragment; 5 – object 2, plan; 6 – object 2, section A-B

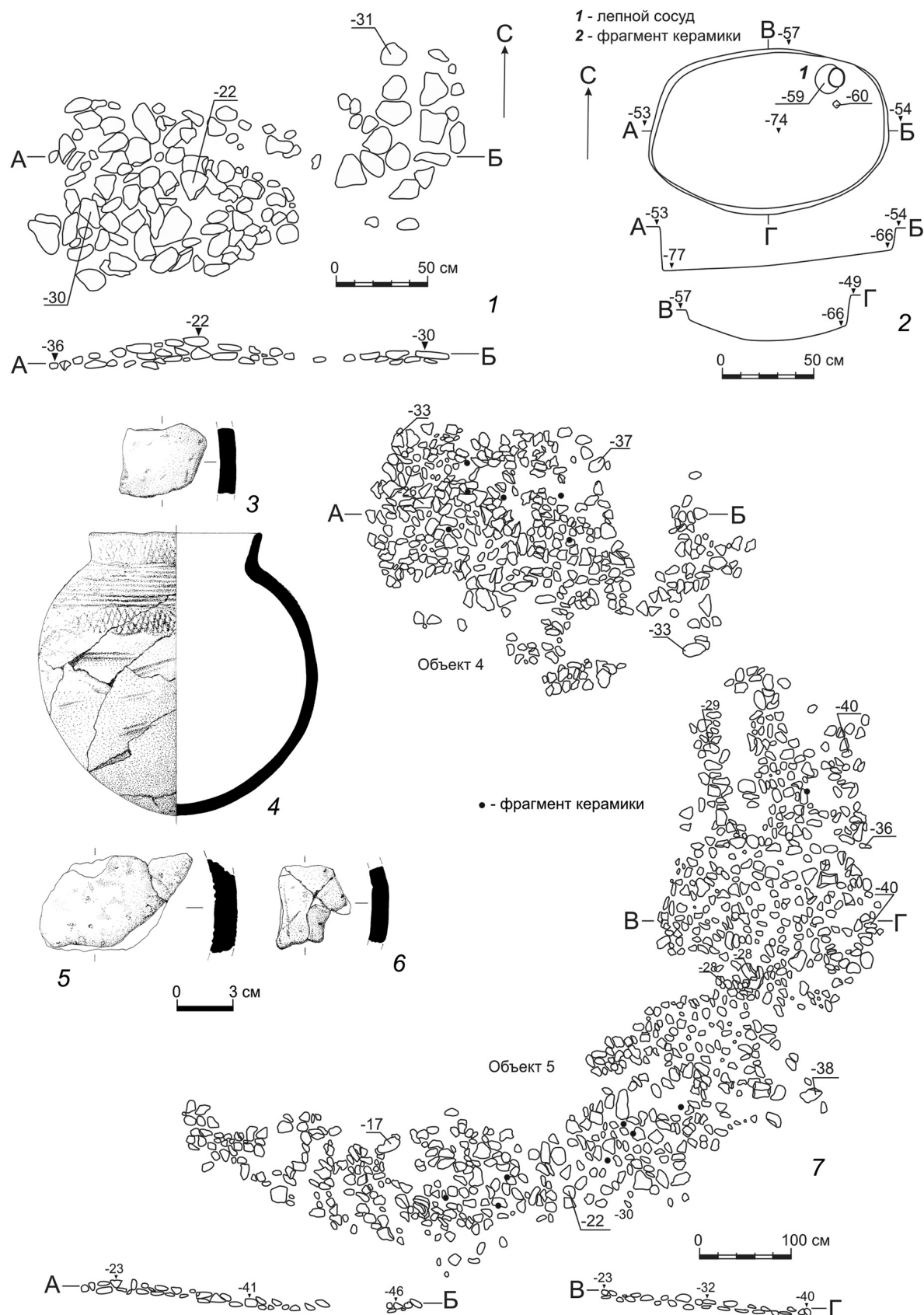

Рис. 15. Кургan «Советский 61». Объекты 3-5 и находки их них: 1 – объект 3, план и разрез А-Б; 2 – погр. 1, план и разрезы А-Б и В-Г; 3 – погр. 1, фрагмент керамики; 4 – погр. 1, лепной сосуд; 5 – объект 4, фрагмент керамики; 6 – объект 5, фрагмент керамики; 7 – объекты 4 и 5, план и разрезы А-Б и В-Г

Fig. 15. Kurgan "Sovetsky 61". Objects 1, 2 and finds from them: 1 – object 3, plan and section A-B. 2 – burial 1, plan and sections A-B and C-D; 3 – burial 1, pottery fragment; 4 – burial 1, molded vessel; 5 – object 4, pottery fragment; 6 – object 5, pottery fragment; 7 – objects 4 and 5, plan and sections A-B and C-D

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Ковалев А.А., Савенко С.Н. Сооружения, погребение и находки майкопского времени в кургане №1 «Могильный» группы Занозина балка у Кисловодска // Древние и средневековые культуры Кавказа: Открытия, гипотезы, интерпретации. Мат-лы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 2022. С. 61–64.
2. Корневский С.Н., Калмыков А.А. Майкопские погребения кургана 22 могильника Айгурский-1 // Российская археология. № 4. 2017. С. 106–123.
3. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. – 393 с.
4. Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е. Погребения эпохи бронзы курганного могильника «Синюха» в Адыгее (предварительные данные) // Шестая Международная Кубанская конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 481–485.
5. Корневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус, 2012. – 248 с.
6. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. – 248 с.
7. Корневский С.Н. К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Кишинев. 2016. С. 199–226.
8. Корневский С.Н. Могильник «Клады» и дискуссия об интерпретации его материалов // МИА Северного Кавказа. Вып. 15. М. 2015. С. 5–38.
9. Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Книга 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 95–100.
10. Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. Классификация мисок поселений Майкопской культуры // Записки Института истории материальной культуры. № 4. 2009. С. 81–88.
11. Корневский С.Н. О хронологии майкопско-новосвободненской общности в свете новых данных и дискуссий // КСИА. Вып. 257. 2019. С. 48–64.
12. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. – 464 с.
13. Корневский С.Н. Традиция порчи сосуда: истоки по данным археологии Предкавказья // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4. 2021. С. 886–911.
14. Бакушев М.А. Отчет о раскопках в Майкопском районе Республики Адыгея поселения «Советское-1», кургана «Северный-18» и кургана «Северный-19» в 2021 году. Т. II. Ростов-на-Дону. 2022. – 227 с.

1. Kovalev AA, Savenko SN. Structures, burial and finds of the Maykop period in the Burial Mound 1 “Mogilny” of the Zanozina Balka group near Kislovodsk. *Ancient and medieval cultures of the Caucasus: Discoveries, hypotheses, interpretations. Materials of the International Scientific Conference on the Archeology of the North Caucasus dedicated to the 125th anniversary of the excavations of the Maykop mound*. Maykop, 2022: 61-64. (In Russ.)
2. Korenevsky SN, Kalmykov AA. Maykop burials of the Burial Mound 22 of the Aigursky-1 burial ground. *Russian Archaeology*. 2017, 4: 106-123. (In Russ.)
3. Munchaev RM. Maykop culture. *Archeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle bronze of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1994. (In Russ.)
4. Erlikh VR, Kovalyov DS, Maslov VE. Burials of the Bronze Age burial mound “Sinyukha” in Adygea (preliminary data). *6th International Kuban Conference: Conference proceedings*. Krasnodar, 2013: 481-485. (In Russ.)
5. Korenevsky SN. *The Birth of the kurgan (funerary monuments of the Eneolithic time of the Ciscaucasia and Volga-Don interfluve)*. Moscow: Taus, 2012. (In Russ.)
6. Korenevsky SN. *The oldest farmers and cattlemen of Ciscaucasia. Maykop-Novosvobodnenskaya community. The problems of internal typology*. Moscow, 2004. (In Russ.)
7. Korenevsky SN. On the question of cups and amphoroid vessels of the Maykop-Novosvobodnenskaya community and the problem of their analogies in the West. *Cultural interactions. Dynamics and meanings*. Chisinau, 2016: 199-226. (In Russ.)
8. Korenevsky SN. The burial ground “Klady” and the discussion about the interpretation of its materials. *Materials and researches on archeology of the North Caucasus*. 2015, 15: 5-28. (In Russ.)
9. Bochkovoy VV, Marchenko II, Limberis NY, Rezepkin AD. Materials of the settlement of Chekon and the classification of ceramics of the Maykop culture. *Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of the outstanding Russian archaeologist M.P. Gрязnov*. Book 2. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture, RAS, “Periferiya”, 2012: 95-100. (In Russ.)
10. Rezepkin AD, Poplevko GN. Classification of bowls of settlements of the Maykop culture. *Notes of the Institute of the History of Material Culture*. 2009, 4: 81-88. (In Russ.)
11. Korenevsky SN. On the chronology of the Maykop-Novosvobodnenskaya community in the light of new data and discussions. *Brief communications of the Institute of Archaeology*. 2019, 257: 48-64. (In Russ.)
12. Archeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Moscow: Nauka, 1989. (In Russ.)
13. Korenevsky SN. The tradition of spoiling the vessel: origins according to the archeological data of Ciscaucasia. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(4): 886-911. (In Russ.)
14. Bakushev MA. *Report on the excavations in the Maykop district of the Republic of Adygea of the settlement “Sovetskoye-1”, the burial mound “Severny-18” and the burial mound “Severny-19” in 2021*. Vol. II. Rostov-on-Don, 2022. (In Russ.)

Поступила в редакцию 19.01.2023 г.
Принята в печать 06.02.2023 г.
Опубликована 30.03.2023.

Recieved 19.01.2023
Accepted 06.02.2023
Published 30.03.2023

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 30.03.2023. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$
Гарнитура Georgia.